E 41/57

E 41/57

Е 41
57

ДАМАСКИНЪ

СЕМЕНОВЪ-РУДНЕВЪ,

ЕПИСКОПЪ НИЖЕГОРОДСКІЙ

(1737—1795);

ЕГО ЖИЗНЬ И ТРУДЫ.

Якова Горожанскаго.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул. д. № 4.
1894.

Изъ журнала „Труды Кіевской дух. Академіи“ за 1893—1894 годъ.

2007043261

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Введеніе . . . . . стр. I—XII

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

1737—1765.

Дѣтскіе годы, ученье и служба.

Скудость свѣдѣній о родинѣ Семенова-Руднева и о первыхъ школьныхъ годахъ его жизни.—Крутицкая семинарія и ея положеніе до 1752 года.—Переходъ Семенова въ Московскую славяно-греко-латинскую академію.—Характеръ академическаго ученія въ то время.—Поступленіе на службу въ крутицкую семинарію.—Положеніе Семенова—учителя.—Педагогическая реформа Екатерины II и ея вліяніе на духовныя школы.—Проектъ организаціи богословскаго факультета. Стр. 1—12.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

1765—1766.

Проэктъ богословскаго факультета.

Первые русскіе люди, учившіеся въ Западной Европѣ, въ эпоху до Петра Великаго.—Образовательныя связи Россіи съ Западомъ съ Петра Великаго.—Посылка въ заграничныя школы духовныхъ и свѣтскихъ людей.—Положеніе этого дѣла въ послѣдующія царствованія до Екатерины II.—Что давало духовнымъ воспитанникамъ заграничное ученіе.—Мысль о посылкѣ семинаристовъ въ заграничные университеты при Екатеринѣ II.—Начало ея осуществленія.—Напрасное недо-

умѣніе по поводу этого дѣла.—Дальнѣйшій ходъ дѣла и выступленіе въ немъ Д. Семенова-Руднева.—Послѣдняя фаза проэкта . . . . . Стр. 13—43.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Начальная исторія геттингенскаго университета.

Общій характеръ исторіи геттингенскаго университета.—Событія въ исторіи ганноверскаго дома въ началѣ XVIII стол. и ихъ политическое значеніе.—Англійскій король Георгъ II въ его отношеніяхъ къ Ганноверу и вопросъ объ основаніи университета.—Обстоятельства, вызвавшія этотъ вопросъ.—Основаніе геттингенскаго университета.—Участіе въ этомъ дѣлѣ супруги короля Георга II.—Роль Г. А. фонъ Мюнхгаузена.—Особенности внѣшняго и внутренняго положенія геттингенскаго университета. . . . . Стр. 44—57

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

1766—1773.

Русскіе студенты заграницей и ихъ дальнѣйшая судьба въ связи съ проэктомъ богословскаго факультета.

Русскіе студенты въ Геттингенѣ.—Свидѣтельства профессоровъ объ ихъ занятіяхъ.—Вторичная аттестація русскихъ студентовъ изъ Геттингена, Оксфорда и Лейдена.—Студенты, возвращенные по болѣзни, и ихъ дальнѣйшая судьба.—Распоряженіе объ экзаменѣ и пріѣздъ геттингенскихъ студентовъ; ихъ положеніе въ Петербургѣ.—Назначеніе экзаменаторовъ.—Отчетъ Семенова о своихъ занятіяхъ въ геттингенскомъ университетѣ.—Занятія другихъ студентовъ.—Характеристики геттингенскихъ профессоровъ.—Докладъ коммиссіи о духовныхъ имѣніяхъ о результатахъ экзамена и мнѣніе о богословскомъ факультетѣ.—Рѣшеніе Екатерины II.—Дальнѣйшія подробности заграничной жизни остальныхъ рус-

скихъ студентовъ.—Конецъ исторіи богословскаго факультета. . . . . Стр. 58—91.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

1771—1773.

Геттингенскіе труды Семенова-Руднева.

Нѣмецкій переводъ лѣтописи Нестора.—Изданіе трактата Ѳеофана Прокоповича „De processione Spiritus Sancti“.—Переводъ на латинскій языкъ богословіи архіеп. Платона.—Переводъ разсужденія Сульцера „О полезномъ съ юношествомъ чтеніи древнихъ классическихъ писателей“ . Стр. 92—121.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

1774—1782.

Дамаскинъ-префектъ и ректоръ московской академіи.

Принятіе монашества.—Хронологія внѣшнихъ событій московскаго періода жизни Дамаскина.—Составъ академическихъ учителей.—Роль арх. Платона въ учебно-воспитательной дѣятельности академіи.—Преподаваніе Дамаскиномъ философіи, богословія и нѣмецкаго языка въ академіи.—Заботы объ академической библіотекѣ.—Ученые диспуты.—Труды по цензурѣ книгъ.—Начало литературныхъ обществъ съ царствованія Екатерины II.—Исторія „Вольнаго Россійскаго Собранія“ при московскомъ университетѣ.—Отношеніе Дамаскина къ дѣятельности этого общества.—Изданіе сочиненій Ломоносова.—Понятія Дамаскина о свойствахъ и требованіяхъ литературнаго языка, выразившіяся въ этомъ трудѣ.—Изданіе поучительныхъ словъ и друг. сочиненій арх. Платона. — Назначеніе Дамаскина на Епископскую каѳедру. . . . . Стр. 122—158.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

1782—1783.

Дамаскинъ—епископъ Сѣвскій.

Учрежденіе сѣвской епархіи.—Обстоятельства, вызвавшія устройство сѣвской семинаріи Амвросіемъ Подобѣдовымъ.—Состояніе сѣвской епархіи въ періодъ управленія Дамаскина.—Отношеніе Дамаскина къ епархіальнымъ дѣламъ.—Заботы о семинаріи и отношенія семинаріи къ Дамаскину; современныя свидѣтельства.—Участіе Дамаскина въ дѣлѣ о перенесеніи орловскаго Введенскаго монастыря въ городъ Брянскъ. . . . . Стр. 159—173.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

1775—1782.

Проповѣди Дамаскина.

Сужденіе о проповѣдничествѣ Дамаскина.—Проповѣди: „О Божескихъ къ Россіи благодѣяніяхъ“; „О средствахъ утѣшенія въ прискорбной жизни“; „О любви къ отечеству“; „О причинахъ невѣрія“; „Объ истинномъ гражданинѣ“; „О томъ, что правда возвышаетъ народъ, а грѣхи уменьшаютъ его“; „О нуждѣ удовлетворенія Христова за всякаго человѣка“; „О подражаніи Христу“; „О поправленіи народнаго характера“; „О вредности и опасности непомѣрныхъ гуляній“; „О распространеніи всеобщаго блага“; „О томъ, какъ намъ лучшимъ образомъ умирать“; „О чаяніи будущей жизни“; О побужденіяхъ Апостоловъ слѣдовать за Христомъ. Благодарственная рѣчь Екатеринѣ II по посвященіи во епископа. Рѣчь и два разсужденія Дамаскина . . . . . Стр. 174—213.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

1783—1794.

Дамаскинъ—епископъ нижегородскій.

Вѣроятная причина перевода Дамаскина въ Н. Новгородъ.—Чѣмъ вызвано было учрежденіе нижегородской епархіи.—Задача Дамаскина на нижегородской каѳедрѣ.—Чѣмъ началась дѣятельность Дамаскина въ Н. Новгородѣ.—Отношенія къ духовенству вообще и къ дѣламъ о замѣщеніи мѣстъ въ епархіи; другія дѣла.—Дѣла съ раскольниками и отношеніе Дамаскина къ расколу; непріятности отъ раскольниковъ.—Отношенія къ духовнымъ школамъ и въ частности къ семинаріи.—Учрежденіе нижегородской семинаріи и первый періодъ ея исторіи.—Мѣры къ поднятію образованности духовенства чрезъ семинарію.—Матеріальное положеніе нижегородской семинаріи и возвышеніе ея въ учебномъ отношеніи.—Семинарская библіотека.—Отношеніе Дамаскина къ переходу семинаристовъ въ университетъ.—Семинарскіе диспуты.—Догадка о причинахъ слабаго возвышенія Дамаскина въ духовной іерархіи и ея неосновательность. Стр. 214—239.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

1783—1795.

Учено-литературные труды Дамаскина въ Н. Новгородѣ и послѣдніе годы его жизни.

Дамаскинъ—членъ россійской академіи.—Филологическіе интересы прошлаго вѣка заграницею и въ Россіи.—Филологическія занятія Екатерины II.—Рескриптъ Дамаскину.—Составленіе словаря инородческихъ языковъ; составъ этого труда.—Библіографическія занятія Дамаскина въ области исторіи русской литературы.—Начало нашей исторіи литера-

туры и послѣдующіе труды въ этой области.—Очеркъ русской „ученой исторіи“ и его слабая сторона.—Причины строгаго отношенія Дамаскина къ древне-русскому просвѣщенію.—Характеръ библіографическаго описанія книгъ въ „Библіотекѣ россійской“ и примѣры; полнота „Библіотеки“.—Переводъ изъ Л. Алляція.—Проповѣди.—Мнѣніе о причинахъ охлажденія Екатерины II къ Дамаскину и разборъ его.—Болѣзнь Дамаскина и прошеніе объ увольненіи на покой; результатъ прошенія.—Послѣдніе годы жизни Дамаскина въ московскомъ Покровскомъ монастырѣ и кончина.—Заключительная характеристика Дамаскина. . . . . Стр. 240—294.

ВВЕДЕНІЕ.

Представляясь Станиславу Августу Понятовскому, 27 іюня 1765 года, извѣстный Георгій Конисскій сказалъ великолѣпную рѣчь, которая тогда же обратила на него вниманіе всей Европы. „Много ли такихъ, какъ вы, умныхъ людей въ Россіи"? спросилъ король за обѣдомъ. „Я самый послѣдній", отвѣчалъ епископъ [1]). Такой отвѣтъ подсказанъ былъ, безъ сомнѣнія, столько же величайшею скромностію знаменитаго проповѣдника, сколько и умѣньемъ его обращаться съ политиками. Можетъ быть, этого послѣдняго качества не имѣлъ Дамаскинъ Семеновъ—Рудневъ, но зато онъ несомнѣнно принадлежитъ къ небольшому числу скромныхъ и дѣйствительно *умныхъ* современниковъ архіепископа бѣлорусскаго. И если справедлива мысль, что нѣтъ возможности правильно понять эпоху безъ исторіи отдѣльныхъ личностей, которыя служили представителями и выразителями того или другого ея теченія, и то сами подчинялись такому теченію, то, въ свою очередь, могли сильно вліять на него своимъ личнымъ, индивидуальнымъ характеромъ; то этого уже достаточно, чтобы оправдать появленіе біографіи замѣчательнаго ученаго епископа; она,—кажется намъ,—тѣмъ болѣе необходима, что почти сто лѣтъ отдѣляютъ насъ отъ того года (1795), въ которомъ закончилъ

[1]) *Ѳ. Уманецъ*, Понятовскій и Репнинъ. Древн. и Нов. Рос. 1875 г. № 6, стр. 214.

свое земное поприще преосв. Дамаскинъ,—одинъ изъ самыхъ талантливыхъ дѣятелей русской науки и духовной литературы въ эпоху Екатерины II,—а между тѣмъ мы знаемъ о немъ такъ мало, что эта выдающаяся по своему уму и образованію личность совершенно еще не выдвинута въ ряды славныхъ духовныхъ ученыхъ XVIII стол. Нѣтъ нужды объяснять здѣсь указанное явленіе: такую судьбу Дамаскинъ раздѣляетъ со многими своими современниками, которые также еще ожидаютъ правдивой, безпристрастной оцѣнки своей дѣятельности отъ потомства.

Не принимая на себя смѣлой, хотя и заманчивой задачи—нарисовать образъ выдающагося іерарха, какъ ученаго и писателя, и опредѣлить его мѣсто въ ряду другихъ современныхъ ему дѣятелей русской науки и литературы, авторъ настоящаго изслѣдованія будетъ удовлетворенъ, если своимъ трудомъ вызоветъ въ другихъ интересъ къ болѣе серіозному изученію жизни и дѣятельности преосвящ. Дамаскина, въ связи съ этой знаменательной эпохой, въ которую онъ жилъ.

Избравъ личность Дамаскина Семенова-Руднева предметомъ спеціальнаго изученія, мы должны прежде всего сказать, что печатная литература, посвященная ему, бѣдна и количествомъ, и качествомъ; вся она исчерпывается слѣдующими статьями:

1) *Древняя Россійская Вивліоѳика*, изд. Н. Новиковымъ. Изд. 2-е, ч. XVIII, 1791 г., стр. 100—105. Въ біографическомъ спискѣ іерарховъ нижегородскихъ 13-мъ стоитъ Дамаскинъ Семеновъ-Рудневъ. Заключающимися здѣсь краткими свѣдѣніями начинается рядъ печатныхъ біографическихъ извѣстій о Дамаскинѣ. Свѣдѣнія эти автобіографическаго характера, о чемъ можно заключать по припискѣ въ Вивліоѳикѣ (стр. 201), свидѣтельствующей, что помѣщенный въ изданіи Новикова „Нижегородскій лѣтописецъ“ (стр. 72—94), „Нижегородская іерархія“ (стр. 94—105), „О семинаріи нижегородской“ (стр. 105—106) и другія статьи съ приложеніями „сообщены отъ преосвященнаго Дамаскина, епископа нижегородскаго,

1791 года“ [1]). Изъ Вивліоѳики дословно выписана указанная статья о Дамаскинѣ въ Матеріалахъ къ словарю писателей, м. Евгенія, поступившихъ изъ древнехранилища Погодина въ Публичную библіотеку, т. I. Здѣсь, между прочимъ, указаны слѣдующіе труды Дамаскина: изданіе книги Ѳ. Прокоповича о происхожденіи Св. Духа; переводъ на лат. языкъ Богословіи преосв. Платона; переводъ съ нѣм. яз. сочиненія Сульцера; изданіе сочиненій Ломоносова и проповѣдей митр. Платона, а также 1-го тома своихъ проповѣдей.

2) *Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина*, м. Евгенія. Т. I, изд. 2-е, Спб. 1827 г., стр. 106—110. Еще въ 1801 году у Евгенія собраны были свѣдѣнія о литературныхъ трудахъ Дамаскина, каковыя онъ и сообщилъ тогда же гр. Д. П. Хвостову, по просьбѣ послѣдняго (*Е. Шмурло*, Митроп. Евгеній какъ ученый. Спб. 1888, стр. 360—361). По этимъ свѣдѣніямъ составлена статья о Дамаскинѣ и въ словарѣ. Сказанное здѣсь служило главнымъ источникомъ для позднѣйшихъ біографій Дамаскина и, между прочимъ, цѣликомъ почти вошло въ предисловіе къ изданію „Библіотеки Россійской“ въ „Памятникахъ древней письменности“ 1881 г., вып. XI (ср. стр. I—V предисловія). Митр. Евгенію были неизвѣстны, а потому и не упомянуты въ словарѣ „Библіотека Россійская“ и рукописные труды, указанные въ „обзорѣ духовн. литературы“ Филарета, кн. 2. изд. 3-е, стр. 366.

3) *Исторія Россійской іерархіи*, Амвросія. Изд. 2-е, Кіевъ, 1827 г., стр. 150, 207 и 325—краткія упоминанія о Дамаскинѣ (въ 5—8 строкъ) въ спискѣ членовъ москов. синодальной конторы, сѣвскихъ архіереевъ и нижегородскихъ.

4) *Энциклопедическій лексиконъ* А. А. Плюшара. Т. XV

---

[1]) Составитель „Исторіи нижегородской іерархіи“ ошибается, утверждая, что „кратчайшія о Н. Новгородѣ извѣстія“ сообщены Новикову преосв. Антоніемъ (См. Исторію нижг. іер., стр. 154).

Спб. 1838, стр. 321—323. Статья В. П. (Василія Тимоѳ. Плаксина).

Статья вообще оставляетъ какое-то смутное впечатлѣніе въ читателѣ. Наряду съ свѣдѣніями достовѣрными, авторъ, топомъ авторитетнаго человѣка, высказываетъ и такія, которыя обличаютъ заимствованіе изъ вторыхъ рукъ и весьма слабое знаніе предмета. Къ грубымъ ошибкамъ автора нужно отнести названіе *съвской* епархіи, куда назначенъ былъ Дамаскинъ въ 1782 году, *съверскою* (стр. 322, столб. 2) и заключительныя слова статьи: „Самымъ важнѣйшимъ его (Дамаскина) трудомъ было изданіе сочиненій (чьихъ?), которыя были разбросаны и которыя онъ собралъ и напечаталъ въ 3 частяхъ въ 4-о, въ 1788 году“ (стр. 323). Очевидно, здѣсь разумѣются сочиненія Ломоносова, изданіе которыхъ (въ 1778 г.) вовсе не составляетъ важнѣйшаго труда Дамаскина. „Библіотека Россійская“ неизвѣстна была автору статьи, а равно неизвѣстны и другіе труды, составленные Дамаскиномъ въ Нижнемъ Новгородѣ.

5) *Исторія Московской Славяно-греко-латинской Академіи*, С. Смирнова. М. 1855, стр. 182; 237; 273; 293; 300; 319, 321; 336; 351—352; 353—354; 362. Къ сожалѣнію, коротенькія замѣтки о Дамаскинѣ, разсѣянныя здѣсь, даютъ слишкомъ мало для выясненія ученыхъ и административныхъ заслугъ Семенова-Руднева, какъ профессора, префекта и ректора академіи.

6) *Исторія нижегородской іерархіи*, архимандр. Макарія. Спб. 1857 г., стр. 160—180. Біографія эта напечатана была впервые въ Нижегор. Губ. Вѣдом. 1849 г., ч. неоф., №№ 6, 7 и 9, стр. 21—24; 25—28; 33—35; въ „Исторіи“ она помѣщена съ самыми незначительными сокращеніями. Это первая довольно полная и обстоятельная біографія Дамаскина, свидѣтельствующая о знакомствѣ ея составителя не только съ письменными первоисточниками (хотя и не со всѣми), но и съ *устными разсказами и преданіями* о нижегородскомъ

епископѣ; она и до сего времени не утратила своего значенія. Достовѣрность устнаго матеріала, вошедшаго въ эту книгу, касательно Дамаскина, не вездѣ могла быть провѣрена нами на мѣстѣ, не смотря на всѣ наши старанія, ибо самыя преданія уже заглохли въ памяти новѣйшаго поколѣнія, а письменныя свидѣтельства молчатъ... Есть, впрочемъ, и въ этой біографіи не мало, фактическихъ погрѣшностей, на что мы при случаѣ указываемъ въ своемъ мѣстѣ.

7) *Исторія С.-Петербургской духовной Академіи*, И. Чистовича. Спб. 1857, стр. 62—68. Здѣсь кратко излагается дѣло о посылкѣ при Екатеринѣ II семинаристовъ въ заграничные университеты и дальнѣйшая судьба ихъ по возвращеніи въ Россію. О. Дм. Семеновѣ—весьма кратко.

8) *Обзоръ русской духовной литературы*, Филарета, архіеп. Черниговскаго. 1863, кн. II, стр. 119—121 (изд. 3-е, 1884 г., кн. II, стр. 365—366). Статья представляетъ весьма краткій библіографическій обзоръ сочиненій и изданій Дамаскина, съ присущею автору мѣткостью характеристики.

9) *Настольный словарь* Ф. Толля. Т. I. Спб., 1863, стр. 786. 11 строкъ и столько же ошибокъ.

10) *Проектъ богословскаго факультета при Екатеринѣ II*, Вѣсти. Европы 1873 г. № 11, стр. 300—317. Статья Х. (А. И. Забѣлина). На основаніи рукописи, хранящейся въ архивѣ Св. Синода (№ 361, 1772 г.), здѣсь довольно подробно изложенъ ходъ дѣла объ основаніи въ Москвѣ богословскаго факультета и о посылкѣ семинаристовъ заграницу. Личность Дмитрія Семенова (Дамаскина) справедливо выдвинута изъ ряда другихъ, какъ выдающаяся. Статья въ свое время была цѣнна потому, что составлена исключительно по архивнымъ матеріаламъ.

11) *Исторія Россійской Академіи*, М. И. Сухомлинова. Вып. 1-й. Спб. 1874, стр. 139—183. Въ статьѣ заключаются свѣдѣнія о пребываніи Семенова въ Геттингенѣ, объ универси-

тетскихъ курсахъ и ученыхъ занятіяхъ его, объ изданіяхъ Дамаскинымъ сочиненій русскихъ писателей и о „Библіотекѣ Россійской“, причемъ здѣсь вполнѣ напечатана характеристика русской литературы и образованности, помѣщенная Дамаскинымъ въ началѣ его библіографическаго труда, подъ названіемъ: „Краткое описаніе россійской ученой исторіи“. Цѣнны также примѣчанія къ этой статьѣ (№№ 172—198, стр. 407—412), въ которыхъ указаны изданія и сочиненія, заключающія въ себѣ свѣдѣнія о жизни и трудахъ Дамаскина Семенова-Руднева, а также о геттингенскомъ университетѣ. Приведенныя въ статьѣ характеристики нѣкоторыхъ профессоровъ геттингенскаго университета, извлеченныя изъ нѣмецкихъ источниковъ, представляютъ особенный интересъ для русскаго читателя.

12) *Русскій Энциклопедич. Словарь* И. Н. Березина. Вып. V, тетр. 1. Спб. 1874; стр. 67.

Статейка составлена по Плаксину, ибо ошибки тѣ же, но короче (25 строкъ).

13) *Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ*, С. Соловьева. Т. XXVI, М., 1876, стр. 318—319. Краткое упоминаніе о посылкѣ воспитанниковъ духовныхъ школъ въ 1765 г. въ заграничные университеты, причемъ приведена инструкція, данная студентамъ, посланнымъ въ Англію; но о Семеновѣ здѣсь нѣтъ никакихъ свѣдѣній.

14) *Справочный словарь русскихъ писателей и ученыхъ*, умершихъ въ XVIII и XIX стол., Г. Геннади. Т. I. (А—Е). Берлинъ, 1876; стр. 278.

15) *Рукописный пяти-язычный словарь* въ Нижегородской семинарской библіотекѣ и его происхожденіе, А. Можаровскаго. Рус. Стар. 1878 г., т. XXIII, стр. 705—707. Здѣсь разсказана исторія происхожденія этого словаря, составленнаго Дамаскинымъ.

16) *Духовныя школы въ Россіи до реформы 1808 года*, П. Знаменскаго. Казань, 1881 г., стр. 495; 548; 600—601; 628; 647; 766—767; 775; 781; 796. Отрывочныя свѣдѣнія о Дамаскинѣ, взятыя изъ другихъ указанныхъ выше сочиненій.

17) *Исторія русской словесности*, И. Порфирьева. ч. II, отд. II. Казань, 1884 г., стр. 373—374; 378—379. Весьма краткія и отчасти сбивчивыя свѣдѣнія и Дамаскинѣ, компилятивнаго характера.

18) *Русская наука и національный вопросъ въ XVIII вѣкѣ*, А. Пыпина. Вѣстн. Евр. 1884 г., № 7, стр. 108—110. Краткія біографическія свѣдѣнія и указанія на историко-литературные труды Дамаскина сдѣланы по исторіи Рос. Академіи г. Сухомлинова. Невѣрно показанъ здѣсь, какъ и въ другой статьѣ *Вѣстника Европы* (1892 г., № 1, стр. 430), годъ рожденія Семенова-Рудиева 1735-й вмѣсто 1737-го.

19) *Словарь писателей средняго и новаго періодовъ русской литературы*, А. В. Арсеньева. Спб. 1887 г., стр. 113—114. Весьма краткія библіографическія свѣдѣнія. Статья эта упоминается здѣсь только для полноты обзора.

20) *Историческое описаніе ставропигіальнаго второкласснаго Заиконоспасскаго монастыря въ Москвѣ*, А. Ковалева. М. 1887 г., стр. 72—73. Статья въ 25 строкъ.

21) *Адресъ-календарь нижегородской епархіи*, діак. П. Снѣжницкаго. Н. Новгор. 1888 г., стр. 145—148. Довольно неудачное сокращеніе сказаннаго о Дамаскинѣ у архим. Макарія въ „Истор. нижегор. іерархіи“.

22) *Описи рукописныхъ собраній въ книгохранилищахъ сѣверной Россіи*, А. Е. Викторова. Изд. Археограф. коммиссіи. Спб. 1890, стр. 323. Выписано названіе пяти-язычнаго рукописнаго словаря, составленнаго Дамаскинымъ, и самыя краткія свѣдѣнія о составѣ его.

23) *Сочиненія М. В. Ломоносова*, съ объяснит. примѣчаніями акад. М. И. Сухомлинова. Изд. Имп. Ак. Н. Т. I. Спб. 1891. На стр. IV—V предисловія небольшая замѣтка объ изданныхъ Дамаскинымъ сочиненіяхъ Ломоносова; ср. стр. VII.

Самыя цѣнныя въ біографическомъ и историко-литературномъ отношеніи статьи, указанныя подъ цифрами 6, 10 и 11.

Сочиненія и изданія Дамаскина Семенова-Руднева, извѣстныя доселѣ въ печати, суть слѣдующія:

1) Переводъ нѣкоторыхъ отрывковъ изъ лѣтописи Нестора на нѣмецкій языкъ, напеч. въ соч. *Ioh. Christ. Gatterers.* Einleitung in die synchronistische Universalhistorie, Göttingen, 1771 г., стр. 979—1000.

2) Theophanis Procopowicz, archiepiscopi Novogrodensis, tractatus de processione Spiritus Sancti. Nunc primum editus. Gothae a. d. MDCCLXXII. 8-o.

3) Orthodoxa doctrina, seu compendium theologiae christianae, in usum serenissimi principis ac Domini Domini Pauli Petrovicz, Principis hereditarii omnium Russiarum. Auctore summe reverendo hieromonacho Platone, principis serenissimi praeceptore et concionatore aulico, antea archiepiscopo diaeceseos Twerensis, nunc vero archiepiscopo diaeceseos Mosquensis et simul laurae ss. Trinitatis sanctique Sergii archimandrita atque membro regensis synodi russicae. Typis Academiae Petrop. Anno 1774. 8-o (въ томъ же 1774 г. вышло московское изданіе этого перевода).

4) О полезномъ съ юношествомъ чтеніи древнихъ классическихъ писателей мнѣніе, съ нѣм. на россійск. языкъ перевед. Димитріемъ Семеновымъ. Спб. 1774. 16-о.

5) Покойнаго статскаго совѣтника и профессора Михайла Васильевича Ломоносова собраніе разныхъ сочиненій въ стихахъ и въ прозѣ. 3 книги. Въ тип. Имп. Моск. Унив. 1778. 8-о.

Библіографическая замѣтка объ этомъ изданіи напеч. была въ Russische Bibliothek rur Kenntniss des gegenwärtigen Zustandes der literatur in Russland, herausgg. v. *h. Chr. Bacmeister*. Спб. 1779 г., т. VI, ч. 1, стр. 334—338; въ этомъ же изд. Бакмейстера (стр. 453—455 и 573) напечатаны богословскіе тезисы Дамаскина для диспута, бывшаго въ іюлѣ 1779 г., и такіе же тезисы къ диспуту въ іюлѣ 1780 года.

6) Его Импер. Высочества учителя въ законѣ и придворнаго проповѣдника, Св. Прав. Сунода члена, преосвященнѣйшаго Платона, архіеп. московскаго и калужскаго и святотроицкія Сергіевы лавры священно-архимандрита поучительныя слова и другія сочиненія. Въ 12 томахъ. Въ тип. Ф. Гиппіуса. 1780. 8-о.

7) Проповѣди Св. Правит. Сунода Конторы члена, ставропигіальнаго второкласснаго Заиконоспасскаго училищнаго монастыря архимандрита и московской славяно-греколатинской Академіи ректора Дамаскина, въ бытность его въ московской Академіи сперва префектомъ, а потомъ ректоромъ, въ высокоторжественные и другіе дни говоренныя съ 1775 г. по 1782 годъ. Иждивеніемъ Н. Новикова и Компаніи. М. Въ унив. тип. у Н. Новикова. 1783. 8-о [1]).

8) Слово похвальное на всерадостное торжество о вступленіи на Всерос. престолъ Е. И. В. Благоч. Госуд. Импер. Екатерины Алексѣевны, Самодержицы Всероссійской, по двадесятипятилѣтнемъ царствованіи Я. В., празднованное іюня 28 дня 1787 года, которое говорилъ Дамаскинъ Епископъ Нижегородскій и Алатырскій въ Нижегородскомъ

---

[1]) Нѣкоторыя изъ помѣщенныхъ здѣсь проповѣдей напечатаны были тогда же въ отдѣльн. изд., напр: Слово о любви къ отечеству, сказан. Іеромон. Дамаскинымъ. Печ. при Имп. Моск. Унив. 1776. 4-о. 14 стр.; Слово о средствѣ утѣшенія въ прискорбной жизни, сказан. Іером. Дамаскинымъ 1776 г. Печ. при Имп. Моск. Унив. 4-о. 10 стр.

Каѳедральномъ Преображенскомъ соборѣ тогожъ іюня 28 дня 1787 года. Безъ означ. года и мѣста печати. Въ б. 8. стр. 12.

9) Слово о великодушіи во всерадостный день Рожденія Е. И. В. Благочест. Госуд. Имп. Екатерины Алексѣевны, Самодержицы Всероссійской, и тезоименитства Е. И. Выс. Благоч. Госуд. Вел. Княжны Александры Павловны, говореннное Нижегородской Епархіи преосвященнымъ Дамаскинымъ въ Нижегородскомъ Каѳедр. Спасо-преображенскомъ Соборѣ 1791 года Апрѣля 21 дня. Безъ озн. года и м. печ. Въ б. 8. стр. 8.

10) Всепресвѣтлѣйшей, Державнѣйшей, Великой Государынѣ Императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, Самодержицѣ Всероссійской, Государынѣ Всемилостивѣйшей. Отъ Дамаскина, Епископа Нижегородскаго и Алаторскаго всеподданѣйшее благодареніе за полученную золотую медаль. Печат. въ учрежд. при Нижегор. намѣстнич. Правленіи Типографіи. 1791. Въ б. 8. стр. 5.

11) Слово въ высокоторжественный день восшествія на Всероссійскій престолъ Е. И. В. Благ. Самодерж. Вел. Госуд. Импер. Екатерины Алексѣевны, Самодержицы Всероссійскія, сочиненное Дамаскинымъ, Епископомъ Нижегородскимъ и Алатырскимъ, іюня на 28 день, 1792 года. Первымъ тисненіемъ печатано въ Тип. Св. Синода, а вторымъ въ Нижнемъ Новѣ градѣ. Въ учрежд. при Нижегор. намѣстнич. Правленіи Типогр. 1792. Въ б. 8. стр. 8.

12) Предувѣдомленіе къ „словарю языковъ разныхъ народовъ“. Миссіонеръ 1879 г. №№ 37—38.

13) Библіотека Россійская, или свѣдѣніе о всѣхъ книгахъ, въ Россіи съ начала типографіи на свѣтъ вышедшихъ (съ предисловіемъ *Тихонова*). Памятники древней письменности и искусства. Вып. XI. Спб. 1881.

Этотъ же трудъ Дамаскина напечат. въ „Чтеніяхъ въ Импер. обществѣ ист. и древн. рос. при москов. унив". 1891 г. кн. первая. Изд. подъ завѣдываніемъ Е. В. Барсова. М. 8-о.

Библіогр. замѣтка объ этомъ послѣднемъ изданіи въ *Вѣстн. Евр.* 1892 г. № 1. Литерат. обозр., стр. 430—431 (статья *А. В.*).

Остаются до сихъ поръ неизданными:

Словарь языковъ разныхъ народовъ, въ Нижегородской епархіи обитающихъ, имянно: Россіянъ, Татаръ, Чувашей, Мордвы и Черемисъ. По Высочайшему соизволенію и повелѣнію Е. И. В. Премудрой Государыни Екатерины Алексѣевны Импер. и Самодержицы всероссійской по алфавиту Россійскихъ словъ расположенный и въ Нижегородской семинаріи отъ знающихъ оные языки священниковъ и семинаристовъ подъ присмотромъ преосвященнаго Дамаскина Епископа Нижегородскаго и Алаторскаго сочиненный 1785 года (въ нижегородск. семин. библіотекѣ по системат. каталогу 1874 г. значится подъ № 3887).

Словарь черемисскаго языка съ россійскимъ переводомъ по алфавиту Россійскому расположенный. 1785 года (ibid.).

Библіотека Россійская—2-я половина перваго (книги съ 1713 г.), второй и третій томы (библ. моск. д. акад.)

Два разсужденія о церкови. книгахъ греч. церкви (ibid.).

Для настоящаго изслѣдованія авторъ пользовался рукописными матеріалами, какіе могъ отыскать въ архивахъ Св. Синода, московской Синодальной Конторы, московской духовной Академіи и въ архивахъ консисторій орловской и нижегородской. Поиски въ Геттингенѣ, къ сожалѣнію, не дали почти никакихъ результатовъ...

Съ глубокою благодарностью вспоминаетъ авторъ настоящаго сочиненія уважаемыхъ профессоровъ Кіевской духовной академіи В. Ѳ. Пѣвницкаго и Н. И. Петрова,—первыхъ сочувственно отнесшихся къ задуманной имъ работѣ. Также

дорого будетъ всегда для автора воспоминаніе о содѣйствіи, оказанномъ ему, во время составленія настоящей книги, слѣдующими лицами: проф. моск. дух. академ. И. Н. Корсунскимъ, ректоромъ Нижегор. дух. семинаріи прот. Г. В. Годневымъ, управляющимъ архивомъ Св. Синода г. Львовымъ и проф. геттингенскаго университета Н. Бонвечъ. Всѣмъ названнымъ лицамъ выражаетъ авторъ глубокую свою благодарность.

I.

1737—1765.

Дѣтскіе годы, ученье и служба.

Скудость свѣдѣній о родинѣ Семенова-Рудневa и о первыхъ школьныхъ годахъ его жизни.—Крутицкая семинарія и ея положеніе до 1752 г.—Переходъ Семенова въ московскую славяно-греко-латинскую академію.—Характеръ академическаго ученія въ то время.—Поступленіе на службу въ Крутицкую семинарію.—Положеніе Семенова.—учителя.—Педагогическая реформа Екатерины II и ея вліяніе на духовныя школы.—Проектъ организаціи богословскаго факультета.

Было бы, безъ сомнѣнія, интересно внесть что-нибудь о предкахъ Дмитрія Семенова или, по крайней мѣрѣ, объ его отцѣ и матери и ближайшихъ родственникахъ; но, къ сожалѣнію, мы не имѣемъ возможности удовлетворить естественное въ данномъ случаѣ любопытство, вслѣдствіе отсутствія относящихся сюда свѣдѣній [1]). Будущій іерархъ принадле-

---

[1]) Дамаскинъ приходится двоюроднымъ дѣдомъ здравствующимъ и понынѣ *Архимандриту Гамаліилу*, настоятелю мужескаго монастыря въ гор. Невелѣ, Витебск. губ. Мать о. Гамаліила—Агрипина и братъ ея Алексѣй были дѣти Петра *Андреевича* Семенова-Рудневa, священника въ селѣ Шесковатомъ, Бѣлевск. у., Тульск. губ. (верстъ 20 отъ Бѣлева, на большой дорогѣ со Мценска на

жить къ числу тѣхъ, „кои,—по выраженію Кантемира,— чрезъ свои труды изъ нижняго въ знатное достоинство происходятъ“. Изъ автобіографической записки епископа Дамаскина [1]) мы узнаемъ, что онъ происходилъ изъ великороссіянъ, свѣтскимъ назывался *Дмитрій Семеновъ* и родился въ послѣднихъ числахъ января 1737 года, слѣд. въ одномъ году съ духовною знаменитостью XVIII вѣка—митроп. Платономъ (Левшинымъ) и только нѣсколькими мѣсяцами раньше его [2]); родился онъ въ предѣлахъ московской, а по теперешнему дѣленію—тульской епархіи, гдѣ отецъ его Симеонъ [3]) былъ сельскимъ священникомъ. Кстати замѣтимъ здѣсь, что и впослѣдствіи вездѣ и всегда, когда представлялся случай, Семеновъ отмѣчалъ, что онъ родомъ „изъ великороссіянъ“; въ то время это могло имѣть значеніе потому, что указывало на принадлежность къ сформировавшейся въ царствованіе Екатерины II дружинѣ молодыхъ ученыхъ великоруссовъ, вытѣснившей въ духовныхъ школахъ и въ высшей церковной іерархіи сильную дотолѣ малорусскую партію.

Среди какой обстановки протекли дѣтскіе годы жизни

Бѣлевъ, у Оки); а этотъ послѣдній былъ родной братъ Дмитрія *Андреевича* Семенова-Рудневъ, впослѣдствіи епископа Дамаскина. Матери о. Гамаліила и и тремъ другимъ ея сестрамъ—дѣвицѣ Еленѣ, Параскевѣ и Дарьѣ, Дамаскинъ, будучи уже нижегородскимъ архіереемъ, прислалъ однажды при бумагѣ, за подписомъ своимъ и приложеніемъ архіерейской печати, каждой по 10) руб. екатерининскими пятикопѣечниками. Бумага эта очень бережно хранилась въ родительскомъ домѣ арх. Гамаліила, и родитель его, икономарь Николай Ивановъ, много разъ показывалъ ее дѣтямъ, въ руки же имъ не давалъ. Въ память епископа Дамаскина, по желанію о. Гамаліила, старшій братъ послѣдняго, свящ. Димитрій, въ монашествѣ носилъ имя славнаго предка-Дамаскина. Изъ письма *о Гамаліила* отъ 31 дек. 1891 года.

[1]) Рос. Вивліоѳика, ч. XVIII, стр. 100.

[2]) Митр. Платонъ род. 29 іюня 1737 г.

[3]) Имя отца Дмитрія Семенова указано въ одной только „Исторіи нижегор. іерархіи“ *арх. Макарія* (стр. 160) и неизвѣстно—изъ какого источника; можетъ быть, основаніемъ для такого показанія послужила фамилія *Семеновъ*, что не невѣроятно: въ то время бывало въ обычаѣ давать фамилію отъ имени отца.

Дмитрія Семенова; благопріятна ли была эта обстановка для развитія богатыхъ природныхъ дарованій его, или же нѣтъ; кому изъ родителей принадлежалъ первый починъ въ дѣлѣ религіозно-нравственнаго и умственнаго воспитанія даровитаго ребенка,—обо всемъ этомъ не существуетъ рѣшительно никакихъ извѣстій, ни прямыхъ, ни косвенныхъ. Несомнѣнно одно, что въ родительскомъ домѣ Семенова господствовала скромная простота образа жизни и старинное благочестіе: первая и впослѣдствіи составляла отличительную особенность всей жизни нашего іерарха, а второе вкоренено было въ немъ настолько прочно, что вынесло невредимымъ изъ всѣхъ опасныхъ искушеній, какимъ вольно или невольно приходилось подвергаться дѣятелю „просвѣтительной“ эпохи и въ своемъ отечествѣ, и особенно за предѣлами его.

Скудны наши свѣдѣнія и о первыхъ школьныхъ годахъ жизни Семенова. Митр. Платонъ про себя говоритъ въ автобіографіи, что „на шестомъ году отъ рожденія начали Петра обученію грамотѣ: азбукѣ, Часослову и Псалтири, а потомъ писать, *каковый общій былъ тогда обученія порядокъ для всѣхъ всякаго состоянія отроковъ*“ [1]). То же, надо полагать, было и съ Семеновымъ. Изъ упомянутой выше автобіографической записки, а также изъ собственно-ручнаго прошенія Дамаскина объ увольненіи его отъ управленія нижегородской епархіей [2]) видно, что онъ, „обучась словесной грамотѣ у отца своего“, поступилъ въ Московскую славяно-греко-латинскую академію въ первыхъ числахъ января 1790 года; слѣд. двѣнадцати лѣтъ; по другому же свидѣтельству, почерпаемому также изъ источника оффиціальнаго, онъ съ 1750-го по 1752-й годъ „записывался“ въ Крутицкой семинаріи и только въ этомъ послѣднемъ году былъ переведенъ въ Московскую академію [3]).

[1]) Автобіографія м. Платона. М. 1887, стр. 7.

[2]) Дѣло въ *архивѣ Св. Синода*, 1793 г. № 109.

[3]) „Дѣла 1780 года“ въ архивѣ Моск. дух. акад. Въ переплетенной книгѣ, носящей это названіе, находится, между прочимъ, послужной списокъ Дамаскина за 1779 й годъ, второй годъ ректорства его въ академіи.

Это послѣднее указаніе, какъ болѣе согласное съ нормальнымъ порядкомъ обученія, мы и принимаемъ за истинное.

Что же представляла въ то время Крутицкая семинарія, и насколько она могла „заправить“ Дмитрія Семенова для дальнѣйшаго ученія?

Крутицкая семинарія учреждена была въ 1739 году и до 1744 года помѣщалась въ гор. Вязьмѣ, въ Предтеченскомъ монастырѣ, а въ этомъ году переведена въ Москву на Крутицкій архіерейскій дворъ [1]) и существовала здѣсь до 1751 года, въ которомъ водворилась въ московскомъ Покровскомъ монастырѣ [2]). Нельзя, конечно, и думать, чтобы тогдашняя обстановка большинства духовныхъ школъ вообще была благопріятна для успѣшнаго хода учебнаго дѣла. Если, по свидѣтельству инспектора столичной академической гимназіи, въ этомъ заведеніи „учители въ зимнее время даютъ лекціи въ классахъ одѣвшись въ шубу, разминаясь вдоль и поперекъ по классу, а ученики, не снабженные теплымъ платьемъ, не имѣя свободы встать съ своихъ мѣстъ, дрогнутъ и заболѣваютъ и принуждены бываютъ оставить хожденіе въ классы“ [3]),— то, въ большинствѣ случаевъ, не лучше было и положеніе духовныхъ школъ, бѣдно обставленныхъ и наполненныхъ дѣтьми, большею частію, недостаточныхъ родителей. Не забудемъ и того, что только 7 сент. 1731 г., значитъ въ годъ рожденія Дм. Семенова, изданъ былъ указъ, коимъ предписывалось завести „во всѣхъ епархіяхъ и другихъ пристойныхъ городахъ“ училища, которыя потомъ стали называться *семинаріями* [4]); слѣдовательно, по самому существу дѣла семинаріи были заведеніями, еще не окрѣпшими настолько, чтобы давать своимъ питомцамъ прочное образованіе. Мы думаемъ, что Крутицкая семинарія, вслѣдствіе частыхъ перемѣнъ мѣста,

---

[1]) П *Знаменскій*, Духовн. школы, стр. 168.

[2]) Ibid., стр. 214.

[3]) С. *Соловьевъ*, Исторія Россіи, т. 2[6]; стр. 287.

[4]) Полн. Собр. Закон. X, № 7364, стр. 257—258.

вызывавшихся, надо полагать, отсутствіемъ надлежаще приспособленныхъ къ потребностямъ школьной жизни помѣщеній, едвали могла представлять прочныя гарантіи для успѣха „книжнаго ученія“. Семеновъ, какъ видно изъ вышесказаннаго, „заправлялся“ въ Крутицкой семинаріи въ такое время, когда она, не окрѣпнувъ еще какъ должно на одномъ мѣстѣ, только что перешла на другое. Само собою понятно, что только неудобства ея прежняго положенія (при Крутицкомъ архіерейскомъ домѣ) могли быть причиною къ переведенію ея въ Покровскій монастырь. Здѣсь, однако, не долго пришлось учиться Димитрію Семенову, и въ 1752 году, какъ сказано выше, онъ переведенъ былъ въ славяно-греко-латинскую академію, находившуюся въ московскомъ Заиконоспасскомъ монастырѣ, гдѣ и обучался по 1761-й годъ [1]). Въ академіи Семеновъ нашелъ уже учившагося тамъ Петра Левшина, впослѣдствіи митроп. Платона, который поступилъ въ школу на десятомъ году отъ рожденія [2]), т. е. двумя годами раньше Семенова [3]). Между будущими, хотя и не равными, знаменитостями еще въ академіи установились весьма близкія отношенія, поддерживаемыя сильною въ обоихъ любовію къ ученію и неусыпнымъ прилежаніемъ; впослѣдствіи одинъ (м. Платонъ) сдѣлался начальникомъ другого (Дамаскина), а этотъ во всю жизнь питалъ къ первому чувство неизмѣннаго

---

[1]) Годы ученія въ академіи распредѣлялись тогда слѣд. образомъ: курсъ богословія продолжался 4 года; философіи — 2 года, реторики — 2 года, пінтики и синтаксимы — по одному; изъ прочихъ школъ (грамматики, инфимы и фары) могли переходить въ высшіе классы чрезъ полгода или по прошествіи трети, что зависѣло отъ успѣховъ учениковъ. *С. Смирновъ*, Исторія слав.-греко-лат. академіи; стр. 181. По разсчету выходитъ, что Семеновъ изъ Крутицкой семинаріи долженъ былъ поступить въ классъ синтаксимы, пройдя грамматику, инфиму и фару въ семинаріи (1750—1751 гг.), и затѣмъ проходилъ классы въ такомъ порядкѣ: синтаксиму и пінтику по году (1751—1753 гг.), реторику 2 года (1753—1755), философію 2 года (1755—1757) и богословіе 4 года (1757—1761).

[2]) Автобіографія, стр. 8.

[3]) Невѣрно, поэтому, утвержденіе автора „Исторіи нижегор. іерархіи“ (стр. 161), что Платонъ былъ товарищемъ будущаго Дамаскина.

уваженія и считалъ его своимъ благодѣтелемъ и покровителемъ. Изъ другихъ лицъ, одновременно съ Семеновымъ учившихся въ академіи, можно назвать Антонія Зыбелина, впослѣдствіи архіепископа Казанскаго, В. Г. Рубана, В. П. Петрова, извѣстнаго поэта; здѣсь же Семеновъ засталъ еще знаменитаго впослѣдствіи и также „покровителя“ своего Гавріила Петрова, впослѣдствіи митрополита новгородскаго и петербургскаго, который окончилъ курсъ академіи въ 1753 году [1]). Къ прежней фамиліи Семенову прибавлена была въ академіи другая: *Рудневъ*, и съ этихъ поръ онъ остался извѣстенъ подъ двойной фамиліей: *Семеновъ-Рудневъ*.

Чтобы судить о характерѣ академическаго ученія во время пребыванія Семенова въ академіи, мы должны припомнить, что, по классификаціи историка этой академіи, годы 1700—1775 составляютъ второй періодъ въ ея жизни, когда она, по характеру ученія, называлась и славяно-латинской [2]). Въ началѣ этого періода въ академическомъ образованіи „вліяніе греческаго языка смѣняется латинскимъ, кругъ ученой дѣятельности расширяется, наставниковъ беретъ академія не изъ Греціи, но изъ единоплеменной Руси юго-западной“. Кіевскіе наставники, слѣдуя въ преподаваніи учебнымъ руководствамъ кіевскимъ, естественно, ввели въ жизнь академіи порядки, изстари заведенные въ Кіевѣ, сообщили ей свой духъ, свое направленіе [3]), чѣмъ объясняется, между прочимъ, и названіе академіи „латинскою“ или „славяно-латинскою школою“. Вмѣстѣ съ введеніемъ латинскаго образованія въ московскую академію, кіевскіе наставники, сами бывшіе иноками и упрочившіе за иночествомъ господство въ области науки, постарались и въ Москвѣ

---

[1]) Сказаніе о жизни и трудахъ преосв. Гавріила. СПб, 1857 г., стр. 5.

[2]) *С. Смирновъ*, Ист. моск. слав. грек.-лат. акад., стр. 78.

[3]) Ibid. стр. 81.

насадить любовь къ монашеству въ питомцахъ академіи [1]). Духъ схоластической науки, особенно въ области богословія, въ московской академіи является господствующимъ во весь этотъ періодъ и только къ концу его замѣтно ослабѣваетъ подъ вліяніемъ новыхъ системъ богословскихъ и философскихъ. О характерѣ тогдашняго ученія могутъ дать болѣе или менѣе вѣрное понятіе нѣкоторые сохранившіеся курсы или системы разныхъ наукъ за то время, когда въ академіи учился Семеновъ. По богословію такой учебной книги, впрочемъ, не сохранилось, но по философіи Семеновъ, несомнѣнно, слушалъ лекціи префекта Влад. Каллиграфа, содержащія логику, физику, метафизику и этику [2]) (эти четыре науки составляли полный кругъ философскаго ученія). Его система, представляя, по содержанію, большое сходство съ уроками Θеофилакта Лопатинскаго [3]), писанными въ схоластическомъ духѣ и основанными почти всецѣло на Аристотелѣ и комментаріяхъ къ нему, составленныхъ во множествѣ перипатетиками среднихъ вѣковъ, не чужда въ нѣкоторой степени хотя еще и робкихъ и боязливыхъ отступленій отъ принятыхъ авторитетовъ. Такъ, напр., у него часто встрѣчаются ссылки на ученіе Лейбница, хотя и вставленныя въ старинныя формы изложенія; приводятся уже новыя названія трехъ дѣйствій разсудка, употребительныя и нынѣ: понятіе, сужденіе и „умословіе“ (умозаключеніе, ratiocinatio),—въ этомъ опытѣ вообще можно

---

[1]) Ко времени ученія Семенова въ академіи, въ 1753 г., относится такой случай: избравъ на двѣ праздныя учительскія вакансіи свѣтскихъ учителей Аѳанасія Пельскаго и Григорія Драницына, ректоръ Варлаамъ считалъ нужнымъ такъ оправдать, въ донесеніи Св. Синоду, свой выборъ: „сіи учители, хотя бѣльцы, однакожъ люди весьма надежные и какъ житія, такъ и ученія изрядная“. *С. Смирновъ*, Ист. акад., стр., 85.

[2]) Institutiones Philosophicae ad usum juventutis scholasticae accomodatae ac in Sclavono-Graeco-Latina Mosqu. Academia traditae ann. 1756—1757 (№ 296. 297).

[3]) Изложеніе ихъ см. въ исторіи акад. *С. Смирнова*, стр. 159—167.

видѣть признаки перехода отъ схоластики къ ясному ученію Вольфіанской философіи, вскорѣ послѣ того принятой въ школы въ лицѣ умѣреннаго послѣдователя ея Баумейстера [1]). Но зато въ области реторики цѣнились особенно правила Цицерона; это были готовыя praecepta inveniendi, disponendi et eloquendi ea, quae oratori sint necessaria, и изъ которыхъ ораторъ (orator) не могъ выступать, какъ изъ готовыхъ рамокъ. Конечно, здѣсь не могло быть и рѣчи о самостоятельномъ раскрытіи мысли оратора: все состояло въ усвоеніи механическихъ пріемовъ мышленія, изложенныхъ притомъ въ крайне тяжелой, напыщенной формѣ [2]).

Изъ послужного списка Семенова видно, что онъ обучался въ академіи языкамъ латинскому, греческому и еврейскому, поэзіи, реторикѣ, философіи и богословію [3]). Если обыкновенно немногіе только могли оканчивать курсъ ака-

---

[1]) Ibid., стр. 169—170. Его учебникъ Philosophia definitiva отличался ясностью изложенія, свѣтлою мыслью и хорошимъ языкомъ (ibid., стр. 299) и былъ введенъ во всѣ европейскія школы (*Булаковъ*, Истор. Кіев. акад. стр. 146) Для русскихъ школъ онъ изданъ былъ уже въ 1777 г., подъ такимъ заглавіемъ: *M. Fridr. Christ. Baumeister*: Elementa philosophiae recentionis...usibus juventutis Rossicae adornata. *Edid. N. Bantisch-Kamenski.* Typ. Imper. Mosc. Univers. (2 изд. Lipsiae. 1786). Б.-Каменскій, по совѣтамъ Амвросія и Дамаскина, преподававшаго тогда философію въ моск. семинаріи, внесъ въ эту книгу изъ системы Прокоповича de legibus meditationis, изъ логики Вейсенга de distinctionibus logicis, изъ Никлера физику, изъ Канзія и Гольмана de jure aeconomico, publico et ecclesiastico. *Филарета*, Обз. дух. лит., изд. 3, ч. 2; стр. 415.

[2]). *С. Смирновъ*, Истор. акад., стр. 170—172.

[3]) Архивн. „Дѣла 1780 г." Вѣдомости объ учителяхъ и ученикахъ Моск. сл.-гр.-лат. акад. за 1779-й г., столб. 4-й. Изъ начальствующихъ лицъ академіи и наставниковъ, у которыхъ учился Дм. Семеновъ, слѣдуетъ упомянуть: префекта Константина Бродскаго (до марта 1753 г.); ректора Варлаама Лящевскаго (до 1754 г.), извѣстнаго переводчика Библіи; ректора Іоасафа Хотунцевича (съ 1754 до мая 1757 г.); Геннадія Драницына—учителя, префекта (съ 1755 г.) и ректора академіи (съ мая 1757 до мая 1758 г.); ректора Гедеона Слонимскаго (съ 1758 до авг. 1761 г.); Георгія Щербацкаго, наставника богословія и префекта (съ 1753 до авг. 1754 г.); Владим. Каллиграфа—наставника философіи (съ сент. 1755 г.), префекта и наставника богословія (съ мая 1757г.); Иринея Братановича—наставника философіи (съ сент. 1757 г.) и префекта (съ авг. 1758 до 1759 г.); Иннокентія Нечаева—проповѣдника и (съ авг. 1759 до 1761 г.) префекта. Послѣдняго Семеновъ также всегда считалъ своимъ покровителемъ и благодѣтелемъ.

деміи по прошествіи 12 или 13 лѣтъ ученія [1]), то мы должны признать, что Семеновъ по своимъ успѣхамъ быстро переходилъ изъ класса въ классъ, окончивъ курсъ на 24 году.

По окончаніи полнаго курса ученія въ академіи въ числѣ лучшихъ учениковъ, Семеновъ, надо полагать, могъ-бы быть вполнѣ достойнымъ учителемъ въ ней; но такъ какъ при выборѣ на эти мѣста, кромѣ личныхъ достоинствъ кандидата, имѣли еще въ виду его расположеніе къ монашеству, то Семеновъ, не желая, вѣроятно, до поры до времени дѣлаться инокомъ, поступилъ учителемъ въ ту семинарію, въ которой десять лѣтъ тому назадъ онъ самъ „заправлялся“ для академіи. Здѣсь ему поручено было преподавать реторику, піитику и греческій языкъ [2]), но, по всей вѣроятности, онъ обучалъ и другимъ наукамъ. Переведенная съ 1751 года въ новое помѣщеніе при московскомъ Покровскомъ монастырѣ, что у Семеновской заставы, Крутицкая семинарія только съ 1764 года стала пользоваться вниманіемъ и покровительствомъ крутицкаго архіепископа Амвросія Зертисъ-Каменскаго, но до того времени за неустройствомъ не могла имѣть у себя ни ректора, ни префекта, а потому Семенову поручено было и самое управленіе семинаріей. Каково было положеніе молодаго учителя хотя и въ родной ему семинаріи, но еще не устроившейся, какъ должно, на новомъ мѣстѣ, объ этомъ ни самъ Семеновъ, ни другіе не оставили намъ извѣстій. Можно съ полною вѣроятностью утверждать, что крайне не высокое положеніе учителя и въ матеріальномъ, и въ нравственномъ отношеніи, когда ученіе цѣнилось не само по себѣ, а только съ точки зрѣнія практической, по отношенію къ интересамъ духовной службы, къ которой приготовляло человѣка [3]),—такое въ сущности безправное положеніе не могло удовлетворить молодого, жаждавшаго новыхъ и новыхъ

---

[1]) *С. Смирновъ*. Исторія академіи, стр. 181.

[2]) Вѣдомости объ учителяхъ, столб. 5-й.

[3]) См. объ этомъ *П. Знаменскаго*, Дух. школы, стр. 409 и слѣд.

знаній, Семенова-Руднева; притомъ же безъ поступленія въ монашество трудно было занять сколько-нибудь выдающееся положеніе даже и на учительской службѣ, не говоря уже о высшихъ духовныхъ степеняхъ [1]). Компетентный историкъ нашихъ духовныхъ школъ говоритъ [2]), что „тогда никому и въ голову не могло прійти избрать учительскую службу въ качествѣ постоянной, жизненной для себя спеціальности". Нужно было и Семенову—Рудневу подумать о будущемъ, о чемъ—нибудь болѣе постоянномъ и опредѣленномъ, чѣмъ учительская служба въ Крутицкой семинаріи. Не знаемъ, чѣмъ и какъ разрѣшились бы думы молодого учителя, если бы не случились обстоятельства, кореннымъ образомъ повліявшія на судьбу будущаго іерарха: разумѣемъ возникшій тогда проектъ богословскаго факультета при московскомъ университетѣ и въ связи съ нимъ посылку семинаристовъ въ заграничные университеты.

Вопросы образованія и воспитанія съ самаго же начала царствованія Екатерины II сильно заняли ея вниманіе. Задумана была коренная реформа того и другого, и преобразовательныя мѣры императрицы относительно воспитанія въ Россіи дѣтей обоего пола и учрежденія учебныхъ заведеній для нихъ стали оглашаться во всеобщее свѣдѣніе уже въ концѣ 1763 и въ началѣ 1764 года. 22 марта 1764 г. Екатеринѣ II былъ представленъ Бецкимъ докладъ о воспитаніи юношества въ Россіи; тамъ, между прочимъ, упоминалось, что хотя въ Россіи есть Академія наукъ и другія училища, „но мало, буде не совсѣмъ ничего, существительныхъ отъ того плодовъ собрано" [3]). Въ то же время, по порученію Екатерины, академикомъ Миллеромъ составлялся „Проектъ объ учрежденіи школъ въ россійской имперіи",—проектъ, которымъ ученый академикъ занимался нѣсколько лѣтъ: въ

[1]) Ibid. стр. 430.
[2]) Ibid. стр. 415.
[3]) *П. Пекарскій*, Истор. Импер. Акад. наукъ. Т. II, стр. 845.

1764—1767 г.г. [1]). Вліяніе новыхъ [2]), педагогическихъ идей естественно должно было отразиться и на духовныхъ школахъ. Хотя изъ исторіи воспитанія Екатерины и не видно, чтобы религіозное образованіе имѣло въ немъ особенно важное значеніе [3]), тѣмъ не менѣе мы знаемъ, что разрѣшеніе вопросовъ о духовномъ образованіи въ Россіи привлекло вниманіе императрицы съ самыхъ первыхъ годовъ ея царствованія. Видя въ духовенствѣ и въ господствующей религіи силу, годную послужить ея преобразовательнымъ планамъ, Екатерина тотчасъ же по вступленіи на престолъ начала показывать свое вниманіе къ интересамъ православія и его представителямъ—духовенству. Въ результатѣ мы видимъ, что забота объ устройствѣ духовныхъ школъ становится отчасти дѣломъ государственнымъ, входитъ нѣкоторымъ образомъ въ кругъ попеченій правительственныхъ, вслѣдствіе чего и самая школа какъ бы начинаетъ терять прежнее свое сословное значеніе и пріобрѣтаетъ общегосударственное [4]). Хотя въ правитель-

---

[1]) *Современникъ* 1854 г., ч. XLVII, отд. II; стр. 148.

[2]) Мы должны оговориться: важнѣйшій принципъ педагогической системы въ царствованіе Екатерины II—воспитаніе *сердца*, проповѣдь *добродѣтели*, не былъ, нужно сказать правду, совершенною новостью для русскихъ; можно указать на рѣчь проф. Барсова: *О цѣли ученія*, произнесенную имъ въ *1760 г.* на публичномъ актѣ москов. университета. Въ заключеніи этой рѣчи онъ говоритъ: цѣль ученія есть знаніе; но знаніе подобно оружію: и во благо, и во зло употребить его можно. Надобно умѣть управлять имъ: управляетъ же знаніемъ сердце,—а въ немъ добродѣтель. Знаніе должно быть дверію къ добродѣтели: честное сердце предпочитается великому уму. Но и этимъ нельзя ограничиться: надъ добродѣтелью возвышается законъ и благочестіе христіанское, „безъ котораго никакое знаніе истинно полезно и никакая добродѣтель совершенна быть не можетъ. Чего ради все ученіе имъ начинать, имъ оканчивать и съ нимъ соединять всегда надлежитъ". Исторія москов. университета, стр. 67—68. Такимъ образомъ еще здѣсь Фонъ-Визинъ, бывшій ученикомъ университетской гимназіи, а потомъ и студентомъ университета, могъ слышать проповѣдь тѣхъ мыслей, которыя онъ самъ потомъ такъ опредѣленно высказалъ въ лицѣ Стародума о цѣли воспитанія.

[3]) *Я. Грота*, Воспитаніе Екатерины II. Древн. и Нов. Россія 1875 г. № 2. На религію Екатерина смотрѣла, какъ многіе наши просвѣщенные люди даже не особенно давняго времени, соблюдавшіе обряды „pour les gens"; она не находила почти никакого различія между вѣрою греческою и лютеранскою, и на этомъ основаніи, главнымъ образомъ, рѣшилась перемѣнить религію. См. *В. А. Бильбасова*, Исторія Екатерины II. Т. 1; стр. 116.

[4]) Еще въ конференціи Сената съ Синодомъ 18 іюля 1762 года по поводу просьбы духовенства объ отдачѣ ему отобранныхъ имѣній, новгородскій преосвященный Димитрій Сѣченовъ высказалъ мнѣніе, что необходимо учредить коммиссію для сочиненія штатовъ семинаріямъ, монастырямъ и архіерейскимъ домамъ. *С. Соловьевъ*, Исторія Россіи, т. 25, стр. 148.

ственныхъ распоряженіяхъ того времени относительно духовныхъ школъ мы видимъ больше благія намѣренія, нежели самые факты, но уже одинъ починъ въ дѣлѣ реформы духовнаго образованія, какъ исходившій отъ правительства, имѣлъ важное значеніе и придавалъ смѣлости руководителямъ духовной школы въ ихъ стараніяхъ къ поднятію и улучшенію духовнаго образованія.

Какъ мы сказали, на духовныя школы Екатерина II обратила вниманіе въ первый же годъ своего царствованія. Для поднятія уровня духовнаго просвѣщенія она считала необходимымъ поднять благосостояніе и расширить курсы духовныхъ школъ, на что, между прочимъ, согласно съ узаконеніями Петра I, назначала доходы съ церковныхъ имѣній. Признавая неудовлетворительными всѣ стороны быта семинарій, правительство, въ лицѣ Екатерины, тѣмъ самымъ требовало полной ихъ реформы [1]); оно намѣтило и самую программу этой реформы [2]). Вопросами о преобразованіи духовныхъ школъ, какъ извѣстно, занимались двѣ коммиссіи: коммиссія о церковныхъ имѣніяхъ и особая коммиссія о духовныхъ школахъ (состояла изъ трехъ лицъ: Гавріила, епископа тверскаго, Иннокентія, епископа псковскаго, и іеромонаха Платона Левшина, впослѣдствіи митрополита московскаго), но ни одна изъ нихъ не довела дѣла до конца, и ни одинъ проектъ этихъ коммиссій не приведенъ былъ въ исполненіе въ цѣломъ его видѣ. Для насъ важно въ данномъ случаѣ то, что послѣдняя коммиссія въ своемъ проектѣ намѣтила организацію московскаго духовнаго университета, каковое предположеніе и послужило прямымъ поводомъ къ возбужденію вопроса о посылкѣ семинаристовъ въ заграничные университеты.

---

[1]) *П. Знаменскій*, Дух. школы, стр. 470—471.

[2]) Ibid. стр. 471—472.

II.

1765—1766.

Проектъ богословскаго факультета.

Первые русскіе люди, учившіеся въ Западной Европѣ, въ эпоху до Петра Великаго.—Образовательныя связи Россіи съ Западомъ съ Петра Великаго.—Посылка въ заграничныя школы духовныхъ и свѣтскихъ людей.—Положеніе этого дѣла въ послѣдующія царствованія до Екатерины II.—Что давало духовнымъ воспитанникамъ заграничное ученіе.—Мысль о посылкѣ семинаристовъ въ заграничные университеты при Екатеринѣ II.—Начало ея осуществленія.—Напрасное недоумѣніе по поводу этого дѣла.—Дальнѣйшій ходъ дѣла и выступленіе въ немъ Д. Семенова-Руднева.—Послѣдняя фаза проэкта.

Прежде, чѣмъ перейти къ изложенію дѣла о посылкѣ семинаристовъ за-границу при Екатеринѣ II, мы считаемъ умѣстнымъ сдѣлать небольшое отступленіе. По тѣсной связи нашей образованности съ западно-европейскою вообще и нашей богословской науки съ богословскими системами запада въ частности, однимъ словомъ—по важности вопроса объ европейскомъ вліяніи на русскую жизнь,—и вопросъ о русскихъ дѣятеляхъ просвѣщенія, обучавшихся въ заграничныхъ учебныхъ заведеніяхъ, представляетъ для насъ особенный интересъ. Посему мы вспомнимъ ихъ здѣсь хотя

кратко и такимъ образомъ свяжемъ дальнѣйшее изложеніе съ однородными фактами прежняго времени [1]).

Обыкновенно думаютъ, что Борисъ Годуновъ былъ первый изъ русскихъ царей, сознавшій отсталость русскаго народа въ образованіи сравнительно съ народами западной Европы, и потому онъ первый рѣшился послать нѣсколькихъ юношей учиться на Западъ: въ Любекъ, Англію, Францію и Австрію (извѣстно, что эта отправка русскихъ учениковъ заграницу была неудачна: всѣ они тамъ и остались). Но можно указать и изъ гораздо болѣе раняго времени интересные факты: еще въ XVI вѣкѣ мы встрѣчаемъ первые примѣры того, что русскіе люди переходятъ за рубежъ русской земли ради науки, ради ученья въ западныхъ школахъ. Пособникъ извѣстнаго князя А. М. Курбскаго князь Михаилъ Андреевъ Оболенскій еще въ юности „навыкъ высшихъ наукъ въ языцѣ римскомъ“, а позднѣе, по совѣту Курбскаго, онъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ изученіи наукъ—сначала въ Краковѣ, потомъ въ Италіи [2]). Его родственникъ Мих. Мих. Лыковъ уже „былъ посланъ за море въ Ерманію и тамо навыкъ добръ алеманскому языку и писанію, бо тамъ пребывалъ не мало лѣтъ“ [3]). При Михаилѣ Ѳедоровичѣ пытается бѣжать на западъ князь Хворостининъ, а еще раньше, въ 1616 г., во время переговоровъ съ Жолкевскимъ объ устрой-

[1]) Было бы въ высшей степени интересно и полезно собрать свѣдѣнія обо *всѣхъ* русскихъ людяхъ, путешествовавшихъ заграницу и особенно учившихся тамъ, отъ времени перваго знакомства нашего съ Зап. Европой и до позднѣйшей поры. Кое-что по этому вопросу можно найти въ соч. *А. Брикнера*: Kulturhistorische Studien. Die Russen in Auslande. Riga, 1878; *его же*, Die Europäisierung Russlands. Gotha. 1888, гл. X—XII (стр 410—552); *Pingand*, Les Francais en Russie et les Russes en France. Paris, 1886; *Louis Leger*, Russe et Slaves. Paris, 1890, стр. 145—186. У г. Брикнера изложеніе относящихся сюда свѣдѣній замѣтно отличается тенденціозностью.

[2]) Сказанія кн. Курбскаго, изд. 3; стр. 324, 325.

[3]) *Алексѣй Веселовскій*, Западн. вліяніе въ нов. рус. литер. М. 1883; стр. 16.

ствѣ избирательной монархіи, однимъ изъ главныхъ условій видимъ предоставленіе права русскимъ людямъ свободно ѣздить заграницу для науки [1]). Въ слѣдующее царствованіе удачно бѣжитъ и поселяется во Франціи молодой Ордынъ—Нащокинъ, и тогда же въ жалобѣ Григ. Котошихина на то, что русскіе люди „для науки и обычая в—ыные государства дѣтей своихъ не посылаютъ, страшась того“, слышится уже сознаніе пользы подобныхъ посылокъ. Но вообще же можно сказать, что до Петра Великаго только немногіе изъ южнорусскихъ духовныхъ дѣятелей образовались заграницей; таковы, напр., были: Петръ Могила, митр. кіевскій († 1646 г.), образовавшійся, какъ думаютъ нѣкоторые [2]), въ Замойской академіи; Иннокентій Гизель, архим. Печерской Лавры († 1684 г.), посланный П. Могилою заграницу вмѣстѣ съ нѣсколькими молодыми людьми, авторъ извѣстнаго „Синопсиса“; Варлаамъ Ясинскій, митр. кіевскій († 1707 г.), обучавшійся послѣ Кіевской коллегіи еще въ Краковской академіи; Іоасафъ Кроковскій, митр. кіевскій († 1718 г.) послѣ Варлаама Ясинскаго, окончившій образованіе въ Римѣ. Изъ сѣверныхъ духовныхъ писателей за тотъ же періодъ мы назовемъ прежде всего Палладія Роговскаго. Онъ, будучи еще чернецомъ, ища „совершеннаго ученія“, тайно ушелъ изъ Москвы, послѣ полуторагодичнаго пребыванія въ Богоявленскомъ монастырѣ, и учился сначала цѣлый годъ въ Вильнѣ, тогдашней столицѣ литовскаго княжества, въ тамошней латинской іезуитской школѣ, потомъ еще годъ въ силезскомъ городкѣ Нейсе, „учася пѣтическому разуму“, и далѣе реторическій классъ слушалъ въ Ольмицѣ, въ то время главномъ городѣ маркграфства моравскаго [3]). По окончаніи курса свободныхъ

[1]) *В. Ключевскій*, Боярская дума древн. Руси. М. 1882; стр. 368.

[2]) См. разборъ соч. *С. Голубева*: Кіевскій митр. П. Могила и его сподвижники. Т. I. К. 1883 г. въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1884 г. стр. 153 (ст. *И. И. Петрова*).

[3]) Челобитная къ патр. Адріану Палладія Роговскаго, въ *Древн. Рос. Вивліовикѣ*, изд. 2, ч. XVIII, стр. 159.

наукъ въ Ольмицѣ, нашъ воспитанникъ, снабженный свидѣтельствами и рекомендаціями іезуитовъ, семь лѣтъ слушалъ высшіе курсы философіи и богословія въ Римѣ, въ грекоуніатской коллегіи, гдѣ и „воспріялъ на главу вѣнецъ, на руку перстень, по свидѣтельству всѣхъ докторовъ, поставленъ докторъ или учитель философіи и богословіи, яко о томъ свидѣтельствуютъ листы богословскіе, отъ нихъ данные“ [1]). П. Роговскій возвратился въ Россію въ 1698 году; съ 1700 г. онъ былъ учителемъ славяно-греко-латинской академіи и игуменомъ Заиконоспасскаго монастыря († 1703 г.). Въ малой Россіи такіе примѣры бѣгства въ „еретическую“ землю за знаніемъ бывали, но и тамъ это дѣлалось негласно въ то подозрительное и строгое время. Такъ, св. Димитрій Ростовскій въ своемъ *Діаріушъ* записалъ подъ 1684 годомъ, незадолго до удаленія Палладія, что въ іюнѣ мѣсяцѣ братъ Ѳеофанъ, монахъ Батуринскаго Крупицкаго монастыря, „отправился въ дальные страны, Богъ вѣсть—съ какимъ намѣреніемъ“. Въ 1691 году этотъ бѣглецъ возвратился на родину, и оказалось, что онъ ходилъ учиться философіи и богословію въ Парижъ и Римъ. Неизвѣстно, куда онъ потомъ дѣвался.

Къ числу русскихъ дѣятелей просвѣщенія, учившихся заграницей, относится и малоизвѣстный южноруссъ, учитель Іоакимъ Богомолевскій, имя котораго связано и съ исторіей московской академіи [2]). Проучившись 12 лѣтъ въ кіевобратскихъ школахъ, Богомолевскій префектомъ кіевской академіи Стефаномъ Яворскимъ былъ отправленъ для наукъ въ Польшу и въ другія государства, учился во Львовѣ, Люблинѣ, Краковѣ, Варшавѣ, Калишѣ, годъ былъ въ Познани—въ Гданскѣ и Королевцѣ (Кенигсбергѣ), оттуда переселился въ

---

[1]) Ibid., стр. 161—162.

[2]) Свѣдѣнія о немъ находятся въ VIII т. Описанія Синодальнаго архива, а упоминаніе въ соч. *П. Шляпкина*: Св. Димитрій Ростовскій и его время. Спб. 1891; стр. 373.

Вильну; затѣмъ снова возвратился въ Кіевъ, въ Кіево-Братскій монастырь. Послѣ столькихъ трудовъ и путешествій ради науки, онъ, повидимому, долженъ былъ бы занять болѣе видное мѣсто въ Кіевской академіи. Но, какъ видно, на него здѣсь не обратили должнаго вниманія, и изъ Кіева Богомолевскій отправился въ Москву, къ митроп. Стефану, въ которомъ видѣлъ своего покровителя. Стефанъ, посвятивъ его въ монашество, взялъ съ собою въ Рязань; оттуда онъ возвратился въ Москву, въ Заиконоспасскій монастырь, гдѣ пять лѣтъ былъ учителемъ; потомъ, вмѣстѣ съ другими двумя учителями, Прибыловичемъ и Толпиловичемъ, былъ возвращенъ въ Кіевъ, въ распоряженіе митроп. Іоасафа Кроковскаго, который опредѣлилъ его въ Николаевскій пустынный монастырь въ званіи соборнаго старца [1]). Дальнѣйшая его судьба, представляющая рядъ скитаній и переѣздовъ изъ Петербурга въ Кіевъ, оттуда въ Нѣжинъ, Новгородъ и т. д., по разнымъ дѣламъ, также изложена въ „Описаніи“, но она уже не имѣетъ никакого отношенія къ ученой дѣятельности Богомолевскаго. Думаютъ [2]), что ему не дано было никакого дѣла въ области научной ни въ Кіевѣ, ни въ Москвѣ потому, что онъ былъ сторонникомъ Стефана Яворскаго, а въ то время, особенно въ Кіевѣ, господствовало безусловно вліяніе Ѳеофана Прокоповича, врага и антагониста Стефана.

Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ,—эти два выдающіеся дѣятеля Петровской эпохи, также закончили свое образованіе заграницей. Первый еще до окончанія курса въ Кіевской академіи отправленъ былъ ректоромъ ея Варлаамомъ Ясинскимъ въ галицкія и польскія училища, славившіяся тогда хорошими учителями. Тамъ, сперва въ Львовѣ, а потомъ въ

---

[1]) *И. И Барсовъ*, Черты исторіи и быта. Истор. Вѣстн. 1891 г., № 12, стр. 741.

[2]) Ibid. стр. 742.

Познани, онъ выслушалъ полный курсъ философіи и богословія [1]). Ѳ. Прокоповичъ, по окончаніи философскаго курса въ Кіевской академіи, съ 1698 года продолжалъ свое образованіе въ польскихъ уніатскихъ училищахъ и завершилъ его въ Римской академіи, гдѣ три года слушалъ богословскія и философскія науки [2]).

Съ Петра Великаго, открывшаго новый періодъ въ русской исторіи, начинается, какъ извѣстно, болѣе живое и тѣсное общеніе Россіи съ Западной Европой, обусловленное прежде всего цѣлями образовательными. Высшія учебныя заведенія Зап. Европы съ этого времени должны были широко раскрыть свои двери для русскаго юношества, которое отправлялось туда какъ по собственному желанію, такъ и по распоряженію правительства. Западное образованіе не становится привиллегіей одного только высшаго сословія или класса: имъ одинаково могли пользоваться всѣ, въ комъ замѣчалась особенная любовь къ наукѣ. Нивеллировка сословій по отношенію къ образованію, замѣтная въ царствованіе Петра Великаго, хотя еще и не привела къ признанію полной равноправности всѣхъ и каждаго на знаніе, но уже показываетъ, что въ вопросѣ о плодотворномъ служеніи государству правительство не ставило на первый планъ знатность происхожденія. „Не худо бы было,— писалъ однажды Петру I извѣстный Копецъ Зотовъ, посланный имъ во Францію,—если бы ваше величество указалъ архіерею Рязанскому (Стефану Яворскому) выбрать двухъ или трехъ человѣкъ лучшихъ латинистовъ изъ *средней статьи людей*, то есть не изъ породныхъ, ниже изъ подлыхъ, для того, что вездѣ породные презираютъ труды (хотя, по препорціи ихъ породъ и мнѣнія, должны также быть и въ наукѣ отмѣнны предъ другими); а подлый не думаетъ болѣе, какъ бы чрево свое наполнить“ [3]).

---

[1]) *М. Евгеній*, Словарь историч., т. II, изд. 2. Спб. 1827; стр. 252.

[2]) Ibid. стр. 295—296.

[3]) *П. Пекарскій*, Наука и литература при Петр. Велик. т. I, стр. 157.

Воспитанниковъ духовной школы мы прежде всего видимъ въ ряду той русской молодежи, которую преобразователь посылалъ заграницу для пріобрѣтенія основательныхъ знаній. Такъ, есть извѣстіе, что въ 1715 году государь вытребовалъ въ Петербургъ 213 учениковъ Московской академіи и многихъ отправилъ въ чужіе края для изученія разныхъ наукъ и языковъ. Въ слѣдующемъ году изъ той же академіи взяли нѣсколько учениковъ, умѣющихъ по-латыни изрядно и переводить, и отправили ихъ въ Прагу, для помощи учителямъ іезуитской школы, напятымъ русскимъ правительствомъ для перевода ученыхъ книгъ на славянскій языкъ. Въ концѣ того же года государь изъ Амстердама опять требовалъ „выбрать немедленно изъ латинской школы лучшихъ ребятъ, высмотря гораздо, которые поострѣе“. Изъ 9 учениковъ, взятыхъ тогда изъ Московской академіи въ науку въ Голландію, трое вскорѣ были отправлены въ Парижъ для изученія философіи и въ 1724 году возвратились въ Россію съ дипломами на ученыя степени и съ званіемъ парижскихъ студентовъ; изъ нихъ Ив. Горлецкій былъ однимъ изъ первыхъ русскихъ адъюнктовъ въ нашей академіи наукъ [1]).

Но было, разумѣется, не мало и свѣтскихъ людей, отправленныхъ Петромъ заграницу въ ученье. Такъ, молодой Посниковъ, сынъ дьяка посольскаго приказа, былъ отправленъ въ Италію для обученія медицинѣ; въ Падуѣ онъ получилъ дипломъ доктора философіи и медицины, но послѣ былъ дипломатомъ [2]). Петръ Толстой, впослѣдствіи также дипломатъ, былъ посланъ заграницу „для науки военныхъ дѣлъ“. Неплюевъ въ Греціи, Италіи и Испаніи изучалъ мореплаваніе. Въ Италію же былъ отправленъ вмѣстѣ съ другими молодыми людьми 20—лѣтній князь Б. И. Куракинъ для обученія

[1]) Ibid., стр. 237. *С. Смирновъ*, Ист. моск. акад., стр. 233—236.

[2]) *А. Брикнеръ*, Врачи-иностранцы въ Россіи *Новь* 1886 г. т. VII, № 2; стр. 231 и слѣд.

морскому дѣлу, кромѣ котораго онъ занимался еще математикой, астрономіей, механикой и фортификаціей [1]).

Также однимъ изъ первыхъ русскихъ, отправленныхъ Петромъ заграницу въ ученье, былъ извѣстный канцлеръ при Елизаветѣ Петровнѣ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ—Рюминъ. Ему было 15 лѣтъ, когда Петръ послалъ его, въ 1708 г., заграницу учиться. Онъ посѣтилъ Копенгагенъ, жилъ въ Берлинѣ. Долгое пребываніе заграницей пошло ему въ прокъ: это былъ вполнѣ европеецъ, свободно объяснявшійся на французскомъ, нѣмецкомъ и латинскомъ языкахъ; онъ хорошо зналъ дипломатическую исторію европейскихъ государствъ и былъ свѣдущъ въ наукахъ. Въ Килѣ, въ архивѣ Голштинскаго герцога, онъ открылъ „Тестаментъ императрицы Екатерины I“, которымъ воспользовалась императрица Елизавета Петровна при своемъ вступленіи на престолъ; живя въ Копенгагенѣ, онъ изобрѣлъ „жизненныя капли“ (Tinctura inervina Bestuschevi) [2]).

Въ самомъ началѣ царствованія Петра I докончилъ свое образованіе заграницей Ѳеофилактъ Лопатинскій, слушавшій уроки извѣстнаго въ свое время Бурхарда [3]). Во время управленія Ѳеофилакта, въ качествѣ ректора, Московской академіей, бывшій подъ его начальствомъ учитель и префектъ той же академіи Ѳеофилъ Кроликъ [4]), изъ любви къ просвѣщенію, по выраженію Ѳеофилакта, „уходомъ ушелъ“—выпросился заграницу учиться богословію, философіи и иностраннымъ языкамъ. Въ 1716 году онъ получилъ порученіе заняться

---

[1]) Архивъ кн. Ѳ. А. Куракина, изд. *М. Семевскаго*, т. 1. Спб. 1890; стр. 257.

[2]) *В. А. Бильбасовъ*, Исторія Екатер. II. т. 1. Спб. 1890; стр. 68–69.

[3]) *Арх. Филаретъ*, Обз. дух. литер. ч. 2, стр. 303. *С. Смирновъ*, Ист. моск. акад., стр. 191.

[4]) Въ VIII т. Описанія Синодальнаго архива полностію напечатана его автобіографія, представленная имъ въ видѣ прошенія въ Св. Синодъ. Въ „Обзорѣ дух. литер.“ и въ „Ист. моск. акад.“ *С. Смирнова* о Ѳеофилѣ Кроликѣ даже не упоминается.

въ Богеміи, въ качествѣ человѣка, латинскому языку довольно ученаго, переводомъ на русскій языкъ „нѣкіихъ книгъ, которыя съ нѣмецкаго языка на чешскій имѣли быть переложены“. Прибывъ въ Прагу, онъ „усмотрѣлъ, что чешскаго перевода книгъ исправлять невозможно развѣ вновь съ чешскаго на славянскій языкъ переводя, что̀ ему, яко нѣмецкій языкъ лучше, нежели чешскій, знающему, не было удобно“. Онъ успѣлъ перевести лишь два изъ четырехъ томовъ Буддеева историческаго лексикона,—непосредственно съ нѣмецкаго, причемъ имъ „ущажена знатная сумма, которая имѣла быть издивена на неспособный ему чешскій переводъ“ [1]). Ѳеофилъ Кроликъ былъ однимъ изъ просвѣщеннѣйшихъ людей своего времени, притомъ человѣкъ либеральнаго образа мыслей и западникъ въ полномъ смыслѣ этого слова—между духовными лицами того времени. Онъ дружилъ съ знаменитымъ сатирикомъ княземъ Кантемиромъ, въ честь котораго написалъ извѣстное стихотвореніе, дружилъ съ иностранцами, жившими въ Россіи, и живо интересовался западною политическою, общественною и литературною жизнію [2]). Та же московская академія, изъ которой вышелъ Ѳеофилъ Кроликъ, выпустила двухъ студентовъ, Ивана Каргопольскаго и Тараса Посникова, окончившихъ образованіе въ Парижѣ и извѣстныхъ переводомъ книги Ѳеодорита о Промыслѣ [3]).

Въ послѣдующія царствованія мы также находимъ въ заграничныхъ учебныхъ заведеніяхъ прежде всего воспитанниковъ нашихъ духовныхъ школъ. Симонъ Тодорскій, окончивъ курсъ въ Кіевской академіи [4]), десять лѣтъ провелъ въ разныхъ

---

[1]) *Н. И. Барсовъ*, Черты исторіи и быта. Истор. Вѣсти. 1891 г., № 12; стр. 743. Здѣсь приведены и другіе важнѣйшіе факты изъ жизни Ѳ. Кролика.

[2]) Ibid., стр. 743—744.

[3]) *С. Смирновъ*, Ист. моск. акад., стр. 130.

[4]) А не въ московской, какъ говоритъ г. *Бильбасовъ* въ Исторіи Екат. II, т. 1, стр. 113.

университетахъ заграницей, изъ нихъ четыре года слушалъ лекціи въ галльскомъ университетѣ, обучаясь тамъ на средства митроп. Кіевскаго Рафаила [1]). Это былъ также научно-образованный богословъ, къ сожалѣнію, въ значительной степени зараженный историко-критическими взглядами на богословіе, сильно распространявшимися въ то время въ галльскомъ университетѣ и развитыми позднѣе Землеромъ. Тодорскій былъ послѣ законоучителемъ принцессы Софіи, будущей Екатерины II, и умеръ въ санѣ псковскаго архіепископа въ 1754 г. Въ этомъ же году посланъ былъ заграницу, по окончаніи курса въ академическомъ университетѣ, Степ. Яковл. Румовскій (1734—1812), сынъ священника, учившійся раньше въ невской семинаріи; онъ два года занимался въ Берлинѣ подъ руководствомъ Леонарда Эйлера и впослѣдствіи пріобрѣлъ не только славное имя, какъ астрономъ и физикъ, но и почетную извѣстность одного изъ главныхъ дѣятелей въ составѣ Россійской академіи по изученію русскаго языка. Гедеонъ Вишневскій, бывшій епископомъ смоленскимъ († 1761 г.), тоже воспитанникъ Кіевской академіи, докончилъ образованіе свое заграницей съ дипломомъ доктора философіи [2]). Амвросій Зертисъ - Каменскій, впослѣдствіи архіепископъ московскій (убитъ въ 1771 г.), послѣ Кіева два года учился въ славившейся тогда Львовской академіи [3]). Изъ свѣтскихъ писателей русскихъ получили образованіе заграницей: В. Н. Татищевъ—въ Германіи, В. К. Тредьяковскій въ Голландіи и въ Парижѣ (въ Сорбоннѣ изучалъ богословіе) и знаменитый Ломоносовъ—въ Марбургѣ и Фрейбургѣ. Изъ воспитанниковъ духовныхъ школъ должно упомянуть Ивана Хмѣльницкаго, послѣ Кіевской академіи слушавшаго уроки въ Кенигсбергскомъ университетѣ и удостоеннаго тамъ степени доктора филосо-

[1]) *Арх. Филаретъ*, Обз. дух. лит., ч. II, стр. 325. *М. Евгеній*, Слов. историч. т. II, стр. 220.

[2]) Обз. дух. лит., т. II, стр. 329.

[3]) Слов. историч., т. I, стр. 22. Обз. дух. лит., т. II, стр. 243.

фіи [1]), и Константина Крыжановскаго, также воспитанника Кіевской академіи, докончившаго образованіе свое заграницей[2]). Занятіе русскими Кенигсберга въ 1758 году открыло для русской молодежи новую возможность получать высшее образованіе въ тамошнемъ университетѣ. Въ 1759 г. десять студентовъ московскаго университета отправлены были въ Кенигсбергъ въ качествѣ переводчиковъ для нашей губернской канцеляріи [3]). Но такъ какъ они очень плохо знали нѣмецкій языкъ и потому на первыхъ порахъ не могли заниматься, то имъ „велѣно было пріискивать себѣ учителей и мѣста, гдѣ бы имъ и чему учиться, что они и не преминули сдѣлать и чрезъ короткое время разобрались по разнымъ профессорамъ и иные стали штудировать философію, иные медицину, нѣкоторые физику, а иные металлургію“ [4]). Всѣ эти студенты, по отзыву Болотова, „были не вертопрахи и не шалуны, а прилежные и къ наукамъ склонные молодые люди“ [5]). „Я могу сказать, что я въ образованіи своемъ весьма много и имъ обязанъ“ [6]). Болотовъ особенно близко познакомился съ двумя изъ этихъ десяти студентовъ, Садовскимъ и Малиновскимъ [7]); они слушали потомъ философію у проф. Веймана и, по отзыву Болотова, сильно „плѣнились“ сею новою философіей [8]). Болотовъ же упоминаетъ и о другихъ молодыхъ русскихъ, обучавшихся въ кенигсбергскомъ университетѣ. Такъ, подъ 1760 годомъ у него записано, что присланъ былъ изъ Петербурга одинъ изъ дальнихъ родственниковъ перваго

---

[1]) По возвращеніи въ Россію, онъ былъ членомъ сочинителемъ въ комиссіи составленія проекта новаго уложенія. Обз. дух. лит., т. II, стр. 353.

[2]) Ibid., стр. 358.

[3]) Записки *А. Т. Болотова*, Спб. 1871. т. I; стр. 937.

[4]) Ibid., стр. 939.

[5]) Ibid., стр. 960—961.

[6]) Ibid, стр. 961.

[7]) Ibid, стр. 985.

[8]) Ibid., стр. 986.

секретаря при русскомъ губернаторѣ въ Кенигсбергѣ Чонжина, изъ фамиліи Чоглоковыхъ, „для отданія его въ тамошній университетъ учиться языкамъ и наукамъ“ [1]). Тамъ же учился въ то же время сынъ генерала Хомутова, служившаго въ Кенигсбергѣ [2]).

Всѣ названныя нами болѣе замѣчательныя лица не обнимаютъ, можетъ быть, и половины русскихъ людей, учившихся заграницей; извѣстно не мало и другихъ, духовныхъ и свѣтскихъ, которые также ради науки отправлялись „во страну далече“ и въ учебныхъ заведеніяхъ западной Европы искали свѣта высшаго знанія. Важно то, что во всѣхъ указанныхъ фактахъ обнаруживается именно жажда высшаго знанія и стремленіе внести его въ русское общество [3]). Съ царствованія Екатерины II это движеніе русскихъ молодыхъ людей въ заграничныя учебныя заведенія естественно должно было усилиться еще болѣе, вслѣдствіе болѣе тѣснаго общенія Россіи съ Западной Европой и потребности возвысить уровень нашихъ знаній до современнаго уровня западноевропейскаго.

Что же давало русскимъ людямъ, учившимся заграницей, западное образованіе? Основательный отвѣтъ на этотъ вопросъ, безъ сомнѣнія, былъ полонъ глубокаго интереса и поучительности; но онъ требуетъ многихъ предварительныхъ изысканій, весьма нелегкихъ, и возможенъ только тогда, когда мы прослѣдили бы образовательное вліяніе Запада на русскихъ людей, учившихся тамъ, по сочиненіямъ этихъ послѣднихъ, и указали бы связь ихъ съ западноевропейскими источниками [4]);

---

[1]) Ibid., стр. 98 [1].

[2]) Ibid., стр. 989.

[3]) Но бывали, впрочемъ, и печальныя исключенія. При Елисав. Петр. много русскихъ молодыхъ богачей поѣхало во Францію подъ предлогомъ ученья; но большая часть ихъ проводила тамъ время въ разгулѣ. *Арх. кн. Воронцова*, т. II; стр. 319—320, 326, 334, 339, 341—342. т. III; стр. 153, 307.

[4]) Для свѣтской литературы это отчасти сдѣлано *Алексѣемъ Веселовскимъ* въ соч.: Западное вліяніе въ новой русской литературѣ. М., 1883.

но это уже вовсе не входитъ въ рамки нашего изслѣдованія. Для нашей цѣли интереснѣе было бы выяснить то новое, что привнесено съ Запада въ наши спеціально духовныя школы, въ ихъ учебный курсъ, въ ихъ духъ и строй; но и этотъ предметъ требуетъ особаго изслѣдованія, выполненіе котораго превышаетъ имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи средства, а потому мы ограничимся нѣсколькими общими замѣчаніями по поводу послѣдняго вопроса.

Богословская наука на Западѣ, какъ извѣстно, все время развивалась въ направленіи, существенно отличномъ отъ того, въ какомъ она получала свое начало въ древней Россіи. Тамъ католицизмъ или позднѣе протестантизмъ, у насъ восточное православіе въ духѣ греческихъ отцовъ церкви. Кіевская академія съ самаго начала своего существованія силою обстоятельствъ поставлена была въ близкое отношеніе къ католицизму; нѣкоторые изъ ея выдающихся дѣятелей завершали наше образованіе въ высшихъ католическихъ школахъ, вслѣдствіе чего въ борьбѣ съ католицизмомъ они иногда не могли не дѣлать хотя бы невольныхъ уступокъ послѣднему; иногда же употребляли противъ него тоже оружіе, какимъ пользовались протестантскіе богословы: нѣкоторая общность интересовъ—борьба тѣхъ и другихъ съ католицизмомъ въ данномъ случаѣ невольно также сближала русскихъ богослововъ съ протестантскими, и особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда русскіе завершали свое образованіе въ высшихъ протестантскихъ школахъ Запада. Вообще образъ мыслей русскихъ богослововъ получалъ ту или иную окраску въ зависимости отъ того, на какихъ сочиненіяхъ они сами были воспитаны. Конечно, главное здѣсь заключается въ пріемахъ и въ частныхъ подробностяхъ раскрытія той или другой богословской истины; сущность же и основа православнаго ученія оставалась неприкосновенною и ревниво оберегалась отъ всякихъ поползновеній къ ея искаженію или превратному толкованію. Тѣмъ не менѣе слѣды того или другаго вліянія,—католиче-

скаго или протестантскаго,—можно замѣчать у многихъ изъ тѣхъ духовныхъ ученыхъ русскихъ, которые довершали свое образованіе на Западѣ. Самый рельефный примѣръ этого представляютъ два выдающіеся богослова Петровской эпохи: Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ. Еще покойный Хомяковъ совершенно справедливо замѣтилъ, что въ сочиненіяхъ Яворскаго видна „католическая окраска", а въ сочиненіяхъ Прокоповича „окраска протестантская", а Н. П. Барсовъ, припомнившій этотъ отзывъ Хомякова, добавляетъ, что „можетъ быть даже болѣе, чѣмъ окраска"... [1]). Мать Екатерины II, княгиня цербтская, изъ бесѣдъ своихъ съ Симономъ Тодорскимъ, въ то время архимандритомъ и законоучителемъ принцессы Софіи, вынесла убѣжденіе, что онъ преимущественно прилежалъ къ лютеранскому вѣроисповѣданію (il s' est préférablement appliqué à la religion lutherienne) [2]). Какъ бы то ни было, польза отъ заграничнаго ученія для русскихъ воспитанниковъ духовныхъ школъ была громадна. Знакомство съ чужими формами жизни и мысли помогло русскимъ богословамъ прежде всего стать въ прямое отношеніе къ инославнымъ христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ, узнать эти послѣднія не только по книгамъ, но и въ ихъ практическомъ, жизненномъ примѣненіи. Кромѣ того, въ возможности доканчивать свое образованіе заграницей, преимущественно въ протестантскихъ заведеніяхъ, воспитанники русскихъ духовныхъ школъ могли видѣть новое орудіе для успѣшной борьбы съ католицизмомъ, къ которому русскіе всегда относились съ большимъ несочувствіемъ. Вслѣдствіе исторической необходимости, богословское ученіе въ московской Руси должно было на время подчиниться вліянію юго-западныхъ ученыхъ, преимущественно кіевскихъ, отличавшихся иногда католическими симпатіями; но тѣмъ съ большею энергіей великоруссы старались сбросить

[1]) Черты исторіи и быта. *Ист. Вѣстн.* 1891 г. № 12, стр. 739.

[2]) *В. А. Бильбасовъ.* Ист. Екат. II. Т. I; стр. 92, прим. 1.

съ себя иго этого подчиненія, когда увидѣли, что для нихъ открытъ широкій путь въ страну протестантства, издавна полемизировавшаго съ католицизмомъ.

Переходимъ теперь къ проекту богословскаго факультета и связанному съ нимъ заграничному ученію Дм. Семенова—Руднева.

Мы знаемъ, что еще въ царствованіе Елизаветы Петровны для высшаго образованія въ Россіи положено было прочное основаніе въ видѣ перваго университета въ Москвѣ (1755 г.). Мысль о немъ, приведенная въ исполненіе И. И. Шуваловымъ, составляла, какъ извѣстно, вѣнецъ всѣхъ мыслей перваго нашего ученаго Ломоносова: это была его завѣтная мысль [1]). Можно думать, что онъ же, самъ долго учившійся заграницей ради высшаго образованія, предложилъ просвѣщенной Екатеринѣ и мысль объ отправленіи молодыхъ людей изъ семинарій въ заграничные университеты. Фактически извѣстно, что Ломоносовъ въ 1764 году сдѣлалъ предложеніе отправить заграницу семь русскихъ студентовъ [2]). Ломоносову хорошо были знакомы нравы духовныя школы, ибо онъ самъ учился въ нихъ; извѣстно было также и правительству, что духовное образованіе стояло у насъ выше свѣтскаго: первое имѣло за собою длинную исторію, выработало извѣстные, опредѣленные пріемы обученія и вообще располагало гораздо бо́льшими средствами для успѣшнаго достиженія цѣли, нежели свѣтское; а потому естественно и понятно, почему Екатерина, задумавъ реформу высшаго духовнаго образованія, обратилась прямо къ духовнымъ семинаріямъ. Хотя иниціативу этого дѣла Екатерина и взяла на себя, но такъ какъ, по естественнымъ и весьма понятнымъ причинамъ, она не могла быть достаточно

---

[1]) Письма Ломоносова къ гр. Воронцову и И. Шувалову показываютъ, какъ сильно хлопоталъ онъ объ утвержденіи грамоты или привиллегіи на открытіе университета: „сіе (писалъ онъ Шувалову еще въ 1760 г.) будетъ конецъ моего попеченія о успѣхахъ въ наукахъ сыновъ россійскихъ“.

[2]) *П. Пекарскій*, Ист. И. Ак. н., т. II; стр. 850—851.

компетентной въ вопросахъ богословскаго образованія, то мы и видимъ во всемъ этомъ дѣлѣ отсутствіе ясно поставленныхъ цѣлей, недостатокъ надлежащаго вниманія къ задуманной реформѣ и въ концѣ концовъ слишкомъ незначительные плоды отъ всего этого предпріятія, а со стороны самой государыни даже полное забвеніе о немъ.

Мысль о реформѣ высшаго богословскаго образованія въ своемъ развитіи прошла нѣсколько фазисовъ, причемъ должно сказать, что переходы отъ одного къ другому не всегда представляются ясными. Мы изложимъ этотъ проектъ по архивнымъ матеріаламъ со всею подробностію, какой онъ заслуживаетъ, какъ интересная и поучительная страница въ исторіи высшаго духовнаго образованія въ Россіи.

Въ самомъ началѣ у Екатерины была мысль послать семинаристовъ только въ Англію—въ университеты оксфордскій и кембриджскій. Выборъ Англіи и особенно этихъ двухъ заведеній едва-ли можно объяснять сочувствіемъ Екатерины къ внутреннему теократическому развитію англиканской церкви, къ ея неуклонной ортодоксальности, вошедшей даже въ пословицу; скорѣе всего тутъ дѣйствовало чье-нибудь постороннее вліяніе.

21 мая 1765 года въ Св. Синодѣ [1]) было прочитано предложеніе д. ст. сов. и синодальнаго оберъ-прокурора И. И. Мелиссино слѣдующаго содержанія: „Сего мая 6 дня государыня, въ бытность мою въ Сарскомъ селѣ, соизволила указать объявить Синоду, чтобы изъ обучающихся въ семинаріяхъ учениковъ, кои дошли уже до реторики, и какъ въ понятіи хорошую о себѣ подаютъ надежду, такъ и въ частныхъ поступкахъ предъ прочими взяли преимущество, избрать 10 человѣкъ для отправленія ихъ въ Англію, дабы въ универ-

[1]) Св. Синодъ составляли въ то время слѣд. члены: Димитрій (Сѣченовъ), митр. новгородскій, Гавріилъ, архіеп. С.-петербургскій, Аеанасій, еп. Ростовскій, Лаврентій, архим. свято-троицкой лавры; оберъ-секретаремъ былъ Михайло Остолоповъ.

ситетахъ оксфордскомъ и кембриджскомъ въ пользу государства высшихъ обучаться могли наукъ, не исключая, какъ онъ же, оберъ-прокуроръ, Св. Синоду 20 мая словесно предлагалъ [1]),— и богословіи; а чтобъ они, находясь въ тѣхъ мѣстахъ, въ порядкѣ себя содержали [2]), избрать инспекторами двухъ человѣкъ такихъ, которымъ бы о помянутыхъ студентахъ попеченіе съ надеждою ожидаемой отъ нихъ пользы поручить возможно было; если же паче чаянія таковыхъ способныхъ инспекторовъ и учениковъ по намѣренію Е. И. В. не найдется, то избрать въ Московскомъ Императорскомъ университетѣ“ [3]). При этомъ обѣщаны были деньги на содержаніе и рекомендаціи, къ кому нужно. Слѣдующее за этимъ словесное предложеніе оберъ-прокурора Св. Синоду 25 мая интересно въ томъ отношеніи, что въ немъ мы въ первый разъ встрѣчаемся съ мыслью о необходимости спеціальнаго изученія восточныхъ языковъ; но съ этимъ не совсѣмъ какъ-то вяжется другая мысль, которая явно сквозитъ въ предложеніи оберъ-прокурора, что семинаристы должны быть посланы заграницу въ надеждѣ послужить потомъ исключительно духовному образованію въ Россіи. Въ предложеніи сказано, что „Е. И. В., *имѣя ревность и попеченіе къ пользѣ православной церкви*, 21 мая вторично указать соизволила объявить Св. Синоду, чтобъ показанные семинаристы были отправлены въ Англію для изученія восточныхъ языковъ и высшихъ наукъ“. Насколько увлекалась Екатерина своимъ проектомъ, видно изъ того, что уже 26 мая она приказала коллегіи экономіи президенту кн. Серг. Вас. Гагарину отпустить и отослать въ Св. Синодъ изъ экономическихъ доходовъ 500 руб. серебряною монетою на расходы назначеннымъ къ отправленію въ Англію ни-

---

[1]) Предложеніе было подписано 16 мая и, очевидно, было извѣстно Синоду раньше 21 мая, когда было прочитано.

[2]) Правительство помнило еще, можетъ быть, непорядочную жизнь Ломоносова, въ видѣ надѣланныхъ имъ заграницею долговъ.

[3]) *Арх. Св. Син.* Дѣло 1765 года, № 250; стр. 1.

спекторамъ и семинаристамъ [1]), каковыя деньги и были немедленно получены въ Св. Синодѣ (1-го іюня). Немедленно же въ Св. Синодѣ состоялось слѣдующее приказаніе: для отправленія въ Англію выслать въ Св. Синодъ изъ слѣдующихъ мѣстъ: въ инспекторы—учителей: новгородской семинаріи—Мину Исаева, тверской—Василія Верещагина (если пожелаетъ), да изъ святотроицкой Сергіевской лавры—Семена Башилова; въ студенты вытребовать: изъ московской академіи троихъ, изъ семинаріи новгородской и тверской по два, изъ святотроицкой Сергіевой лавры троихъ и изъ петербургской семинаріи двоихъ; обо всѣхъ вообще сказано, что они должны быть такіе, „которые бы ученіемъ дошли до регорики или болѣе, и притомъ были житія и состоянія честнаго и безпорочнаго, къ наукамъ прилежные и понятные и предъ прочими ихъ сверстниками во всемъ имѣли преимущество и хорошую о себѣ подавали надежду, наипаче въ томъ, что они, будучи въ Англіи, яко въ иностранномъ государствѣ, чрезъ наиприлежнѣйшую свою къ наукамъ охоту заслужить похвальное себѣ имя, и употребленный на тамошнее ихъ содержаніе казенный коштъ не напрасно истраченъ будетъ“ [2]); „для того ректорамъ каждому о своихъ ученикахъ учинить письменную какъ о ученіи, также и о состояніи ихъ рекомендацію“ [3]). Что касается возраста избираемыхъ учениковъ, то, по требованію Св. Синода, они должны были имѣть отъ 16 до 18 лѣтъ; „се ежели въ комъ усмотрится особливая острота и къ наукамъ охота, то хотя и до 20 лѣтъ“. На проѣздъ до Петербурга, на дорожные расходы, а также и на пребываніе ихъ въ столицѣ до отправленія заграницу Св. Синодъ положилъ выдать: учителямъ—Исаеву 30 руб., Верещагину 35 руб. и Башилову 40 руб., и студентамъ: московской академіи и лавры по 30, новгородской семинаріи по 20

[1]) Ibid., стр. 2.
[2]) Ibid., стр. 6 об.
[3]) Ibid., стр. 7.

и тверской по 25 руб. каждому, а всѣмъ вмѣстѣ 375 рублей изъ имѣвшихся въ распоряженіи Синода 500 руб. [1]).

Такъ началось это дѣло. Авторъ статьи „Проектъ богословскаго факультета при Екатеринѣ II“ [2]) справедливо полагаетъ, что это распоряженіе государыни объ отправкѣ десяти человѣкъ лучшихъ семинаристовъ въ англійскіе университеты было сдѣлано болѣе по геніальному вдохновенію, чѣмъ по зрѣлому размышленію, что для самой Екатерины не ясна была цѣль, съ какою она желала послать семинаристовъ въ Англію. Но при этомъ автору какъ будто представляется нѣсколько страннымъ это обращеніе императрицы къ духовнымъ заведеніямъ. На самомъ дѣлѣ во всемъ этомъ нѣтъ ничего непонятнаго и страннаго. Во первыхъ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что съ приложеніемъ къ духовнымъ школамъ новыхъ требованій вѣка вопросъ о выборѣ и спеціальномъ приготовленіи учителей для нихъ долженъ былъ занять вниманіе правительства. Разъ признавъ состояніе духовныхъ школъ неудовлетворительнымъ, а учителей этихъ школъ „неискусными“,—хотя такое признаніе являлось вовсе не какъ результатъ личнаго знакомства съ этими школами,—императрица, естественно, должна была позаботиться о подготовкѣ лучшихъ педагогическихъ силъ, и съ этою именно цѣлію желала послать лучшихъ семинаристовъ въ англійскіе университеты, все равно какъ съ тою же цѣлію поднятія богословскаго образованія задуманъ былъ и богословскій факультетъ въ Москвѣ. Во вторыхъ, странно было служивать кругъ научныхъ занятій до одного только богословія: любимая мечта Екатерины о перерожденіи русскаго народа путемъ образованія и лучшаго устройства общественнаго и государственнаго быта стояла бы тогда въ явномъ противорѣчіи съ такою ограниченностью взгляда. Смотря на образованіе какъ

---

[1]) Ibid., стр. 7.

[2]) *Вѣстн. Евр.* 1873 г., № 11; стр. 302—303

на всестороннее развитіе умственныхъ и нравственныхъ способностей человѣка, нельзя было въ то же время держаться исключительно утилитарнаго понятія о немъ, какъ объ одной лишь выучкѣ чему-нибудь опредѣленному.

Если посмотримъ на дѣло съ другой стороны, то и тутъ найдемъ обращеніе къ духовнымъ семинаріямъ вполнѣ цѣлесообразнымъ. Широко задуманный Екатериною планъ просвѣщенія Россіи устройствомъ народныхъ школъ никоимъ образомъ не могъ бы быть выполненъ безъ участія духовныхъ школъ, и слѣдовательно прежде всего нужно было позаботиться о лучшемъ устройствѣ этихъ школъ. Послѣднія должны были послужить источникомъ, изъ котораго правительство обильно почерпало бы необходимыя силы для распространенія народнаго образованія въ Россіи. Какъ и всегда, и въ духовенствѣ, и въ тогдашней духовной школѣ можно отыскать не мало темныхъ сторонъ, недостатковъ, пробѣловъ; но общіе выводы, какіе мы вздумали бы дѣлать изъ этого и которыя можно встрѣчать у нѣкоторыхъ историковъ литературы Екатерининскаго царствованія [1]), о степени образованности тогдашняго духовенства, были бы крайне несправедливы. Болѣе обстоятельное и безпристрастное изслѣдованіе другой стороны дѣла показываетъ намъ, что духовныя школы въ Россіи стояли въ то время безъ всякаго сравненія выше свѣтскихъ [2]), которыхъ, притомъ, было слишкомъ мало [3]); а весьма многія духовныя лица были настолько образованны, что въ ихъ средѣ находились люди, достойные стоять на са-

---

[1]) *А. Зеленовъ.* И. И. Новиковъ. Спб. 1875; стр. 4—5.

[2]) Припомнимъ отзывъ Г. Р. Державина о казанской гимназіи, въ которую онъ поступилъ въ годъ ея открытія (1759): „насъ учили вѣрѣ безъ катихизиса, языкомъ безъ грамматики, числамъ и измѣренію безъ доказательствъ, музыкѣ безъ нотъ“, и т. д. Записки, стр. 13.

[3]) „Одна академическая гимназія въ Петербургѣ, три или четыре военныхъ училища, двѣ гимназіи въ Москвѣ и одна въ Казани—вотъ всѣ средства, которыми располагало свѣтское образованіе въ Россіи“. С. *Соловьевъ,* Истор. Россіи, т. XXVI, стр. 321.

момъ видномъ мѣстѣ въ исторіи свѣтскаго образованія. Припомнимъ, какъ, уже позднѣе Екатерины, въ царствованіе Александра I, главное правленіе училищъ выражало свою признательность духовному сословію за его существенное содѣйствіе для народнаго образованія: „Россійскому духовенству,—сказано въ журналѣ главнаго правленія училищъ,—отечество наше одолжено со стороны просвѣщенія; науки первое пристанище въ Россіи нашли въ духовномъ званіи; въ немъ они имѣли первыхъ своихъ любимцевъ. Въ доказательство сего можно здѣсь торжественно указать на тѣ случаи, когда духовенство наше доставило государству болѣе трехсотъ учителей при учрежденіи народныхъ училищъ“ [1]). Не должны мы забывать и того, печальнаго, отчасти, явленія, что со времени учрежденія высшихъ учебныхъ заведеній свѣтскихъ, воспитанники духовныхъ семинарій часто должны были поступать туда не столько по собственному желанію, сколько по распоряженію свѣтскаго начальства. Начиная съ учрежденія академическаго университета (въ 1747 г.) и дальше, семинаріи, можно сказать, были обираемы свѣтскою властію и часто лишались лучшихъ своихъ воспитанниковъ. Такъ, напр., во вновь учрежденномъ при академіи наукъ университетѣ президенту гр. К. Г. Разумовскому угодно было составить первый штатъ студентовъ изъ воспитанниковъ александроневской и новгородской семинарій и московской академіи. Несмотря на нежеланіе архіереевъ и на отписку Св. Синода, представлявшаго, что воспитанники нужны семинаріямъ, обучающимъ ихъ „въ надежду священства“ и для собственныхъ нуждъ церкви,—требуемое число—30—студентовъ были набраны изъ указанныхъ заведеній. Насколько безцеремонно иногда поступала свѣтская власть съ духовными школами, видно, напр., и изъ того, что въ комиссію объ учрежденіи народныхъ училищъ вытребовано въ 1785—6 г.г. изъ александроневской семинаріи

---

[1]) *М. И. Сухомлиновъ*, Изслѣдов. и статьи по рус. лит. и просвѣщ. т. I. Спб. 1889; стр. 67.

столько воспитанниковъ, что высшіе классы почти опустѣли, и митр. Гавріилъ затруднялся въ отысканіи достойныхъ и способныхъ людей къ занятію священническихъ и діаконскихъ мѣстъ въ своей епархіи [1]). Таково было положеніе духовныхъ и свѣтскихъ школъ въ описываемое нами время: семинаріи отдавали лучшихъ своихъ питомцевъ на пользу свѣтскаго образованія въ Россіи; выставили онѣ лучшихъ учениковъ и для задуманной Екатериною посылки русскихъ студентовъ заграницу.

1-го іюля 1765 г. Гавріилъ, епископъ тверской, донесъ Св. Синоду, что учитель Верещагинъ[2]) проситъ уволить его отъ посылки, а въ студенты изъ его семинаріи назначены и отправлены въ Петербургъ 1 го іюля ученикъ философіи Прохоръ Суворовъ, 15 лѣтъ, и ученикъ реторики Терентій Новоселовъ, 16 лѣтъ; при нихъ была и рекомендація ректора тверской семинаріи архим. Макарія объ ихъ успѣхахъ, въ которой говорилось, что они „чрезъ все пребываніе и ученіе ихъ въ семинаріи поступали всегда и во всемъ честно и безпорочно; кромѣ отмѣнныхъ добродѣтелей и постоянства, никакого за ними подозрительства не оказалось; въ наукахъ отмѣнные во всѣхъ школахъ успѣхи показывали, почему, неусыпное имѣя прилежаніе, предъ всѣми сверстниками своими преимущество получили и тѣмъ весьма изрядную впредь о себѣ имѣть надежду подаютъ“ [3]). Ректоръ славяно-греко-латинской академіи архим. Геннадій того же 1-го іюля

---

[1]) *П. Чистовичъ*, Исторія С.пбургской дух. акад. Спб. 1857; стр. 56—57, 58—59.

[2]) Василій Верещагинъ (род. 27 янв. 1736 г.) въ 1767 г. принялъ монашество, съ именемъ Арсенія, и въ 1773—1775 гг. былъ епископомъ архангельскимъ, въ 1775—1783—тверскимъ, а послѣ ростовскимъ. Это былъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ архипастырей XVIII в. О немъ см. „Тверскіе архипастыри-ревнители духовнаго просвѣщенія въ XVIII в.“, *Н. А. Крицкаго*. Тверь. 1887; особ. стр. 36 и до конца. *А. Титова*, „Послѣдній ростовскій архіепископъ Арсеній IV, Верещагинъ“. Ист. Вѣстн. 1886 г., № 2 стр. 393 и сл.

[3]) *Арх. Св. Син.* Дѣло 1765 г., № 250; стр. 27.

донесъ Св. Синоду, что по его усмотрѣнію выбраны и посылаются изъ философіи Алексѣй Левшиновъ, а изъ реторики Василій Багрянскій и Петръ Розановъ; въ аттестатахъ, которые имъ были выданы, сказано, что Левшинову 20-й годъ, Багрянскому тоже, а Розанову 19 лѣтъ. Намѣстникъ св. троицкой Сергіевой лавры іеромонахъ Іоаннъ 4-го іюля донесъ Св. Синоду, что въ студенты посылаются, съ приложеніемъ ихъ аттестатовъ [1]), ученики богословіи Михаилъ Быковъ и Дмитрій Новиковъ и философіи Иванъ Наумовъ, а инспекторомъ учитель Семенъ Башиловъ. Въ то же самое время московская типографическая контора рапортовала въ Св. Синодъ, что по указу Е. И. В. выдано на проѣздъ до Петербурга и на содержаніе въ немъ учителю Башилову 40 руб., а каждому изъ студентовъ по 30, а всѣмъ 220 руб. серебряною монетою [2]). Св. Синодъ, по полученіи доношенія тверского епископа, уволилъ учителя Верещагина, а на его мѣсто былъ вызванъ 15 іюля 1765 г. пожелавшій отправиться въ качествѣ инспектора учитель еврейскаго и греческаго языка въ московской академіи Василій Никитинъ[3]). Вотъ въ это самое время выступаетъ и Дм. Семеновъ-Рудневъ. Въ томъ же іюлѣ мѣсяцѣ онъ беретъ изъ Крутицкой духовной консисторіи паспортъ и, какъ сказано въ немъ, „для нѣкоторой надобности“ [4]) отправляется въ Петербургъ, а 18 іюля мы уже видимъ его въ Св. Синодѣ, куда онъ явился лично для подачи слѣдующаго доношенія: „Находился я въ Крутицкой семинаріи съ 1761 года учителемъ и обучалъ реторику, піитику и греческаго діалекта, какъ въ данномъ мнѣ для пропуску въ С.-Петербургъ отъ Крутицкой духовной консисторіи паспортѣ свидѣтельствуетъ. А нынѣ увѣдомился я, что имянным Е. И. В.

---

[1]) Ibid. стр. 61—63.

[2]) Ibid., стр. 29.

[3]) Ibid., стр. 34 и слѣд. Никитинъ явился въ Св. Синодъ 24 авг. 1765г.; стр. 95.

[4]) Ibid, стр. 42.

высочайшимъ указомъ велѣно обучавшихся въ семинаріяхъ учениковъ отправить въ Англію для обученія восточныхъ языковъ и высшихъ наукъ и при нихъ инспекторовъ двухъ человѣкъ. Того ради Св. Правит. Синода всепокорно прошу съ отправляющимися въ Англію учениками и инспекторами и меня нижайшаго отправить по милостивому вашего святѣйшества разсмотрѣнію“ [1]). Насколько сильно было въ немъ желаніе учиться, видно изъ того, что онъ, не надѣясь, вѣроятно, на это свое прошеніе, какъ волонтеръ, превышавшій требуемое число студентовъ, вторично явился въ канцелярію Св. Синода и заявилъ тамъ, въ дополненіе своего прошенія и чтобы имѣть большій успѣхъ, что онъ, кромѣ латинскаго діалекта, также низшихъ и высшихъ наукъ, о чемъ явствуетъ по вѣдомостямъ, обучался еще по своей охотѣ въ московской академіи греческому съ первыхъ чиселъ сент. 1756 г. да еврейскому языку съ первыхъ чиселъ сент. 1758 по 1761 годъ [2]). Семенову въ то время было почти 30 лѣтъ; но онъ, изъ любви къ ученью, не устыдился въ свои лѣта снова сдѣлаться ученикомъ и съ великою охотою вызвался быть инспекторомъ при молодыхъ людяхъ и вмѣстѣ съ ними работать для удовлетворенія своей любознательности... Св. Синодъ по прошенію Семенова постановилъ: доложить о немъ тогда, когда назначенные къ отправленію въ Англію ученики всѣ въ Св. Синодъ явятся [3]). Этого пришлось ожидать не долго. 22 іюля получены были въ Св. Синодѣ донесенія Димитрія, митрополита новгородскаго, и Гавріила, архіепископа петербургскаго; первый писалъ, что кромѣ Мины Исаева изъ новгородской семинаріи отправлены ученики реторики священническія дѣти Василій Антонскій, 16 лѣтъ, и Егоръ Андреевскій, 18 лѣтъ; про учителя Исаева сказано, что онъ

---

[1]) Ibid., стр. 40.

[2]) Ibid., стр. 41.

[3]) Ibid,. стр. 43.

„человѣкъ честный, постоянный и въ ученіи искусный“ [1]). Архіепископъ петербургскій говорилъ, что по его приказанію префектомъ семинаріи іеромон. Исаіей выбраны достедшіе до реторики ученики Семенъ Матвѣевскій, 17 лѣтъ, и Мартынъ Клевецкій, такихъ же лѣтъ [2]). Того же дня въ нотатѣ Св. Синода было записано: „Хотя имяннымъ указомъ и велѣно въ Англію отправить учениковъ 10 да инспекторовъ двухъ, но оныхъ нынѣ явилось 16 человѣкъ, которые всѣ люди надежные, и для того Синодъ, въ надеждѣ на матернія Е. И. В. щедроты разсуждаетъ отправить инспекторами двухъ, да для экономіи двухъ, а учениковъ 12 человѣкъ, и о томъ поднесть Е. И. В. всеподданѣйшій докладъ“ [3]). Такимъ образомъ оказался излишекъ учителей (2) и учениковъ (2); въ это число попалъ и Дм. Семеновъ-Рудневъ. Въ докладѣ, писанномъ 25 іюля, Синодъ, объяснивъ образовавшійся излишекъ, просилъ государыню отправить всѣхъ, какъ людей надежныхъ [4]). Екатерина утвердила мнѣніе Синода, изложенное въ докладѣ, 2-го сент. 1765 г. въ Царскомъ Селѣ, и тогда же приказала причислить къ отправляемымъ въ Англію находившагося при Григ. Тепловѣ канцеляриста Александра Буховецкаго „для обученія оріентальныхъ языковъ“ [5]). Но еще прежде утвержденія этого доклада случилось одно обстоятельство, котораго нельзя пройти молчаніемъ. Въ августѣ 1765 года 13 человѣкъ учителей и студентовъ подали въ Св. Синодъ коллективное доношеніе, въ коемъ излагали, что полученныя ими на проѣздъ до Петербурга и на содержаніе въ немъ деньги всѣ издержаны, и просили выдать имъ еще. Положеніе будущихъ оксфордскихъ и кембриджскихъ

[1]) Ibid., стр. 56.

[2]) Ibid, стр. 57 об.

[3]) Ibid., стр. 74.

[4]) Ibid., стр. 78 об.; при докладѣ приложенъ и реестръ учителей и студентовъ, назначаемыхъ къ посылкѣ въ Англію; стр. 80—81.

[5]) Письмо Гр. Теплова къ Мелиссино, ibid. стр. 109. Въ Синодѣ это

студентовъ было, дѣйствительно, весьма незавидное, и потому Синодъ немедленно распорядился (22 авг.) выдавать имъ „кормовыя“ деньги—учителямъ по 20, а ученикамъ по 10 коп. на день [1]). Отпущенная первопачально на студентовъ сумма 500 руб. приходила къ концу, а потому 25 авг. Мелиссино предложилъ Синоду, что такъ какъ инспекторы и студенты „по обстоятельствамъ“ нѣсколько еще времени должны прожить въ Петербургѣ и содержаться имъ будетъ нечѣмъ, о чемъ онъ докладывалъ государынѣ, то она соизволила объявить Синоду, чтобы надлежащая, по его разсмотрѣнію, на содержаніе студентовъ сумма, сверхъ отпущенныхъ 500 руб., была взята изъ той же коллегіи экономіи [2]). Синодъ опредѣлилъ истребовать изъ конторы коллегіи экономіи еще 500 рублей [3]). Вскорѣ, однако, ему пришлось снова обращаться за помощью къ Екатеринѣ, ибо 9-го сентября отъ учителей и учениковъ снова подано было въ Св. Синодъ коллективное прошеніе, въ коемъ они, указывая на невозможность пропитываться отпускаемыми деньгами и на необходимость имѣть теплое платье въ виду приближающейся зимы, просили Синодъ назначить учителямъ опредѣленное жалованье, приблизительно въ размѣрѣ получавшагося ими ранѣе [4]), а ученикамъ выдать денегъ на платье, обувь и пр. и нанять для всѣхъ общую квартиру, съ прислугою и дровами, гдѣ бы они „съ лучшею удобностію всему тому, что къ будущему отправленію надобно, обучаться могли“ [5]); въ томъ же смыслѣ

предложеніе Мелиссино слушано 2 сент. 1765 г., а 3-го сент. поступило въ Синодъ донесеніе Буховецкаго, въ коемъ онъ просилъ оставить за нимъ до отъѣзда получаемое имъ жалованье въ 250 р., необходимое ему для выплаты своихъ долговъ и для болѣе или менѣе сноснаго содержанія себя въ Петербургѣ. Ibid. стр. 10 и об.

[1]) Ibid., стр. 92.

[2]) Ibid., стр. 93.

[3]) Ibid., стр. 97 об.

[4]) Въ академіяхъ и семинаріяхъ каждый учитель съ квартирой и прочими припасами получалъ рублей до 200.

[5]) *Дѣло*, стр. 112 и об.

высказался въ своемъ предложеніи Синоду отъ 16 сент. и Мелиссино [1]). 20-го сентября, когда онъ былъ во дворцѣ, Н. И. Панинъ объявилъ ему повелѣніе государыни, чтобы назначеннымъ къ отправленію „въ чужіе края“ для высшихъ наукъ инспекторамъ и студентамъ, впредь до особливаго о нихъ опредѣленія, выдавать на пищу инспекторамъ по 30, а студентамъ по 25 коп. на день, да на исправленіе одежды и обуви каждому инспектору выдать по 60 руб., а каждому студенту по 50 руб. изъ доходовъ конторы коллегіи экономіи [2]). Такимъ образомъ всѣмъ на одну одежду и обувь, не считая „кормовыхъ“, нужно было выдать 890 рублей, а въ Синодѣ оставалось по 20 сент. только 550 руб. 40 коп. [3]); поэтому Синодъ потребовалъ еще 1000 руб. и объявилъ всѣмъ учителямъ и ученикамъ рѣшеніе государыни [4]). Между тѣмъ „обстоятельства“ сложились такъ, что изъ всего числа собравшихся въ Петербургъ учителей и учениковъ выдѣлилась одна партія, которой недолго пришлось проживать въ столицѣ безъ дѣла. 11-го ноября 1765 г. въ канцеляріи Синода инспекторъ Никитинъ объявилъ, что онъ и съ нимъ канцелярист Буховецкій и студенты Левшиновъ, Быковъ, Суворовъ и Матвѣевскій отправляются отъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ въ Англію сего числа [5]). Но съ другими студентами дѣло пошло не такъ скоро. Прежде всего, хотя наборъ годныхъ учениковъ и былъ оконченъ, но мы видимъ, что продолжаютъ являться новые охотники: 14 дек. 1765 г. въ собраніи Синода Мелиссино словесно предложилъ, что 13 дек. Екатерина высочайшимъ указомъ, по докладу его, оберъ-прокурора, указать соизволила: прибывшаго въ Петербургъ „собою“, т. е

---

[1]) Ibid., стр. 120,

[2]) Ibid, стр. 128.

[3]) Ibid., стр. 129.

[4]) Буховецкій, относительно полученія денегъ на пищу и исправленіе одежды, причисленъ былъ къ учителямъ. Ibid., стр. 144.

[5]) Ibid., стр. 145. Инструкція, данная имъ, хранится въ москов. архивѣ

по своему желанію и на свой счетъ, изъ троицкой семинаріи студента Александра Смирнова отправить для обученія высшихъ наукъ „въ иностранные университеты“ съ прочими отправляющимися туда студентами и выдавать ему такія же деньги, какъ и другимъ [1]). Но денегъ въ Синодѣ опять оказалось мало, и потому онъ истребовалъ отъ коллегіи экономіи еще 500 руб. на содержаніе студентовъ [2]). Между тѣмъ въ самомъ составѣ набранныхъ студентовъ и инспекторовъ произошли еще нѣкоторыя перемѣны, а именно: въ маѣ 1766 года въ Синодъ поступило изъ Правит. Сената вѣдѣніе, коимъ объявлялось, что указомъ Е. В. отъ 8 мая повелѣно учителя Башилова выключить изъ подушнаго оклада, и за его способность въ языкахъ и наукахъ государыня жалуетъ его въ Академію наукъ переводчикомъ, съ производствомъ жалованья изъ книжныхъ доходовъ по 350 руб. въ годъ [3]). Ученикъ Новоселовъ просилъ Св. Синодъ оставить его въ Петербургѣ за болѣзнію и желалъ продолжать ученіе въ Академіи наукъ; но на послѣднее благопріятнаго отвѣта не послѣдовало, и Синодъ распорядился отослать его при указѣ

Мин. Иностр. Дѣлъ; выдержки изъ нея приведены въ Исторіи Россіи *С. Соловьева*, т. XXVI, стр. 318—319.

[1]) Ibid., стр. 146.

[2]) Ibid., стр. 148.

[3]) Ibid., стр. 156. Семенъ Башиловъ, учитель математики и высшаго класса въ семинаріи св.-троицкой Сергіевой лавры. Изъ аттестата его, приложеннаго къ *Дѣлу* 1765 г. (*Арх. Св. Син.*, № 250, стр. 60), видно, что онъ род. въ 1740 г. въ Троицко Сергіевой лаврѣ, при которой отецъ его состоялъ приказнымъ. Въ 1753 г. онъ взятъ былъ въ троицкую семинарію и, начавши съ низшихъ классовъ, дошелъ до реторики; а въ 1758 г. сент. 12 посланъ былъ въ московскій университетъ, гдѣ обучался математикѣ и философіи. 1763 г. марта 1-го опредѣленъ въ троицкую семинарію учителемъ низшаго класса; съ 15 сентября обучалъ вмѣстѣ и математикѣ чистой. Съ сент. 10-го 1764 г. опредѣленъ высшаго класса учителемъ. Указомъ имп. Екатерины II отъ 1766 г. учитель Башиловъ выключенъ изъ подушнаго оклада и за его способность въ языкахъ и наукахъ пожалованъ въ академіи наукъ переводчикомъ, съ жалованьемъ изъ книжныхъ доходовъ по 350 руб. въ годъ (ibid., стр. 156). Здѣсь онъ сблизился

къ епархіальному архіерею [1]). Наконецъ уже 10 іюля 1766 года въ канцеляріи Синода Исаевъ, Семеновъ, Смирновъ, Багрянскій, Розановъ, Антонскій, Наумовъ, Клевецкій, Новиковъ и Андріевскій объявили, что они въ тотъ же день отправляются изъ иностранной коллегіи „въ чужіе края“, моремъ, прямо въ назначенныя имъ мѣста [2]). Изъ всѣхъ этихъ лицъ составлено

съ академ. Шлецеромъ, вмѣстѣ съ которымъ трудился надъ изданіемъ Несторовой лѣтописи, причемъ самъ издалъ II-ю часть этой лѣтописи (Спб., 1768), при содѣйствіи академическаго переводчика Полѣнова (Лѣтопись Русская, по Никонову списку. Издали Августъ Шлецеръ, Семенъ Башиловъ и Алексѣй Полѣновъ. 8 частей. Спб., въ тип. Акад. Наукъ. 1767—1792, 4-о). Въ 1769 г. Башиловъ перешелъ „сочинителемъ“ въ Комиссію составленія новаго уложенія, а въ слѣдующемъ году его перевели въ Сенатъ съ производствомъ въ сенатскіе секретари. Въ этомъ же году онъ и умеръ, 11-го іюля 30 лѣтъ отъ роду. Кромѣ указаннаго труда, научная дѣятельность Башилова выразилась въ изданіи и другихъ памятниковъ русской старины. Въ 1768 же году имъ изданы „Судебникъ Царя и великаго князя Ивана Васильевича, Законы изъ Юстиніановыхъ книгъ, Указы дополнительные къ Судебнику и Таможенный уставъ царя и великаго князя Ивана Васильевича“ (Спб.). Первые два памятника изданы Башиловымъ по списку XVII в., подаренному въ 1746 г. академіи наукъ канцеляристомъ устюжской епархіи Иваномъ Поповымъ, но Башиловъ пользовался и рукописью В. Н. Татищева, которую послѣдній задолго предъ тѣмъ представилъ въ академію наукъ и въ которой имѣлись всѣ 4 изданныхъ Башиловымъ памятника, снабженные многочисленными примѣчаніями историка. До Башилова Судебникъ изданъ не былъ, но въ томъ же 1768 г. появился въ Москвѣ Судебникъ въ Татищевской обработкѣ (изданъ Г. Ф. Миллеромъ). Изданіе 2-го сборника, по отзыву Строева и Калайдовича, сдѣлано осмотрительно, причемъ издатель руководствовался правилами Шлецера. Башиловъ извѣстенъ и своими переводами съ иностранныхъ языковъ; они слѣдующіе:

1. Д' Аржансъ. Блаженство. Разговоры животныхъ. Спб., 1767.

2. Мелонъ. Политическій опытъ о коммерціи. Съ фран. Спб. 1768.

3. Разсужденіе Сенеки о Промыслѣ, въ журналѣ В. Г. Рубана „Ни то, ни сё“, изд. 1769 г. Спб.

4. Руссо, Ж. Ж. Размышленіе о величествѣ Божіи, о Его промыслѣ и о человѣкѣ. Перев. съ франц. 1769 г. и напеч. около 1770 г. Спб.

5. Статьи изъ энциклопедіи, принадлежащія къ Турціи, содержащія статьи свѣтскія, то есть, придворныя, военныя, гражданскія и духовныя. 2 части. Спб., 1769.

6. Кандидъ, соч. Вольтера. Спб. 1769 и 1780.

---

[1]) Ibid., стр. 167—168.

[2]) Ibid. стр. 165.

было двѣ партіи: одна—съ инспекторомъ Исаевымъ и студентами Багрянскимъ, Антонскимъ, Наумовымъ и Клевецкимъ отправлена въ Лейденъ, а другая—съ инспекторомъ Семеновымъ и студентами Смирновымъ, Розановымъ, Новиковымъ и Андріевскимъ въ Гёттингенъ. Къ сожалѣнію, изъ дѣла объ этихъ студентахъ, хранящагося въ архивѣ Св. Синода, не видно, кому и когда пришла мысль выдѣлить эти двѣ группы и выбрать университеты лейденскій и геттингенскій, и почему послѣднія двѣ партіи отправлены почти цѣлый годъ спустя послѣ сбора ихъ въ Петербургѣ. Можно думать, что когда, вслѣдствіе значительно увеличившагося числа желавшихъ учиться, явилась мысль о посылкѣ семинаристовъ въ *три* различные университета, то возникшая по этому поводу переписка съ Лейденомъ и Геттингеномъ и замедлила отправку послѣднихъ двухъ партій. Въ частности выборъ Геттингена съ вѣроятностію можно приписать Платону (Левшину), бывшему въ то время законоучителемъ вел. кн. Павла Петровича [1]) и, безъ сомнѣнія, пользовавшемуся авторитетомъ въ глазахъ государыни. Онъ былъ уже давно знакомъ съ профессоромъ геттингенскаго университета Мурраемъ, и не даромъ послѣдній въ одномъ письмѣ къ Платону (отъ 20 февр. 1771 г.), говоря объ усердныхъ занятіяхъ русскихъ

---

7. О ласкательствахъ, изъ энциклопедіи, статья д'Аламберра. Спб. 1770.

8. Миѳологія краткая съ Овидіевыми превращеніями. Пер. съ франц. Спб. 1776.

9. Монтескье. Лисимахъ. Пер. съ франц. Спб., въ типогр. ак. наукъ, безъ означ. года.

10. О любви, статья изъ энциклопедіи. Пер. съ франц. Спб., въ тип. ак. н., безъ означ. года.

11. Разговоръ Силлы съ Эвкратомъ. Спб., безъ года.

12. О вкусѣ въ дѣлахъ естества и искусства., Спб., безъ года.

Рядъ писемъ Башилова къ Шлецеру, на латин. языкѣ, объ изданіи Судебника въ 1767—68, напечатанъ въ *Вѣстн. Европы* 1812 г., № 4, ч. 61; стр. 312—323.

---

[1]) Платонъ съ авг. 1763 г. былъ учителемъ богословія у государя наслѣдника.

студентовъ, употребляетъ выраженіе „Ruthenovum *Tuorum*“ [1]). Не мѣшаетъ, кромѣ того, замѣтить, что у насъ и до посылки Семенова были связи съ геттингенскимъ университетомъ. Въ числѣ первыхъ основателей университетскаго ученія въ Москвѣ былъ, между прочимъ, вызванный изъ Геттингена профессоръ физико-математическихъ наукъ Іоганнъ Іоакимъ Юлій Ростъ,—съ половины 1754 года [2]). Въ 1759 г. вызванъ былъ въ Петербургъ въ домашніе наставники къ одному молодому человѣку ученый нѣмецъ Лангеръ, окончившій курсъ въ геттингенскомъ университетѣ; съ 1764 г. онъ былъ профессоромъ юриспруденціи въ московскомъ университетѣ [3]). Въ 1762 г. выписанъ былъ въ Петербургъ знаменитый Шлецеръ, также учившійся въ Геттингенѣ [4]).

Что же касается Лейдена, то вообще слѣдуетъ замѣтить, что тамошній университетъ въ царствованіе Екатерины II пользовался у насъ большою извѣстностью, особенно среди мартинистовъ; такъ, можно указать изъ позднѣйшаго времени на то, что въ этотъ университетъ посланъ былъ отъ „типографической компаніи“, для усовершенствованія въ медицинѣ, Багрянскій [5]) (родственникъ, или только однофамилецъ Василія Багрянскаго?), а въ 1788 г. туда же были отправлены студенты М. Невзоровъ и В. Колокольниковъ, гдѣ и окончили полный курсъ наукъ въ 1790 году [6]).

---

[1]) Fasciculus litterarum, quas variae conditionis, extranei, praecipue Russi, eruditione et doctrina praeclavi viri dederunt ad Eminentissimum D. Platonem. Petropoli 1776; стр. 116—117.

[2]) Исторія москов. унив., стр. 35.

[3]) Ibid., стр.

[4]) *С. Соловьевъ*, Ист. Россіи, т. 26, стр. 296.

[5]) *М. И. Лонгиновъ*, Новиковъ и москов. мартинисты, стр. 273.

[6]) Ibid., стр. 289.

III.

Начальная исторія геттингенскаго университета.

Общій характеръ исторіи геттингенскаго университета.—События въ исторіи ганноверскаго дома въ началѣ XVIII стол. и ихъ политическое значеніе.—Англійскій король Георгъ II въ его отношеніяхъ къ Ганноверу и вопросъ объ основаніи университета.—Обстоятельства, вызвавшія этотъ вопросъ.—Основаніе геттингенскаго университета.—Участіе въ этомъ дѣлѣ супруги короля Георга II.—Роль Г. А. фонъ-Мюнхгаузена.—Особенности внѣшняго и внутренняго положенія геттингенскаго университета.

Исторія геттингенскаго (Георго-Августовскаго) университета носитъ характеръ, существенно-отличный отъ исторіи древнѣйшихъ нѣмецкихъ университетовъ. Между тѣмъ какъ послѣдніе въ своей корпоративной самостоятельности и автономіи принимали большое участіе въ политическихъ и религіозныхъ борьбахъ и выступали на первый планъ по своему исключительному положенію относительно церкви и государства,—геттингенскій, а за нимъ и другіе повѣйшіе германскіе университеты, имѣли иную исходную точку и иную цѣль: ихъ жизнь удаляется отъ шумнаго внѣшняго міра, ихъ дѣятельность направлена на мирныя заботы и совершенствованіе наукъ путемъ изученія и изслѣдованія. Внѣшней причиной основанія геттингенскаго университета не было, какъ это случалось нерѣдко въ старыхъ высшихъ школахъ, ни появленіе значительной личности, становящейся центромъ

большого числа учениковъ, ни опредѣленное научное или церковное движеніе: по своему происхожденію онъ есть не что иное, какъ составленное по плану, на новыхъ началахъ, государственное учрежденіе для разработыванія наукъ, для блеска и благоденствія страны. Особеннаго вниманія заслуживаютъ при этомъ характеръ и тенденціи тѣхъ государственныхъ людей, на которыхъ возложена была задача привести въ исполненіе разъ начертанный планъ.

Въ концѣ XVII стол. открылись въ вельфскомъ домѣ виды на полученіе англійской короны и курфюрстскаго достоинства, что́ и оправдалось въ началѣ прошлаго вѣка, когда Георгъ Лудвигъ сдѣлался курфюрстомъ ганноверскимъ (1708) и послѣ смерти королевы Анны вступилъ на королевскій престолъ Великобританіи и Ирландіи (1714). Эти два политическихъ событія имѣли рѣшающее значеніе не только для княжескаго достоинства младшей линіи Брауншвейгъ—Люнебургскаго дома и его вліянія на дѣла Германіи и Европы, но и должны были сопровождаться важными послѣдствіями для родовыхъ земель. Съ одной стороны, достоинство курфюршества давало имъ новое положеніе и высшее значеніе въ ряду нѣмецкихъ государствъ; съ другой—связь съ Англіей открывала новые источники благосостоянія; на фундаментѣ возвеличеннаго могущества княжескаго дома быстро развернулись всѣ матеріальныя и духовныя силы страны.

Рѣдко бываетъ въ пользу государству, если глава его пріобрѣтаетъ другую корону; еще рѣже, если она, какъ англійская, блескомъ далеко превосходитъ наслѣдственную: при совмѣстномъ управленіи интересы родовой земли легко могутъ отступить на задній планъ. Поразительно, поэтому, что отношеніе новой англійской династіи къ своей родовой землѣ было совсѣмъ иное, такъ что вышеуказанныя опасенія не могли явиться. Казалось, что любовь и попеченіе о нѣмецкихъ земляхъ удвоились съ тѣхъ поръ, какъ царствующій

домъ переселился въ Англію: король Георгъ II показалъ, подобно отцу, свою рѣшительную склонность къ Ганноверу. Оба короля охраняли права своихъ родовыхъ земель въ отношеніи къ Англіи и не допускали, чтобы на курфюршество смотрѣли какъ на англійскую провинцію: ни одинъ англичанинъ не получалъ вліятельнаго мѣста въ странѣ и не допускался ни въ одинъ служебный кругъ. Государственное устройство и права отдѣльныхъ частей страны оставались на прежнемъ положеніи; посредствомъ новой организаціи высшихъ присутственныхъ мѣстъ прочность ихъ была еще болѣе обезпечена. На развитіе могущества курфюршества, почти одновременно съ полученіемъ англійской короны, имѣло также большое вліяніе значительное расширеніе владѣній посредствомъ соединенія Брауншвейгъ-Цельскаго наслѣдства послѣ смерти герцога Георга Вильгельма († 1705); одновременно соединились съ курфюршествомъ герцогства Лауэнбургское вмѣстѣ съ землей Гадельнъ (1705), а десять лѣтъ спустя (1715), герцогства Бременъ и Верденъ. Такъ же важно было, какъ и это присоединеніе земель, округляющее владѣнія,—энергическое стремленіе королей воспользоваться каждымъ случаемъ для развитія своихъ родовыхъ земель посредствомъ мудрой политики и предусмотрительной государственной экономіи.

Король Георгъ Августъ наслѣдовалъ (1727 г.) корону Великобританіи и Брауншвейгскаго курфюршества подъ именемъ Георга II. Уже при вступленіи на престолъ своего отца, короля Георга I (1714), онъ покинулъ свою родину вмѣстѣ со своей супругой Вильгельминой Каролиной фонъ-Ансбахъ и поселился въ Англіи какъ принцъ Вельскій. Подобный Георгу I въ томъ, что касалось заботливости и участія по отношенію къ своимъ родовымъ землямъ, онъ раздѣлялъ, касательно значенія и цѣны возвышенія своего дома на англійскій престолъ, скорѣе взгляды своей бабки, великой курфюрстины, чѣмъ взгляды отца. Желая упрочить

за своими нѣмецкими землями болѣе высокое положеніе, онъ самъ руководилъ всѣми событіями въ Ганноверѣ. Король въ первый разъ увидѣлъ вновь свои нѣмецкія земли въ 1729 году, послѣ 15-лѣтняго отсутствія, и съ пребываніемъ его здѣсь въ теченіи многихъ недѣль связанъ цѣлый рядъ распоряженій, имѣвшихъ важныя послѣдствія для внѣшняго и внутренняго положенія курфюршества. Конечно, при обособленности земель во многія мелкія княжества, изъ которыхъ каждое сохраняло свое особое управленіе и свои учрежденія, всякое новое учрежденіе требовало больше силъ и времени, нежели въ странѣ съ бо́льшимъ единствомъ въ управленіи; но это не остановило стремленіе короля соперничать съ сосѣдними могущественными государствами во всемъ хорошемъ и великомъ и поставить собственныя земли по крайней мѣрѣ на равную ступень съ другими. Особенно ощутительна была по́требность въ большихъ заведеніяхъ для поднятія духовнаго образованія, и вотъ она-то вызвала предпріятіе, прославившее имя Георга II и сдѣлавшее его память дорогой для нѣмецкой науки, какъ по грандіозности самого предпріятія, такъ и по вліянію его, далеко переходящему за границы государства,—это основаніе геттингенскаго университета. Дѣйствительно, въ области науки и народнаго образованія большинство нѣмецкихъ государствъ опередило въ то время Брауншвейгское курфюршество: даже Брауншвейгъ - Вольфенбюттель, наименьшее княжество другой линіи дома, было богаче учебными заведеніями и представляло, въ особенности при послѣднихъ ученыхъ и дѣятельныхъ герцогахъ, картину жизни духовной культуры. Передъ всѣми же блистали тогда въ этомъ отношеніи два государства. Саксонія справедливо считалась тогда самой передовой въ дѣлѣ развитія общественнаго образованія; Лейпцигъ, Іена и Виттенбергъ сохраняли свое прежнее значеніе;—изъ нихъ лейпцигскому университету принадлежитъ въ особенности заслуга значительнаго участія въ пробужденіи нѣмецкой литературы. Кромѣ того, въ послѣднее время Бранденбургское

курфюршество превзошло другія государства въ стремленіи оживить духовныя силы народа и основало большія научныя и художественныя учрежденія; быстрый расцвѣтъ университета въ Галле, основаніе королевской Академіи наукъ въ Берлинѣ доставили новой прусской коронѣ высокое значеніе въ глазахъ всѣхъ современниковъ.

Эти факты направили взоры короля Георга II на уравненіе положенія своихъ нѣмецкихъ земель. То обстоятельство, что Ганноверъ чрезъ присоединеніе земель сталъ самымъ значительнымъ и цвѣтущимъ государствомъ въ Нижней Саксоніи, вызвало невольно мысль объ основаніи государственнаго университета. Находя учрежденіе его соотвѣтствующимъ потребностямъ государства и, съ другой стороны, воззрѣніямъ на обязанности своего положенія въ свѣтѣ, Георгъ II счелъ вскорѣ дѣломъ чести, подобно другимъ нѣмецкимъ князьямъ, имѣть свой государственный университетъ. Образецъ наиболѣе посѣщаемаго его подданными университета въ Галле, при извѣстной зависти короля къ Фридриху Вильгельму, могъ вліять Георга II еще и въ другомъ отношеніи. Еще всѣ современники знали, какъ быстро этотъ университетъ поднялся съ небольшихъ основаній до значительной величины. Не малымъ побужденіемъ служило также и то обстоятельство, что сосѣднее, гораздо меньшее по объему Гессенское княжество содержало даже три государственныхъ университета: въ Марбургѣ, Гиссенѣ и Ринтельнѣ. Хотя государственнымъ университетомъ для Ганновера считался всегда основанный герцогомъ Юліемъ (1576) въ Брауншвейгѣ гельмштедтскій университетъ, однако при обмѣнѣ директорства между обѣими линіями дома и отдѣльномъ управленіи, которое еще болѣе запутывалось вслѣдствіе худо скрываемой зависти старшей линіи къ возрастающему значенію младшей,—университетъ, столь славный въ XVII вѣкѣ, не могъ преуспѣвать; онъ давно утратилъ свое первоначальное значеніе, блескъ же его затмили Виттенбергъ и Лейпцигъ и окончательно уничтожилъ Галле.

Исполненіе давно зародившейся мысли объ основаніи государственнаго университета стоитъ въ связи съ вторичнымъ посѣщеніемъ Ганновера королемъ въ іюлѣ—августѣ 1732 года: на это указываетъ набросанный въ послѣднемъ мѣсяцѣ, по приказанію короля, планъ І. Д. Грубера [1]). Можно сказать, что съ этого времени мысль объ основаніи университета становится любимою мыслью короля. Уже первое отношеніе и взглядъ его на размѣръ этого дѣла были шире и блестяще, чѣмъ его совѣтниковъ. Онъ возвысилъ самъ первоначальную смѣту ежегодныхъ расходовъ, разсчитанную на самое необходимое, съ 9000 талеровъ на 16000 и приказалъ, чтобы все было сдѣлано въ болѣе обширномъ масштабѣ и соотвѣтствовало его королевскому имени и его княжескому положенію въ Германіи. Мѣстомъ для основанія университета былъ выбранъ гор. Геттингенъ въ Калембергской провинціи [2]). Публичное открытіе и освященіе университета, въ составѣ 4 факультетовъ: богословскаго, юридическаго, историческаго и медицинскаго, состоялось 17 сентября 1737 года,—съ какого времени собственно и нужно считать начало внутренней жизни университета. Извѣстіе объ открытіи университета встрѣтило во всѣхъ образованныхъ кругахъ Германіи всеобщее сочувствіе: на него смотрѣли какъ на важное событіе для нѣмецкой науки; король Англіи былъ прославленъ, какъ основатель въ нѣмецкой землѣ „новаго Геликона“. Исключеніе составляли нѣкоторые отдѣльные голоса, выходившіе изъ тѣхъ заведеній, которыя имѣли основаніе опасаться быть оттиснутыми на задній планъ этимъ новымъ, блестящимъ, но

---

[1]) *Э. Рёсслера*, Die gründung d. Universität Göttingen. Gotting. 1855; В. I., стр. 3—20.

[2]) „Геттингенъ, изряднаго строенія, городъ нижняго Саксонскаго округа, въ княжествѣ Каленбергскомъ, лежитъ при рукавѣ р. Лейна, въ длинной и плодовитой долинѣ, разстояніемъ на 20 миль отъ Ганновера къ югу и на 5 миль отъ Касселя къ сѣверу“. *К. Лангера*, полный географич. лексиконъ ч. I, М. 1791; стр. 349.

англійскому образцу богато снабженнымъ университетомъ. Многаго ожидали также отъ союза, который заключала этимъ нѣмецкая наука съ англійской культурой, только что поднявшейся до великихъ и блестящихъ дѣяній.

Но отдавая должное заботамъ Георга II о насажденіи высшаго образованія, мы не должны забывать, что эти заботы вполнѣ раздѣляла съ нимъ и, можетъ быть, первая вполнѣ оцѣнила ихъ его супруга королева Каролина. Это была образованная женщина, принимавшая въ литературѣ и наукѣ живое и непосредственное участіе. Уже въ ранней молодости она вошла въ Берлинѣ въ сношенія съ Лейбницемъ и произвела на него сильное впечатлѣніе глубоко проницательнымъ умомъ и обширными знаніями. Въ Англіи считалась она также ревностной покровительницей искусства и науки; ея потребностію и отдохновеніемъ было сношеніе съ умными и учеными людьми и даже за учеными спорами слѣдила она съ живымъ участіемъ. Такъ какъ никакое значительное современное движеніе, литературное или научное, не могло ускользнуть отъ ея вниманія, то ей не могла остаться чуждой и первая зародившаяся у короля мысль объ основаніи въ нѣмецкой землѣ новаго центра науки. Еще при ея жизни современники приписывали ей непосредственное вліяніе на это дѣло, ибо хорошо было извѣстно, какое дѣятельное участіе принимала она во всѣхъ дѣлахъ своего царственнаго супруга, который преклонялся предъ ея умомъ и характеромъ.

Говоря о началѣ геттингенскаго университета, мы должны также сказать, что выполненіе столь важнаго дѣла составляетъ неотъемлемую заслугу великаго государственнаго мужа Герлаха Адольфа фонъ-Мюнхгаузена [1]). Ему принад-

---

[1]) *Мюнхгаузенъ* происходилъ изъ старинной нижнесаксонской фамиліи. Родиной этой фамиліи, которая очень рано раздѣлилась на двѣ линіи—бѣлую и черную, была мѣстность около монастыря Локкумъ (Loccum); преданіе связываетъ съ этимъ монастыремъ и самое происхожденіе имени—Münchhausen. Къ черной линіи, имѣвшей земли въ Тюрингіи, принадлежалъ Герлахъ Гейно.

лежитъ честь усердной поддержки и самоотверженной дѣятельности на пользу новаго университета, такъ какъ все дальнѣйшее выполненіе плана зависѣло почти исключительно отъ него, какъ куратора. Воззрѣнія различныхъ писателей едино-

---

курфюршесскій бранденбургскій оберштальмейстеръ († 1710). Изъ его сыновей двое—Герлахъ Адольфъ и Филиппъ Адольфъ заняли въ Ганноверскомъ государствѣ министерскія мѣста. Старшій, Герлахъ Адольфъ, род. въ Берлинѣ 14 окт. 1688 года. О первой половинѣ его жизни извѣстно мало. Въ 1707 г. онъ поступилъ въ іенскій университетъ для изученія права. Во время трехлѣтняго пребыванія здѣсь онъ соединилъ изученіе этого предмета съ занятіями исторіей и вошелъ въ ближайшія отношенія съ Струве и Вильдфогелемъ. Чтобы слушать Томазіуса, Гюндлинга и Лудвига, онъ отправился въ Галле, пополнилъ, по обычаю того времени, свое академическое образованіе однолѣтнимъ посѣщеніемъ голландскаго университета въ Утрехтѣ и потомъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ путешествіяхъ. 27-ми лѣтъ началъ онъ свою практическую дѣятельность въ качествѣ апелляціоннаго совѣтника въ Дрезденѣ; черезъ годъ мы видимъ его въ должности старшаго апелляціоннаго совѣтника въ курфюршествѣ Брауншвейгскомъ. Свободное отъ служебныхъ обязанностей время онъ посвящалъ изученію, по источникамъ, исторіи и нѣмецкаго права; въ то же время собралъ хорошую библіотеку и богатый запасъ документовъ. Изъ его сочиненій заслуженною извѣстностію, по своей учености и самостоятельности изслѣдованія, пользуется „Disputatio de vicariatu italico“ (1712). Такая любовь къ юридическимъ изысканіямъ обратила на него вниманіе короля Георга II. Въ 1722 г. Мюнхгаузенъ руководилъ дѣятельностію комиссіи по дѣлу князя восточной Фрисландіи противъ герцога саксонскаго Барби и получилъ послѣ ея упраздненія важную миссію (1723) для полюбовнаго соглашенія разногласій Гильдесгеймскаго соборнаго капитула. Это обстоятельство сблизило его съ синдикомъ страны г. Дав. Штрубе: оба они были люди откровеннаго, сердечнаго и участливаго характера. Отношенія между ними, въ теченіе многихъ лѣтъ, были столь сердечны, что даже на смертномъ одрѣ Мюнхгаузенъ завѣщалъ своему другу въ наслѣдство свои сочиненія и документы. Въ 1726 г. М. занялъ мѣсто посланника въ Регенсбургѣ, но тотчасъ послѣ восшествія на престолъ Георга II былъ призванъ имъ въ тайную совѣщательную коллегію, а въ 1732 г. назначенъ былъ главнымъ судьею (grossvegt) въ Целле. Хотя тогдашнее веденіе дѣлъ въ отдѣльныхъ департаментахъ отлично было отъ позднѣйшаго, однако мы видимъ изъ документовъ Мюнхгаузена, что онъ преимущественно занимался въ королевской тайной совѣщательной коллегіи церковными и школьными вопросами. Этимъ ограничиваются крайне скудныя данныя касательно жизни и внѣшней дѣятельности М. до момента управленія геттингенскимъ университетомъ.

гласно соединяются въ признаніи его высокихъ дарованій какъ человѣка государственнаго, и его безупречнаго характера какъ въ частной, такъ и въ общественной жизни; но болѣе всего участіе Мюнхгаузена въ созиданіи геттингенскаго университета дало его имени общенародную извѣстность „несравненнаго, безсмертнаго Мецената“. Въ наукѣ онъ занялъ, благодаря глубинѣ и разносторонности своихъ знаній, выдающееся положеніе; ему были предоставлены также важнѣйшія общественныя дѣла въ тайной совѣщательной коллегіи, гдѣ все сводилось къ точному знанію запутаннаго германскаго государственнаго права. Ходъ его образованія поставилъ его въ наукѣ государственнаго права и исторіи наравнѣ съ учеными его времени; но онъ съ любовію трудился также и на практическомъ поприщѣ, стараясь своей дѣятельностью и опытами не отставать отъ успѣховъ науки. Его проницательный умъ и прозорливость, пріобрѣтенныя долгимъ изученіемъ практики государственныхъ отношеній, привели его къ инымъ воззрѣніямъ на нужды и задачи политическихъ наукъ вообще и другихъ, тѣсно связанныхъ съ ними, предметовъ преподаванія, чѣмъ тѣ, какія господствовали тогда въ школахъ. Въ ближайшее отношеніе къ другимъ отраслямъ науки его привело званіе куратора; здѣсь поддерживалъ его природный талантъ, чрезвычайная быстрота пониманія и высокій даръ усвоивать себѣ чужіе совѣты. Еще болѣе значительными и въ то время еще болѣе необыкновенными свойствами его духа были: опредѣлявшая всѣ его дѣйствія твердая вѣра въ эпоху успѣховъ и расцвѣта германской образованности, ясное сознаніе, что реформа въ нѣмецкой наукѣ можетъ быть произведена посредствомъ обновленія высшаго образованія, и точное знаніе тѣхъ силъ, которыя задерживали свободное развитіе изслѣдованія и преподаванія. Что касается его отношеній къ представителямъ нѣмецкой науки, то здѣсь нельзя не отмѣтить, насколько тогда еще высшіе слои общества, подъ вліяніемъ французскаго образованія, были

почти совершенно отчуждены отъ общенія съ нѣмецкими учеными. Мюнхгаузенъ отличался тѣмъ, что освободился отъ такого могучаго вліянія иностраннаго образованія и такой низкой оцѣнки отечественнаго просвѣщенія. Къ нѣмецкимъ ученымъ онъ относился съ глубокимъ уваженіемъ, что и выражалъ въ истинно-дружескихъ отношеніяхъ къ нѣкоторымъ изъ нихъ. Эта особенная сторона его личности поставила его уже при самомъ началѣ геттингенскаго университета въ особое положеніе, какого, по старому обычаю, не занималъ еще ни одинъ кураторъ въ своихъ отношеніяхъ къ университету. Онъ лично сносился съ профессорами, что, при доброжелательномъ отношеніи къ ученымъ, дѣйствовало на нихъ ободряющимъ образомъ и придавало управленію университетомъ особый характеръ. Даже въ преклонныхъ лѣтахъ, будучи уже первымъ министромъ въ государствѣ, онъ не измѣнилъ этихъ отношеній. Съ одинаковымъ постоянствомъ и самоотверженіемъ онъ находился въ непрерывныхъ сношеніяхъ со всѣми значительными лицами, такъ что составлялъ всегда истинный центръ академической жизни, и въ его рукахъ сосредоточивались всѣ руководящія нити.

Для оцѣнки дѣятельности Мюнхгаузена при первоначальномъ устройствѣ и образованіи новаго университета, обратимъ вниманіе на внѣшнюю форму веденія дѣла и на лицъ, своими совѣтами способствовавшихъ быстрому его развитію. Выполненіе университетскаго плана подлежало вѣдѣнію высшаго правительственнаго учрежденія; главный же надзоръ, дѣйствительное руководство и управленіе должно было оставаться впредь въ рукахъ „тайныхъ совѣтниковъ, командируемыхъ для управленія курфюршествомъ Брауншвейгъ—Люнебургскимъ. Не потому только, что король, какъ ректоръ, сталъ во главѣ университета, но и по другимъ обстоятельствамъ, участіе правительства во всѣхъ отдѣлахъ управленія было въ новомъ университетѣ больше, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ. Хотя вслѣдствіе королевской привилегіи

(1736) и были выбраны изъ тайной совѣщательной коллегіи оберъ-кураторами два государственныхъ министра и имъ было поручено верховное управленіе и надзоръ надъ университетомъ; тѣмъ не менѣе при жизни Мюнхгаузена онъ самъ былъ всегда творцомъ всѣхъ распоряженій и правилъ. Для успѣшнаго выполненія своихъ плановъ онъ съумѣлъ найти себѣ опытныхъ помощниковъ, изъ которыхъ важно было содѣйствіе консисторскаго совѣтника І. Д. Грубера и секретаря І. Я. Мейера, знаменитаго медика—П. Ф.—Вергольфа—при учрежденіи медицинскаго факультета, І. І. Мозера—въ вопросахъ государственнаго права, Дав. ф. Штрубе, о которомъ упомянуто раньше, и наконецъ совѣты и содѣйствіе знаменитаго Мосгейма, спокойнымъ и здравымъ сужденіямъ котораго Мюнхгаузенъ придавалъ особенное значеніе въ вопросахъ богословія. Кромѣ того Мюнхгаузенъ велъ большую переписку въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ съ директоромъ галльскаго университета Юстомъ Геннингомъ Бёмеромъ, и этому послѣднему обязанъ точнымъ знаніемъ всѣхъ особенностей того заведенія, которое пользовалось тогда славой наилучше организованнаго университета.

Какъ уже было замѣчено выше, образцомъ для устройства и учрежденія геттингенскаго университета могъ по направленію служить только Галле. Сочувствіе къ этому заведенію имѣло рѣшающее вліяніе уже на первоначальную мысль объ основаніи геттингенскаго университета. Большой подъемъ перваго приписывали улучшеніямъ во внутреннемъ управленіи, новой формѣ и методѣ академическаго преподаванія и самымъ принципамъ управленія. Дѣятельность Христ. Томазія (1655—1728), составляющая эпоху въ нѣмецкой наукѣ и литературѣ [1]), вызвала преимущественное процвѣтаніе галльскаго университета; труды Франка и его товарищей—богослововъ, успѣхъ знаменитаго философа Хр. Вольфа (1679—1754), значеніе

[1]) Ср. Chr. Thomasius, von *B. A. Wagner*, 1872.

юристовъ Штрика, Лудевича, Гундлинга, Ю. Г. Бёмера Гейнеціуса, филолога Целаріуса, медиковъ Шталя и Гофманна упрочили за этимъ университетомъ преимущество предъ другими. Почти съ каждымъ изъ этихъ именъ связанъ плодотворный успѣхъ или преобразованіе отдѣльной научной области; важнѣе было то, что общее высшее научное образованіе получило свободное направленіе, вступило въ тѣсную связь съ жизнью. Чтобы пріобрѣсти популярность, для Геттингена также необходимо было вступить въ соперничество съ Галле, стать съ нимъ наравнѣ во всѣхъ учрежденіяхъ, а гдѣ возможно—и превзойти его. Такимъ образомъ геттингенскій университетъ явился плодомъ обновленія, которое изъ Галле распространилось по Германіи: все хорошее хотѣли въ немъ удержать, а недостатки—уничтожить. Изъ числа преимуществъ, встрѣтившихъ тогда всеобщее сочувствіе, особенно выставлялось современниками то, что новый университетъ отличается совершенно измѣненнымъ внѣшнимъ положеніемъ профессоровъ. Изъ желанія привлечь въ университетъ самыхъ извѣстныхъ и дѣятельныхъ ученыхъ, даже находившихся дотолѣ въ самыхъ благопріятныхъ условіяхъ,—въ самомъ же началѣ назначены были гораздо бо́льшіе оклады жалованья, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, и усилено чинопроизводство. Это благотворно повліяло на дѣятельность университетскихъ учителей, такъ какъ послѣдніе не должны были, какъ въ другихъ мѣстахъ, заботиться о посторонникъ работахъ или чрезмѣрномъ умноженіи лекцій, съ цѣлію увеличенія гонорара. Также прославлялось то, что въ Геттингенѣ рѣшительно и серіозно желали свободы преподаванія: каждый профессоръ воленъ былъ преподавать свой предметъ въ томъ духѣ и объемѣ, въ какомъ признавалъ необходимымъ по своему убѣжденію; ничье постороннее вмѣшательство не прерывало нити преподаванія. Съ водвореніемъ въ геттингенскомъ университетѣ духа терпимости и научной равноправности между всѣми отраслями знаній, университетская наука въ Германіи

впервые освобождена была отъ преобладающаго вліянія и надзора со стороны богословскаго факультета. Эта свобода научнаго изслѣдованія, дѣлавшая равноправными всѣ факультеты, обезпечивала геттингенскому университету громкую извѣстность; быстро распространилась молва, что тамъ можно въ области своего предмета учить чему угодно, ученый имѣетъ дѣло только со своею совѣстью относительно того, какъ онъ желаетъ учить, и наукамъ тамъ предоставленъ свободный ходъ. Вліяніе, какое имѣлъ кураторъ на содержаніе и форму академическаго преподаванія, никогда не носило здѣсь характера приказанія или запрещенія. Также свобода цензуры была дана академическимъ учителямъ въ такомъ видѣ, въ какомъ не давалась ни въ одномъ изъ прочихъ университетовъ. Возможность для профессоровъ преподавать, кромѣ главныхъ, еще другіе предметы,—въ чемъ, впрочемъ, геттингенскій университетъ не стоитъ особнякомъ,—создала цѣлый рядъ новыхъ университетскихъ лекцій и вызвала появленіе множества учебниковъ и руководствъ, принятыхъ потомъ и въ другихъ университетахъ. Болѣе всего изучались здѣсь науки, стоящія въ связи съ исторіей и правомъ, какъ, напр.: статистика, практическое право народовъ, политика, государственная исторія, географія, исторія изящныхъ искусствъ, и т. д. Между тѣмъ какъ въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ связное преподаваніе отдѣльныхъ предметовъ закапчивалось по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Мюнхгаузенъ придавалъ большое значеніе тому, повидимому, незначительному обстоятельству, чтобы всѣ главные предметы безъ перерыва проходились до конца въ полгода,—и успѣхъ оправдалъ его взглядъ. Преподаваніе получило связь и живость и кромѣ того возбудилось соревнованіе между профессорами, содѣйствовавшее не мало успѣху обученія. Вмѣстѣ съ трудолюбіемъ профессоровъ возрастало прилежаніе слушателей; залы для лекцій наполнялись; за первымъ студенческимъ населеніемъ, немногочисленнымъ и составленнымъ изъ разнородныхъ элементовъ, частію привле-

ченныхъ радостными слухами о богатыхъ англійскихъ попеченіяхъ, явилось лучшее юное поколѣніе, которое по справедливости заслужило похвалу особеннымъ трудолюбіемъ и порядочностью. Писательская плодовитость геттингенскихъ профессоровъ въ области самостоятельныхъ ученыхъ изысканій широко развилась не только благодаря личному одобренію и непосредственному участію куратора, но и снабженію университета богатѣйшими учеными пособіями; уже современники Мюнхгаузена находили университетскую библіотеку, ботаническій садъ, анатомическій театръ и обсерваторію Геттингена поразительными не по внѣшнему только блеску, но и по цѣлесообразному внутреннему устройству [1]).

Таково было начало и первые годы жизни знаменитаго впослѣдствіи университета.

---

[1]) Интересные планы акушерской клиники, ботаническаго сада и библіотечныхъ зданій геттингенскаго университета приложены ко II-й части соч. *I. St. Pütter'a*: Versuch einer academ. Gelehrtengeschichte. Göttingen, 1788.

IV.

1766—1773.

Русскіе студенты заграницей и ихъ дальнѣйшая судьба въ связи съ проектомъ богословскаго факультета.

Русскіе студенты въ Геттингенѣ.—Свидѣтельства профессоровъ объ ихъ занятіяхъ.—Вторичная аттестація русскихъ студентовъ изъ Геттингена, Оксфорда и Лейдена.—Студенты, возвращенные по болѣзни, и ихъ дальнѣйшая судьба.—Распоряженіе объ экзаменѣ и пріѣздѣ геттингенскихъ студентовъ; ихъ положеніе въ Петербургѣ.—Назначеніе экзаменаторовъ.—Отчетъ Семенова о своихъ занятіяхъ въ геттингенскомъ университетѣ.—Занятія другихъ студентовъ.—Характеристики геттингенскихъ профессоровъ.—Докладъ коммиссіи о духовныхъ имѣніяхъ, о результатахъ экзамена и мнѣніе о богословскомъ факультетѣ.—Рѣшеніе Екатерины II.—Дальнѣйшія подробности заграничной жизни остальныхъ русскихъ студентовъ.—Конецъ исторіи богословскаго факультета.

Съ выѣздомъ изъ Петербурга русскіе студенты, можно сказать, предоставлены были самимъ себѣ; на чужой, совсѣмъ неизвѣстной имъ сторонѣ 16—18-тилѣтніе юноши сами должны были устроить свою жизнь такъ, чтобы никакіе посторонніе интересы не могли отвлекать ихъ отъ ихъ прямой задачи—отъ занятій науками. Едва ли они располагали для этого достаточными матеріальными средствами; едва ли также всѣ отправленные знали практически языки тѣхъ странъ, куда они поѣхали. Какъ бы то ни было, по 6 августа 1766 года

проректоромъ Кестнеромъ внесены были въ списки, какъ богословы, прибывшіе въ Геттингенъ русскіе студенты съ своимъ инспекторомъ Семеновымъ, причемъ они должны были внести слѣдуемую плату за слушаніе лекцій: Семеновъ 4 талера и 8 грош., остальные по 3 талера [1]). Подробности дальнѣйшей ихъ жизни въ Геттингенѣ неизвѣстны, но зато тѣмъ интереснѣе намъ узнать, что пославшее студентовъ правительство не было обмануто въ своихъ ожиданіяхъ, и черезъ два года получило удостовѣреніе объ отличныхъ занятіяхъ русскихъ студентовъ заграницею. 10 февраля 1769 года [2]) изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ поступило доношеніе въ св. Синодъ такого содержанія: „Изъ отправленныхъ отсюда по высочайшимъ именнымъ Е. И. В. указамъ въ чужіе краи для наукъ студентовъ, о находящихся въ Геттингенѣ каково (sic) получено извѣстіе отъ обрѣтающагося въ Гамбургѣ канцеляріи совѣтника и резидента Гросса [3]), съ приложеніемъ репорта инспектора Дм. Семенова, и о успѣхахъ тѣхъ студентовъ въ наукахъ аттестаты, оные Св. Прав. Синоду представляются при семъ съ переводами на Россійскій языкъ“ [4]). Рапортъ Семенова [5]) и свидѣтельства профессоровъ, а также и счетъ Семенова объ издержкахъ послѣдней трети препровождены были съ письмомъ къ графу Н. И. Панину отъ резидента Гросса изъ Гамбурга отъ $^{17}/_{28}$ окт. 1768 года [6]). Для насъ особенно важно то, что во всѣхъ профессорскихъ отзывахъ

---

[1]) Изъ письма проф. геттинг. университета *Н. Бонвеча* отъ 3 марта 1892 года.

[2]) Такъ должно быть, судя по датамъ геттингенскихъ профессоровъ на аттестатахъ, присланныхъ въ синодъ; въ дѣлѣ по ошибкѣ поставленъ 1766-й годъ.

[3]) *Осд. Ив. фонъ Гроссъ* (род. 1729 г., ум. 1797 г.), тайн. сов., бывшій русскимъ посланникомъ при Ганзейскихъ городахъ и при князьяхъ Нижне-Саксонскаго округа (Болѣе подр. въ ст. бар. *Ѳ. А. Бюлера*: Два эпизода изъ царств. Екат. II. Рус. Вѣсти. 1870 г.).

[4]) *Арх. Св. Син.* Дѣло 1765 г. № 250; стр. 171.

[5]) Ibid., стр. 217.

[6]) Ibid., стр. 187.

особенныя похвалы воздаются Дм. Семенову. Мы приведемъ здѣсь въ русскомъ переводѣ эти интересные отзывы, какъ замѣчательную и, внѣ всякаго сомнѣнія, безпристрастную оцѣнку трудолюбія и успѣховъ русскихъ студентовъ. Проф. І. Е. Гельманъ пишетъ (30 сент. 1768 г.): „Чрезъ все прошедшаго и нынѣшняго года шестимѣсячное время благороднѣйшіе и ученѣйшіе россійскіе мужи, а именно Дим. Семеновъ и Александръ Смирновъ, моему натуральной философіи толкованію толь прилежно внимали, что ничего не оставили, что примѣчанія достойнымъ быть казалось, а тщаніемъ и вниманіемъ прочимъ своимъ сотоварищамъ къ подражанію примѣръ похвалы достойный показали, сверхъ того вездѣ честность и постоянство толь усердно наблюдали, что и въ семъ случаѣ похвалы достойными и прочимъ примѣромъ по справедливости быть могутъ“ [1]). Докторъ богословія Готфридъ Лессъ такъ аттестовалъ Семенова: „Мужъ ученіемъ и честными правами нашихъ превосходящій Дим. Семеновъ [2]) (коего обхожденіемъ и дружествомъ я весьма доволенъ), число моихъ учениковъ умножать изволилъ. Ибо, приходя на мои лекціи, слушалъ какъ моральнаго, такъ и догматы изъясняющаго ученія, особливо о томъ неусыпное прилагалъ стараніе, чрезъ что истинное христіанское благочестіе ясно представлялося; о чемъ съ тѣмъ большимъ усердіемъ свидѣтельствую, чѣмъ паче особливѣйшая его къ ученію ревность, неусыпное прилежаніе и благонравіе мнѣ пріятнѣйшими были“ [3]).—„Чего древніе философы отъ добродѣтели вообще разсуждаемой требовали, т. е. дабы желаніе постоянное и непремѣняемое пребывало, то не погрѣшимъ, ежели оное сравнимъ съ прилежаніемъ. Ибо хотя я ни одного человѣка не могу припомнить, который бы, будучи присланъ въ Академію для обуче-

---

[1]) Ibid., стр. 173 и об.; подлинное на латин. яз. стр. 172.

[2]) Въ переводѣ сказано: *Новиковъ*; въ лат. подлинникѣ: *Семеновъ*.

[3]) Ibid., стр. 175 и об.; подлин. на лат. яз. стр. 174.

нія, хотя чрезъ нѣсколько недѣль на свои лекціи не ходилъ, книгъ не читалъ, и въ короткое время не учинилъ бы того, что студенту здравое разсужденіе и послѣдній его ученія предметъ дѣлать понуждаютъ; однако не можемъ подтвердить, чтобъ всѣ намъ извѣстные люди за свое прилежаніе похвалу получили. Ибо многіе постояннаго и твердаго онаго продолжать начатое желанія не имѣли, когда лѣность ревностно съ начала ими предпринятый трудъ по прошествіи малаго времени уничтожила и въ омерзѣніе приводила. Тѣ только благополучно свое дѣло совершили, которые по начатіи нимало отъ онаго не отставали, и какъ съ начала, въ срединѣ, такъ и при окончаніи ревностными и дѣйствительно прилежными намъ показовались, за что и отъ всѣхъ похвалу получили. Я сіе пишу о благороднѣйшихъ россійскихъ мужахъ, а именно: Дим. Новиковѣ, А. Смирновѣ, П. Розановѣ и Г. Андреевскомъ, кои въ слушаніи моихъ метафизическихъ лекцій толикое тщаніе прилагали, что по справедливости могли отъ меня просить свидѣтельства, которое за подписаніемъ моей руки имъ и дано въ Гот. окт. 1 дня 1768 г. Отт. Дав. Генр. Бекманъ“ [1]). —„Что почтенные юноши Дим. Новиковъ, М. Розановъ и Г. Андреевскій вмѣстѣ съ своимъ инспекторомъ, сановитымъ мужемъ Дим. Семеновымъ ученія моего, которое о натуральномъ и народномъ правѣ чрезъ 6 лѣтнихъ мѣсяцевъ я продолжалъ, всегда прилежно слушали, о томъ симъ моимъ своеручнымъ письмомъ благосклонно и охотно свидѣтельствую. Въ Гот. окт. 15 д. 1768 г. Натуральн. и политич. права проф. Готфридъ Ашенвалъ“ [2]). Проф. І. Ф. Муррай писалъ [3]), что если русскіе студенты и впредь такъ же усердно будутъ продолжать свое ученіе, то конечно нашему университету честь сдѣлаютъ“. „Инспекторъ ихъ, г-нъ Семеновъ, заслу-

[1]) Ibid., стр. 182—183 об.: подлин. на лат. яз. стр. 181.

[2]) Ibid., стр. 186 об., подлин. на лат. яз. стр. 161.

[3]) Ibid., стр. 189.

живаетъ особливую похвалу, что онъ имъ во всемъ примѣромъ служитъ и чрезъ то больше утвердилъ хорошее мнѣніе, которое объ немъ имѣли". Проф. исторіи и вице-ректоръ І. Х. Гаттереръ въ такихъ же похвальныхъ выраженіяхъ писалъ объ исправномъ посѣщеніи русскими студентами и Семеновымъ его лекцій [1]), то же самое свидѣтельствовали Х. Г. Гейне, профессоръ пінтики и элоквенціи [2]), докт. философіи І. Н. Лирингъ. Прилежаніе и поведеніе Семенова свидѣтельствовалъ также знаменитый І. Д. Михаэлисъ [3]). Семеновъ слушалъ у него въ 1768 г. толкованіе пророчествъ Исаіи и посланія ап. Павла къ Римлянамъ; кромѣ того онъ же съ своими студентами слушалъ у него въ томъ же году „бытейскихъ книгъ толкованія" [4]). Безъ сомнѣнія, у Семенова достаточно было терпѣнія и стойкости, безъ которыхъ нѣтъ возможности исчерпать до дна содержаніе какой-нибудь науки. Немноголюдный и небогатый на развлеченія Геттингенъ былъ болѣе многихъ другихъ городовъ способенъ пріучить его къ умственной сосредоточенности [5]). Съ небольшимъ черезъ полтора года получено было вторичное засвидѣтельствованіе о занятіяхъ русскихъ студентовъ за границею и на этотъ разъ уже изъ всѣхъ трехъ университетовъ: 5 ноября 1770 г. препровождены были въ Св. Синодъ, при доношеніи, полученные въ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ аттестаты объ ученіи и поведеніи инспекторовъ и студентовъ, отправленныхъ въ оксфордскій, лейденскій и геттингенскій университеты [7]). Изъ

---

[1]) Ibid., стр. 207.

[2]) Ibid., стр., 209.

[3]) Ibid., стр. 219.

[4]) Ibid., стр. 221.

[5]) Даже черезъ двадцать слишкомъ лѣтъ въ немъ считалось только около 1000 обывательскихъ домовъ и до 17000 жителей. Число студентовъ въ университетѣ простиралось въ 1788 г. до 1200. *К. Г. Лангеръ*, Полный географич. лексиконъ. Ч. 1, М., 1791; стр. 349.

[6]) Дѣло, стр. 233.

Геттингена аттестаты получены при письмѣ резидента Гросса изъ Гамбурга отъ $\frac{27\text{ окт.}}{7\text{ нояб.}}$ 1769 г. и выданы послѣ произведеннаго студентамъ экзамена. Похвальные отзывы имѣются отъ проф. Бекмана о Семеновѣ, котораго онъ называетъ въ аттестатѣ своимъ „другомъ“ [1]), Ахенвала [2]), Федера [3]), Гольмана [4]), Муррая [5]), Мейстера [6]), Кестнера [7]) и Михаэлиса [8]). Изъ Оксфорда инспекторъ В. Никитинъ въ іюлѣ 1769 г. свидѣтельствовалъ въ своемъ доношеніи о пяти студентахъ, вмѣстѣ съ нимъ „проходившихъ сладкій ученія подвигъ“ [9]). Похвальные аттестаты, хотя и написанные въ болѣе сдержанномъ и, такъ сказать, оффиціальномъ тонѣ, получены были изъ Оксфорда отъ профессоровъ Ѳ. Горнсби [10]), Ѳ. Ноэлля [11]), І. Стобса [12]), Г. Скотта [13]), Р. Девиса [14]), Іоанна Урн [15]). Въ 1770 г. Никитинъ опять свидѣтельствовалъ „съ великимъ удовольствіемъ“ о пяти студентахъ, обучавшихся въ оксфордскомъ университетѣ [16]); онъ только выражалъ сожалѣніе, что почти всѣ студенты „претерпѣли не малый уронъ въ успѣхахъ“ по причинѣ своихъ долговременныхъ болѣзней, особенно же Ал. Буховецкій и С. Матвѣевскій, который, кромѣ того, получилъ сильную болѣзнь глазъ. Болѣзни не щадили русскихъ юношей

---

[1]) Ibid., стр. 238.
[2]) Ibid., стр. 241.
[3]) Ibid., стр. 243.
[4]) Ibid., стр. 245 и слѣд.; 269.
[5]) Ibid., стр. 247 и сл.
[6]) Ibid., стр. 249.
[7]) Ibid., стр. 251 и 267.
[8]) Ibid., стр. 265.
[9]) Ibid., стр. 274
[10]) Ibid., стр. 276 и 315.
[11]) Ibid., стр. 278.
[12]) Ibid., стр. 285.
[13]) Ibid., стр. 287.
[14]) Ibid., стр. 289 и 308.
[15]) Ibid., стр. 307.
[16]) Ibid., стр. 290.

и въ другихъ городахъ; Ал. Смирновъ, любимый ученикъ А. Шлецера и Муррая, умеръ въ Геттингенѣ 18 іюня 1770 года [1]). Объ этомъ случаѣ тогда же доносилъ русскому правительству проф. І. Ф. Муррай [2]) и, при случаѣ, сообщилъ и нѣкоторыя другія свѣдѣнія о русскихъ студентахъ. Такъ, онъ говоритъ, что три остальные студента слушали вмѣстѣ догматику, церковную исторію и статистику (или гражданскую науку) и немного занимались англійскимъ языкомъ. Розановъ особенно упражнялся въ спеціальной физикѣ, въ практической математикѣ и въ анализіи (т. е. въ наукѣ о рѣшеніи всякой вещи по ея свойствамъ, частямъ и проч.), Андреевскій изучалъ основанія дипломатики, Новиковъ началъ толкованіе Апостольскихъ Дѣяній. „Г-нъ инспекторъ Семеновъ съ похвалою показалъ имъ путь своимъ примѣромъ". Муррай свидѣтельствовалъ, что на экзаменѣ студенты всѣ „дѣланные имъ вопросы рѣшили весьма изрядно". Съ Новиковымъ случались припадки, которые мѣшали ему заниматься, и Муррай говоритъ: „кажется, что и надежды нѣтъ къ скорому его выздоровленію, хотя къ тому ничего не упущено". Достойно замѣчанія, что въ этомъ же письмѣ Муррай упоминаетъ и о домашнихъ расходахъ студентовъ, причемъ прибавляетъ, что „желалъ бы большаго сокращенія во многихъ пунктахъ"; однакожъ они заслуживаютъ нѣкотораго извиненія, потому что „предъ тѣмъ не знали довольно свѣта" [3]).—Изъ Лейдена студентовъ аттестовали: Валькенеръ, проф. исторіи и греч. яз., Шультенсъ, проф. богословія, Алламандъ, проф. философіи, П. Миллеръ, проф. богословія, Д. ванъ-де Випперсе, проф.

---

[1]) Въ надгробномъ словѣ при погребеніи Смирнова (Oratio funebris in memoriam Smirnovii. Götting., 1770. 4-o) воздана была самая лестная похвала Платону за покровительство просвѣщенію. *И. М. Снегиревъ*, Жизнь м. Платона. Ч. 1, стр. 53. См. также *Х. Г. Гейне*: Memoria Alexandri Basilii F. Smirnoff, 1770. fol.

[2]) Дѣло, стр. 319 и сл.

[3]) Ibid., стр. 321 об.

философіи, математики и астрономіи. И эти всѣ съ похвалою отзывались о занятіяхъ русскихъ студентовъ. Объ Ив. Наумовѣ въ свидѣтельствѣ, между прочимъ, сказано, что онъ, упражняясь „строжайшимъ образомъ“ въ свободныхъ наукахъ, „поступки и нравы свои до такого степени постоянства и воздержности возвелъ, что лучшаго взысканія требовать ни отъ кого невозможно“ [1]).

Мы лишены свѣдѣній о частной жизни русскихъ студентовъ заграницею. Но это для насъ не имѣетъ особеннаго значенія при тѣхъ многочисленныхъ профессорскихъ аттестаціяхъ, которыя мы отчасти уже привели, и которыя всѣ свидѣтельствуютъ, что научные интересы въ заграничной жизни русскихъ студентовъ стояли на первомъ планѣ и наполняли все ихъ время. Немногочисленные кружки русскихъ юношей на чужбинѣ образовали каждый изъ себя тѣсную семью и подъ руководствомъ своихъ инспекторовъ посвятили всѣ свои силы знанію, ученью. Нужно было быть хорошо заправленнымъ въ ученьи и закаленнымъ въ борьбѣ съ лишеніями, чтобы съ такою энергіей и съ такимъ успѣхомъ пробивать себѣ дорогу къ высшему знанію. Духовная школа прошлаго вѣка, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, могла давать и дѣйствительно давала то и другое [2]). Къ сожалѣнію, примѣрное усердіе и прилежаніе русскихъ юношей, обучавшихся заграницею, превосходило у нѣкоторыхъ мѣру ихъ физической крѣпости и было причиною болѣзней. 20 декабря 1771 г. коллегія иностранныхъ дѣлъ доносила Св. Синоду, что обучавшіеся въ

---

[1]) Ibid., стр. 361.

[2]) Невольно вспоминается по этому поводу сужденіе покойнаго преосвящ. Херсонскаго Никанора—о сравнительной высотѣ просвѣщенія духовнаго и свѣтскаго, высказанное имъ въ бесѣдѣ „О значеніи семинарскаго образованія“ (*Странникъ* 1890 г. № 5; стр. 500—53): „Наша школа,—говоритъ онъ,—*всегда* была весьма серіозна, весьма тяжеловѣсна, а свѣтская, умѣя только издѣваться надъ нашею, якобы схоластическою, а въ сущности классическою бурсою, сама учила чему-нибудь и какъ-нибудь“.

Оксфордѣ и Лейденѣ студенты Левшиновъ, Быковъ, Клевецкій и Наумовъ, по ихъ болѣзнямъ, возвращены въ Россію и потому отсылаются въ Синодъ для опредѣленія ихъ къ мѣстамъ по его благоусмотрѣнію. Коллегія отъ себя просила Синодъ, чтобы студента Левшинова, какъ отличившагося предъ другими прилежаніемъ и поведеніемъ, и во вниманіе къ пятилѣтнему пребыванію его въ чужихъ краяхъ, опредѣлить на лучшее мѣсто [1]). При слушаніи этого донесенія, преосв. Платонъ, бывшій въ то время архіепископомъ тверскимъ, объявилъ, что Левшиновъ желаетъ остаться въ духовномъ званіи, и потому рѣшено было предоставить ему свободное священническое мѣсто въ московскомъ Благовѣщенскомъ соборѣ, обнадеживъ его повышеніемъ при первой возможности. Наумовъ былъ сдѣланъ учителемъ греч. и еврейскаго класса въ московской академіи, а Клевецкій и Быковъ отосланы къ епархіальнымъ архіереямъ для опредѣленія, по ихъ усмотрѣнію, къ должностямъ въ семинаріяхъ [2]). Въ апрѣлѣ 1772 г. Клевецкій опредѣленъ учителемъ географіи, греческаго языка и исторіи въ петербургскую семинарію, а Быковъ въ февралѣ 1772 г. поступилъ учителемъ высшаго класса въ семинарію Троицко-Сергіевской лавры, которая тогда состояла подъ управленіемъ Платона, архіеп. тверскаго.

15 октября 1772 года изъ коммиссіи о духовныхъ имѣніяхъ въ Св. Синодъ послано было доношеніе вслѣдствіе именнаго указа, даннаго коммиссіи чрезъ сенатора Григ. Ник. Теплова, какимъ повелѣвалось: когда возвратятся въ Петербургъ студенты изъ Англіи и нѣмецкихъ университетовъ, то бы коммиссія духовная, приглася изъ Академіи нѣкоторыхъ ученыхъ людей въ избранное для того мѣсто, при себѣ экзаменовала оныхъ студентовъ въ успѣхахъ и поднесла бы объ этомъ всеподданнѣйшій докладъ съ своимъ мнѣніемъ, куда оныхъ

[1]) Дѣло, стр. 364.
[2]) Ibid., стр. 365—366.

опредѣлить будетъ полезнѣе [1]). 8 апрѣля 1773 года коллегія иностранныхъ дѣлъ донесла Синоду, что изъ Геттингена возвратились инспекторъ Дмитрій Семеновъ и два студента: Петръ Розановъ и Егоръ Андреевскій, кои и отсылаются въ Синодъ; а студентъ Дмитрій Новиковъ за болѣзнію оставленъ въ Берлинѣ [2]). Синодъ 12 апр. 1773 г. распорядился отослать означенныхъ лицъ въ коммиссію о духовныхъ имѣніяхъ, при указѣ, кои и были отосланы 16 апрѣля [3]). Туда же былъ отосланъ и препровожденный изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ въ Синодъ студентъ Д. Новиковъ, пріѣхавшій въ Петербургъ изъ Берлина по выздоровленіи 23 мая 1772 г. [4]).

По пріѣздѣ въ Петербургъ, Дмитрій Семеновъ и студенты просили коллегію иностранныхъ дѣлъ о производствѣ имъ жалованья до опредѣленія на мѣста, и коллегія опредѣлила каждому изъ нихъ выдавать по рублю на день, и выдавала до отсылки ихъ въ Синодъ; а какъ со времени отсылки—съ 8 апр. 1773 г.—и до 29 апрѣля они не получили изъ коллегіи денегъ, то и просили Синодъ, чтобы опредѣленныя имъ суммы выдаваемы были изъ Синода и на будущее время, до назначенія ихъ на мѣста, такъ же, какъ выдавались они изъ коллегіи. Но Синодъ того же 29 апрѣля означенное прошеніе отдалъ обратно просителямъ, потому что, какъ сказано въ постановленіи, „на таковые расходы суммы не имѣетъ“ [5]).

Такъ какъ неизвѣстно было, когда возвратятся студенты изъ Лейдена и Оксфорда, то медлить съ экзаменомъ прибывшимъ изъ Геттингена было неудобно, и потому 3 мая 1773 года изъ коммиссіи о духовныхъ имѣніяхъ послѣдовала промеморія въ учрежденную при Академіи наукъ коммиссію, коею

---

[1]) Ibid., стр. 396.
[2]) Ibid., стр. 399.
[3]) Ibid., стр. 402.
[4]) Ibid., стр. 410—411. Ср. Дѣло 1772 г. № 361; стр. 21.
[5]) Ibid., стр. 408, об.

требовалось, чтобы коммиссія Академіи назначила для экзамена возвратившимся ученыхъ людей и, кто назначенъ будетъ, увѣдомила духовную Коммиссію [1]). Академическая коммиссія отвѣтила 15 мая, что назначены отъ Академіи наукъ академики Крафтъ и Лаксманъ, инспекторъ академической гимназіи Бакмейстеръ и конректоръ Штриттеръ, коимъ и предписано, чтобы они явились въ коммиссію о духовныхъ имѣніяхъ, когда имъ отъ оной повѣщено будетъ [2]). Коммиссія потребовала отъ экзаменуемыхъ сказки: 1) какихъ они языковъ и наукъ учились: 2) сколько времени каждой науки: 3) у какихъ именно профессоровъ; 4) по какимъ авторамъ или системамъ; 5) какіе и отъ кого имѣютъ аттестаты [3]). Тогда же Дмитрій Семеновъ представилъ въ коммиссію о духовныхъ имѣніяхъ слѣдующія свѣдѣнія о своихъ занятіяхъ въ геттингенскомъ университетѣ:

„Отправившись, я въ 1766 г. іюня 7 дня изъ С.-Петербурга въ геттингенскій университетъ инспекторомъ, съ посланными туда четырьмя студентами для обученія разнымъ языкамъ и наукамъ, находился съ ними въ ономъ по окончаніи 1772 года. Гдѣ 6 лѣтъ я бывши, кромѣ того, что здѣсь въ Россіи по латыни и гречески уже зналъ, изъ наукъ риторику, философію, теоретическую физику и богословію по обыкновенному у насъ методу выслушалъ, обучался еще *изъ языковъ*:

1) *Нѣмецкому*—изъ лекцій профессорскихъ и обхожденія.

2) *Французскому*—у профессора франц. языка Колона дю Клоса и у шпрахмейстеровъ.

3) *Еврейскому*—у надворнаго совѣтника и восточныхъ языковъ профессора Михаэлиса, выслушавъ на сей конецъ у него еврейскую грамматику, толкованіе псалмовъ Давидовыхъ,

---

[1]) *Арх. Св. Син.* Дѣло 1772 г. № 361, стр. 17—18.

[2]) Ibid., стр. 19.

[3]) Ibid., стр. 6 об.

Притчей Соломоновыхъ, Іова, Судей, Исаіи пророка и Бытія Моисеева съ еврейскаго языка.

4) *Греческому*—у тогожъ профессора Михаэлиса, когда онъ толковалъ Притчи Соломоновы по переводу седьмидесять толковниковъ, посланіе къ Римлянамъ, оба посланія къ Коринѳянамъ, три первые Евангелиста и Дѣянія Апостольскія съ греческаго подлинника.

5) *Латинскому*—у проф. краснорѣчія Гейне, слушая у него толкованіе Гораціевыхъ одъ, Цицероновыхъ книгъ о должностяхъ и о законахъ, лекціи литеральныя и критическія на классическихъ авторовъ.

Изъ наукъ: 1) *Географіи*—у проф. Муррая по Бишингову сокращенію, полгода.

2) *Исторіи универсальной*—у надв. совѣтника и исторіи профессора Гаттерера, по собственному его сокращенію, цѣлый годъ.

3) *Дипломатикѣ*—у того жъ проф. Гаттерера, по его сокращенію, полгода.

4) *Исторіи европейской*—у проф. Муррая, по сокращенію Ахенвалову, полгода.

5) *Исторіи литеральной* или о свѣдѣніи знатнѣйшихъ книгъ—у проф. Гамбергера въ геттингской библіотекѣ, полгода.

6) *Философіи*, т. е. введенію во всю философскую исторію, логикѣ и метафизикѣ—у проф. Голманна по его системѣ и сокращенію, цѣлый годъ.

7) *Физикѣ экспериментальной*—у того жъ проф. Голманна по собственному его сокращенію, цѣлый годъ.

8) *Философіи практической и моральной*—у проф. Федера по собственному его сокращенію, полгода.

9) *Праву естественному и народному*—у проф. Ахенвала по его сокращенію, полгода.

10) *Статистикѣ* или наукѣ о состояніи европейскихъ государствъ—у того жъ Ахенвала по собственной его книгѣ, полгода.

11) *Математикѣ чистой*—у проф. Мейстера по сокращенію Вендлерову, полгода.

12) *Прикладной математикѣ*—у проф. Бекманна по сокращенію Кестнерову, полгода.

13) *Экономіи сельской*—у проф. Бекманна по собственному его сочиненію, полгода.

14) *Богословіи*, т. е. Догматикѣ богословской—у доктора и проф. Лесса по сокращенію Гейманнову, цѣлый годъ.

15) *Морали* или нравоученію богословскому—у того жъ доктора Лесса по его сокращенію, полгода.

16) *Доказательствамъ о истинѣ христіанской религіи*—у того жъ Лесса по книгѣ, имъ сочиненной.

17) *Исторіи церковной*—у доктора и проф. Валха цѣлый годъ по его собственному сокращенію.

Сверхъ всего вышепоименованнаго, въ послѣднемъ году передъ выѣздомъ изъ университета упражнялся я по большей части въ Россійской исторіи, пріискавъ, а многихъ и перечитавъ авторовъ до Россійской исторіи надлежащихъ, какъ иностранныхъ, на нѣмецкомъ, французскомъ, англійскомъ и латинскомъ языкахъ, такъ и на русскомъ, о сведеніи коихъ почти совсѣмъ готова уже у меня и книжка, которую я современемъ выдать въ свѣтъ намѣренъ. Что касается до аттестатовъ объ успѣхахъ въ помянутыхъ языкахъ и наукахъ, то подлинники самые, отъ профессоровъ взятые, посланы были мною ежегодно къ Россійскому въ Гамбургѣ находящемуся Резиденту Г-ну Гроссу, а отъ него въ иностранную коллегію, изъ иностранной же коллегіи въ св. Синодъ, откуда и копіи съ оныхъ здѣсь прилагаются.

Въ разсужденіи же моего въ университетѣ поведенія и исправленія инспекторской должности, данъ мнѣ не только отъ того профессора, которому мы въ надзираніе поручены были [1]),

---

[1]) *Муррая*; онъ далъ о Семеновѣ такой отзывъ: „Россійскихъ Императорскихъ студентовъ, въ здѣшнемъ университетѣ, съ авг. 1776 г. шесть лѣтъ пробывшихъ, инспекторъ Дм. Семеновъ имѣлъ честь, у насъ будучи, заслужить

но и отъ всего университета особливый аттестатъ, съ коего также копію имѣю честь здѣсь присовокупить [1]).

Наконецъ и о томъ осмѣливаюсь Духовной Комиссіи покорнѣйше доложить, что геттингское ученыхъ мужей историческое собраніе, усмотря мои въ Россійской исторіи успѣхи, кои я еще особливою диссертаціею „О слѣдахъ славянскаго языка въ писателяхъ греческихъ и латинскихъ“, въ ономъ собраніи читанною, засвидѣтельствовалъ, приняло

какъ славу прилежнаго, способнаго и благоразуднаго человѣка, такъ и почтеніе къ себѣ и дружество самыхъ знатныхъ и славныхъ учителей. Я съ твердою надеждою уповаю, что онъ полезными своими и вѣрными услугами, кои отечеству своему покажетъ, также и основательно учеными сочиненіями помянутую славу всенепремѣнно сохранитъ. Меня обрадуетъ то несказанно, если я увѣдомлюсь, что какъ чрезъ него, такъ и чрезъ порученныхъ ему молодыхъ ученыхъ, намѣренія великой Монархини, для которыхъ они сюда посланы были, достигены. Сіе увѣреніе будетъ для меня самымъ большимъ награжденіемъ“. Геттингъ. Дек. 20 дня 1772 года. *Дѣло 1772 г.* № 361; стр. 68.

[1]) Georgiae Augustae Prorector
cum senatu Academica
Lecturis salutem

Quandoquidem vir Praenobilissimus et Doctissimus Demetrius Semenoff, Moscoviensis, nos Prorectorem et Professores Universitatis hujus Georgiae Augustae decenter adiit, Nobisque insimul amanter indicavit, sibi Aestimonia ad probandam diligentiam, studiis academicis navatam, eam ob causam vel maxime opus esse, quo his, quorum auctoritate rei ejus aguntur, vitae studiorumque apud nos actorum rationes, eo luculentius reddere queat; ejus precibus aequissimis eo propensius adnuendum esse arbitrati sumus, quo honestiores eaedem nobis sunt visae.

Proinde auctoritate et fide publica hisce testamur, laudatum Demetrium Semenoff in hac Musarum sede non solum per totum tempus apud nos transactum, vitae suae rationes ex legum norma laudabiliter adornasse, verum etiam eximia et flagranti discendi cupiditate Musis sese consecrasse. Vitam praeterea valde honestam ac omni laude dignam apud Nos ita degit, ut omnibus bonis gratus, nemini autem, quantum scimus, exstiterit molestus.

Ut autem huic testimonio Nostro major fides ac auctoritas tribuatur, illud Prorectoris subscriptione et sigillo Georgiae Augustae majori corroborari munirique curavimus.

Datum sigillatumque Goettingae d. XVIII. Decembr. MDCCLXXII. Ioannes Stephanus Pütter h. t. Prorector. *Ibid.*, стр. 65.

меня въ число своихъ экстраординарныхъ членовъ, въ подтвержденіе чего данъ мнѣ и печатный дипломъ за подписаніемъ президента и директора того собранія [1]); отъ директора же имѣю я еще особливый аттестатъ, съ котораго такъ же, какъ и съ преждепомянутаго диплома, прилагаю здѣсь копію“ [2]).

---

[1]) Augustissimi
Britanniarum Regis
Georgi III
Auspiciis.

Institutum Regnum Historicum Goettingense, cujus sodales Sam auxiliatrices Historiae Disciplinas, Chronologiam, Geographiam, Genealogiam, Heroldicam, Numismaticam et Diplomaticam, quam omnis generis Historiam, Civilem, Sacram, Litterariam, Artificialem Naturalem uberius excolere student, eamque ob causam in colligendis societatisque Museo inferendis rebus naturalibus, Mappis Geographicis, insignibus Gentiliciis, Gemmis, Numis allisque Monimentis, Sigillis antiquis et recentioribus, monogrammatibus, Diplomatibus cum Autographis. tum aere vel penicillo expressis ceterisque ad Diplomaticam et ad elegantiores etiam Artes pertinentibus rebus occupantur; omnes eos, quorum Favore, Doctrina Studiisque laudabilibus compotem se votorum suorum fieri confidit, societate sibi jungere solet. Atque haec sunt etiam, quibus inducta atque excitata est societas Regia praedicta, ut

Virum clarissimum atque doctissimum Dominum Demetrium Semenovium Russum, studiosorum Russicorum, ab Imperatrice Russarum Augustissima ad nos doctrinae causa missorum Inspectorem, variarum literarum et historicarum inprimis cognitione ornatissimum, in numerum Correspondentium seu sodalium extraordinariorum cooptaret. In cujus rei testimonium ac fidem hoc Diploma sigillo Instituti historici majori munitum et subsignatum est Goettingae d. XIX December. A. R. S. MDCCLXXII.

D. Georgius Henricus Ayrer, Instituti Praeses.
Johan. Christoph. Gatterer, Instituti Director.
Ieromias Nicolaus Eyring Ph. D. Gymnasii Goetting.
Rector, Biblioth. Academ. custos, Instituti Regii histor sodal. ordinar. et secretarius perpetuus. Ib. стр. 69 и об.

[2]) An den hochgeneigten leser.

Herr Dimitrius Semenof, bisheriger Inspector der hier, auf Russisch-Kaiserliche Kosten, studierenden Russen, hat mich um ein Zeugnis ersucht Habe ich jemals ein solches Zeugnis mit Vergnügen ertheilet, so ist es gewiss diesesmal. Eigentlich hätte Herr Semenoff dar kein Zeugnis nothig. Leien Gelehrsamkeit, sein guter Character, seine feine Sitten sind ihm mehr, als alle fremde Attestate. Stets sah ich mit innigster Freude seinen fleis in meinen Vorlesungen über die Universalhistorie, über die Diplomatik u. s. w. Auch

Уже одно количество прослушанныхъ Семеновымъ курсовъ свидѣтельствуетъ о той многосторонности занятій и интересовъ, какая вообще отличала его. Прочіе наши студенты, бывшіе въ Геттингенѣ, слушали отчасти тѣхъ же профессоровъ, которыхъ слушалъ и Семеновъ, а нѣкоторые другихъ; такъ, напр., Розановъ учился англійскому языку, слушалъ еще политику и проф. Ахенваля, россійскую исторію полгода у проф. Шлецера, который эту исторію, вмѣстѣ съ исторіей сѣверныхъ европейскихъ государствъ, изъяснялъ „изъ своего манускрипта“; догматику у Миллера, математику у проф. Кестнера, минералогію у проф. Бекмана. Андреевскій слушалъ тѣ же самые предметы, что и Розановъ, кромѣ еврейск. языка, естественной исторіи и исторіи сѣверныхъ государствъ Европы и Россіи, но за то онъ слушалъ право естественное, дипломатику и исторію литературы, которыхъ не слушалъ Розановъ. Ногиковъ слушалъ тѣхъ же профессоровъ, что и другіе, но кромѣ того слушалъ педагогику у Шлецера и особенно сильно занимался французскимъ языкомъ, именно $1^1/_2$ года у проф. Колона, да кромѣ того имѣлъ еще приватнаго учителя. Всѣ наши юноши ходили еще въ библіотеку

---

lernte ich bei Privatbesuchen, die mir allezeit sehr angenehm gewesen, und ein Halbes Jahr hindurch, da er in meinem Hause wohnte, sein rechtschaffenes Herr und seinen ganz ungemeinen Eifer, seine schon von St.-Petersburg zu uns gebrachte Kenntnisse täglich zu erweitern, noch naher kennen. In dem öftere Umgange mit ihm hatte ich Gelegenheit, selbst von ihm verschidenes zu profitiren, zumal in der Kenntniss der Russischen Sprache, die ich unter seiner Anleitung einige Zeit getrieben habe. Durch seine historische Einsichten ist endlich auch das Königlische Historische Institut, dessen Versamlungen er bisher als Hospes eifrig besucht hat, bewogen worden, ihm das Diplom eines Correspondenten oder ausserordentlichen Mitglider zu ertheilen; wodurch er in eine beständige Verbindung mit Göttingen gebracht worden ist.

Alles dieses habe ich hindurch der Wahrheit zu Steuer, bezeugen, und den Herrn Semenoff als einen gelehrten und brauchbaren Mann auf alle Weise und bei jedermann recommandiren wollen Göttingen d. 19 December 1772. Joh. Chtist. Gotterer, Hofrath u Professor d Geschichte, auch Director d. Königl. Instituts. *Ibid.* стр. 71.

университета и чрезъ ученаго библіотекаря знакомились съ лучшими сочиненіями по всѣмъ наукамъ. Въ итогѣ выходило, что кромѣ 5—6 языковъ, всѣ слушали около 15 предметовъ. Нѣмецкому языку всѣ научились изъ живого разговора и чтенія книгъ.

Нельзя не остановиться здѣсь хотя на краткой характеристикѣ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ геттингенскихъ профессоровъ лекціи которыхъ слушалъ Семеновъ: она—хорошій ключъ къ объясненію личности нашего ученаго.

Начнемъ съ богословскаго факультета.

Богословскій факультетъ геттингенскаго университета, во время ученія въ немъ Семенова—Руднева, состоялъ изъ Михаэлиса, Лесса, Вальха и Мюллера. Тамъ особенно заботились, и прежде всего самъ король Георгъ III, чтобы „чистота религіознаго преподаванія не подвергалась никакой опасности“ [1]). Насколько ревниво оберегалось ортодоксальное направленіе въ Геттингенѣ, примѣромъ можетъ служить тотъ фактъ, что когда проф. Бюшингъ въ 1757 г. написалъ для соисканія степени доктора богословія диссертацію: „Epitome Archeologiae e solis sacris litteris concinnatae et ab omnibus rebus et verbis scholasticis purgatae“, то высказанныя въ ней мнѣнія вызвали запрещеніе чтенія Бюшингомъ богословскихъ лекцій, строгую цензуру всѣхъ печатаемыхъ имъ сочиненій и вообще послужили источникомъ разнаго рода непріятностей для него, такъ что когда въ 1760 г. было ему сдѣлано изъ Петербурга предложеніе занять мѣсто пастора при церкви св. Петра,—онъ охотно его принялъ [2]).

І. Д. Михаэлисъ (1717—1791)—одно изъ громкихъ именъ въ тогдашнемъ ученомъ мірѣ. Своими лекціями онъ открылъ новую эпоху въ исторической наукѣ: при изученіи

---

[1]) Р. *Гаймъ*, Гердеръ; его жизнь и соч. стр. 831.

[2]) Объ А. Ф. Бюшингѣ см. ст. *А. Г. Брикнера* въ Истор. Вѣстн. 1886 г., т. XXV; стр. 5—26.

еврейскихъ древностей онъ первый началъ требовать критики текста, изслѣдованія точнаго значенія словъ, знакомства съ родственными еврейскому языками, съ обычаями Востока и его поэзіей. О немъ одинъ протестантскій богословъ сказалъ, что Михаэлисъ былъ для Ветхаго Завѣта тѣмъ самымъ, чѣмъ былъ Эрнести для Новаго Завѣта [1]). Но и въ новозавѣтной исагогикѣ онъ проложилъ новый путь: его „Paraphrasis und Anmerkungen über die Briefe Pauli an die Galater, Ephesier" u. s. w. (Gött., 1750. Brem., 1769) считается важнѣйшимъ изъ экзегетическихъ сочиненій о посланіяхъ св. ап. Павла, вмѣстѣ съ его „Erklärung des Briefs an die Ebraer" (1780, 2 ч.). Своимъ сочиненіемъ „Einleitung in die göttlichen Schriften d. N. Bundes" (Gött. 1750, 1765, 1777, 1788) онъ „оказалъ особенную услугу исторіи библейскаго текста по изслѣдованіямъ о критическомъ достоинствѣ древнихъ переводовъ и рукописей" [2]). Наконецъ, и то нужно сказать, что подъ вліяніемъ чтеній Михаэлиса опредѣлился навсегда характеръ ученой дѣятельности извѣстнаго А. Л. Шлецера. По случайному совпаденію обстоятельствъ, филологическая метода Михаэлиса примѣнена была къ русскому языку въ одномъ изъ первыхъ опытовъ научнаго сравненія его съ другими языками. Михаэлисъ утверждалъ, что если какое-либо слово встрѣчается въ еврейскомъ текстѣ изрѣдка или только однажды, то объясненія загадочному слову надо искать въ другихъ языкахъ; основою для сравненія служило ему сходство корней какъ по звуку, такъ и по смыслу. При помощи этой методы, Шлецеръ находилъ сходство въ словахъ: *ночь*, *nox*, *nacht*, *notte*; *in—venio* и *на—ити*; *мил* и *mild*; милости*вѣйшій* и clement*issimus*, и т. д. [3]).—Подъ руководствомъ Михаэлиса Семеновъ работалъ надъ критическимъ объясненіемъ библей-

---

1) *G. Frank*, Gesch. d. protest. Theol. III Th. Leipz., 1875; стр. 57.

2) *Г. Герике*. Введ. въ новозав. книги Св. Пис. Пер. съ нѣм. подъ ред. *арх. Михаила*. ч. I. М. 1869; стр. 12.

3) *М. И. Сухомлиновъ*, Ист. росс. акад. Вып. I; стр. 145.

ских книгъ посредствомъ сравненія греческаго текста съ русскимъ переводомъ [1]).

Готфридъ Лессъ [2]) (1736—1797) занимаетъ почтенное мѣсто среди лютеранскихъ богослововъ 18 вѣка и довольно характерное для богословскаго развитія того времени. Онъ былъ ученикомъ Баумгартена еще въ Галле и несомнѣнно, что еще тамъ, подъ его вліяніемъ, онъ пріобрѣлъ, съ одной стороны, ясность мысли и солидную ученость, съ другой—практическую набожность галльскаго піэтиста. Научное путешествіе по Голландіи и Англіи, которое онъ предпринялъ въ 1762 г., привело его въ Ганноверъ. Здѣсь онъ познакомился съ Г. А. фонъ—Мюнхгаузеномъ, который тотчасъ пожелалъ имѣть Лесса въ своемъ любимомъ дѣтищѣ—геттингенскомъ университетѣ. Вмѣстѣ съ профессорскими обязанностями Лессъ соединялъ въ Геттингенѣ и должность университетскаго проповѣдника (съ 1763 г.). Его проповѣди, носившія печать оригинальности, равно какъ его чтенія по догматикѣ, полемикѣ, нравственному богословію, гомилетикѣ и т. д. и практическія занятія были весьма цѣнимы и посѣщаемы, хотя его изложеніе на церковной и профессорской каѳедрѣ, вопреки его страстной живости, совершенно не имѣло никакой внѣшней пріятности и скорѣе отталкивало своимъ „жалобнымъ тономъ“ и странными жестами. Его многочисленныя сочиненія (74 большихъ и малыхъ насчитываетъ его біографъ, 71—Versuch einer academ. Gelehrten—Geschichte, *Pütter'a* ч. II стр. 115—118, 396) принадлежатъ большею частію къ области апологетики, догматики, морали и практическаго богословія. Главный его апологетическій трудъ, надъ которымъ онъ работалъ почти всю свою жизнь, это—„Beweis der Wahrheit der christlichen Religion“ (Brem., 1769; 1773, 1775, 1777, 1785, 1786). Истинность христіанства онъ доказывалъ съ теплотою

[1]) *Арх. Св. Син.* Дѣло 1772 г. № 361; стр. 90—91.

[2]) J. J. Herzog, Real-Encyclopädie für protest. Theol. u. Kirche, B. VIII. Leipz., 1881, стр. 600—602 (Статья Wagenmann'a). G. Frank, Gesch. d. prot Theol. III. Th. Стр. 100—110.

убѣжденнаго богослова. „Я свидѣтельствую предъ Всевѣдущимъ, что я никогда во всей моей жизни не зналъ такихъ счастливыхъ часовъ, какъ тѣ, которые я проводилъ въ знакомствѣ съ христіанствомъ; пока я ему совершенно оставался вѣренъ, былъ я даже среди мучительнѣйшихъ страданій спокоенъ, веселъ, великъ и радостенъ“ [1]). Другая научная область, въ которой онъ болѣе всего заслужилъ уваженіе своихъ современниковъ, была область морали. Лессъ преимущественно любилъ эту область и излагалъ христіанское ученіе о нравственности съ такою убѣдительностію, что часто проливалъ слезы. І. Мюллеръ называетъ его несравненнымъ моралистомъ, у котораго мораль не только слышать, но и видѣть можно было.

Х. В. Ф. Вальхъ [2]) (1726—1784) съ 1753 г. и до конца жизни посвятилъ свою обширную научную дѣятельность геттингенскому университету. Въ пору его полной зрѣлости (1765) изображаетъ дѣятельность Вальха Питтеръ (Versuch einer acad. Gelehrt. Gesch. Gott., 1765; стр. 124). Съ замѣчательною методичностью въ распредѣленіи часовъ читалъ Вальхъ изъ года въ годъ свои лекціи по догматикѣ, церковной исторіи—древней и новой, морали и полемикѣ, естественному и символическому богословію, христіанскимъ древностямъ, экзегетикѣ посланій св. ап. Павла; читалъ также jus publicum ecclesiae, богословскую casuisticam, толкованіе греческихъ отцевъ церкви; велъ, private и privatissime, examinatoria и disputatoria. Если къ этому прибавить многочисленные ученые труды Вальха, великое множество академическихъ сочиненій, писанныхъ по какому-нибудь случаю, его участіе въ управленіи университетомъ, его дирекцію въ репетиторской коллегіи, равно какъ его участіе въ геттингенскомъ ученомъ Обществѣ, которое въ 1763 г. избрало его въ дѣйствительные члены по историческому отдѣленію, то можно получить по-

[1]) *G. Frank*, Gesch. d. protest. Theol. стр. 100.
[2]) Beal—Encyklapädie, B. XVI, стр. 601—607.

нятіе о трудолюбіи и способности къ работѣ этого человѣка. Не принадлежа къ творческимъ умамъ въ области богословія, Вальхъ относится къ тѣмъ трудолюбивымъ, неутомимымъ ученымъ прошлаго столѣтія, соединенными богатствами которыхъ и теперь еще съ благодарностію пользуются. Главное его значеніе—въ области церковной исторіи [1]).

Х. Г. Гейне (1729—1812)—филологъ и археологъ. Его воззрѣніе, что изученіе древнихъ языковъ необходимо лишь какъ средство для пониманія древняго міра, вызвало со стороны І. Г. Фосса и Фр. Авг. Вольфа горячую полемику, послужившую ко благу нѣмецкаго образованія и изученія классиковъ и давшую въ результатѣ, съ одной стороны, усвоеніе Фоссомъ нѣмецкой поэзіи двухъ замѣчательныхъ поэмъ Гомера—Иліады и Одиссеи, съ другой—введеніе Вольфомъ серіозности и силы въ изученіе древнихъ, посредствомъ глубины, основательности, строгаго грамматическаго и критическаго изслѣдованія. Гейне много потрудился для разъясненія спорныхъ вопросовъ въ древней миѳологіи, археологіи и исторіи и комментировалъ древнихъ классиковъ, преимущественно поэтовъ, а также издалъ, съ комментаріями, сочиненія Тибулла (Lips. 1755; 1771), Пиндара (1773, 1774), Эпиктета (Dresd. et Lips. 1756, 1776), Виргилія (т. I—IV. Lips. 1767—1775. т. I—II. Lips. 1779) и Bibliotheca Аполлодора (1782; p. I—III. 1783). Въ сочиненіяхъ Гейне Гердеръ высоко цѣнилъ „тщательность изслѣдованія и спокойное глубокомысліе“ [2]).

[1]) Презрительный и съ чувствомъ негодованія выраженный отзывъ Гердера о богословскомъ факультетѣ геттинг. универс. въ значительной степени можно объяснять неудачей, постигшей Гердера отказомъ въ назначеніи его профессоромъ геттинг. университета. Отзывъ такой: „Къ чему ведутъ экзамены въ такихъ богословскихъ факультетахъ, гдѣ Михаэлисъ даетъ всему тонъ и объясняетъ Библію, а господа Вальхъ, Лессъ и Мюллеръ являются главными столпами ортодоксіи!.. Эти люди все прикрываютъ такимъ туманомъ, который всѣхъ вводитъ въ заблужденіе“. *Р. Гайм*, Гердеръ, его жизнь и соч. т. I; стр. 832—833.

[2]) Гердеръ превозносилъ Гейне и какъ человѣка. По его словамъ, это была „самая благородная, самая нѣжная, самая привлекательная душа, какой

I. Х. Гаттереръ (1727—1799)—первый оставилъ изложеніе всемірной исторіи по системѣ четырехъ монархій, наслѣдованное отъ средневѣковыхъ хроникъ, и вмѣстѣ съ Шлецеромъ былъ создателемъ цѣлой школы исторической критики и положилъ прочное основаніе позднѣйшему развитію исторіографіи. Въ изложеніи исторіи онъ не ограничивался одними политическими событіями, но обращалъ вниманіе и на внутреннюю жизнь народа, на судьбу религіи и образованности. Гаттереръ былъ однимъ изъ самыхъ плодовитыхъ ученыхъ писателей: имъ напечатано болѣе ста сочиненій, преимущественно по исторіи, а также по дипломатикѣ, геральдикѣ, нумизматикѣ, генеалогіи, хронологіи, географіи, литературѣ, философіи и даже физикѣ; особенно цѣнятъ его преподаваніе географіи, которую онъ излагалъ съ умомъ и вкусомъ и не только облегчилъ ея изученіе, но превосходно ее приноравливалъ къ потребностямъ жизни.

Съ именемъ Гаттерера связано основаніе (въ 1764 г.) въ Геттингенѣ „королевскаго историческаго института“—ученаго общества для разработки исторіи и родственныхъ ей наукъ: географіи, геральдики, нумизматики, дипломатики, и т. д. Институтъ имѣлъ и свой литературный органъ (съ 1767г.),

---

нельзя искать въ человѣкѣ, посвятившемъ себя изученію латинской древности, и какую едва ли можно найти въ теченіе столѣтій; это былъ заклятый врагъ интригъ, образ цъ нѣжности, кротости и скромности“ (*Ibid*, стр. 555). По этому совершенно противорѣчатъ дальнѣйшія замѣчанія біографа Гердера, что „въ кружкѣ Гейне всѣ были расположены дурно отзываться какъ о Михаэлисѣ, такъ и объ его ученикѣ Шлецерѣ“. „Гейне былъ такъ доволенъ неодобрительнымъ отзывомъ Гердера о „сѣверной исторіи“ Шлецера, что намекнулъ ему на необходимость проучить Шлецера во „Франкфурскомъ указателѣ“ такъ же, какъ былъ проученъ Михаэлисъ за сочиненіе о законодательствѣ Моисея и Шлегель за статью о соч. Батте“. *Ibid.*, стр. 687—688. *Ф. К. Шлоссеръ* назвалъ Гейне *надменнымъ*. Исторія XVIII стол. Изд. 2. Т. IV. Спб., 1868; стр 55. Вообще нужно замѣтить, что ученая среда геттингенскаго университета не чужда была зависти и соперничества не всегда въ чистой подкладкѣ. Шлецеръ соперничалъ и съ Гаттереромъ. *Гаймъ*, стр. 691, прим. 1.

выходившій то подъ названіемъ „Allgemeine historische Bibliotek“ (до 1771 г., XVI томовъ), то подъ названіемъ „Historisches journal“ (съ 1772 по 1781, XVI томовъ). Журналъ этотъ, который подъ обоими названіями издавался Гаттереромъ, заключаетъ въ себѣ нѣсколько статей по исторіографіи и не мало интереснаго библіографическаго матеріала, въ видѣ рецензій книгъ, относящихся къ исторической литературѣ; есть въ немъ извѣстія и касательно русской исторіи. Членами института были преимущественно профессора геттингенскаго университета (Гаттереръ—директоръ, Колопъ, Хр. В. Биттнеръ, Клоцъ, Келеръ, Эйрингъ и др.). Въ трудахъ и засѣданіяхъ института участвовали также и студенты, имѣвшіе право быть избранными въ „пріобщники“ (Beisitzer) или экстраординарные члены (ausserordentliche Mitglieder). Въ собраніи этого института Семеновъ-Рудневъ и читалъ свое разсужденіе „О слѣдахъ славянскаго языка въ писателяхъ греческихъ и латинскихъ“, за которое ученое собраніе „пріобщило его къ числу своихъ корреспондентовъ или внѣрядовыхъ членовъ“, какъ „„презпатнаго и преученаго мужа, человѣка въ разныхъ наукахъ, а наипаче въ историческихъ, хорошее свѣдѣніе имѣющаго“.

І. Хр. Гамбергеръ (1726—1773), библіотекарь (custos bibliothecae) славной геттингенской библіотеки и профессоръ „литеральной исторіи“, знакомилъ своихъ слушателей съ судьбою наукъ и изящныхъ искусствъ, съ ихъ постепеннымъ видоизмѣненіемъ и усовершенствованіемъ, и сообщалъ свѣдѣнія о рѣдкихъ книгахъ, а также біографическія извѣстія объ ученыхъ. Изъ сочиненій его особенную цѣну въ библіографическомъ отношеніи имѣютъ: „Zuverlässige Nachrichten von den vornehmsten Schriftstellern von Anfang der Welt bis 1500. I. Th. hemgo, 1756; II. 1758; III. 1760; IV. 1764“ и „Kurze Nachrichten von den vornehmsten Schriftstellern von dem XVI Jahrhundert. hemgo Th. I. II. 1766.

І. Г. Г. Федеръ (1740—1821)—одинъ изъ извѣстнѣй-

нихъ въ свое время представителей такъ называемой популярной философіи. Въ лекціяхъ своихъ по различнымъ отраслямъ философіи онъ затрогивалъ вопросы, относящіеся къ области религіи, нравственности, политическаго устройства обществъ, и т. п. Религію онъ считалъ основаніемъ и могущественнымъ двигателемъ добродѣтели; допуская стремленіе къ добру и въ душѣ людей, совершенно чуждыхъ религіи, и возможность добродѣтели, основанной на однихъ соображеніяхъ благоразумія, онъ утверждалъ, что высота нравственнаго совершенства недостижима безъ религіи, которая своею благотворною силою удерживаетъ отъ зла, и укрѣпляетъ и возвышаетъ тѣ начала добра, слѣдовать которымъ призываетъ человѣка его разумъ. Всѣ люди равны между собою, и равны въ особенности потому, что никто не имѣетъ права никого сдѣлать своимъ рабомъ. Основное начало нравственности заключается въ словахъ: не дѣлай другому того, чего не желаешь, чтобы онъ тебѣ сдѣлалъ. Что бы ни толковали о началѣ и обществѣ,—говоритъ Федеръ,—во всякомъ случаѣ вѣрно то, что они образовались не такъ методически, какъ представляется это въ системахъ философовъ. Не только вѣроятно, но и положительно подтверждается исторіею, что часто, уступая грубой силѣ, свободные люди, семейства и цѣлые народы признавали надъ собою власть завоевателя. Но также извѣстно, что многіе, будучи увлечены и ослѣплены надеждами и заслугами, дѣйствительными или только кажущимися, или же вслѣдствіе несчастнаго стеченія обстоятельствъ жертвовали своею независимостью для водворенія у себя благоустроеннаго правительства. Весьма трудно рѣшить теоретически, какой формѣ правленія должно отдать преимущество: съ одной стороны, наиболѣе совершенною представляется форма монархіи ограниченной, при которой права подданныхъ обезпечены положительными законами; но, съ другой стороны, можно сказать, что для удержанія правителя отъ противозаконныхъ поступковъ нѣтъ болѣе вѣрнаго средства,

какъ предоставить все его неограниченной власти. Выводъ тотъ, что нѣтъ общей нормы и что образъ правленія, какъ и государственное устройство вообще, зависитъ отъ свойствъ и особенностей каждой страны. Правители по отношенію къ подданнымъ обязаны имѣть въ мысляхъ, что подвластные не суть творенія своихъ владыкъ, а что всѣ люди—творенія Божіи, и придетъ время, когда исчезнетъ всякое различіе сословій, и каждому человѣку воздастся должное, и не по высотѣ его званія, а по его достоинствамъ и по нравственной высотѣ его безсмертнаго духа. Главная обязанность подданныхъ—повиноваться. При исполненіи этой, порою тяжелой, обязанности, надо сдерживать себя мыслію, что управлять государствомъ чрезвычайно трудно, и что порицатели управляли бы имъ еще хуже, если бы въ руки ихъ отдана была власть. Какъ ни дурно какое бы то ни было правительство, но анархія во всякомъ случаѣ хуже; какъ бы ни угнетала страну господствующая правительственная система, долгъ гражданина—подчиняться временному злу, и для избавленія отъ него отнюдь не прибѣгать къ мѣрамъ, которыя нарушили бы общее благо, спокойствіе и безопасность государства, и т. п.

Федеръ знакомилъ слушателей своихъ съ идеями Локка, Юма, Руссо, Монтескье и другихъ представителей литературы вѣка просвѣщенія. То, что вышло изъ-подъ пера главнѣйшихъ поборниковъ свободы мысли и человѣческихъ правъ, оказало свою долю вліянія на убѣжденія Федера. Но французская революція сильно на него подѣйствовала, и онъ открылъ особый курсъ, въ которомъ вооружался противъ ученія революціонеровъ, и преимущественно опровергалъ теоретическія заблужденія Руссо. Были у Федера, по его собственному признанію, убѣжденія завѣтныя, которымъ онъ оставался вѣренъ постоянно—во время французской революціи, какъ и прежде и послѣ нея: это—личная свобода человѣка и свобода книгопечатанія. Правда не боится печатнаго слова,—говоритъ онъ,—и свобода его развиваетъ народное самосо-

знаніе и любовь къ отечеству; самое зло, высказавшись печатно, теряетъ свою силу, открывая возможность противной сторонѣ разоблачить весь его вредъ и всю его несостоятельность, и т. д. [1]).

О подробностяхъ самого экзамена, который произведенъ былъ въ Невскомъ монастырѣ въ присутствіи Гавріила, архіепископа новгородскаго и петербургскаго, Иннокентія, архіеп. псковскаго и рижскаго, и тайн. сов. сенатора Григ. Никол. Теплова, въ архивныхъ дѣлахъ не сохранилось свѣдѣній; но зато сохранился докладъ коммиссіи о духовныхъ имѣніяхъ, поднесенный императрицѣ 8 октября 1773 г., изъ котораго мы узнаемъ слѣдующее. Возвратившіеся изъ Геттингена были экзаменованы въ присутствіи всѣхъ членовъ коммиссіи чрезъ іеродіакона Евгенія (со стороны духовной), а отъ Академіи Наукъ, при стат. сов. Штелинѣ, чрезъ назначенныхъ лицъ въ языкахъ латинскомъ, греческомъ, еврейскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ, въ наукахъ философскихъ, математическихъ, исторіи, физикѣ теоретической и практической, въ исторіи натуральной и химіи—„съ довольною строгостью“, и на экзаменѣ коммиссія пришла къ такому мнѣнію: инспекторъ и трое студентовъ неравную въ каждой наукѣ показали способность, но коммиссія имѣетъ смѣлость засвидѣтельствовать, что коштъ ихъ не напрасно издержанъ, всѣ они оказали въ языкахъ и наукахъ „довольное знаніе“, и всѣ они съ пользою для отечества могутъ быть употреблены, *только бы впрочемъ могли остаться на пути ученыхъ людей* и, обучая другихъ, сами чрезъ то углубились въ наукахъ [2]). Коммиссія особенно просила въ докладѣ Екатерину оставить ихъ на ученомъ поприщѣ, указывая на двоякую пользу отъ этого: 1) что они въ обуче-

---

[1]) *М. И. Сухомлиновъ*, Ист. Рос. акад. Вып. 1; стр. 146—148, со ссылкою на Lehrbuch d. praktisch. Philosophie, von *I. G. H. Feder*, 1775—1, 271—278, 233—239. II, 16, 119—120, 223—224, и I. G. H. Feder's Leben, Natur und Grundsätze. 1825, s. 286—290 (стр. 409, prim. 180).

[2]) *Дѣло 1772 г. № 361*; стр. 25 и об.

ніи будутъ держаться точной системы, „каковой сами они у знатныхъ ученыхъ людей долговременно обучалися, а 2) что они современемъ будутъ достойными профессорами. О каждомъ же въ отдѣльности коммиссія усмотрѣла, что Семеновъ— „лѣтъ уже совершенныхъ и гораздо за 30 лѣтъ; видно по всему, что онъ и отсюда поѣхалъ довольно обученъ, но возвратился нынѣ съ знатнымъ приращеніемъ во многихъ наукахъ; онъ кромѣ того, что въ языкахъ ученыхъ, а именно: греческомъ, еврейскомъ, а паче латинскомъ совершенное искусство оказалъ, но и доказалъ то, будучи въ чужихъ краяхъ, изданнымъ въ печати трудомъ своимъ, до церковной исторіи принадлежащимъ, и отъ ученыхъ неоднократными ученными газетами похваленнымъ [1]); въ нѣмецкомъ же и французскомъ языкахъ хотя не произношеніемъ, однакожъ разумѣніемъ силы оныхъ довольно искусенъ такъ, что толикое знаніе языковъ всегда ему будетъ служить довольнымъ орудіемъ къ достиженію глубокаго знанія въ наукахъ, а наконецъ при экзаменѣ усмотрѣно, что онъ и въ другихъ наукахъ трудился и объ нихъ совершенное имѣетъ понятіе, а въ нѣкоторыхъ и довольное искусство; притомъ великую показываетъ склонность къ сочиненію россійской исторіи, дабы опровергнуть ложныя всѣхъ тѣхъ авторовъ повѣсти, которыя множественнымъ числомъ на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ о Россіи чрезъ многія лѣта писаны, и на тѣхъ только языкахъ остаются непереведенными, безъ опроверженія; онъ же и должность инспектора надъ другими отправлялъ въ чужихъ краяхъ съ похвалою“ [2]). О другихъ студентахъ коммиссія дала также хорошіе отзывы, по короче. За симъ коммиссія повергаетъ всѣхъ че-

[1]) Основыва сь на этихъ словахъ, мы думали найти отзывы объ изданномъ Семеновымъ трактатѣ Ѳ. Прокоповича въ Historisch journal d. königlich. historisch. instituts zu Götting., для чего, по нашей просьбѣ, бывшій въ Берлинѣ молодой русскій ученый *С. А. Селивановъ* пересмотрѣлъ въ королевской библіотекѣ это изданіе за соотвѣтствующіе годы; но тамъ ничего не нашлось.

[2]) Дѣло, стр. 26—27.

тырехъ къ стопамъ Е. И. В. и далѣе излагаетъ свое объ ихъ опредѣленіи мнѣніе. Сказавъ о томъ, что московскій университетъ учрежденъ на такомъ же основаніи, какъ и нѣмецкіе университеты, и что во многихъ изъ этихъ послѣднихъ существуетъ четыре факультета: философскій, юридическій, медицинскій и богословскій, коммиссія указываетъ, что богословскій факультетъ потому не открытъ въ московскомъ университетѣ, что при учрежденіи его учителей и профессоровъ нужно было собирать изъ иностранцевъ. Но было бы полезно учредить и богословскій факультетъ подъ особеннымъ управленіемъ св. Синода и собственнымъ покровительствомъ государыни; почему коммиссія думаетъ, что ему приличнѣе быть въ Москвѣ, какъ въ многолюдномъ столичномъ городѣ; въ этотъ факультетъ и нужно бы опредѣлить возвратившихся изъ Геттингена и тѣхъ, которые еще прибудутъ изъ этого факультета; чтобы дозволено было каждому обучившемуся итти непремѣнно въ учители семинаріи или въ духовное званіе и, кто пожелаетъ, въ монашество. „Такимъ средствомъ въ духовномъ чину окажутся современемъ многими науками просвѣщенные люди и способные къ чтенію книгъ на многихъ языкахъ. А такъ какъ въ Спасскомъ монастырѣ существуетъ московская академія, заведенная при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ въ 1682 г., то для сохраненія ея древняго установленія и сей факультетъ причислить къ той же московской академіи, такъ чтобы оба училища назывались одною академіей; а какимъ образомъ и на какомъ основаніи этотъ факультетъ учредить, о томъ, ежели государыня повелитъ, коммиссія представитъ проектъ плана“ [1]). Такимъ мнѣніемъ рѣшеніе вопроса объ учрежденіи богословскаго факультета, очевидно, сводилось къ нулю, ибо открывать въ московской академіи, заведеніи спеціально духовномъ, гдѣ богословскія науки составляютъ основаніе и главный, живой центръ всего обученія, еще какое-то отдѣленіе, подъ назва-

[1]) Ibid., стр. 29.

ніемъ богословскаго факультета, съ тѣми же цѣлями и задачами, какія положены въ основу академическаго образованія,— это значило открывать академію въ академіи, намѣренно уклоняться отъ рѣшенія вопроса. Какъ бы то ни было, императрица Екатерина согласилась съ заключеніемъ коммиссіи и касательно дальнѣйшей судьбы русскихъ геттингенцевъ, и относительно будущности богословскаго факультета. Утверждая, 15 ноября 1773 г., докладъ коммиссіи [1]), она почти буквально повторяла то, что въ немъ было сказано, именно: инспектора Дм. Семенова опредѣлить профессоромъ словесныхъ наукъ и церковной исторіи, съ жалованьемъ изъ коллегіи экономіи по 600 руб. въ годъ [2]); студентовъ же Розанова, Новикова и Андреевскаго—магистрами словесныхъ наукъ, изъ нихъ Розанову жалованья опредѣлить по 400 руб., а Новикову и Андреевскому по 350 руб. въ годъ, также изъ коллегіи экономіи. „А дабы они, пока представленный отъ коммиссіи богословскій факультетъ учредится въ Москвѣ, не только праздны не были, но и подъ нѣкоторымъ присмотромъ жили въ трудахъ, до наукъ принадлежащихъ: то опредѣлить имъ жилище до того времени въ Невскомъ монастырѣ, гдѣ преосвященный с.-петербургскій можетъ имъ по разсмотрѣнію своему налагать полезныя для обученія другихъ и самихъ себя труды. Между тѣмъ каждому изъ нихъ четырехъ всемилостивѣйше мы пожаловали не въ зачетъ сего опредѣленнаго имъ жалованья треть онаго изъ коллегіи экономіи, на исправленіе первыхъ ихъ нуждъ, для дальнѣйшаго ихъ въ наукахъ ободренія. Въ прочемъ коммиссія имѣетъ подать намъ для нашего усмотрѣнія проектъ плана, на какомъ основаніи и съ какимъ порядкомъ учрежденъ быть можетъ въ Москвѣ богословскій факультетъ“ [3]).

---

[1]) Ibid. стр. 37. Докладъ поднесенъ былъ 8 ноября.

[2]) *Дѣло 1765 г.* № 250; стр. 419.

[3]) Ibid. стр. 419 и об.

Дальнѣйшія подробности этой исторіи таковы: Новиковъ 17 августа 1774 г. умеръ въ Александро-Невскомъ монастырѣ, еще до полученія назначенія на мѣсто; когда же 15 сентября 1774 г. объявленъ былъ указъ, что государыня со всѣмъ дворомъ прибудетъ въ Москву, куда назначались также Правит. Сенатъ и св. Синодъ [1]), то и Семенову съ Розановымъ и Андреевскимъ нечего было оставаться въ Невскомъ монастырѣ, и они были отправлены: первые два въ Москву, а послѣдній въ Новгородъ учителемъ философическаго класса; магистру Розанову приказано было обучать въ московской академіи исторіи и французскому языку. Для жительства обоимъ велѣно было отвести покои въ Заиконоспасскомъ монастырѣ, а Андреевскому (въ Новгородѣ)—въ Антоніевомъ монастырѣ [2]). М. Розановъ дѣйствительно помѣщенъ былъ въ Заиконоспасскомъ монастырѣ, но Д. Семенову въ томъ монастырѣ „способнаго для жительства покоя“ не нашлось [3]). Розановъ, бывшій потомъ въ Невской семинаріи учителемъ нѣмецкаго и французскаго языковъ и ариѳметики, оказался впослѣдствіи нерадивымъ и совсѣмъ бросилъ ходить въ школу, о чемъ Гавріилъ, архіеп. петербургскій, даже доносилъ Синоду 23 марта 1780 года [4]), вслѣдствіе чего онъ былъ исключенъ изъ числа учителей и изъ „команды“ св. Синода [5]).

Такимъ образомъ изъ четырехъ „геттингенцевъ“ для высшаго ученаго поприща остался одинъ только Дм. Семеновъ. Но о немъ рѣчь впереди, а теперь мы доскажемъ исторію остальныхъ русскихъ студентовъ. 15 іюля 1775 г. коллегія иностранныхъ дѣлъ донесла св. Синоду, что возвратились и находившіеся въ Лейденѣ студенты Багрянскій и Антонскій,

---

[1]) *Н. Розановъ*, Исторія моск. епарх. управл. Ч. III, кн. I; стр. 6.

[2]) Дѣло, стр. 440. Прогоновъ было выдано: до Новгорода Андреевскому 7 р. 44 к., а Розанову до Москвы 18 р. 28 к. Паспортъ Семенова до Москвы помѣченъ 12 дек. 1774 г.

[3]) Ibid., стр. 455.

[4]) Ibid. стр. 520.

[5]) Ibid. стр. 522.

а инспекторъ Исаевъ, по его прошенію и по представленію нашего посланника въ Гагѣ кн. Голицына, оставленъ тамъ для изученія медицины [1]); находящіеся же въ Оксфордѣ инспекторъ и студенты также имѣютъ быть возвращены нынѣшнимъ лѣтомъ [2]). Однако изъ этихъ послѣднихъ ни одинъ не былъ представленъ въ св. Синодъ отъ коллегіи иностран. дѣлъ и хотя изъ канцеляріи Синода въ 1780 г. (сентября 21) и былъ посланъ запросъ въ коллегію объ этихъ четырехъ лицахъ, но отвѣта не доставлено. Дальнѣйшая судьба ихъ неизвѣстна. Изъ лейденскихъ студентовъ Вас. Багрянскій отправленъ былъ, по заявленію преосв. Гавріила, въ новгородскую семинарію учителемъ философическаго класса, а Антонскій въ Москву, впредь до экзамена,—котораго, кстати сказать, никогда сдѣлано и не было,—учителемъ еврейскаго и греческаго языка, на мѣсто вышедшаго въ свѣтскую службу учителя Михайлы Протопопова [3]). Исаевъ, оставленный въ Лейденѣ для изученія медицины, отправясь оттуда въ Страсбургъ и не доѣхавъ до онаго, умеръ въ Мангеймѣ [4]), а книги его, медицинскія, присланы были въ Петербургъ отъ находившагося въ Амстердамѣ агента Ольдекопа на имя купцовъ Брауера и Баге и отосланы чрезъ св. Синодъ въ новгородскую епархію наслѣдникамъ Исаева [5]).

Таковы, можно сказать, печальныя заключительныя страницы исторіи русскихъ семинаристовъ, посланныхъ при Ека-

---

[1]) Въ Лейденскомъ университетѣ процвѣтали медицинскія науки и въ особенности анатомія. Вспомнимъ восторгъ Петра Великаго, когда онъ увидѣлъ тамъ, какъ профессора анатоміи въ присутствіи студентовъ разрѣзывали трупы и объясняли подробно всѣ части человѣческаго тѣла, и описаніе того же зрѣлища кн. Б. И. Куракинымъ (Архивъ кн. *Ѳ. А. Куракина*. Спб. 1890, Т. 1; стр. 142—3).

[2]) Дѣло, стр. 470 и сл.

[3]) Ibid., стр. 484.

[4]) Ibid., стр. 489.

[5]) Пересылка книгъ изъ Амстердама до Петербурга стоила 25 рублей. Ibid., стр. 501.

терінѣ II заграницу; печаленъ былъ и конецъ громкаго проекта объ основаніи богословскаго факультета. По всему видно, что вышедшая не изъ яснаго разумѣнія дѣла, случайная мысль, хотя и достойная всякаго сочувствія сама по себѣ, не могла долгое время привлекать вниманіе государыни и скоро была или забыта, можетъ быть, за множествомъ другихъ дѣлъ, болѣе важныхъ, или намѣренно оставлена, такъ какъ въ этотъ промежутокъ времени и сама Екатерина сильно измѣнилась и во многомъ радикально измѣнился ея образъ мыслей. 23 декабря 1780 г. коммиссія о духовныхъ имѣніяхъ рапортовала Правит. Сенату, что хотя въ силу высочайшаго указа 15 ноября 1773 года и повелѣно подать Е. В. проектъ плана, на какомъ основаніи и съ какимъ порядкомъ учрежденъ быть можетъ въ Москвѣ богословскій факультетъ, но онаго въ коммиссіи не сдѣлано, ибо какъ присутствующіе въ сей коммиссіи и синодальный оберъ-прокуроръ словесно предложили: именнымъ Е. В. указомъ св. Синоду 17 февр. 1775 г. повелѣно: какъ московская академія находится въ крайне неудобномъ мѣстѣ, то найти лучшее мѣсто для переведенія оной и представить проектъ какъ о числѣ учениковъ и учителей, такъ и о суммѣ, потребной на содержаніе. Все это и сочинено въ св. Синодѣ и 25 окт. 1777 г. поднесенъ докладъ объ этомъ, но на оный высочайшей конфирмаціи еще не послѣдовало“ [1]). Почти черезъ десять лѣтъ снова занялись выработкой особаго плана русскихъ университетовъ. Коммиссіи объ учрежденіи училищъ предписано было, указомъ 29 янв. 1786 г., приступить къ составленію плана университетамъ и гимназіямъ на слѣдующихъ основаніяхъ: на первое время достаточно имѣть 3 университета: въ Псковѣ, въ Черниговѣ и въ Пензѣ; но богословскій факультетъ уже не долженъ былъ входить въ составъ

[1]) Дѣло 1772 г. № 361; стр. 48 и об

университета [1]). Причина послѣдняго ограниченія та, конечно, что высшее богословское образованіе, по распоряженію св. Синода, предоставлено не университетамъ, а духовнымъ академіямъ.

„Такимъ образомъ кончилось одно изъ великодушнѣйшихъ и мудрѣйшихъ предположеній Екатерины", замѣчаетъ цитированный нами раньше авторъ, впервые изложившій въ печати проектъ богословскаго факультета [2]). „Можно вообразить,—продолжаетъ онъ,—какое могучее талантами и знаніемъ высшее духовное учебное заведеніе образовалось бы изъ всей этой молодежи, которая, не щадя своихъ силъ, трудилась въ лучшихъ европейскихъ университетахъ, учась у лучшихъ профессоровъ". Справедливость этихъ словъ еще болѣе усиливаетъ наше сожалѣніе по поводу того, что Екатерина мало-по-малу начала охладѣвать къ мысли, за которую она такъ горячо взялась въ первые годы своего царствованія. Если даже геттингенскимъ студентамъ съ ея стороны оказано было меньше вниманія, чѣмъ они заслуживали, то лейденскіе студенты, учившіеся дольше и также не хуже геттингенскихъ, совсѣмъ уже не воспользовались милостями императрицы, и устройствомъ ихъ участи занятъ былъ одинъ только Синодъ, безъ всякаго участія въ этомъ воли государыни. Ихъ труды и знанія не получили соотвѣтствующаго вознагражденія, и такое безучастное отношеніе къ ихъ судьбѣ со стороны императрицы едва ли могло не поселить въ ихъ душѣ горькое разочарованіе въ пользѣ многолѣтнихъ трудовъ и лишеній... Но высшая степень охлажденія къ мысли объ основаніи богословскаго факультета и къ судьбѣ русскихъ питомцевъ, отправленныхъ заграницу для приготовленія на службу въ этомъ факультетѣ выразилась въ томъ, что посланные въ Оксфордъ хотя и воз-

---

[1]) *М. И. Сухомлиновъ*, Изслѣдованія и статьи по русск. литерат. и просвѣщенію. Спб. 1889. Т. I; стр. 50.

[2]) Вѣсти. Евр. 1873 г. № 11; стр. 317.

вратились въ Россію, но судьба ихъ до настоящей поры остается неизвѣстна [1]).

---

[1]) Въ янв. кн. „Журн. мин. нар. просв." 1893 г. (стр. 1—14) напечатана небольшая статья варшавскаго профес. *В. Н. Александренка*: „Изъ жизни русскихъ студентовъ въ Оксфордѣ въ царствованіе Екатерины II", имѣющая близкое отношеніе къ IV гл. нашего изслѣдованія. Она заключаетъ въ себѣ бывшія до сихъ поръ неизвѣстными свѣдѣнія о жизни и занятіяхъ въ Лондонѣ и Оксфордѣ русскихъ студентовъ Левшинова, Быкова, Суворова, Матвѣевскаго и канцеляриста Буховецкаго съ инспекторомъ Вас. Никитинымъ. Значеніе этой статейки опредѣляется тѣмъ, что матеріаломъ для нея послужили документы Московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ (архивъ Лондонской миссіи 1747—1775 г., связка 159) и свѣдѣнія, полученныя въ Оксфордѣ отъ начальниковъ тѣхъ коллегій, въ которыхъ жили и учились наши студенты. Но авторъ не знакомъ съ синодальными архивными матеріалами, бывшими въ нашемъ пользованіи; оттуда онъ могъ бы извлечь интересныя дополненія для своей статьи и не сказалъ бы, напр., что „дальнѣйшая судьба Левшинова (по выѣздѣ его изъ Оксфорда) остается не извѣстною" (стр. 7). Къ тому, что писалъ Муррай объ излишнихъ расходахъ геттингенскихъ студентовъ, прибавимъ, что и русскій посланникъ въ Лондонѣ гр. А. П. Мусинъ-Пушкинъ велъ переписку съ инспекторомъ русскихъ студентовъ въ Оксфордѣ В. Никитинымъ по поводу чрезчуръ большихъ долговъ Левшинова, у котораго, по гиперболическому, конечно, выраженію русскаго посланника, „на перчатки и на шеколадъ издержано вдесятеро болѣе, нежели на книги" (стр. 6).—Рескриптомъ отъ 17 окт. 1772 г. повелѣно было Мусинъ-Пушкину прислать обратно въ Россію остававшихся въ Оксфордѣ студентовъ Буховецкаго и Суворова и инспектора Никитина. Буховецкій согласился возвратиться въ Россію, а Суворовъ и Никитинъ занимались тамъ еще изученіемъ математики и астрономіи и только съ наступленіемъ лѣтнихъ вакацій 1774—1775 года разстались съ Оксфордомъ, получивъ каждый отъ университета степень магистра наукъ (maitre-es-art) (стр. 9, 10, 11—12). Прохору Игнатьевичу Суворову уже въ началѣ XIX в. удалось сдѣлаться профессоромъ московскаго университета. См. о немъ Біографическій словарь Моск. унив. ч. II, стр. 476—478. *Васильчиковъ*. Семейство Разумовскихъ т. II, стр. 290, 295, 302, 306, 411—418, 471. П. А. *Поповъ*, Ист. Имп. Моск. Общ. исторіи и древн. рос., стр. 137—138.

V.

1771—1773.

Геттингенскіе труды Семенова-Руднева.

Нѣмецкій переводъ лѣтописи Нестора.—Изданіе трактата Ѳеофана Прокоповича „De processione Spiritus Sancti“.—Переводъ на латинскій языкъ богословія архіеп. Платона.—Переводъ разсужденія Зульцера „О полезномъ съ юношествомъ чтеніи древнихъ классическихъ писателей“.

Какъ видно уже изъ предыдущаго изложенія, Димитрій Семеновъ стоялъ выше всѣхъ русскихъ студентовъ, возвратившихся въ Россію изъ заграницы, и по своему развитію, и по своимъ знаніямъ. Эти послѣднія онъ обнаружилъ и въ своихъ сочиненіяхъ, написанныхъ еще въ Геттингенѣ и сдѣлавшихъ еще тамъ имя его извѣстнымъ ученому міру. Мы остановимся теперь на разсмотрѣніи этихъ сочиненій, и чрезъ то познакомимся еще болѣе съ характеромъ ученыхъ занятій Семенова во время пребыванія его въ Геттингенѣ.

Первымъ по времени печатнымъ трудомъ Семенова былъ переводъ на нѣмецкій языкъ лѣтописи Нестора, изданный въ отрывкахъ въ 1771 году профессоромъ геттингенскаго университета *I. Хр. Гаттереромъ* въ его соч. „Einleitung in die synchronistische Universalhihtorie“. Gottingen; стр. 979—1000.

Не смотря на множество рукописныхъ списковъ Нестеровой лѣтописи какъ въ разныхъ библіотекахъ и монастыряхъ древней Россіи, такъ и у частныхъ лицъ; не смотря даже на то, что одинъ списокъ ея еще въ исходѣ XVI вѣка, при королѣ Сигизмундѣ III, уже находился въ Польшѣ, а въ 1671 г. княземъ Богуславомъ Радзивилломъ подаренъ въ Кенигсбергскую библіотеку (т. н. Кенигсбергскій списокъ Нест. лѣт.),— изъ иностранцевъ только нѣкоторые знали о Несторѣ, большинству же ихъ онъ совсѣмъ былъ неизвѣстенъ. По мѣрѣ того, какъ Россія знакомилась съ иностранными народами, предпринимала войны и заключала союзы съ другими державами, ея исторія стала все болѣе и болѣе связываться съ исторіей прочей Европы и возбуждала любопытство чужестранцевъ къ ознакомленію съ нашимъ прошлымъ и настоящимъ. Баронъ Герберштейнъ, отправленный посломъ отъ цесаря Максимиліана и его преемниковъ къ вел. кн. Василію Ивановичу и жившій не малое время въ Москвѣ, былъ первый, который, по возвращеніи своемъ въ Германію въ 1571 году, напечаталъ на латинскомъ языкѣ нѣсколько обстоятельное описаніе нашей исторіи. Предполагаютъ, что онъ читалъ Несторову лѣтопись и при описаніи русской исторіи пользовался ею; но многаго, естественно, онъ не уразумѣлъ. Не смотря на это, его книга [1]) признана была за лучшую; иностранцы долгое время заимствовали изъ нея все, что знали о русской исторіи, и даже во второй половинѣ XVIII в. она считалась „первѣйшею“. Потомъ слѣдовали шведскій пасторъ Петрей [2]) и другіе, которые ни въ чемъ не исправнѣе Герберштейна. Знали Нестора Гербиній и Бергъ [3]), изъ которыхъ

[1]) Записки о Московіи, на лат. яз. Подробная литература и значеніе бар. С. Герберштейна для русской исторіи опредѣлены въ обширн. трудѣ *Е. Е. Замысловскаго*: „Герберштейнъ и его историко-географич. извѣстія о Россіи, Спб. 1884“.

[2]) Сказанія иностран. писателей о Россіи. Т. I (Хроники Буссова и Петрея). Изд. Археографич. коммиссіи.

[3]) *Бергъ* или *Бергіусъ* (*Николай*)—шведскій писат., род. 1658, ум. 1706.

первый въ 1675 г. издалъ въ Іенѣ небольшую книжку о кіевскихъ пещерахъ [1]), а другой въ 1709 г. въ Любекѣ напечаталъ книгу о состояніи россійской церкви [2]). Оба они Нестора печерскаго называютъ россійскимъ лѣтописателемъ. Извѣстенъ онъ былъ и Лейбницу, который даже весьма желалъ имѣть съ онаго списокъ. Первый по времени переводъ Несторовой лѣтописи на нѣмецкій языкъ относится къ 1732 году и напечатанъ въ сокращеніи въ издававшемся съ указаннаго года на нѣм. яз.. „Русскомъ историческомъ сборникѣ“ (Sammlung Russischer Geschichte) [3]) Г. Ф. Миллера; но этотъ же переводъ породилъ погрѣшность, которая съ того времени вкралась во всѣ сочиненія иностранныхъ писателей, а именно Несторъ названъ *Θеодосіемъ*, и будто онъ, не будучи монахомъ, былъ игуменомъ Печерскаго монастыря. Погрѣшность произошла оттого, что переводившій, не уразумѣвъ заглавныхъ словъ: *Книга лѣтописецъ черноризца Θеодосіева монастыря*, принялъ слово *Θеодосіева* за *Θеодосія*, и такимъ образомъ основателя обители сдѣлалъ сочинителемъ лѣтописи. За этимъ переводчикомъ и другіе иностранные писатели утверждали, что первый русскій лѣтописецъ былъ Θеодосій. Къ одной погрѣшности, какъ это часто бываетъ, легко присоединяются другія. Такъ и въ данномъ вопросѣ: въ „Лексиконѣ литеральной исторіи“ Ехера находимъ, якобы Несторъ жилъ въ XVII вѣкѣ, а шведъ Араидъ Моллеръ и

Изъ его сочин. относятся къ Россіи: „Freundliches Ansinnen an die Herren Liebhaber der russischen Sprache, Bücher und Historién Nachricht zu ertheilen“ и „Exercitatio historico-theologica de statu Ecclesiae et religionis Moscoviticae“.

[1]) См. ст. *Як. Новицкаго*: Іоаннъ Гербиній, виленъ. пасторъ пол. XVII в., и его подземный Кіевъ (пещеры). Вѣстн. Зап. Россіи 1871 г. № 4.

[2]) Въ „Exercitatio“ и пр. Бергъ говоритъ, между прочимъ, о попыткахъ шведскаго короля Густава Адольфа ввести протестантство въ Россіи.

[3]) Это изданіе главнымъ образомъ „должно было заключать извлеченія и переводы рус *лѣтописей* и друг. истор. памятниковъ“. *П. Пекарскій*, Ист. акад. наукъ. Т. I; стр. 319.

совсѣмъ не признавалъ, чтобы Несторъ когда-либо былъ на свѣтѣ.

Такая малоизвѣстность Нестора могла имѣть для иностранцевъ, занимавшихся русскою исторіей, самыя печальныя послѣдствія. Отсюда становится для насъ понятнымъ значеніе перевода лѣтописи, сдѣланнаго Дм. Семеновымъ. Гаттереръ, касаясь въ своемъ „Einleitung in die synchron. Universalhistorie“ вопроса о происхожденіи и разселеніи славянъ и въ частности русскихъ, не могъ обойти лѣтописи Нестора, этого неоцѣненнаго источника для древнѣйшей исторіи названныхъ народовъ, и потому естественно, что онъ, самъ не зная русскаго языка, воспользовался знаніемъ такого надежнаго человѣка, какимъ былъ Семеновъ [1]). Прежде всего Гаттереръ говоритъ, что извлеченія изъ русскаго лѣтописца Нестора, которыя находятся въ „драгоцѣнномъ“ собраніи русскихъ историческихъ памятниковъ его товарища Миллера [2]), по словамъ послѣдняго, совершенно неудобны для пользованія, ибо въ переводѣ ихъ заключается много ошибокъ и неточностей. Помѣщаемый же въ его книгѣ переводъ сдѣланъ по изданію Радзивилловскаго списка лѣтописи, который притомъ сравненъ съ изданіемъ Никоновскаго списка [3]). Главнѣйшіе варіанты послѣдняго указаны въ самомъ текстѣ въ скобкахъ. Если слова текста заключены въ скобки, то это значитъ, что такихъ словъ или мѣстъ въ Никоновскомъ спискѣ вовсе нѣтъ. Начальный разсказъ Нестора о вавилонскомъ столпотвореніи и о послѣдовавшемъ затѣмъ

---

[1]) Einleitung, стр. 980.

[2]) Миллеръ составлялъ для Гаттерера отвѣты о древнихъ русскихъ грамотахъ, ихъ письмѣ, бумагѣ и печатяхъ, но онъ не воспользовался ими. Означенные отвѣты сохранились въ архивѣ. *И. Пекарскій*, Ист. акад. н. I, 128.

[3]) Русская лѣтопись по Никонову списку. Ч. I до 1094 г. и II до 1234 г., изд. *Сем. Башиловымъ* при Акад. наукъ. 1767. 4°. Она—самый обширный изъ лѣтописныхъ сводовъ поздней редакціи, замѣчательный по своей чрезвычайной полнотѣ въ описаніи событій, хотя и заслужилъ неодобрительные о себѣ отзывы Шлецера и Карамзина.

раздѣленіи земли между сыновьями Ноя, заимствованный изъ византійскихъ хронистовъ Синкелла и Кедрина, у Гаттерера опущенъ, и переводъ начинается слѣдующими за этимъ разсказомъ словами: „Am Pontischen Meere gegen die nördischen Weltgegenden (hat nämlich Japhet inne) den Dunaj, den Dnjestr. и т. д. и доведенъ до извѣстій о Константинѣ и Меѳодіи. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что Семеновъ перевелъ для Гаттерера всю лѣтопись, а послѣдній помѣстилъ въ своемъ изданіи только тѣ отрывки изъ нея, которые нужны были для его цѣли. Во всякомъ случаѣ переводъ Семенова—трудъ не малый: необходимо было основательное знаніе языка Несторова и столь же основательное знаніе ученаго языка нѣмцевъ, чтобы дать такой правильный и въ общемъ точный переводъ, какой мы имѣемъ во „Введеніи“ Гаттерера [1]).

Изданіе на лат. языкѣ трактата Ѳеофана Прокоповича „De processione Spiritus Sancti“ было вторымъ ученымъ трудомъ Семенова.

Обширный трактатъ этотъ, какъ извѣстно, есть одинъ (четвертый) изъ семи трактатовъ, составляющихъ незаконченную богословскую систему Ѳ. Прокоповича, читанную имъ въ бытность его ректоромъ въ кіевской академіи [2]), (1712—

---

[1]) Мы были лишены возможности сравнить переводъ Семенова съ переводомъ, напечат. въ „Sammlung Russ. Gesch.“ *Миллера*: изъ такого сравненія открылись бы многія преимущества перваго.

[2]) Весь курсъ, изложенный по плану протестантскаго богослова Эрнеста Гергарда, состоитъ изъ семи отдѣльныхъ трактатовъ (или „книгъ“), слѣд. въ такомъ порядкѣ: 1) введеніе—о задачахъ богословія и о Св. Писаніи; 2) о Богѣ и Его свойствахъ; 3) о Троицѣ; 4) объ исхожденіи Св. Духа; 5) о твореніи и провидѣніи; 6) о состояніи человѣка до грѣхопаденія; 7) о состояніи человѣка послѣ грѣхопаденія. Онъ изданъ впервые на лат. яз. въ Кенигсбергѣ въ 1773 и сл. гг. *Матвѣемъ Байеуровымъ* и *Семеномъ Денисьевымъ* подъ заглавіемъ: „Christianae orthodoxae Arheologiae, in Academia kiowensi a Theophane Prokopowicz... adornatae et propositae“ vol. 1 (—5), Regiomonti, 1773—1775; vol. 6 и 7 Mosq. 1776. Четвертый томъ этого изданія замѣняется готскимъ изданіемъ тракт. „De processione Spiritus S.“ (1772) Д. Семенова-Рудиева. Все

1716 г.г.) и написанъ, по свидѣтельству издателя его [1]), около 1714 года. Богословскій курсъ Ѳ. Прокоповича существенно отличался отъ своихъ предшественниковъ, какъ по содержанію, представлявшему совершенную противоположность прежнимъ схоластическимъ курсамъ католическихъ и отечественныхъ богослововъ, такъ и по изложенію, ясному, простому и удобопонятному, отражавшему личность талантливаго и остроумнаго автора. Тогда какъ прежніе схоластическіе курсы составлялись преимущественно по образцу „суммы“ (summa totius theologiae) Ѳомы Аквината (doctoris angelici) и другихъ столповъ схоластическаго богословія—Іоанна Дунсъ Скота, Беллярмина, считавшихся непогрѣшимыми, и своимъ докторальнымъ изложеніемъ, требовавшимъ безусловнаго подчиненія авторитету книги или учителя, изгонявшихъ всякую самостоятельную мысль,—Ѳ. Прокоповичъ въ своей богословской системѣ отвергъ quasi—ученые пріемы католической науки и вступилъ въ горячую полемику съ самыми видными ея представителями. Онъ выражалъ требованіе сознательнаго, критическаго отношенія слушателей къ вопросамъ науки и религіи, признавалъ безусловную авторитетность только за св. Писаніемъ, считалъ необходимымъ прилагать пріемы исторической критики къ твореніямъ св. отцовъ и не придавалъ никакой цѣны доказательствамъ „отъ разума“ (ratio), т. н. „богословскому силлогизму“ и аргументамъ, основаннымъ на „согласіи богослововъ“ (theologorum consensus),—однимъ словомъ, по своему направленію онъ сталъ на сторонѣ протестантскихъ богослововъ (Квенштедта, Пфейфера, Гергарда и др.) и при изложеніи своего курса часто пользовался ихъ

это перепечатано въ 1782 г. въ Лейпцигѣ кіевскимъ митрополитомъ Самуиломъ Миславскимъ (подъ тѣмъ же заглавіемъ, 2 тома, съ портрет. Ѳеофана и готской біографіей), который дополнилъ систему Ѳ. цѣлымъ большимъ томомъ („Chr. orthod. theologiae, eadem serie ac methodo qua Theoph. Prokopowicz usus est in Acad. kiow. adornatae et propositae vol. III.“ Leipz 1784. 8-o. 757 стр.).

[1]) Tractatus, стр. 10, прим. 7.

сочиненіями, особенно въ полемикѣ противъ католическихъ ученыхъ.

Не входя въ разсмотрѣніе объемистаго курса Ѳ. Прокоповича, мы должны только отмѣтить здѣсь, какъ рѣзкое отличіе курса Ѳеофанова отъ прежнихъ курсовъ богословія, то, что всѣ семь трактатовъ представляютъ одно систематическое цѣлое, между частями котораго существуетъ тѣсная логическая связь. Трактатъ „De processione Spiritus Sancti“ входитъ, какъ часть, въ первую половину курса, гдѣ Ѳеофаномъ излагается ученіе о Богѣ по отношенію къ присущимъ ему внутреннимъ свойствамъ—De deo ad intra [1]), и спеціально посвященъ полемикѣ противъ схоластиковъ.

Трактатъ „De processione Spiritus Sancti“ *впервые* изданъ Семеновымъ по собственноручной рукописи автора; изданіе посвящено архіеп. московскому Амвросію, „editionis hujus promotori liberalissimo“. За обращеніемъ „къ благосклонному читателю“ (стр. 2—4) слѣдуетъ „жизнь сочинителя“ (т. наз. *готская* біографія Ѳеофана; стр. 5—8 об.) и затѣмъ „Historia de ortu et progressu controversiae graecos inter et latinos de processione Spiritus Sancti“ (стр. 3—128); послѣ этого „Index chronologicus scriptorum de processione Spiritus

[1]) Изложеніе богословскаго курса, слѣдующее за введеніемъ, у Прокоп. подчиняется такой схемѣ: „О Богѣ можно разсуждать или по отношенію къ присущимъ Ему внутреннимъ свойствамъ (de Deo ad intra), или по отношенію къ внѣшнимъ проявленіямъ Его дѣятельности (de Deo ad extra). Въ первомъ случаѣ мы будемъ говорить о бытіи Божіемъ, Его сущности и свойствахъ, о лицахъ св. Троицы, ихъ значеніи и взаимныхъ отношеніяхъ; во второмъ—о дѣятельности Божества и ея видахъ—твореніи и провидѣніи. 1) Твореніе можетъ имѣть предметомъ міръ невидимый и міръ видимый. 2) Провидѣніе можетъ быть двоякаго рода: одно—общее, относящееся ко всей вселенной и имѣющее предметомъ природу, одаренную разумомъ; другое—частное, относящееся къ человѣку послѣ грѣхопаденія и имѣющее предметомъ искупленіе его чрезъ Христа. Слѣд., въ этомъ послѣднемъ случаѣ мы должны говорить: 1) о грѣхопаденіи перваго человѣка и всего человѣческаго рода; 2) объ искупленіи“. Theol. Lips. 1782, 1, lib I; стр. 3.

Sancti ab initio controversiae ad nostra usque tempora", т. е. отъ 431 г. по 1768 (на 53 лист. in 8 min, безъ означенія стран.) и алфавитный указатель писателей, за которымъ слѣдуетъ самый „Tractatus" въ 20 главахъ (стр. 1—462) и „Index auctorum et rerum". Къ книгѣ приложенъ гравир. портретъ Ѳ. Прокоповича, съ датою о рожденіи и смерти; внизу надпись: „W. C. Mayr. Sculp".

Самимъ Ѳ. Прокоповичемъ разсужденію о догматѣ исхожденія св. Духа предпослано историческое введеніе, гдѣ подробно излагается исторія этого вопроса и споровъ по поводу его между греками и латинами [1]). Ѳеофанъ указываетъ на опасность, грозящую Малороссіи отъ сосѣдней католической Польши, и обращаетъ вниманіе на то, что и „въ наше время довольно находится людей, которые, по лѣности и неохотѣ къ чтенію историческихъ сочиненій, не знаютъ прошедшаго и, по удивительной слѣпотѣ, не видятъ того, что совершается въ настоящее время, а потому не только не отвращаются отъ вѣроломныхъ противниковъ, но, напротивъ, увлекаясь близкимъ сосѣдствомъ и дружескими отношеніями, начинаютъ впитывать въ себя змѣиный ядъ ихъ нечестиваго богословія вмѣстѣ съ различными вредными суевѣріями, мечтами и выдумками (Tractatus. Hist. controv., стр. 4). Для поученія и предостереженія этихъ людей Ѳеофанъ и предпринялъ свой трудъ. Онъ пользовался, главнымъ образомъ, обширнымъ сочиненіемъ

---

[1]) Русскій переводъ помѣщенъ въ изд.: „Ѳ. Прокоповича, арх. Велик. Новгорода и В. Лукъ, четыре сочиненія, а именно: 1., Исторія о начатіи и продолженіи раздора между греками и римлянами о исхожденіи Св. Духа и проч. Выбранныя изъ богословской его системы, съ лат. на рос. яз. переведены имп. моск. унив. студентомъ *Матѳеемъ Соколовымъ*, и по указу Св. Прав. Синода напечат, въ М. 1773 г. Въ унив. тип. 8-о. 284 стр." (посвящена арх. Платону). Переводчику, какъ онъ самъ говоритъ, неизвѣстно было изданіе Семенова 1772 г, и помѣщенный здѣсь переводъ „Исторіи" сдѣланъ по лат. изд. 1767 г., которое сокращеннѣе изданнаго Семеновымъ; оно озагл. такъ: „Historia, in qua de ortu et profectu controversiae graecos inter et latinos de proc. Sp. S. agitatae narratur, totiusque ob ipsam magni et diuturni dissidii, variis casi-

(ingens scriptum) объ этомъ предметѣ Адама Зерникава [1]). „Всѣ авторы, писавшіе объ этомъ раздорѣ, съ обѣихъ сторонъ прежде", говоритъ Θеофанъ,—„хотя и не равны были между собою, однако въ сравненіи съ Зерникавомъ справедливо могутъ быть названы школьниками" (ibid., стр. 6). Для большей точности Θеофанъ провѣрялъ по источникамъ всѣ цитаты и указанія своего предшественника и нашелъ, что всѣ онѣ совершенно вѣрны и точны; самъ Θеофанъ въ своихъ

---

bus et multiplici malorum facie continuata ad nostram usque aetatem exponitur series, conscripta a viro doctissimo de Acad. Kiovensi... Theoph. Prokopowicz, a. d. MDCCXIV, tractatuique De proc. Sp. S. theologica inserta". 1767. 8 min (безъ означ. мѣста печ.) „Curriculum vitae" Ѳ. Прокоп. помѣщено здѣсь на стр. 3—11 и непосредственно за этимъ, безъ особаго оглавленія, слѣдуетъ текстъ разс. „Hist. controvers." и пр.

[1]) Tractatus theologici orthodoxi de processione Spiritus S. a solo Patre Regiomonti, 1774. 4-o. 20 нен. 480 стр. (часть 1). 1775. 4-o. 481—1080 стр. и Index (часть 2) изданы на лат. яз. кіевск. митроп. *Самуиломъ Мисла́вскимъ* съ предисловіемъ издателя и біографіей Зерникава, изъ которой мы заимствуемъ слѣд. данныя. А. Зерникавъ род. въ лютеранской семьѣ 21 сент. 1652 г. Высшее образованіе получилъ въ Альбертинской кенигсбергской академіи, гдѣ сначала изучалъ философію, а потомъ богословскія науки у проф. Дрейера и Седлера; по ихъ вліянію онъ обратился къ изученію восточной церкви. Въ тоже время ему пришлось прочитать „Исповѣданіе восточной церкви" *Митрофана Критопула*, изд. въ Гельмштадтѣ (Helmestadii); чтеніе этого соч. такъ понравилось Адаму, что единственнымъ его желаніемъ сдѣлалось присоединиться къ восточной церкви. Закончивъ четырехлѣтнее изученіе богословія и философіи въ кенигсбергской академіи, Адамъ пожелалъ изучить римское право, для чего отправился въ Іену. Здѣсь черезъ годъ ему пришлось прочитать „Разсужденія о Римской имперіи" *Бокгорна*, съ примѣчаніями Стригенія, результатомъ чего явилось намѣреніе поселиться въ Россіи, гдѣ чистое ученіе восточной церкви сохранялось во всей неприкосновенности. Заинтересованный особенно вопросомъ объ исхожденіи Св. Духа, и прочитавъ все, что можно было найти въ Іенѣ по этому предмету въ твореніяхъ св. отцовъ, постановленіяхъ соборовъ и въ сочиненіяхъ ученыхъ, Адамъ нашелъ это недостаточнымъ, и потому отправился въ Лондонъ и Оксфордъ, гдѣ тщательно проштудировалъ въ Бодлеянской библіотекѣ книги св. отцовъ, соборовъ, церк. историковъ и прочихъ писателей и здѣсь окончательно убѣдился въ истинѣ ученія восточной церкви объ исхожденіи Св. Духа. Изъ Оксфорда Зерникавъ путешествовалъ для занятій разными науками въ Кембриджъ, отсюда опять въ Лондонъ для занятій

цитатахъ почти вездѣ указываетъ мѣсто и годъ изданія той или другой книги и вообще очень старательно относится къ аргументаціи.

Какъ мы замѣтили уже, весь трактатъ въ изданіи Семенова состоитъ изъ 20 главъ, причемъ XVI-я (стр. 323—386) написана самимъ издателемъ. Прежде всего (гл. I) Прокоповичъ даетъ филологическое и историческое объясненіе богословскихъ терминовъ „исхожденіе" (processio) и „посланіе" (missio) и точно опредѣляетъ, въ чемъ заключается подлежащій спору вопросъ; потомъ объясняется основательно извѣстное евангельское мѣсто (Іоан. XV, 26), единственно ясное указаніе св. Писанія на происхожденіе св. Духа отъ Отца, неправильно понимаемое западными богословами (гл. II); доказывается православное ученіе свидѣтельствами вѣроисповѣдныхъ символовъ, соборовъ, ссылками на древнія произведенія отцовъ восточной и западной церкви, а потомъ и логическимъ путемъ (доказательствами богословскими) (гл. III—V); далѣе опровергается неправильное толкованіе западными комментаторами

въ коттоніанской библіотекѣ, потомъ въ Парижъ, въ Италію, гдѣ посѣтилъ Ліонъ, Туринъ, Миланъ, Болонью, Феррару, Венецію, Падую. Прибывъ изъ Италіи въ Польшу, Адамъ въ Варшавѣ нашелъ одного литвина, съ которымъ отправился въ Вильну. Здѣсь онъ познакомился съ однимъ русскимъ священникомъ, который, узнавъ завѣтныя желанія Адама, снабдилъ его письмомъ къ архіепископу черниговскому Лазарю Барановичу. Архіепископъ оказалъ самый благосклонный пріемъ своему гостю и склонилъ его остаться въ Черниговѣ. Спустя немного времени, по убѣжденію Барановича, Зерникавъ собственноручно написалъ свое исповѣданіе вѣры, въ коемъ отвергъ всѣ лютеранскіе догматы, и былъ присоединенъ къ православной церкви. Нѣкоторое время онъ служилъ у малороссійскаго гетмана въ Батуринѣ, по инженерской части, но скоро переселился въ Черниговъ; принявъ иночество здѣсь, онъ обработалъ два свои трактата, одинъ вышеназванный (окончч. ок. 1682 г.) и другой, въ которомъ опровергъ положенія іезуита *Θеофила Рутки*, изложенныя въ его сочиненіи „Tractatus de processione Spiritus S. a patre et filio, 1640". О нихъ Θ. Прокоповичъ сказалъ: „tante utrumque refertum eruditione, ut nihil ad hanc rem reliquum superesse, nihil plane desiderari videatur". Умеръ Зерникавъ, какъ полагаютъ, въ 1691 году, по одному извѣстію—въ Николаевскомъ монастырѣ близъ Батурина, по другому—въ Кіево-Печерск. лаврѣ.

тѣхъ мѣстъ св. Писанія, которыя бросаютъ тотъ или другой свѣтъ на недоумѣнный вопросъ, а именно показывается неосновательность толкованій латинскими богословами въ пользу исхожденія св. Духа и отъ Сына выраженій св. Писанія: Іоан. XV, 26 (гл. VI); Іоан. XX, 22 (гл. VII); Іоан. XVI, 15 (гл. VIII); Римл. VIII, 9, Гал. IV, 6 (гл. IX); Іоан. XVI, 14 (гл. X), 13 (гл. XI); Апок. XXII, 1 (гл. XII). Рядомъ съ опроверженіями у Ѳеофана идетъ изложеніе православнаго ученія, основаннаго на авторитетѣ древней церкви. Въ виду того, что многія мѣста въ символахъ и твореніяхъ отцовъ, касающіяся разсматриваемаго догмата, искажены примѣнительно ко взгляду западной церкви, Ѳеофанъ прежде всего предпосылаетъ общій взглядъ на тѣ мѣста изъ твореній отцовъ, особенно западныхъ, которыя латиняне приводятъ въ защиту своего догмата (гл. XIII); затѣмъ разсматриваетъ мѣста изъ писаній восточныхъ отцовъ, которыя латиняне или латинствующіе греки испортили (гл. XIV); далѣе испорченныя латинянами мѣста изъ писаній западныхъ отцовъ (гл. XV), причемъ старается возстановить истинный смыслъ тѣхъ и другихъ; за этимъ слѣдуютъ отдѣльныя опроверженія нѣкоторыхъ выраженій изъ писаній восточныхъ отцовъ (гл. XVII) и осуждается дерзость католическихъ богослововъ, допускающихъ вставки въ символъ, утвержденный вселенскими соборами (гл. XVIII и XIX). Въ заключеніи (гл. XX) говорится о взаимномъ отношеніи Ипостасей и дѣлается краткое повтореніе всего сказаннаго.

Въ разсматриваемомъ изданіи Семенову принадлежатъ предисловіе, окончаніе „исторіи спора объ исхожденіи Св. Духа“ (стр. 122—128), хронологитескій указатель авторовъ, греческихъ и латинскихъ, писавшихъ объ исхожденіи Св. Духа, вставки въ текстъ III главы (стр. 45—54; 61—62; 63; 64—65; 65—67; 71—72; 89—91; 95—99), вся XVI глава и многочисленныя примѣчанія къ тексту „исторіи“ и „трактата“.

Въ предисловіи издатель весьма скромно говоритъ о томъ, какими соображеніями руководился онъ, извлекая на свѣтъ Божій „болѣе полувѣка скрывавшійся въ отечествѣ“ трудъ Ѳеофана. Полное сознаніе важности предмета, о которомъ писалъ Ѳеофанъ, а также учености и громадной эрудиціи автора, побудившее издателя сдѣлать для всѣхъ доступнымъ пользованіе этимъ обширнымъ разсужденіемъ, заставляло его вмѣстѣ съ тѣмъ озаботиться, чтобы этотъ ученый трудъ вышелъ неповрежденнымъ, чистымъ отъ всякой порчи. Но кромѣ сознанія пользы для соотечественниковъ отъ этого сочиненія, издатель имѣлъ въ виду, что книга окажетъ благотворное вліяніе и на иностранцевъ, въ средѣ которыхъ „справедливые и умные мыслители“ *должны* будутъ понять, что греческая церковь не безразсудно пребывала и по сей день пребываетъ въ своемъ мнѣніи (ученіи объ исхожденіи Св. Духа). Издатель не позволялъ себѣ ни малѣйшихъ уклоненій отъ подлинника, въ смыслѣ смягченія тѣхъ мѣстъ этого полемическаго трактата, которыя „образованному и изящному вкусу нашего вѣка“ могли показаться грубыми или слишкомъ рѣзкими, и отстраняетъ упреки, какіе могли бы пасть на автора за это. Многія мѣста въ сочиненіи Прокоповича пересмотрѣны и исправлены издателемъ по лучшимъ изданіямъ (которыя въ примѣчаніяхъ и указываются), ибо самъ авторъ не вездѣ пользовался надежными изданіями древнихъ писателей; средствомъ для возстановленія болѣе исправнаго текста и чрезъ это возвышенія научнаго достоинства издаваемаго труда для Семенова служила какъ богатѣйшая библіотека геттингенскаго университета, такъ и совѣты „ученѣйшихъ мужей“. Разбросанныя въ разныхъ мѣстахъ замѣтки издателя,—по скромному признанію его,—должны показать, что онъ „не совсѣмъ бѣглымъ взглядомъ освѣтилъ листы автора“. Вмѣстѣ съ этимъ издатель не считалъ бы себя удовлетвореннымъ, если бы не попытался возстановить ощутительный пробѣлъ въ трактатѣ Ѳеофана—XVI главу,

которая, навѣрно, была написана, но почему-то опущена авторомъ. Какъ не легко въ старой статуѣ возстановить руку или что-либо утраченное, такъ не легко было издателю составить эту главу въ духѣ и тонѣ Ѳеофановомъ. Надобность въ обширномъ хронологическомъ указателѣ литературы излагаемаго предмета, обнимающемъ собою цѣлый рядъ столѣтій, вызывалась столько же важностію этого труднаго вопроса, который „давно уже утомилъ умы ученыхъ мужей“, сколько и отсутствіемъ для знакомства съ нимъ необходимыхъ книгъ въ русскихъ библіотекахъ того времени. Біографія Ѳеофана (т. н. готская) вошла въ это изданіе изъ изданія 1767 г. (см. выше) съ немногими измѣненіями.

„Historia controversiae“ у Ѳеоф. Прокоповича прерывается на изложеніи подробностей изъ исторіи Флорентійскаго собора (1438—1439), относящихся къ разсматриваемому вопросу, именно на выясненіи отношеній Марка Ефесскаго къ соборному опредѣленію [1]). Указавъ, далѣе, на другихъ, которые, вмѣстѣ съ Маркомъ Ефесскимъ, отказались подписать соборное опредѣленіе, Семеновъ говоритъ, что этотъ соборъ никогда не признавался вселенскимъ, а тутъ же попутно отмѣчаетъ, кто писалъ въ защиту и противъ этого собора. Послѣдующее изложеніе касается вопроса о томъ, остались ли греки, подписавшіе флорентійскую унію, въ постоянномъ единомысліи съ латинами. Вопросъ рѣшается отрицательно на основаніи несомнѣнныхъ историческихъ свидѣтельствъ того времени. Указавъ далѣе на общеизвѣстные факты церковной исторіи, относящіеся ко времени патріарховъ константинопольскихъ Митрофана и Григорія Маммы (соборъ константинопол. 1450 г.) и на безуспѣшную попытку императора греческаго Константина Палеолога, въ 1451 году,

[1]) Текстъ Ѳеофана Прокоповича въ рукописи, въ которой онъ напечатанъ Семеновымъ, надо полагать, обрывался на половинѣ слова: „cognivit autem et Papa. quan...“ остальное дополнено Семеновымъ: „(quan)tae auctoritatis virille (м. Ефесскій) fuerit“. Hist. controv., стр. 121—122.

добиться помощи отъ папы въ виду угрожавшихъ Константинополю турокъ, издатель кратко обозрѣваетъ, по отношенію къ данному вопросу, событія, слѣдовавшія за взятіемъ Константинополя въ 1453 году, и дѣлаетъ общее—также краткое—замѣчаніе о продолженіи спора въ послѣдующіе вѣка, отсылая читателя за подробностями къ „хронологическому указателю", помѣщенному вслѣдъ за „исторіей". Признавая высокое значеніе, въ исторіи даннаго вопроса, за трудами Іереміи, патр. константинопольскаго (1572), Мелетія Пигаса, патр. александрійскаго (1599), Кирилла Лукариса (1621) и Нектарія, патр. іерусалимскаго (1662), Семеновъ отдаетъ рѣшительное предпочтеніе Адаму Зерникаву, который, „предпринявъ почти геркулесовскій трудъ" и разсмотрѣвъ вопросъ, въ двухъ своихъ трактатахъ, со всею полнотою и тщательностію, уничтожилъ самую возможность дальнѣйшаго спора въ этой области [1]).

Index chronologicus обнимаетъ время съ 431 г. по 1768 (писатели за грековъ) и съ 589 по 1752 г. (писатели за латинянъ). Представляя собою первый библіографическій трудъ Семенова-Руднева и свидѣтельствуя объ основательномъ знакомствѣ его составителя съ литературой вопроса, онъ составляетъ лучшее украшеніе настоящаго изданія и дѣлаетъ великую честь издателю. Сокровища геттингенской университетской библіотеки дали возможность Семенову исторически прослѣдить развитіе литературы по одному изъ самыхъ важныхъ вопросовъ богословскаго знанія. Обзоръ авторовъ сопровождается вездѣ точнымъ указаніемъ тѣхъ изданій, въ которыхъ находится что-либо, относящееся къ разсматриваемому вопросу. Руководимый такими указаніями, читатель получаетъ полную возможность сравнительно изучить всю богатую литературу вопроса объ исхожденіи св. Духа. Еще болѣе придаетъ значенія указателю то, что въ немъ составителемъ

[1]) Трудъ *Зерникава* извѣстенъ былъ Семенову въ рукописи. Си. Tractat., стр. 227, прим. *d*.

часто отмѣчаются и такія сочиненія, которыя еще не изданы, но на которыя имѣются указанія въ другихъ печатныхъ книгахъ; равнымъ образомъ нерѣдко отмѣчаются изданія, служащія для знакомства съ дѣятельностію и сочиненіями того или другого писателя, приводимаго въ указателѣ. Мы не должны смотрѣть на указатель Семенова, какъ на обыкновенный библіографическій трудъ: для послѣдняго часто не нужно бываетъ самостоятельнаго знакомства съ содержаніемъ всѣхъ тѣхъ сочиненій, какія въ немъ отмѣчаются; послѣдній большею частію представляетъ голый перечень статей, лишенный какихъ бы то ни было руководящихъ указаній составителя, и читатель, желающій изучать по такому указателю литературу того или другого вопроса, часто не знаетъ, какое изъ указываемыхъ сочиненій представляетъ наибольшій интересъ, имѣетъ наибольшее значеніе въ данномъ вопросѣ. Index Семенова—трудъ критико-библіографическій; авторъ прежде всего самъ спеціально изучилъ всю доступную ему литературу затронутаго вопроса, и потому не оставляетъ читателя безъ своего руководства въ массѣ предлагаемаго матеріала. Разсѣянныя въ разныхъ мѣстахъ замѣтки составителя о томъ или другомъ сочиненіи или представляютъ результаты самостоятельнаго и внимательнаго изученія, или основаны на мнѣніяхъ авторитетныхъ писателей [1]).

Три сочиненія служили для нашего автора главнымъ пособіемъ при составленіи имъ своего указателя: *Льва Аллація* [2]), De ecclesiae occidentalis et orientalis perpetua consensione, libr III. Coloniae Agrippin., 1648. 4-o; *І. Фр. Буддея*, доктора и проф. богословія въ іенскомъ универс., Isagoge ad theologiam universam, libr. II, cap. VII. a. p. 971 ad p. 1229, и *І. Г. Вальха*, тоже доктора и проф. богословія іенскаго универс.,

[1]) Напр.: Script. pro Graecis, A. C. 860, 994 (IV), 1440 (VL); Script. pro latinis, A. C. 791, 1438 (XL), 1439 (XLI), 1440 (XLVII), 1453 (LIX), 1640 (LXXVIII), 1696 (XCIV), 1713 (XCVIII), 1725 (C), 1751 (CII), 1752 (CIII).

[2]) Критич. отношеніе Семенова къ этому соч. см. гл. XVI тракт., стр. 325.

Historia controversiae graecorum latinorumque de processione Spiritus Sancti, Ienae, 1751. 8-o. Послѣднее сочиненіе Семеновъ въ особенности рекомендуетъ своимъ соотечественникамъ, ибо ни въ какомъ другомъ исторія спора не разсмотрѣна такъ хорошо и не приведено столько писателей съ той и другой стороны, какъ въ этой книгѣ [1]). Не менѣе важными пособіями служили также для Семенова сочиненія: *І. А. Фабриція*, Bibliotheca graeca, passim и особенно т. X, стр. 441 и сл.; *П. Стеварта*, Catalogus scriptorum pro Graecis contra latinos, напеч. въ XXVI т. Biblioth. patrum Lugdunens., и *І. Вальха*, Biblioth. theologicae selectae. Ienae 1758. T. I. и II.

Въ связи съ index'омъ особенную цѣну разсматриваемому изданію придаютъ многочисленныя примѣчанія Семенова - Руднева къ тексту трактата Ѳ. Прокоповича. Эти примѣчанія не только служатъ для болѣе яснаго уразумѣнія мыслей Прокоповича, но и часто заключаютъ поправки къ нимъ и представляютъ выводы новѣйшихъ изслѣдованій по тому или другому вопросу. Составленіе ихъ возможно было только при томъ богатствѣ книгъ, какое нашъ издатель нашелъ въ геттингенской библіотекѣ [2]). Чтобы судить о той цѣнности, какую представляютъ для читателя трактата Ѳеофанова примѣчанія Семенова-Руднева, мы должны сказать, что въ нихъ онъ то указываетъ изданія тѣхъ сочиненій, на которыя ссылается Прокоповичъ [3]); то вставляетъ вѣрныя критическія замѣчанія объ изданіяхъ

[1]) Дѣйствительно, при сжатости изложенія, „Historia“ *Вальха* отличается замѣчательнымъ обиліемъ библіографическихъ данныхъ. Пользуясь Вальхомъ (ср. напр. Ind. script. pro Lat. XV и Histor. стр. 67—69 и прим.; Ind. XV и Hist. стр. 70—71 и прим. къ нимъ), Семеновъ многое подробнѣе разсматриваетъ въ Index'ѣ, чѣмъ это у Вальха (ср. напр. Ind. script. pro Graec. XL и Hist. стр. 105—106 и прим. къ нимъ).

[2]) См. De proces. Sp. S., стр. 266, прим. *l*.

[3]) Напр.: стр. 109, прим. *c*; стр. 126, прим. *q*; стр. 131, прим. *u*; 154, *x*; 240, *s*; 246, *y*; 251, *e*; 299, *a*; 203, *c*; 303, *d*; 308, *f*; 309, *g*, *h*; 310, *i*. *k*. *l*, *m*, *n*; 311, *p*, *q*, *r*; 422, *x*.

церковныхъ писателей, изъ которыхъ приводятся тексты въ трактатѣ или на которыя дѣлаются ссылки [1]); то подтверждаетъ подлинность приводимыхъ въ трактатѣ цитатъ ссылками на разныя, преимущественно новѣйшія, изданія того сочиненія, изъ котораго онѣ взяты [2]); то указываетъ на сомнительную принадлежность нѣкоторыхъ сочиненій, упоминаемыхъ Прокоповичемъ, ихъ авторамъ и тутъ же отмѣчаетъ всю литературу вопроса и наиболѣе доказательныя мнѣнія [3]); то высказываетъ основательныя догадки о мѣстахъ испорченныхъ въ сочиненіяхъ церковныхъ писателей, на которыхъ ссылается Прокоповичъ [4]); то опровергаетъ мнѣнія западныхъ ученыхъ касательно нѣкоторыхъ сочиненій, подтверждающихъ православное пониманіе догмата [5]); то отмѣчаетъ согласіе Прокоповича съ мнѣніями другихъ ученыхъ комментаторовъ, подкрѣпляетъ мысли его выписками и указываетъ разночтенія въ изданіяхъ [6]); то приводитъ относящіяся къ тексту мѣста изъ рѣдкихъ сочиненій тѣхъ писателей, о которыхъ Прокоповичъ кратко упоминаетъ въ трактатѣ, или названія сочиненій, о которыхъ говорится въ текстѣ [7]); то отмѣчаетъ изданія тѣхъ сочиненій, на которыя Прокоповичъ ссылается только по указанію другихъ авторовъ, но не на основаніи личнаго знакомства съ ними [8]), то, наконецъ, дѣлаетъ важныя разъясненія и поправки мыслей и аргументаціи Прокоповича, болѣе подробно указываетъ литературу того или другого вопроса и приводитъ параллельныя мѣста

---

[1]) Напр.: стр. 89—91; 95—99.

[2]) Напр.: стр. 127, прим. *v*; 233, *l*; 235, *o*; 247, *b*; 248, *o*; 295, *u*, 341. *e*.

[3]) Напр.: стр. 112, прим. *d*; 118, *i*; к; 121, *m*; 122, *n*, *o*; 273. *m*; 294, *t*; 300, *b*; 63, *b*.

[4]) Напр.: стр. 133, прим. *t*; 289, *r*; 79; 80 *k*.

[5]) Напр.: стр. 135, прим. *x*; 244, *t*.

[6]) Напр.: стр. 115, прим. *e*; 236. *q*; 247, *a*; 230, *h*; 236, *p*; 297, *y*; 307, *e*; 348, *k*.

[7]) Напр.: стр. 138, прим. *y*; 144, *z*.

[8]) Напр.: стр. 116, прим. *g*.

изъ греческаго текста по лучшимъ изданіямъ [1]). Критическія замѣтки издателя свидѣтельствуютъ столько же о православныхъ убѣжденіяхъ его, сколько объ основательности аргументаціи. Тенденціозная окраска латинской аргументаціи вызываетъ иногда рѣзкія, но справедливыя замѣчанія со стороны нашего автора, выражаемыя въ такой, напр., формѣ: „puderet viros tam doctos ita argumentari“ [2]); „legas, quaeso te, lector benevole, admonitionem illam, et ridebis“ [3]); „quanta coecitas aut potius impudentia“ [4])!

Въ XVI главѣ трактата, написанной для этого изданія Семеновымъ-Рудневымъ, разбираются обвиненія латинянами православныхъ богослововъ въ порчѣ книгъ и оправдываются послѣдніе отъ взводимой на нихъ клеветы, будто они, а не западные богословы, приноравливали къ своему ученію свидѣтельства символовъ и отцовъ. По предположенію нашего автора, Прокоповичъ въ этой главѣ имѣлъ въ виду разсмотрѣть именно этотъ предметъ, но или по недостатку книгъ, или по другой неизвѣстной причинѣ не привелъ въ исполненіе своего намѣренія [5]).

Вопросъ о порчѣ книгъ къ тому времени, когда Семеновъ писалъ эту главу, въ ученой церковно-исторической литературѣ выяснился уже съ достаточною опредѣленностію, а въ настоящее время считается несомнѣннымъ, что греки и латиняне не только любили прибѣгать къ ссылкѣ на порчу противною стороной отеческихъ текстовъ, но и злоупотребляли иногда этою ссылкой [6]). Хотя нашъ авторъ въ началѣ главы

---

[1]) Напр.: стр. 237, прим. *r*; 247, *x*; 266, *l*; 288, *q*; 293, *s*; 296, *x*; 5, *c*; 6, *d*; 18, *g*; 25, *h*, *i*, *k*; 31, *l*; 61—62; 64, *c*; 65, *d*; 71—72; 76; 82, *n*; 251, *f*; 311, *o*; 32, *m*; 45—53; 53—54; 86, *s*; 311, *c*; 266, *l*; 312, *f*; 315, *g*; 346, *h*; 31; 60; 69—70.

[2]) Tractat., стр. 136, прим.

[3]) Ibid., стр. 244, прим. *t*

[4]) Ibid., тоже прим.

[5]) Ibid., стр. 336.

[6]) *А. Садовъ*, Виссаріонъ Никейскій. Спб., 1883; стр. 131.

(§ 285) и заявляетъ скромно, что онъ не имѣлъ въ виду во всей полнотѣ разсматривать указанный вопросъ, и самъ будетъ ожидать лучшаго отъ тѣхъ, кто располагаетъ и бо́льшимъ знаніемъ дѣла, и даромъ писанія, и временемъ; но главные пункты обвиненія съ латинской стороны безпристрастно разобраны и съ надлежащимъ знаніемъ дѣла, а мысли автора подкрѣпляются основательными доводами и свидѣтельствами несомнѣнно достовѣрныхъ источниковъ. Между прочимъ, свѣтлая личность патріарха константинопольскаго Фотія († 891) нашла въ нашемъ авторѣ горячаго защитника противъ взведенныхъ на него Бароніемъ (Annal. подъ 869 г. п. XIII), іезуитомъ Гермоніемъ (De veteribus haereticis ecclesiasticor. codicum corruptoribus. Parisiis, 1713) и друг. обвиненій въ порчѣ книгъ [1]), а къ самому Баронію, наполнившему Annal'ы „болтовней и ложью“ [2]), и къ вѣрующимъ въ непререкаемость его свидѣтельствъ справедливо примѣняются слова Горація: quo semel est imbuta recens, servabi-odorem testa diu.

Въ Геттингенѣ же былъ предпринятъ и совершенъ, а въ Петербургѣ въ 1774 году напечатанъ и третій трудъ Семенова—переводъ на латинскій языкъ богословіи архіеп. Платона [3]).

„Православное ученіе“, какъ извѣстно, составилось изъ

---

[1]) См. § 288 XVI-й главы.

[2]) Ibid., стр. 331.

[3]) См. латинское заглавіе на стр. IX. Въ переводѣ отсутствуютъ находящіяся въ русскомъ изданіи молитвы: утренняя, вечерняя, предъ обѣдомъ и послѣ обѣда, (стр. 99—100 рус. изд. 1766 г.); но зато есть, какъ и въ рус. изд., „разсужденіе о Мелхиседекѣ“ (стр. 215—227) и отвѣтное письмо в. кн. Павла Петровича Платону (стр. 230—236). Русское изданіе, съ котораго сдѣланъ переводъ, озаглавливается такъ: „Православное ученіе или сокращенная христіанская богословія, для употребленія Е. И. Выс. Пресвѣтлѣйшаго Всерос. наслѣдника, Благов. Госуд. Цесар. и Вел. Кн. Павла Петровича, сочиненная Е. И. В. учителемъ іеромонахомъ „Платономъ“. Печат. въ Моск. типогр. 1766 г. 4 min.

уроковъ Платона вел. князю Павлу Петровичу и издано было въ 1766 г. Не только отечественные ученые, но и иностранцы отзывались съ похвалою и уваженіемъ объ этой книгѣ, которая написана, по отзыву знаменитаго богослова нашего вѣка, преосв. Макарія, „просто, общенародно и безъ строгой системы, но съ довольною послѣдовательностію“ [1]).

Для насъ въ этомъ изданіи интересно болѣе всего посвященіе вел. кн. Павлу Петровичу, написанное Семеновымъ на латинскомъ языкѣ (стр. 1—6). Изъ него мы узнаемъ, подъ вліяніемъ какихъ побужденій нашъ авторъ принялся за переводъ замѣчательнаго труда Платона. „Не однимъ, а многими, и притомъ не пустыми соображеніями я наведенъ былъ,—говоритъ Семеновъ,—на мысль перевести на латинскій языкъ эту книгу, искусно и мудро обработанную для Тебя способнѣйшимъ авторомъ, и напечатать съ его согласія“. Прежде всего, Семенову стало извѣстно желаніе многихъ иностранцевъ знать, какимъ образомъ и чьимъ трудомъ и стараніемъ воспитанъ въ отечественной религіи наслѣдникъ такой имперіи, какъ Россія [2]). Для удовлетворенія этого желанія не могло быть лучшаго средства, какъ изданіе самой книги на языкѣ, извѣстномъ не только ученымъ, но и „государственнымъ правителямъ“. Кромѣ того, Семенову пришлось прочитать нѣмецкій переводъ книги Платона, и у него тотчасъ же явилась мысль, что если нѣмцы считаютъ ее „укра-

---

[1]) *Бакмейстеръ* (Russ. Biblioth. B. II. St. Sept. 1772), при разсмотрѣніи нѣмецкаго перевода богословіи Платона, заключалъ, что „оно составляетъ эпоху для церковной исторіи“, хотя и замѣчалъ, что изложенное въ немъ ученіе болѣе отдѣлено отъ римско-католической, нежели отъ лютеранской церкви, и даже во многомъ согласно съ послѣднею“. Evangelical magazine, 1815 г., (въ переводѣ *Пинкертономъ* на англ. языкъ „Правосл. ученія“) писалъ, что „сія книга содержитъ въ себѣ извлечѣйшее изложеніе богословскихъ понятій греко-россійской церкви“.

[2]) Посвященіе, стр. 2.

шеніемъ для своего отечества", то весьма полезно будетъ, если и другіе народы, для которыхъ нѣмецкій языкъ не есть отечественный, получатъ ее на языкѣ, имъ извѣстномъ, каковъ латинскій: „въ знающихъ этотъ языкъ,—говоритъ Семеновъ, нѣтъ недостатка ни въ одномъ народѣ, если только онъ не невѣжественъ и не грубъ". Но было и еще одно побудительное обстоятельство, самое важное. Во время пребыванія Семенова въ Геттингенѣ, ему стало извѣстно, что „нѣкоторые ревнители науки вознамѣрились перевести богословіе Платона на латинскій языкъ" и уже начали печатать переводъ. Когда Семеновъ сталъ сличать его съ подлинникомъ, бывшимъ у него подъ руками, то замѣтилъ, что переводъ не во всемъ былъ согласенъ съ оригиналомъ и не удерживалъ особенностей и чистоты латинскаго языка, не отличаясь при этомъ и вѣрностью. Придя къ убѣжденію, что авторомъ книги этотъ переводъ не будетъ одобренъ, онъ упросилъ переводчиковъ пріостановить печатаніе и не искажать „столь почтенную книгу", а между тѣмъ нашелъ нужнымъ самый переводъ препроводить къ автору книги и попросить совѣта, что̀ нужно сдѣлать. Платонъ, прочитавши изданіе, очень обидѣлся, что его книгу безъ его согласія начали переводить на латинскій языкъ, и въ письмѣ къ Семенову выразилъ сильное желаніе, чтобы молодой ученый, насколько отъ него можетъ зависѣть, пріостановилъ печатаніе, а чтобы переводъ принялъ на себя и по окончаніи прислалъ къ нему для пересмотра и исправленія. По полученіи письма, Семеновъ повиновался добрѣйшему и достопочтеннѣйшему мужу, и чтобы засвидѣтельствовать, что онъ помнитъ благодѣянія его, которыми постоянно пользовался, приступилъ къ труду, начатому другими, и вскорѣ не только начатое другими пересмотрѣлъ и исправилъ, но и весь переводъ довелъ до конца. Такова исторія латинскаго перевода богословія Платона [1]). Нечего и

[1]) Переводъ посвященъ вел. князю потому, что ему же и подлинникъ „обя-

говоритъ, что языкъ перевода достоинъ и автора книги, и переводчика.

Ко времени пребыванія Семенова заграницей мы относимъ и переводъ съ нѣмецкаго небольшого разсужденія: „О полезномъ съ юношествомъ чтеніи древнихъ классическихъ писателей",—трудъ, интересный столько же по затронутому въ немъ вопросу, сколько и по личности его автора—Сульцера.

Сульцеръ (или Зульцеръ, род. 1720, ум. 1779 г.)—одинъ изъ самыхъ видныхъ представителей нѣмецкой эстетики. Какъ вольфіанецъ Баумгартенъ (1714—1762) считается настоящимъ основателемъ эстетики нѣмцевъ, ибо первый привелъ науку искусства въ ученую систему, утвердилъ ее на философскихъ началахъ и первый далъ ей имя эстетики [1]), такъ выпедшій изъ школы Вольфа Сульцеръ считается важнѣйшимъ изъ эстетиковъ—психологовъ. Психологическая теорія эстетики, смѣнившая теорію техническую, порождена была частію вліяніемъ англичанъ—Джонсона [2]) и Гурда, частію же ученіями Вольфа и Канта. Сульцеръ, впрочемъ, не далъ своей теоріи никакой систематической формы и издалъ не столько теорію, сколько матеріалы для нея, въ видѣ словаря [3]), собранные имъ изъ всего того, что сдѣлали его предшественники для

занъ своимъ происхожденіемъ и авторитетомъ". Подъ посвященіемъ написано: „Д. Семеновъ, профессоръ философіи и свободныхъ наукъ въ Акад. Московской".

[1]) *С. Шевыревъ*, Теорія поэзіи въ историч. развитіи у древнихъ и новыхъ народовъ. Изд. 2. 1887; стр. 219. Ср. Р. *Гайма*. Гердеръ, его жизнь и сочиненія. Перев. В Новѣдомскаго. М., 1888. Т. I; стр. 187. Эстетика Баумг. явилась въ 1750 г. на лат. яз.. Aesthetica ac. Al. Gottl. Baumgarten Francof.

[2]) Джонсонъ (Самуилъ, 1709—1784), авторъ книги: „Vies des Poëtes Anglais les plus célébres avec des observations critiques sur leurs ouvrages, traduites de l'Anglais par *Didot* et *Mahon*. Paris, 1823.

[3]) Allgemeine Theorie der schönen Künste nach alphabetischer Ordnung von *J. G. Sulzer*, вышла въ 1-й разъ въ 1771 г. Лучшее позднѣйшее изданіе этой теоріи, по словамъ Шевырева (теор. поэзіи, стр. 221), относится къ 1792 г. (Leipzig).

науки искусства. При всемъ томъ его сочиненіе есть самый полный художественный лексиконъ, какой только до 1835 года имѣла Германія [1]). Сущность теоріи Сульцера заключается въ мысли, что эстетика должна заимствовать свои начала изъ психологіи. „Эстетика,—говоритъ Сульцеръ,—какъ и всякая другая теорія, основывается на немногихъ простыхъ началахъ. Должно изъ психологіи знать, какъ происходятъ ощущенія, какъ они становятся пріятны и непріятны. Два или три положенія, которыя предлагаетъ въ результатѣ всеобщее разрѣшеніе сихъ вопросовъ, служатъ основаніями для эстетики. Изъ нихъ опредѣляется, съ одной стороны, сущность эстетическихъ предметовъ; съ другой же—способъ или законъ, по которому они представляются духу, или состояніе души, пріемлющей отъ нихъ ощущеніе“ [2]). Слѣдуетъ еще замѣтить, что теорія истинной красоты, по Сульцеру, основывается на нравственныхъ началахъ: внутренне прекраснаго въ отдѣльности отъ добраго Сульцеръ не постигаетъ и на этомъ основаніи не отдѣляетъ рѣзко поэзіи отъ краснорѣчія, полагая для нихъ одну и ту же цѣль—сообщить представленіямъ, выражаемымъ словесною рѣчью, высшую степень чувственной силы.

Въ Германіи Сульцеръ пользовался громкою извѣстностью, но и у насъ, въ Россіи, его сочиненія находили не мало читателей, высоко цѣнившихъ воззрѣнія нѣмецкаго эстетика. Вспомнимъ отзывъ А. Т. Болотова: „Никому изъ всѣхъ нѣмецкихъ сочинителей не обязанъ я такъ много въ жизнь мою, какъ господину Зульцеру; онъ обѣими маленькими и свѣту довольно извѣстными книжками о красотѣ натуры [3]) спозна-

---

[1]) Въ 1835 г. вышелъ „Aesthetisches Lexicon Ein alphabetisches Handbuch zur Theorie der Philosophie des Schönen und der schönen Künste и пр. Von *Ig. Seitteles*. Erst. B., A—K. Wien“.

[2]) *С. Шевыревъ*, Теор. поэзіи, стр. 221—222.

[3]) Былъ и рус. переводъ: „*Іоанна Георгія Сульцера* разговоры о кра-

комилъ меня первый съ устроеніемъ міра, влилъ въ меня охоту къ физическимъ знаніямъ и научилъ узнавать, примѣчать и любоваться красотами и прелестьми натуры и чрезъ самое то доставилъ мнѣ въ послѣдующіе потомъ дни, годы и времена безчисленное множество веселыхъ и драгоцѣнныхъ минутъ въ жизни, каковыми и понынѣ, и даже въ самой своей старости, пользуюсь“ [1]).

Вопросъ, затронутый Сульцеромъ въ вышеназванномъ разсужденіи, переведенномъ Семеновымъ, принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые еще долго не потеряютъ интереса современности. Безъ сомнѣнія, Семеновъ, выбирая для перевода сочиненіе Сульцера, руководился и личными симпатіями къ тому предмету, который въ немъ излагается, и въ этомъ отношеніи онъ является у насъ однимъ изъ самыхъ раннихъ сторонниковъ классицизма, на самомъ себѣ убѣдившійся, притомъ, въ его глубокомъ образовательномъ значеніи. Въ виду этого, а равно и того, что переводъ Семенова въ настоящее время составляетъ трудно находимую библіографическую рѣдкость [2]), мы воспользуемся имъ для того, чтобы въ общихъ чертахъ познакомить здѣсь читателя съ мнѣніемъ одного изъ выдающихся нѣмецкихъ писателей по вопросу о пользѣ чтенія съ юношествомъ древнихъ классическихъ авторовъ.

Не будучи филологомъ по призванію, Сульцеръ не берется дать „совершенное наставленіе“ о томъ, „какъ должно (древнихъ классическихъ) писателей съ юношествомъ читать самымъ лучшимъ образомъ“; но онъ много размышлялъ объ этомъ и,

---

сотѣ естества съ его же нравствен. разсужденіями о особенныхъ предметахъ естествен. науки. съ нѣм. на рос. языкъ перев. Михайломъ Протопоповымъ при Имп. Ак. П. 1777. 8-о. 307 стр.“. Много позднѣе было перевед. съ итальянск. В. Лангеромъ соч. *Ф. Милиціи*: „Объ искусствѣ смотрѣть на художества по правиламъ Зульцера и Менгса. Спб. 1827. 8 min X—186 стр.“.

[1]) Записки *А. Т. Болотова*. Т. I, Спб., 1871; стр. 960.

[2]) Странно: при внимательномъ разсмотрѣніи рукописи „Библіотеки Россійской“, мы не нашли въ ней указанія на переводъ разс. Сульцера.

уступая желанію другихъ, согласился высказать и свое мнѣніе о способѣ, какъ поступать въ школахъ съ классическими сочиненіями древнихъ писателей. Прежде, чѣмъ излагать свое мнѣніе по этому вопросу, онъ счелъ необходимымъ выяснить, какую пользу можно получить изъ чтенія древнихъ классическихъ писателей. По мнѣнію Сульцера, эта польза четырехъ родовъ: вопервыхъ, они служатъ къ основательному изученію греческаго и латинскаго языка, „а тѣмъ самымъ къ достиженію премногихъ понятій, которыя бы иначе и на умъ намъ не пришли“; вовторыхъ, „къ направленію вкуса или ощущенія красоты какъ въ нравахъ, такъ и художествахъ“; въ третьихъ, къ пріобрѣтенію основательнаго знанія древней исторіи, и въ четвертыхъ—къ изученію философіи [1]). По каждому изъ этихъ четырехъ пунктовъ Сульцеръ говоритъ слѣдующее.

Можно было бы думать, что изученіе древнихъ языковъ полезно не само по себѣ, а только потому, что „прочищаетъ намъ дорогу къ полученію другихъ выгодъ“; но авторъ съ этимъ несогласенъ и признаетъ его безотносительную пользу. Знаніе такого языка, говоритъ онъ, который самые лучшіе писатели употребляли во всѣхъ родахъ наукъ, должно само по себѣ „числиться между знатнѣйшими добротами разума“, хотя бы всѣ книги, симъ языкомъ написанныя, были потеряны. Въ такомъ языкѣ сокрыто великое множество „нѣжныхъ“ понятій, сперва явившихся въ умахъ великихъ людей и потомъ „чувствительно“ выраженныхъ въ словѣ. Съ ограниченнымъ и скуднымъ языкомъ необходимо связаны ограниченныя и скудныя мысли, и наоборотъ, обильный и совершенный языкъ чрезвычайно изъясняетъ и распространяетъ мысли,— однимъ словомъ; богатство мыслей никогда не можетъ помириться съ скуднымъ языкомъ. Философъ, котораго обилію мыслей мы удивляемся, со всѣмъ своимъ остроуміемъ ничего бы

[1]) О полезн. съ юнош. чтеніи древн. клас. писат., стр. 5—6.

не сдѣлалъ, если бы говорилъ только скуднымъ простонароднымъ языкомъ. Богатый языкъ даетъ намъ возможность воспринимать такія идеи, которыхъ бы мы иначе никогда не имѣли, и разнородныя его реченія изображаютъ намъ иныя понятія такъ живо, что если бы не эти реченія, тѣ понятія оставались бы для насъ всегда неяснымъ. Если же еще примемъ въ расчетъ „переобразованія“ и фигуры до совершенства доведеннаго языка, то увидимъ яснѣе, какъ много онъ вліяетъ на мысли и воображеніе человѣка.

Извѣстно, что слогъ писателя можетъ быть „то благороднымъ или подлымъ, то веселымъ и пріятнымъ, то скучнымъ, гнуснымъ и сумазбродпымъ, то нѣжнымъ и побудительнымъ, или грубымъ и холоднымъ“; но нельзя думать, чтобы характеръ слога не вліялъ въ сильной степени на образъ нашихъ мыслей. Поэтому, кто многоразличнымъ чтеніемъ лучшихъ авторовъ пріобрѣлъ способность выражаться благородно, тотъ всегда лучше мысли свои выражать будетъ, хотя бы и на другомъ языкѣ сталъ говорить [1]).

Вторая польза отъ чтенія древнихъ классическихъ писателей заключается въ исправленіи нашего вкуса. „Вкусъ есть чувствительное познаніе красоты, пріятности и доброты“; онъ есть внутреннее ощущеніе, въ силу котораго мы предпочитаемъ красивое некрасивому, пріятное—непріятному, доброе—дурному; онъ простирается не на одну только естественную красоту, но и на предметы нравственнаго міра: помощію вкуса мы опредѣляемъ, что одинъ человѣкъ достоинъ любви, другой—презрѣнія, что нравы, обычаи и весь строй жизни одной земли лучше, нежели другой, и т. д. Но вкусъ можетъ не только поправляться, но и портиться; частое повтореніе, привычка дѣлаетъ намъ предметы или пріятными, или противными. По самому свойству человѣческой натуры чаще всего и бываетъ, что мы познаемъ предметы только такимъ внѣшнимъ образомъ.

---

[1]) Ibid., стр. 6—9.

Не много бываетъ случаевъ, когда мы имѣемъ достаточно времени и вниманія, чтобы судить о достоинствѣ вещей по соображеніи всѣхъ обстоятельствъ; чаще всего мы полагаемся на вкусъ. Много ли такихъ людей, которые бы могли изслѣдовать нравственное достоинство какого-нибудь поступка такъ точно по основаніямъ нравоученія и естественнаго права, какъ основательно ученый юристъ разбираетъ спорное дѣло по законамъ? Отсюда слѣдуетъ, что если въ жизни человѣка все зависитъ отъ правильнаго чувствованія, то необходимо исправлять юношескій вкусъ; а къ этому и можетъ послужить не мало усердное чтеніе древнихъ классическихъ сочиненій. Многія изъ нихъ написаны людьми, обладавшими высоко развитымъ вкусомъ. Какъ самыя лучшія статуи древнихъ, сохраненныя намъ временемъ, представляютъ высшіе образцы человѣческой красоты, глядя на которые и новѣйшіе художники поправляютъ всякую красивую фигуру: такъ и въ сочиненіяхъ древнихъ мы находимъ совершеннѣйшіе примѣры вкуса во всѣхъ родахъ стихотворства, краснорѣчія и хорошаго слога. И въ новѣйшія времена только тѣ писатели ближе къ совершенству подошли, которые на сочиненіяхъ древнихъ вкусъ свой развили и всѣ ихъ красоты сдѣлали какъ бы своими собственными. Художественная критика новѣйшаго времени ничего не можетъ придумать такого, чему бы не находилось примѣровъ у древнихъ. Поэтому и нужно обращаться для развитія нашего художественнаго вкуса къ этимъ высокимъ примѣрамъ. Но чтеніе древнихъ авторовъ можетъ служить и къ улучшенію нашего житейскаго или нравственнаго вкуса, хотя изъ этого не слѣдуетъ, конечно, чтобы вѣкъ, когда жили классическіе писатели, мы должны были считать во всѣхъ отношеніяхъ лучшимъ, нежели нынѣшній. Вопервыхъ, многіе обычаи древнихъ грековъ и римлянъ имѣли въ себѣ много хорошихъ сторонъ: болѣе тѣсное, чѣмъ нынѣ, общеніе между гражданами, бо́льшая забота объ общемъ благополучіи, непринужденное обхожденіе, чуждое „безсмачной“ церемоніи и

пустословнаго титулованія; важныя государственныя дѣла и превосходныя заслуги граждань были для нихъ предметомъ разговоровъ даже на мѣстахъ всенародныхъ собраній и во время прогулокъ. Весь строй ихъ жизни былъ свободенъ, непринужденъ и менѣе отъ естественнаго состоянія отдаленъ, нежели нашъ, а это все отражалось и на сочиненіяхъ ихъ писателей: свобода греческой республики имѣла сильное вліяніе на моральный вкусъ ихъ писателей: они думали гораздо благороднѣе и свободнѣе, нежели почти всѣ новые. Не слѣдуетъ забывать и того, что большая часть древнихъ авторовъ были мужи знатные, руководившіе важными государственными дѣлами, которыя вызывали ихъ на строгое и долговременное размышленіе; занятіе такими дѣлами и постоянное общеніе съ знатными, хорошо воспитанными или за чрезвычайныя заслуги возвышенными людьми въ высокой степени способствовало развитію ихъ вкуса. Наконецъ и то нужно сказать, что въ сочиненіяхъ древнихъ авторовъ нравы людей, ихъ заслуги и пороки описаны гораздо живѣе, нежели какъ мы своимъ опытомъ распознать ихъ можемъ. Видно, что тѣ авторы ощущали ихъ живѣе, нежели мы, или что они чаще имѣли случай наблюдать людскія достоинства и недостатки во всей ихъ полнотѣ, ибо граждане тогдашнихъ обществъ жили больше предъ глазами свѣта, нежели нынѣ. Такимъ образомъ общеніе съ древними авторами, достигаемое прилежнымъ чтеніемъ ихъ, вліяетъ на исправленіе нашего нравственнаго вкуса и возвышаетъ нашу мысль.

Третья польза отъ чтенія древнихъ авторовъ состоитъ въ познаніи древней исторіи,—исторіи тѣхъ народовъ, отъ которыхъ мы получили художества, науки и большую часть законовъ. Она же при всякомъ воспитаніи должна быть главнымъ предметомъ. Новыя сочиненія о древней исторіи не могутъ замѣнить подлинныхъ, безъ ущерба для пользы отъ такого изученія.

Наконецъ, чтеніе древнихъ авторовъ служитъ къ осно-

вательному приготовленію къ философіи, „владычицѣ всѣхъ наукъ“. Излишне доказывать, сколь великія услуги въ философіи оказали нѣкоторые древніе писатели. Извѣстно, что самые знаменитые новѣйшіе философы: Лейбницъ, Шефтсбюри, Вольфъ, взяли много важнѣйшихъ мыслей изъ философіи древнихъ, и вообще можно сказать, что нынѣшняя философія отличается отъ древней болѣе методомъ, нежели ученіемъ, и что древнимъ были извѣстны всѣ главныя истины теоретической философіи.

Такова сущность разсужденій Сульцера о пользѣ чтенія съ юношествомъ древнихъ классическихъ авторовъ. Дальнѣйшее изложеніе касается вопроса о томъ, какимъ образомъ вести въ школѣ чтеніе древнихъ классиковъ самымъ лучшимъ образомъ. По не совсѣмъ обычному мнѣнію автора, при чтеніи и объясненіи древнихъ авторовъ нужно имѣть въ виду каждую изъ четырехъ указанныхъ выгодъ въ отдѣльности, потому что каждая требуетъ соотвѣтственно себѣ способа ученія. Поэтому прежде всего учители греческаго и латинскаго языка должны быть раздѣлены на четыре класса: въ первомъ должны находиться только учители, или professores Grammatices; во второмъ—учители краснорѣчія и стихотворства (professores Eloquentiae et Poëseos); къ третьему причисляются учители древней исторіи и обычаевъ, и къ четвертому—учители философіи. Всякій изъ сихъ учителей долженъ читать древнихъ авторовъ, имѣя въ виду только свою цѣль. Не входя въ разсмотрѣніе этой части разсужденія, ибо пришлось бы выписать ее всю, замѣтимъ только, что примѣненіе рекомендуемаго авторомъ метода чтенія древнихъ классиковъ,—метода, далеко отступающаго отъ современной дѣйствительности,—хотя и можетъ представить нѣкоторыя затрудненія на практикѣ, но зато несомнѣнно обезпечиваетъ изучающимъ гораздо большую пользу, нежели какъ обыкновенно въ школахъ теперь бываетъ. Справедливы мысли автора касательно изученія грамматическихъ правилъ въ низшихъ классахъ, вытека-

ющія изъ того положенія, что „всякаго языка грамматика есть почти самое трудное дѣло“ [1]); о необходимости *многократнаго* чтенія одного и того же автора [2]); о безполезности въ средней школѣ новой исторіи и политической географіи и объ отнесеніи этихъ наукъ въ курсъ университета [3]), и проч.

---

[1]) Ibid., стр. 30.
[2]) Ibid., стр. 33.
[3]) Ibid., стр. 42.

VI.

1774—1782.

Дамаскинъ—префектъ и ректоръ московской академіи.

Принятіе монашества.—Хронологія внѣшнихъ событій московскаго періода жизни Дамаскина.—Составъ академическихъ учителей.—Роль арх. Платона въ учебно-воспитательной дѣятельности академіи.—Преподаваніе Дамаскинымъ философіи, богословія и нѣмѣцкаго языка въ академіи.—Заботы объ академической библіотекѣ.—Ученые диспуты.—Труды по цензурѣ книгъ.—Начало литературныхъ обществъ съ царствованія Екатерины II.—Исторія „Вольнаго Россійскаго собранія" при московскомъ университетѣ.—Отношеніе Дамаскина къ дѣятельности этого общества.—Изданіе сочиненій Ломоносова.—Понятія Дамаскина о свойствахъ и требованіяхъ литературнаго языка, выразившіяся въ этомъ трудѣ.—Изданіе поучительныхъ словъ и друг. сочиненій арх. Платона.—Назначеніе Дамаскина на епископскую каѳедру.

Въ декабрѣ 1774 года 38 лѣтній профессоръ церковной исторіи и словесныхъ наукъ Дмитрій Семеновъ является снова въ Москвѣ и вступаетъ въ составъ академической корпораціи. Здѣсь для его дѣятельности открывается широкое поприще, особенно когда въ апрѣлѣ слѣдующаго 1775 года онъ опредѣленъ былъ префектомъ академіи и профессоромъ философіи; здѣсь же и въ этомъ году въ его жизни произошло событіе, навсегда опредѣлившее характеръ его послѣдующей дѣятель-

ности: 8 сентября въ Перервинскомъ монастырѣ Дмитрій Семеновъ-Рудневъ принялъ монашество съ именемъ Дамаскина, „отъѣхавъ туда на время изъ московской академіи“ [1]). Чѣмъ побуждаемъ былъ Семеновъ къ принятію монашества? Мы убѣждены, что въ данномъ случаѣ имѣли мѣсто тѣ самыя соображенія, какими руководился м. Платонъ и которыя онъ высказалъ импер. Екатеринѣ II, когда она спросила, зачѣмъ онъ пошелъ въ монахи [2]). Только истинная любовь къ наукѣ, усвоенная Семеновымъ отчасти подъ вліяніемъ м. Платона, съ которымъ онъ одновременно учился въ академіи, могла побудить его къ принятію монашества; притомъ же Семенову, можетъ быть, болѣе, чѣмъ другимъ, видна была вся безплодность задуманнаго проекта объ основаніи высшаго духовнаго учебнаго заведенія, и потому онъ охотно принялъ совѣты и убѣжденія своихъ доброжелателей и „благодѣтелей“: Гавріила Петрова, Платона Левшина и Иннокентія Нечаева: все это были великоруссы, выдвинутые на высшія мѣста также великоруссами Гедеономъ Криповскимъ и Дмитріемъ Сѣченовымъ: имъ дорого было имѣть въ своей молодой дружинѣ талантливаго великорусса Семенова [3]). Для академіи московской и въ частности для Дамаскина имѣло весьма важное значеніе то обстоятельство, что директоромъ академіи вскорѣ былъ назначенъ архіеп. Платонъ [4]); оно опредѣляло характеръ и

---

[1]) „Вѣдомости объ учителяхъ и ученикахъ моск., слав.-греко-лат. акад. а 1779 годъ“ въ „Дѣлахъ 1780 года“ (библ. моск. акад.). Въ іеродіакона Дамаскинъ посвященъ былъ 14 сент. 1775 г. въ Крестовоздвиж. монастырѣ, а въ іеромонаха въ Синодальной двунадесяти апостоловъ церкви окт. 13 дня.

[2]) Автобіогр. м. Платона. М. 1887; стр. 19.

[3]) Ср. *П. Знаменскій*, Духовн. школы; стр. 434. Едва ли можно придавать какое нибудь значеніе указанію автора „Ист. нижегор. іер.“ (стр. 166), что „сама императрица совѣтовала Семенову идти въ монашество и приказала другимъ склонять его къ тому“: мы не знаемъ, чтобы Екатерина II такъ поступала когда-нибудь.

[4]) Указъ объ этомъ онъ получилъ 18 ноября 1775 г. *П. Снегиревъ*, Жизнь м. Платона. М. 1856. Ч. 1; стр. 48. Ср. *С. Смирновъ*, Ист. моск. акад., стр. 262—263.

направленіе административной и отчасти учебной дѣятельности новаго префекта и, безъ сомнѣнія, было причиною того, что скоро, а именно 24-го мая 1778 года, Дамаскинъ опредѣленъ былъ ректоромъ академіи и профессоромъ богословія; въ этомъ же году мѣсяцемъ раньше онъ былъ назначенъ архимандритомъ Богоявленскаго монастыря, а въ слѣдующемъ 1779 году 19 апрѣля членомъ московской Синодальной конторы [1]), каковымъ и оставался до назначенія на епископскую каѳедру въ гор. Сѣвскъ въ 1782 году. Такова хронологія внѣшнихъ фактовъ московскаго періода жизни Дамаскина.

Что представляла московская академія въ то время, когда въ нее вступилъ ея бывшій воспитанникъ, но уже въ званіи префекта? Какова была среда, въ которой пришлось вращаться Дамаскину въ академіи? На эти вопросы, къ сожалѣнію, мы не можемъ дать обстоятельнаго отвѣта, ибо не нашли почти никакихъ свѣдѣній въ архивныхъ матеріалахъ [2]).

О составѣ академическихъ учителей мы узнаемъ по ихъ послужнымъ спискамъ, къ счастію сохранившимся; но, конечно, одинъ рядъ именъ ихъ ничего не дастъ намъ для характеристики той среды, въ какой обращался Дамаскинъ. По свѣдѣніямъ за 1779-й годъ, второй годъ ректорства Дамаскина,

---

[1]) *Арх. моск. син. конт.* Дѣло 30 апр. 1779 г. (Д. 164). Во исполненіе высочайшей конфирмаціи, состоявшейся 19 апрѣля 1779 г., на поднесенномъ отъ Св. Синода докладѣ представлены были кандидаты, и противъ имени Заиконоспасскаго архимандрита и академіи ректора Дамаскина Екатерина собственноручно написала: *сему* (л. 1). Къ членской присягѣ Д. былъ приведенъ 3 мая 1779 г. синодальнымъ ризничимъ игум. Кипріаномъ въ церкви Двунадесяти апостол.; при приводѣ его къ присягѣ былъ Платонъ, архіеп. моск. (л. 4). Въ журналѣ Син. Конт. 3 мая 1779 г. записано: „Новоопредѣленному Син. Кон. члену ставр.. Д. во всѣхъ церковныхъ служеніяхъ и въ случающихся церемоніяхъ мѣсто имѣть по архим. ставропиг. Новоспасскаго монастыря“ (л. 9).

[2]) Авторъ „Ист. моск. слав.-гр.-лат. акад.“ С. Смирновъ, которому могло быть болѣе доступно пользованіе архивными матеріалами, также не сообщаетъ о тѣхъ годахъ, которые совпадаютъ со временемъ профессорства и ректорства Дамаскина въ академіи, почти никакихъ свѣдѣній, очевидно, потому, что не было для характеристики того періода достаточныхъ архивныхъ данныхъ.

въ средѣ академическихъ учителей большинство были, конечно, монашествующіе—префектъ іеромон. Амвросій, двое проповѣдниковъ—игумены Іосифъ и Макарій, учителя—іером. Аѳанасій и іеродіак. Моисей; но было и нѣсколько свѣтскихъ учителей, „бѣльцовъ“: Дмитрій Ушяпинскій, Николай Ивановъ, Григорій Бажановъ [1]). Всѣ безъ исключенія учителя были еще очень молодые люди, сами получившіе образованіе въ московской академіи, не чуждые, конечно, того новаго духа, который въ концѣ втораго періода жизни академіи явился на смѣну прежняго направленія, и по своимъ убѣжденіямъ способные стать лучшими проводниками его въ молодое поколѣніе учащихся. Достойнымъ представителемъ и руководителемъ ихъ сдѣлался, конечно, Дамаскинъ, самъ находившійся подъ высшимъ руководствомъ директора академіи арх. Платона [2]), которому академія и обязана своимъ возвышеніемъ и дѣятельность котораго по управленію академіей составляетъ новый періодъ ея исторіи, рѣзко отдѣляющійся отъ временъ предшествующихъ.

По отзыву историка московской академіи [3]), Платонъ былъ для этой академіи тѣмъ, чѣмъ Петръ Могила для кіевской: безъ воли Платона ничто не было въ ней предпринимаемо: прежде всего онъ окружилъ себя представителями великорусскаго элемента и усилилъ значеніе русскаго языка въ академіи, вслѣдствіе чего нѣкоторые уроки были преподаваемы на языкѣ отечественномъ, который введенъ и въ сочиненія и даже на диспутахъ, чего прежде не было; усилено также изученіе греческаго языка, удѣлено время изученію языковъ новѣйшихъ, еврейскаго языка, и наконецъ введены были новыя науки: герменевтика, церковная и гражданская

---

[1]) Вѣдом. объ учителяхъ въ „Дѣлахъ 1780 г.“.

[2]) Чувства академіи къ нему весьма рельефно выражены въ письмѣ отъ 26 марта 1776 г.-Fasciculus litterarum и проч., стр. 131—133.

[3]) С. *Смирновъ*, Ист. акад., стр. 259.

исторія, физика, исторія философіи и друг. [1]). Наряду съ умственнымъ, не оставлено было безъ вниманія и нравственное образованіе питомцевъ академіи; для поднятія его на надлежащую высоту, Платонъ требовалъ, „чтобы учители не только учительствомъ, но еще болѣе честнымъ житіемъ юношество наставляли“; „наблюдайте, писалъ по другому случаю Платонъ ректору и префекту, чтобъ болѣе моральными, нежели физическими наказаніями ученики къ своей должности были приводимы“ [2]).

Не можетъ быть сомнѣнія, что во всѣхъ благихъ начинаніяхъ Платона, клонившихся къ возвышенію московской академіи въ учебно-воспитательномъ отношеніи, Дамаскинъ принималъ самое живое участіе. Вступивъ въ должность профессора философіи, онъ естественно долженъ былъ позаботиться о замѣнѣ царившей прежде схоластики новыми философскими системами. Хотя къ тому времени въ московской академіи и дано было право учебнаго руководства книгѣ Баумейстера Elementa philosophiae recentioris (напеч. 1777 г.), лучшаго изъ учениковъ Вольфа, но такъ какъ его система не составляла полнаго курса философіи, то Дамаскинъ считалъ нужнымъ дополнять ее другими пособіями, и первый изъ наставниковъ познакомилъ академію съ сочиненіями Вольфа [3]), Гольмана (Hollmanni, Iurisprudentia naturalis. Götting., 1769), Бильфингера [4]), (Bilfingeri, Dilucidationes philosophicae de Deo, anima, mundo etc. Tubingae, 1726), Канзія (Canzii, Meditationes philosophicae et corpus juris ci-

---

[1]) Ibid., стр. 259—260.

[2]) Ibid., стр. 261.

[3]) Интересно замѣчаніе Дамаскина объ этомъ философѣ: „Вольфа великимъ почитаютъ нынѣ только въ Берлинѣ и то не всѣ, но въ другихъ нѣмецкихъ университетахъ, а особенно въ Геттингенѣ, ученые не великаго о немъ мнѣнія“. О полезн. съ юнош. чтен., стр. 23, примѣч.

[4]) *Бильфингеръ* (1693—1750), проф. филос. въ Тюбингенѣ; излагалъ и защищалъ метафизику Лейбница и Вольфа. Жилъ и въ Россіи съ 1725 по 1731 и былъ членомъ нашей Академіи наукъ.

vilis) и Винклера [1]). (Winkleri, Institutiones philosophiae universae). Онъ же первый началъ читать исторію системъ философскихъ по руководству Бруккера [2]).

Когда съ мая 1778 г. Дамаскинъ сдѣлался архимандритомъ Заиконоспасскаго монастыря и ректоромъ академіи, онъ долженъ былъ преподавать богословіе. Въ этой области Дамаскинъ не сдѣлалъ особенно важныхъ нововведеній и большею частію слѣдовалъ системѣ Θеофилакта Горскаго, читанной имъ въ московской академіи съ 1769 по 1774 годъ (Orthodoxae orientalis Ecclesiae dogmata, seu doctrina christiana de credendis et agendis, напеч. въ первый разъ въ 1784 г. [3]), дополняя ее только нѣкоторыми историческими указаніями [4]). Вмѣстѣ съ преподаваніемъ богословія онъ принялъ на себя и другую обязанность ректора—по воскреснымъ днямъ толковать св. Писаніе въ богословской аудиторіи. Этимъ толкованіемъ Дамаскинъ прославилъ себя въ столицѣ, подобно митр. Платону, когда этотъ учился въ академіи: слушать Дамаскина въ аудиторію собиралось множество постороннихъ лицъ [5]).

Хотя классы нѣмецкаго и французскаго языка, какъ свидѣтельствуетъ историкъ московской академіи [6]), открыты

---

[1]) *Винклеръ* (И Г., род. 1703 г.), проф. лейпцигскаго унив., послѣдователь Лейбница и Вольфа Его Institutiones Philosophiae Wolfianae usibus academicis accomodatae (Lpz., 1735) долгое время служила учебнымъ руководствомъ въ нашихъ духовныхъ академіяхъ.

[2]) *С. Смирновъ*, Ист. моск. акад., стр. 300. *Брукеръ* (1696—1770), историкъ философіи; главный трудъ его „Historia critica philosophiae a mundi *incunabulis* ad nostram usque aetatem deducta", 5 т. Лейпцигъ, 1742—44: Это первая попытка въ своей области, легшая въ основу всѣхъ позднѣйшихъ трудовъ по исторіи философіи. Сокращен. обработка этого труда изд. самимъ авторомъ подъ загл.: „Institutiones historiae philosophicae. Leipzig.", 1747 г.

[3]) Планъ эт. соч. см. у С. *Смирнова*, Ист. моск. акад., стр. 292—293.

[4]) Ibid., стр. 293.

[5]) Арх. *Макарій*, Ист. нижг. іер., стр. 167. Рос. Вивліоѳ., ч. XVIII, стр. 100—105.

[6]) С. *Смирновъ*, Ист. моск. акад., стр. 310.

были въ академіи только въ 1781 году, но извѣстно, что Дамаскинъ все время своего профессорства въ академіи—по 1782-й годъ [1]), обучалъ нѣмецкому языку и получалъ за это жалованье. Въ „расходной книгѣ 1778 года“ за январскую треть записано: „Отцу префекту Богоявленскаго монастыря архимандриту Дамаскину за обученіе нѣмецкому языку 33 р. 33 ½ коп.“; въ той же расходной книгѣ за майскую треть: „Отцу ректору архимандриту Дамаскину за обученіе нѣмецкому языку 33 р. 33 ½ к.“.

Не смотря на скудныя средства академіи [2]), увеличеніе библіотеки лучшими сочиненіями стояло въ числѣ главныхъ заботъ Дамаскина. Историкъ московской академіи отмѣчаетъ, что въ 1776 г. куплено было книгъ на 38 руб., въ 1777 г. на 125 руб., въ 1778 г. на 125 руб. [3]). Бывшіе дотолѣ безпорядки въ академической библіотекѣ касательно храненія и выдачи книгъ побудили Дамаскина, вѣроятно, по желанію Платона, заняться приведеніемъ ея въ лучшій порядокъ, по примѣру иностранныхъ библіотекъ, что́ онъ и сдѣлалъ, составивъ обстоятельный каталогъ всѣмъ книгамъ [4]).

Дамаскинъ былъ большой любитель торжественныхъ академическихъ собраній и ученыхъ диспутовъ. Послѣдними, наравнѣ съ экзаменами, ежегодно заканчивалось ученіе въ ака-

---

[1]) См. прошеніе Дамаскина объ увольненіи на покой, въ примѣчаніи, въ X-й главѣ настоящаго сочиненія.

[2]) На содержаніе академіи при Дамаскинѣ отпускалось штатной суммы 4817 р. 16 коп. въ годъ. См. Расходн. книга 1778 въ библ. моск. акад.

[3]) С. *Смирновъ*, Ист. моск акад., стр. 279. Въ „расходной книгѣ 1778 г.“ (значитъ, въ ректорство Дамаскина) мы нашли отмѣтку: „куплено разныхъ классическихъ латин. и русск. книгъ для академіи на сто рублей“.

[4]) Древн. Рос. Вивл., ч. XVIII, стр. 100—105. Ист. ниж. іер., стр. 167. Есть извѣстіе,—достовѣрность котораго теперь, вирочемъ, трудно провѣрить,—что въ библіотеку моск. акад. поступила часть библіотеки Дамаскина Семен.-Руднева (*В. С. Иконниковъ*, Опытъ русск. исторіографіи. Т. I, кн. 1. Кіевъ, 1891 г., стр. 725). Въ систематич. кат. б—ки моск. акад., составл. *П. П. Корсунскимъ* (вып. I и II), мы нигдѣ не нашли указаній на поступленіе книгъ изъ б—ки Дамаскина.

деміи. При Платонѣ, благодаря особенной любви Дамаскина къ этимъ ученымъ развлеченіямъ, диспуты получили болѣе торжественности и чаще бывали производимы. Изъ инструкціи, писанной префектомъ Моисеемъ въ 1787 г., можно видѣть, какъ происходили диспуты въ академіи: „на богословскихъ диспутахъ три пѣсни приличныя случаю; разсужденіе на россійскомъ языкѣ о избраннѣйшей матеріи и диспуты русскіе. За оными разговоры на латинскомъ и французскомъ языкахъ. Послѣ того, по кратчайшей рѣчи, изъясняющей случай, диспуты латинскіе. По окончаніи всего раздѣленіе награжденій книгами и благодарственная рѣчь отъ учителя. Диспуты философскіе тѣмъ же порядкомъ. Разговоры на греческомъ простомъ и нѣмецкомъ“ [1]). Довольно подробныя извѣстія объ академическихъ диспутахъ во времена Платона или, что тоже, Дамаскина сообщаетъ также издатель „D. Russischen Bibliothek“ Бакмейстеръ; въ отдѣлѣ Nachrichten онъ представлялъ свѣдѣнія объ ученой дѣятельности академіи наравнѣ съ извѣстіями о дѣятельности академіи наукъ и университета. Между прочимъ онъ писалъ въ своемъ журналѣ: „публичные богословскіе и философскіе диспуты съ давнихъ поръ введены въ московской академіи; они служатъ свидѣтельствомъ, какія части науки прочитаны въ учебный годъ, и что́ произошло замѣчательнаго въ ходѣ ученія. Диспуты открываются пѣснопѣніемъ, за которымъ слѣдуетъ чтеніе стиховъ и рѣчей. Въ 1775 году были прочитаны между прочимъ благодарственныя на русскомъ и латинскомъ языкахъ стихотворенія св. Синоду, два привѣтственныя стихотворенія архіеп. московскому Платону, стихи, на русскомъ языкѣ, писанные въ честь архіеп. псковскаго Иннокентія, одно латинское и два русскихъ стихотворенія князю Потемкину. Стихи и рѣчи были произносимы въ промежуточное время между диспутомъ, который вели шесть студентовъ—три оппо-

[1]) С. Смирновъ, Ист. моск. авад., стр. 344.

нента и три респондента. По окончаніи диспута, примѣрнымъ ученикамъ раздаваемы были въ награду книги, однимъ изъ учителей была произносима благодарственная рѣчь къ посѣтителямъ, и все торжество заключалось духовнымъ пѣніемъ“ [1]). Въ 1776 г. Дамаскинъ предложилъ 8 „положеній философическихъ изъ предувѣдомленій о философіи, изъ логики и метафизики для философическихъ состязаній“, бывшихъ 12 іюля въ московской академіи [2]). Въ 1777 г. онъ предложилъ

[1]) Ibid, cip, 344—345.

[2]) Positiones

Philosophicae ex Prolegomenis philosophiae logica atque metaphysica ad disputationes in Academia Mosquensi, die: 12 juli anno 1776 habendas, publice propositae; nec non eminentissimo domino Platoni, Sanctissimae Synodi Russicae membro, dioceseos Mosquensis et Kalugensis illustrissimo archiepiscopo Sergii Laura SS Trinitatis Sacroque Antistiti optimo atque Academiae Mosquensis Directori et prosectori maximo oblatae, dicatae et consecratae ab Academiae Prefecto et phil. Professore, Hieromonacho Damascino.

Положенія

философическія изъ предувѣдомленій о философіи, изъ логики и метафизики для философическихъ состязаній въ московской Академіи 1776 г. іюля 12 дня, публично предложенныя Его Высокопреосвященству, Свят. Правительств. Синода Члену, Преосвященнѣйшему Платону, Архіепископу Московскому и Калужскому, Св. Троиц. Серг. Лавры свящ. архим., Московской Академіи полному Директору и Протектору благоговѣйно посвященныя отъ Акад. префекта и филос. профессора іеромонаха Дамаскина.

I.

Philosophia, systematice considerata, nihil aliud est, quam scientia ratione sola cognita, qua ea, quae homini in quocunque statu spectato, ad animi, corporis statusque sui externi felicitatem promovendam, vel scienda vel agenda sint, distincte traduntur.

1.

Философія, въ систематическомъ смыслѣ взятая, есть наука, на единомъ разумѣ основывающаяся, и все то подробно преподающая, что человѣку во всякомъ состояніи находящемуся, къ распространенію благосостоянія какъ душевнаго и тѣлеснаго, такъ и внѣшняго, знать и творить нужно.

9 „положеній философическихъ“, или тезисовъ, „изъ науки о

II.

Philosophia non propter facultates seu scientias, sic dictas, superiores adscienda solum est, sed eam maxime ob rationem, quod per se homini utilis sit atque necessaria quare Theologiae revelatae ministra aut ancilla nullo modo esse, neque apellare potest; quum pro principio cognoscendi solam rationem, non vero revelationem, habeat: attamen nullum Philosophiae studium divinae revelationi potest esse inimicum; adeoque nec philosophandi libertas injustis coërcenda est limitibus.

2.

Философіи не для высшихъ только, такъ называемыхъ факультетовъ или наукъ обучаться надлежитъ, но для того наипаче, что она сама по себѣ человѣку весьма полезна и нужна. Почему не можетъ быть, ниже назваться откровенной богословіи слугою,—ибо не откровеніе, но здравый разсудокъ одинъ есть ея основаніемъ; однако никакое въ философіи упражненіе не можетъ быть откровенію противнымъ. Для того вольность не должна быть несправедливыми средствами ограничиваема.

III.

Neque protoparens Noster Adamus, neque Noachus, neque Abrahamus, neque Iosephus, neque Moises, neque David, neque Salomo, veri fuerunt Philosophi; sed philosophia strictissimo sibique proprio sensu accepta, originem suam ducet ab Aristotele; atque nostro tantum hoc aevo ad longe majorem perfectionis gradum deducta est; quam quidem omnibus, qui antecessunt, seculis sive a Graecis, sive a Latinis, sive ab Arabibus, sive a Scholasticis, sive ab aliis cujuscunque nationis Philosophis id factum esset.

3.

Ни праотецъ нашъ Адамъ, ни Ной, ни Авраамъ, ни Іосифъ, ни Давидъ, ни Моисей, ни Соломонъ, подлинные были философы: но философія, въ тѣснѣйшемъ и собственномъ себѣ знаменованіи, начало свое возъимѣла отъ Аристотеля, и въ нынѣшнемъ только столѣтіи въ гораздо лучшее состояніе приведена, нежели какова она была во всѣ минувшіе вѣки у Грековъ или Римлянъ, или Аравлянъ или у схоластиковъ и у другихъ народовъ философовъ.

IV.

Logica est talis disciplina, quae intellectus nostri operationes ad veritatem et inveniendam, et ex aliorum scriptis eruendam eumque aliis communicandam et defendendam, errores vero contra ubivis emirandos, dirigere doceat.

4.

Логика есть такая наука, которая показываетъ, какъ управлять дѣйствіями нашего разума и къ изобрѣтенію собственными силами и къ уразумѣнію изъ другихъ сочиненій и къ сообщенію другимъ и защищенію истины, къ избѣжанію же на-

духахъ, физики и философіи нравоучительной“ для состязанія

V.

Omnium quoque rerum tam materialium, quam immaterialium ideae oriuntur a sensibus, sive externis; id quod de abstractissimis etiam notionibus non minus valet. Extra controversiam ergo Aristotelicum illud jam ponendum est axioma: nihil nempe in intellectu esse, quod non prius fuerit in sensibus. Ex quo consequitur ideas innatas purum putum quorundam philosophorum esse sigmentum.

VI.

Uti res contra nos positae, ita etiam sensus, illas nobis representantes, vere existunt, neque nos, positis omnibus ad representandum requisitis, falluut, aut fallere possunt. Datur ergo criterium veritatis, quo verum a falso discerni exacte queat. Ultimum vero omnium nostrorum judiciorum criterium propositio illa Aristotelica est: impossibile est, idem simul esse et non esse.

VII.

Metaphysica est ejusmodi scientia, quae de primis omnis evidentiae et certitudinis humanae principiis agit, generalissimasque rebus omnibus vive

противъ погрѣшностей вездѣ и во всякомъ случаѣ.

5.

Всѣхъ вещей какъ вещественныхъ, такъ и невещественныхъ, идеи или понятія имѣютъ свое начало отъ чувствъ внѣшнихъ или внутреннихъ, что можно сказать и объ отвлеченнѣйшихъ понятіяхъ. Слѣд. никакому сомнѣнію не подлежитъ оное Аристотелево положеніе: что нѣтъ ничего въ разумѣ, чего бы прежде не было въ чувствахъ. Отсюда слѣдуетъ и то, что врожденныя понятія суть только нѣкоторыхъ философовъ выдумки.

6.

Какъ вещи внѣ насъ находящіяся, такъ и самыя чувства, посредствомъ которыхъ мы себѣ оныя представляемъ, имѣютъ подлинно свое бытіе, и естьли всѣми къ представленію принадлежностями снабжены бываютъ, то никогда насъ не обманываютъ, ниже обмануть могутъ. Почему всенепремѣнно есть знаки истины, пособіемъ которыхъ ложь отъ правды отличить точно можно. А самый верховный всѣхъ нашихъ разсужденій признакъ есть оное Аристотелево предложеніе: не можетъ статься, чтобы тоже въ одно время и было и не было.

7.

Метафизика есть такая наука, въ которой преподаются самыя первыя основанія всего того, что человѣкъ ясно и достовѣрно знать можетъ;

студентамъ [1]). Извѣстны также богословскіе тезисы Дамаскина,

vere existentibus sive mere possibilibus, competentes notiones explicat. Rectius ergo illam philosophiam primam, quam vel metaphysicam, vel ontologiam, vel alio quocunque nomine apellandam esse existimamus, ex quo patet, temere et absque illa ratione, ex non intellectis tantum Aristotelis libris, a scholasticis Ontologiam, Pneumatologiam et Theologiam naturalem inter Metaphysicae partes positas esse et hucdum poni.

также толкуются и самыя общія и всѣмъ вещамъ какъ бытіе имѣющимъ, такъ и возможнымъ только, приличествующія понятія. Чего ради правильнѣе бы ее назвать надлежало первою философіею, нежели метафизикою или онтологіею или другимъ какимъ либо именемъ. Изъ сего явствуетъ, что схоластики безъ всякой причины отъ одного только неразумѣнія Аристотелевыхъ книгъ положили въ числѣ частей метафизики онтологію, пневматологію и естественную богословію.

VIII.

Prima omnis evidentiae et certitudinis, humanae principia sunt duo: contradictionis, nempe et rationis sufficientes. Ex quibus intelligitur, et sequentes positionis veras esse: omnes rerum essentiam esse, aeternas necessarias, immutabiles neque ab intellectu neque ab voluntate cuius suis entis, quanquam potentissimi, penderi nullam durationem, etiam aeternam, sine successione existere posse: in quanto successivo regressum in infinitum realem esse possibilem inposse; duo entia perfecte sibi similia non existere etc...

8.

Самыхъ первыхъ всея ясности и извѣстности человѣческаго познанія основаній есть два: именно основаніе противорѣчія и причины довольной, изъ которыхъ видно, что и слѣдующія положенія суть справедливы: всѣхъ вещей сущности суть вѣчны, неотлучны, неизмѣнны, ни отъ какого существа, ниже всемощнѣйшаго, независящи, никакое пребываніе, ниже самое вѣчное безъ послѣдованія быть не можетъ: въ послѣдовательномъ количествѣ дѣйствительное въ безконечность назадъ отступленіе возможно: однако въ порядкѣ случайныхъ причинъ такое въ безконечность назадъ отступленіе быть не можетъ; нѣтъ двухъ вещей совершенно между собою сходныхъ и пр.

[1]) Positiones Philosophicae ex Pneumatologia, physica, et philosophia morali, absoluto cursu philosophica, ad disputandum publice propositae die 13 iulii anno 1777 eaedemque

Дамаскинъ.

Положенія философическія изъ Науки о духахъ, физики, и философіи нравоучительной, по окончаніи философическаго курса общенародно для состязанія предложенныя іюля 13 дня, 1777 год $\frac{\infty}{10}$

напечатанные имъ для академическихъ диспутовъ 1779 и

Eminentissimo domino,
Domino Platoni,
sacrosanctae Synodi russicae
membro dignissimo
dioceseos mosquensis et Kalugensis
Archiepiscopo,
lauraeque sanctae trinitatis et sancti
Sergii
Archimandritae,
utpote Academiae mosquensis directori et protectori optimo debitae observantiae testandae gratia dicatae ac consecratae
ab Academiae Praefecto et philosophiae professore
Hieromonacho Damasceno.

I. Existere debere substantias immateriales nemo temere negabit, qui ad indolem modo corporum naturalium eorumque motum imprimis rite attenderit.

II. Sed quot genera substantiarum immaterialium vel dentur, vel dari etiam possint, id determinari in genere et quasi. . . .(ea) priori, haud licet. Forsan tanta in regno rerum immaterialium est varietas, quantam in materialium rerum *ambita* esse, satis inter omnes constat.

III. Quum ad ea vero, quae experientia nobis cognita sunt, attendimus, non plura genera substantiarum immaterialium, seu spirituum, quam duo tantum certius cognoscimus Deum, nempe et mentem humanam, Deum quidem ex contemplatione mundi hujus materialis, rerumque in eo existentium, et existere, et esse spiritum, et a mundo materiali quam maxime diversum distinctumque; summa, . *qum* immo

которыя
Его Высокопреосвященству Святѣйш.
Синода Члену великому господину
Преосвященнѣйшему
Платону
Архіепископу Московскому и Калужскому и свято-троицкія Сергіевы
лавры священно-архимандриту,
яко достойнѣйшему Московской Академіи Директору и Протектору
для засвидѣтельствованія подобающаго почтенія посвятилъ
той же академіи Профессоръ
Іеромонахъ Дамаскинъ.

I. Что существа невещественныя быть должны, сего никто безразсудно отвергнуть не можетъ, кто только въ породу естественныхъ тѣлъ и въ ихъ движеніе наипаче пристально вникать станетъ.

II. Сколько же родовъ вещей невещественныхъ есть или быть можетъ, того вообще, и изъ разсужденія самой ихъ сущности опредѣлить нельзя. Можетъ быть въ области вещей невещественныхъ толикое же есть различіе, коликое примѣчается во множествѣ вещей тѣлесныхъ.

III. Но когда въ случаи опытомъ дознаемыя вникаемъ, тогда не больше родовъ существъ не вещественныхъ извѣстнѣе познаемъ, какъ только два, т. е. Бога и душу человѣческую, и Бога изъ разсматриванія міра сего матеріальнаго и вещей въ немъ находящихся познаемъ мы, что Онъ бытіе свое имѣетъ, что онъ есть Духъ, и Духъ отъ міра сего весьма отдѣльный и отличный, что онъ есть непостижимо Всемогущій

1780 г., которые въ сравненіи съ прежними схоластическими

incomprehensibili potentia, et sapientia praeditum, omnesque res ad manifestandam suam gloriam condidisse tuto colligimus; animam vero seu mentem humanam ex facultatibus intelligendi, volendi, libereque agendi deprehendimus esse immaterialem, incorruptibilem, adeoque cum intrinseco, tum extrinseco modo immortalem. Sed qualis animarum nostrarum post hanc vitam status futurus sit? Quo in loco eaedem victurae sint? Quid que operis susceptarae? de his rationis solius lumine nihil quidquam nobis constat, dummodo id *excipias*, non male illis post hanc vitam esse futurum, si pro officii sui viriumque *sibi concessarum*: *rutione in hac vita se gesserint*. Item quo tempore et unde corporibus in utero ..... (immutantur) quomodo propagentur? in qua corporis humani parte resideant? Quomodo,... (simo ul u im) corporibus humanis, per physicum ne influxum, an per causas... (occanora les an vero per harmoniam praestabilitatam coniungantur? haec omnia incerta sunt, ex *multis difficultatibus* obnoxia.

и безконечно премудрый, и что всѣ вещи произвелъ къ засвидѣтельствованію своихъ совершенствъ; душу человѣческую изъ свойствъ разумѣнія, хотѣнія и свободности узнаемъ мы, что она есть невещественна, неразрушима, а потому, какъ внутри сама въ себѣ, такъ и отвнѣ безсмертна. Но какое будетъ состояніе нашихъ душъ по смерти? Въ какомъ мѣстѣ будутъ онѣ находиться? и что будутъ дѣлать? О семъ однимъ здравымъ разсудкомъ ничего знать мы не можемъ, кромѣ того, что не худо будетъ имъ по разлученіи отъ тѣла, естьли онѣ соотвѣтственно съ своими должностями въ сей жизни поступали, и данныя имъ силы на зло не употребляли. Такъ же къ которое время и откуда посылаемы бываютъ въ тѣла младенцовъ, въ утробѣ находящихся? Какъ расположаются? Въ которомъ мѣстѣ тѣла ...(пребываютъ)? И какимъ образомъ такъ тѣсно съ тѣломъ человѣческимъ совокупляются, по *физическому* ли втеченію, или по непосредственному при каждомъ случаѣ божескому..... (...званію) [1]) или по предуставленному отъ Бога согласію? Все сіе еще не извѣстно и многимъ трудностямъ подвержено.

IV. Praeter Deum mentesque humanas, alias adhuc quasdam substantias spirituales vel immateriales saltim qualescunque in... (l. .) *universo* dari, *contuncunt* permulta phenomena, in mundo materiali oculis nostris quotidie ... (sere) *obversantia*. Eiusmodi substantias immateriales esse animas brutorum animantium ... (. . . citur ex facultate ipserum) ...

IV. Что кромѣ Бога и человѣческихъ душъ есть еще нѣкоторыя духовныя или по крайней мѣрѣ невещественныя существа, о томъ сомнѣваться намъ не позволяютъ премногія, въ мірѣ семъ предъ очами нашими почти всякой день случаю....я. Между таковыми невещественными существами полагаемъ мы души безсловесныхъ животныхъ, потому что

[1]) Нельзя разобрать — одно тутъ слово было, или два.

тезисами, какіе извѣстны намъ въ старой Кіевской Академіи,

percipiendi et secundum perceptiones agendi. Illud etiam. . . . . (con. . . dendum) *nobis* est, neque impossibile, neque improbabile esse; alias quasdam, ab his multum..., (nerias) et dari adhuc posse et forsan vere etiam dari substantias immateriales et spirituales, quas antiquorum plerique intelligentias ad daemones, *recentiores* vero fere omnes angelos vocarunt *eosque* in bonos et malos distinxerunt. Quaecunque vero de horum..... (operationibus) et ... .. (et...) (var..s) (olim) narrata sunt, hodieque narrantur, ea sola traditione .. .. (. . . ntur).

онѣ имѣютъ способность представлять себѣ вещи, и по симъ представленіямъ дѣйствовать. Такъ же и то должны мы уступить, что не невозможно, но еще съ нѣкоторою вѣроятностію заключительно, что могутъ быть, а можетъ быть и самою вещію есть еще другія невещественныя и духовныя существа, отъ вышеоказанныхъ во многомъ отличныя, которыя премногими древними названы *разумностями* и духами, а новѣйшими почти всѣми именованы Ангелы и на добрыхъ и злыхъ раздѣлены. Но что о ихъ дѣйствіяхъ и разныхъ произведеніяхъ какъ древніе повѣствовали, такъ и нынѣ повѣствуютъ, все то основывается на одномъ только преданіи.

V. Res sensibus nostris *obuiae corpora* et res corporeae dicuntur. Quodsi a forma vero eorumdem determinata, cum externa, cum internamentem .... (anocemus) materia id, quod cogitamus, generatim vocatur. Sola ergo cogitatione corpus et materia differunt, sed utriusque tum corporis, tum etiam materiae omnis *essentiam* nos ignoramus. *Affectiones* tamen quasdam in corporibus omnibus deprehendimus, *soliditatem* nempe seu *impenetrabilitatem*, extensionem, diuitibilitatem, mobilitatem et gravitatem.

V. Вещи чувствамъ нашимъ . . . (. . . . ются) тѣлами или вещами тѣлесными. Когда мы объ нихъ разсуждаемъ, не смотря на ихъ извѣстную форму, какъ внутреннюю, такъ и внѣшнюю, тогда то, что помышляемъ, вообще матерія называется. Слѣдовательно тѣло и матерія разнствуютъ однимъ только помышленіемъ. Но какъ тѣла, такъ и всей матеріи сущности мы незнаемъ; однако нѣкоторыя принадлежности во всѣхъ тѣлахъ усматриваемъ, а именно: плотность или непроницательность, протяженіе, дѣлимость и тяжелость.

VI. Corpora hoc universum . . . (constituentia) in totalia et partiana *dispesci* vulgo solent. Inter totalia numeratur etiam *globus noster terraqueus*, qui tamen non ad sphaerae, sed ad sphaeroidis complanati naturam (p..pius) accedit. Num vero eandem *super*. . . ., qualem hodie obseruamus, a prima rerum omnium *origine...ita* semper habuerit? an

VI. Тѣла, сію вселенную составляющія, раздѣляются на цѣлыя и частныя. Между цѣлыми почитается и шарь нашъ земной, который не совсѣмъ круглую, но подъ полюсами нѣсколько сплюснутую фигуру имѣетъ. Но такая же ли его поверхность, какую мы нынѣ находимъ, всегда была съ самаго начала свѣта? или послѣ такою сдѣлалася, по какому

вносятъ въ богословскую науку совершенно новые вопросы,

postea demum, quaecunque etiam eius rei caussa *fuerit, sit exorta?* difficillimae haec res est *disquisitionis nullaque* rationum, quae varii eruditi *excogitarunt*, phaenomenis, hic *occurrentibus*, explicandis adhuc sufficit.

VII. Philosophia practica eo *compacata* esse debet, ut actiones nostras ad veram nostram felicitatem *dirigere* nos doceat; felicitatem autem nostram in eo *collocare* merito possimus, ut ratione animi, corporis *et status nostri, bene nobis sit.* Hinc... est totius philosophiae practicae in Ethicam, Jurisprudentiam naturalem, et Politicam diuisio. Ethica felicitatem nostram *intrinsecam*, Jurisprudentia vero naturalis *extrinsecam* potissimum respicit, ad Politicam vero solas prudentiae regulas *hodie* merito referimus, quibus et decori, cum naturalis, quod vocant, tum ciuilis, regulae... (imi...i)..recte possunt.

VIII. Actionum humanarum *moralitas* intrinseca nullo modo admitti potest; quoniam omnis illa a lege pendeat; legum autem .... alium cognitio a cognitione voluntatis diuinae suspendatur.

IX. Leges naturales sunt, quae omnes homines obligant. Obligant vero illae nos proprie ad nosmet ipsos conseruandos (felicitatem) que nostram promovendam, et ad alterum quemcunque non laedendum modo, sed... *etiam* suum *cui*que tribuendum.

бы то случаю ни было? Сіе узнать весьма трудно, и какія тому причины ученые люди ни повыдумали, всѣ они еще не довольны къ истолкованію находящихся тутъ явленій.

VII. Философія нравоучительная должна состоять въ томъ, чтобъ научала насъ, какъ управлять свои дѣйствія къ истинному нашему благополучію. Благополучіе же наше можемъ по справедливости въ томъ поставлять, естьли и душа наша, и тѣло, и внѣшнія всѣ принадлежности въ хорошемъ находятся состояніи. Отсюду произошло раздѣленіе всей философіи практической на *нравоноправленіе*, право естественное и правила похожденія. *Нравоноправленіе* относится ко *внутреннему*, а право естественное ко *внѣшнему* нашему щастію. Къ политикѣ же принадлежатъ одни только правила благоразумія, съ которыми можно совокупить и правила благопристойности, какъ естественной, такъ и гражданской.

VIII. Чтобъ дѣйствія человѣческія были сами въ себѣ или хороши, или худы, сего допустить никакъ не можно, потому что вся ихъ доброта или худость зависитъ отъ закона; законовъ же естественныхъ познаніе зависитъ отъ воли божеской.

IX. Естественные законы суть тѣ, которые всѣхъ людей обязываютъ. Обязываютъ же они насъ собственно къ сохраненію насъ самихъ, къ распространенію нашего счастія, и въ тому, чтобы другихъ мы не только не обижали, но и каждому бы свое право отдавали.

Has positiones.

defendent:

1. Michael Humileuski.
2. Basilius Sumski.
3. Demetrius Ulianinski.

oppugnabunt:

1. Gregorius Baschzenoff.
2. Alexius Dobroff.
3. Alexius Sacharoff.

Печатаны при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.

вызывавшіеся современнымъ Дамаскину положеніемъ богословія въ западно-европейскихъ университетахъ [1]).

[1]) а) *Тезисы для богословскаго диспута, предложенные Дамаскинымъ въ іюль 1779 года.*

I. Sacramentum in genere definiri potest per sacram et solemnem actionem, divinitus institutam, qua Deus, interveniente hominis legitime vocati ministerio, sub visibili et externo, cum verbo institutionis conjuncto, rem coelestem seu bona coelestia exhibet et dispensat ad afferendam singulis utentibus et applicandam atque obsignandam vere credentibus gratiam suam peculiarem.

II. Veteris quidem testamenti Sacramenta proorie dicta a plerisque theologis censentur fuisse duo, *circumcisio* nempe et *agnus paschalis*; quamvis et alii ritus sacri quamplurimi e numero sacramentorum improprie dictorum non excludantur. Quod vero sint N. T. Sacramenta, a nullo antiquioris ecclesiae doctore, nondum exorta hac de re controversia, ad seculum usque secundum et decimum, fuisse praecise definitum, omnia ecclesiasticorum doctorum scripta dubitare nos non sinunt. Seculo autem XII cum, post Hugonem à S. Victore, sententiarum Magister Petrus Lombardus definiverit, septem tantum esse. N.T. Sacramenta: tum inter scholasticos doctores vario modo de numero Sacramentorum disputatum fuisse constat.

III. Quoniam vero in graeca universaque orientali ecclesia nullas unquam de numero sacramentorum motas fuisse lites, ritusque illos, quos modo Graeci μυστηρια seu sacramenta vocant, semper cum peculiari quadam reverentia observatos, a posterioribusque ecclesiae doctoribus nomine sacramentorum insignitos fuisse, ex certissimis historiae ecclesiasticae monumentis scimus: ideo a puriori graeca ecclesia dissentire, religioni nobis ducimus; adeoque septem tantum N. T. sacramenta cum ea numeramus; quorum quaedam praecipua atque insigniora, veluti baptismum et sacram coenam, esse, reliqua vero, chrisma nimirum et poenitentiam, usum communem habere, ordinationem autem ministrorum, conjugium, et sacrum oleum, non omnes obligare, cum quibusdam graecae ecclesiae doctoribus profitemur.

IV. Baptismum quidem non solum adultis, sed etiam infantibus, eumque rectius et cum antiquiori ecclesia convenientius trina immersione, quam aspersione aut ablutione. conferri debere adserimus: sacram vero coenam, more totius veteris ecclesiae, non in panc azymo, sed fermentato, neque sub una, sed utraque specie administrari debere, subque specie panis verum Christi pro nobis crucifici corpus, et sub specie vini verum ejusdem sanguinem, pro nobis effusum, exhiberi, nulli dubitamus.

V. Ecclesia est coetus hominum, per praedicationem verbi et administrationem sacramentorum ex mundo ad regnum Dei vocatorum et congregatorum, in quo coetu sunt electi juxta praenotionem Patris, vere scilicet ac

До учрежденія духовнаго цензурнаго комитета въ 1790 году, труды по цензурѣ книгъ были возлагаемы преимущественно

perseveranter in Christum credentes, quibus mixti sunt non sancti, sed tamen eandem doctrinam profitentes. Ex quo patet, ecclesiam dividi posse 1) in *visibilem* et *invisibilem*, 2) *militantem* et *triumphantem*, 3) *orthodoxam* et *heterodoxam* etc. Orthodoxam vero ab heterodoxa dignosci adscrimus per puram rectamque doctrinae coelestis professionem et legitimam sacramentorum administrationem.

VI. Non tam ratione, quam sacris potius litteris docemur, fore finem hujus mundi physici seu sistematis corporum; quem quidem antecessuram esse mortuorum resurrectionem et judicium universale, consequuturam vero beatitatem sanctorum et cruciatum impiorum; utrumque autem istum statum in aeternum duraturum, clarissima Dei oracula nobis persuadent.

б) Veritates Theologicae
in
academia slaveno-graeco-latina mosquensi
ab objectionibus adversariorum
publice defensae anno 1780 julii[1]) die,
quas
eminentissimo Domino
Platoni,
sacrosanctae synodi russicae
membro,
diaeceseos mosqvensis et Kalucensis
illustrissimo Archiepiscopo,
nec non
lauree sanctissimae trinitatis sanctique Sergii
Hiero-Archimandritae,
ut pote
mosqvensis academiae
directori et protectori optimo
consecratas esse voluit
ejusdem academiae rector et theologiae professor
archimandrita Damascenus.

I.

Theologiae nomine generatim eam intelligimus scientiam, quae rationem

Богословскія истины,
въ
Моск. славяно-греко-латинской Академіи
отъ противуположеній
въ общемъ собраніи защищенныя
1780 года іюля [1]) дня
и
Его Высокопреосвященству,
Святѣйшаго правительств. синода
Члену,
великому господину
Преосвященнѣйшему
Платону
Архіеп. Московскому и Калужскому
и
Святотроицкія Сергіевы Лавры
священно архимандриту,
яко
полному дэректору и протектору
Московской академіи,
посвященныя отъ
тоя жъ Академіи ректора и богословіи профессора Архимандрита Іамаскина.

I.

Подъ именемъ богословіи вообще разумѣемъ ту науку, въ которой изъясняется всякое, каково бъ ни

[1]) Въ подлинникѣ числа цѣтъ.

на ректора и префекта академіи. Рукописи сочиненій духов-

cultus divini, quicunque ille fit, exponit. Pro diversitate vero illius cultus, circa quem explicandum versatur, diversis nominibus insignitur. Alia enim est judaica, alia Christiana, alia Mahomedana. Tot cum sint in orbe terrarum universo religiones principales: tot ergo solum theologiae species, quo ad diversitatem religionum, dari possunt. Ratione autem principiorum, quibus innititur, est vel *naturalis*, quae solam rationem, vel *reuelata*, quae quampiam revelationem pro fundamento habet. Ex omnibus vero reuelationibus, quotquot sunt, aut esse possunt, unam tantum debere esse veram, reliquas autem spurias, ex unitate Dei patet. Veram autem non aliam esse, nisi christianam, luculentissimis argumentis persuademur.

II.

Theologiae reuelatae, et quidem christianae, principium, cui veritates ejus superstrui debeant, solos esse tum veteris tum novi foederis libros, eosque tantum canonicos, cognoscimus. Canonicorum autem librorum auctoritas *normativa* et *imperativa*; itemque *judicialis* unice pendet ab illorum Theopneustica, atque adeo autopistia et perfectionibus, ipsaque adeo Dei veracitate ac imperio summo: ecclesia autem vetus testis tantummodo est, hos, non alios libros, in Canonem fuisse receptos. Quare traditionibus aut spuriis revelationi bus nihil quidquam ad decidendas

было, богопочитаніе. По разности же богопочитанія, во изъясненіи котораго она упражняется, разныя пріемлетъ наименованія. Для того иная богословія есть іудейская, иная языческая [1]), иная христіанская, иная магомеданская. А поелику столько есть во всемъ свѣтѣ главныхъ богопочитаній: то столько же и видовъ богословія, въ разсужденіи разности богопочитаній, быть можетъ. Но въ разсужденіи основаній, на которыхъ утверждается, есть или *естественная*, или *откровенная*. Первая основывается на одномъ разсудкѣ, вторая на какомъ — ни есть откровеніи. Изъ всѣхъ же откровеній, какія ни есть, или быть могутъ, одно только должно быть истинное, а прочія всѣ ложныя, какъ то явно изъ единства Божія. Изъ яснѣйшихъ же доказательствъ увѣряемся, что не иное откровеніе, какъ только христіанское, есть истинное.

II.

Мы будучи христіанскаго богопочитанія, за основаніе, на коемъ истины откровенной богословія утверждаться должны, признаемъ одни только книги Ветхаго и Новаго Завѣта, и то правильныя. Правильныхъ же книгъ важность какъ *правилообразная* и *убѣдительная*, такъ и *рѣшительная*, единственно зависитъ отъ ихъ вдохновенія отъ Бога, а потому и отъ вѣроятности ихъ самихъ, и отъ совершенствъ ихъ: слѣдовательно отъ самой Божіей справедливости и высочайшей власти: Церковь же древняя есть только свидѣтель, что сіи, а не другія кни-

[1]) Въ латинскомъ текстѣ нѣтъ слова, соотвѣтствующаго русскому: „*языческая*“.

наго содержанія предварительно были представляемы авторами

controversias theologicas facultatisque tribui potest.

ги, въ числѣ правильныхъ были тогда приняты. Почему преданія и подложныя откровенія въ рѣшеніи богословскихъ споровъ никакой силы или уваженія имѣть не могутъ.

III.

Veritates, libris veteris et novi testamenti canonicis comprehensae, duplicis sunt generis. Aliae enim non nisi ex sola revelatione propiori cognosci, atque adeo etiam una ex evidentia testimonii illius demonstrari possunt ac debent; alia vero ex principiis etiam rationis et cognosci et confirmari possunt. Illae dicuntur *articuli puri*; hae autem *articuli* . . . (mixti). Ex quo . . . . (patet), s. codicem ea etiam tradere, quae propria sunt theologiae naturali. Theologiae autem naturalis haec. . . . (praecipua videntur esse capita:) 1)[1]) Deum esse; 2) Eum condidisse hunc mundum, mundique totius, atque adeo etiam rerum humanarum curam gerere; 3) inter virtutes et vitia magnum esse discrimen; 4) vitam aliam post mortem, in qua justam mercedem bene vel male factorum unusquisque accipiet, esse expectandam; adeoque 5) animam humanam esse immortalem.

III.

Истины, въ правильныхъ Ветхаго и Новаго Завѣта книгахъ содержимыя, суть двоякія. Одни могуть и должны познаваемы быть изъ одного только непосредственнаго откровенія; почему и доказываются одною только достовѣрностью свидѣтельства онаго откровенія; а другія и по основаніямъ здраваго разсудка познаны и утверждены быть могуть. Первыя называются *безпримѣсными членами*; а другія *смѣшенными*. Изъ чего видно, что въ священномъ писаніи преподаются и тѣ истины, кои естественной богословіи свойственны. Естественной же богословіи самопервѣйшими кажутся быть слѣдующія положенія: 1) что Богъ всенепремѣнно есть; 2) что міръ сей Имъ созданъ, и какъ о всемъ мірѣ, такъ и о людѣхъ попеченіе имѣетъ; 3) между добродѣтелями и пороками великое есть различіе; 4) что послѣ смерти ожидать надобно другой жизни, въ которой каждой человѣкъ за добрыя дѣла награжденіе получитъ; слѣдовательно 5) душа человѣческая есть безсмертна.

Veritates defendebant | Demetrius Areopagitski
Petrus Aniczkow.
Theodorus Hastinski.

Oppugnabant | Stephanus Veniaminow.
Stephanus Winogradow.
Thimotheus Peczenew.

[1]) Отсюда и до конца латинскіе тезисы напечатаны въ „Russeisch Bibliothek.“ *Баклейстера*, перв. часть VI тома; стр. 573.

или переводчиками въ св. Синодъ, который препровождалъ оныя въ академію. Московскіе сочиненія и переводы, содержавшіе въ себѣ ученіе богословское, указомъ св. Синода отъ 18 дек. 1779 г., предписано представлять въ московскую Синодальную контору, которая поручала разсматривать ихъ и аппробовать для печатанія ректору и префекту академіи [1]). 13 апрѣля 1780 года Дамаскиномъ полученъ былъ (на имя его и префекта академіи) указъ изъ Синодальной Конторы, касательно цензуры книгъ, въ которыхъ упоминаются какія-либо богословскія „до вѣры и закону христіанскаго принадлежащія разсужденія“ [2]). Въ 1781 г. Дамаскину было поручено изъ Конторы прежде печатанія разсматривать періодическій журналъ, подъ именемъ Московскаго, издававшійся поручикомъ Новиковымъ [3]). Въ силу перваго указа Дамаскиномъ были цензированы слѣдующія книги, напечатаныя въ университетской типографіи Новикова: Посланіе къ Коринѳянамъ, Климента папы Римскаго. 1781; Фотіево посланіе къ кн. Болгарскому. 1779; Блаженнаго Августина о градѣ Божіи, 4 части [4]).

Со временемъ службы Дамаскина въ академіи связана другая сторона его дѣятельности, на которой нельзя не остановиться подробнѣе: это участіе его въ трудахъ Вольнаго Россійскаго Собранія, учрежденнаго при московскомъ университетѣ, весьма извѣстнаго въ свое время литературнаго общества.

Литературныя общества стали распространяться у насъ со второй половины прошедшаго столѣтія, а именно со времени Екатерины II. При недостаточности образовательныхъ учрежденій, при слабости самой литературы, въ средѣ обра-

---

[1]) *С. Смирновъ*, Ист. моск. акад., стр. 323.

[2]) Вѣдом. объ учител. и ученик. моск. сл.-гр.-лат. акад. въ „Дѣлахъ 1780 г.“.

[3]) *Арх. моск. син. конт.* Дѣло 4 іюля 1781 г. (Ж. 185).

[4]) *М. Лонгиновъ*, Новик. и моск. мартинисты; прилож. стр. 26, 29, 31.

зованныхъ людей стало распространяться это ревностное стремленіе къ общенію, къ соединенію разрозненныхъ силъ, ко взаимной поддержкѣ: это былъ явный признакъ развивающейся потребности въ просвѣщеніи, признакъ сознанія необходимости поднять литературу, расширить ея содержаніе, образовать языкъ, который слишкомъ часто оказывался явно недостаточнымъ для выраженія понятій, приходившихъ изъ иноземныхъ литературъ [1]). Когда, между прочимъ, подъ вліяніемъ просвѣтительныхъ идей самой Екатерины II въ первые годы ея царствованія, у людей, болѣе или менѣе образованныхъ, стала ясно сказываться потребность служить образовательнымъ интересамъ общественной массы и слѣдовательно заботиться о литературѣ, то стали появляться въ Москвѣ и Петербургѣ, а затѣмъ даже и въ провинціи, кружки любителей, превращавшіеся потомъ въ формальныя „общества". Многія изъ нихъ пріобрѣли въ свое время большую извѣстность и играли важную роль въ развитіи литературы [1]). Къ такимъ обществамъ по справедливости должно отнести и Вольное Россійское собраніе при московскомъ университетѣ.

Исторія этого собранія тѣсно связана съ исторіей московскаго университета. Своимъ существованіемъ общество обязано директору университета И. И. Мелиссино, „имя котораго,—какъ выражается одинъ авторъ,—принадлежитъ къ числу достопамятныхъ и драгоцѣнныхъ именъ для Москвы и ея университета" [3]). Слабый зародышъ мысли, осуществившейся учрежденіемъ Вольнаго Россійскаго собранія, мы находимъ еще въ 1757 году, когда Мелиссино, желая оживить при универ-

[1]) *А. Н. Пыпинъ*, Новые матеріалы по исторіи литературы. Вѣстн. Евр. 1891 г., № 6; стр. 693—694.

[2]) Ibid., стр. 695.

[3]) Ист. моск. унив. М., 1853, стр. 29. Совсѣмъ не таково имя Мелиссино, какъ оберъ-прокурора св. Синода, коимъ онъ былъ съ 1763 до 1768 г. См. А. *Надежина*, Митр. моск. Платонъ Левшинъ, какъ проповѣдникъ. Казань, 1883, стр. 44—45.

ситетѣ литературную дѣятельность, задумалъ основать общество и даже открылъ у себя первое засѣданіе его, въ ноябрѣ этого года, въ день рожденія и именинъ И. И. Шувалова, при многочисленныхъ посѣтителяхъ: Херасковъ читалъ стихи, проф. Рейхель—рѣчь о благодѣяніяхъ куратора (Шувалова) университету, Поповскій—русскую оду, и пр. [1]). Но только въ 1771 году, т. е. когда Мелиссино вступилъ въ должность куратора московскаго университета, его любимая мысль объ основаніи литературнаго и ученаго общества при университетѣ могла быть исполнена. Теперь съ этимъ дѣломъ новый кураторъ уже не медлилъ. Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ 7 іюня 1771 года было напечатано и особо роздано „объявленіе любителямъ Россійскаго языка“, въ которомъ говорилось, что „Императорскій московскій университетъ, почитая распространеніе наукъ между прочимъ за главный предметъ и за дѣло не меньше благоугодное Ея Императорскому Величеству, Августѣйшей Россійскихъ музъ покровительницѣ, какъ и полезное всему отечеству, вознамѣрился *для исправленія и обогащенія Россійскаго языка*, чрезъ изданіе полезныхъ, а особливо къ наставленію юношества потребныхъ сочиненій и переводовъ, стихами и прозою, учредить въ Москвѣ *Вольное Россійское собраніе*“ [2]). Члены могли быть присутствующими и отсутствующими. Источниками для трудовъ и изданій указаны во первыхъ—все обширное владѣніе Россійское съ своими разнообразными народами и климатами, во вторыхъ—общественныя и частныя хранилища книгъ и рукописей,—въ третьихъ—судебные архивы, въ которыхъ „скрывается старинное утвержденіе правъ Россійскихъ“; „исправленіе же и совершеніе Россійскаго языка имѣетъ составлять особливый предметъ сего собранія, а сочиненіе правильнаго Россійскаго словаря по азбукѣ будетъ

[1]) Ист. моск. унив., стр. 52.

[2]) Опытъ трудовъ Вольн. Рос. собр. Часть I. М., 1774; стр. 2 и слѣд.

первый присутствующихъ трудъ“ [1]). Такимъ образомъ Вольное Россійское собраніе взяло на себя въ Москвѣ такую же задачу, какую въ Петербургѣ выполняла потомъ Россійская академія. Объ оффиціальномъ характерѣ новаго учрежденія свидѣтельствуетъ то, что въ томъ же 1771 году былъ разосланъ указъ о сообщеніи въ Вольное Россійское собраніе при московскомъ университетѣ „россійскихъ рукописныхъ лѣтописей и другихъ до россійской исторіи касающихся рѣдкихъ извѣстій въ точныхъ спискахъ или подлинникѣ“ [2]). Побудителемъ къ учрежденію Вольнаго Россійскаго собранія названъ кураторъ И. И. Мелиссино, споспѣшникомъ его въ этомъ дѣлѣ—директоръ университета М. В. Приклонскій Университетская библіотека открыта была всѣмъ членамъ собранія. Въ заключеніе университетъ приглашалъ „всѣхъ любителей наукъ, а особливо Россійскаго слова, желающихъ вступить въ сіе собраніе членами, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ заблаговременно объявить директору университета и присылать свои сочиненія и переводы. Первое засѣданіе собранія, „для установленія порядка и расположенія трудовъ его“, предположено было 2-го августа въ 3 часа пополудни, въ университетскомъ домѣ, что у Воскресенскихъ воротъ, въ библіотекѣ [3]). Согласно предположенію, Собраніе и было открыто 2-го авг. 1771 г. рѣчью предсѣдателя Мелиссино, въ которой онъ говорилъ о пользѣ подобныхъ учрежденій у древнихъ и новыхъ народовъ и указалъ, сколь пространное поле открывается для трудовъ общества въ заботахъ объ исправленіи нашего природнаго языка. Предсѣдатель приглашалъ членовъ къ взаимному соревнованію въ

---

[1]) Ibid., стр. 3.

[2]) Одинъ изъ такихъ указовъ напечатанъ въ „*Костромской старинѣ*“ изд. костромскою учен. архивн. комис. Вып. II. Кострома, 1892; стр. 8 12. Ср. опытъ труд. В. Р. С. Ч. I, стр. 6.

[3]) Опытъ трудовъ В. Р. С., стр. 4.

критикѣ членскихъ произведеній, въ критикѣ благородной, не оскорбительной и только полезной совершенствованію языка [1]).

Но вскорѣ занятія собранія, начавшіяся весьма дѣятельно, были прерваны чумою, которая въ сентябрѣ и октябрѣ 1771 г. съ наибольшею силою свирѣпствовала въ столицѣ [2]). Засѣданія собранія могли быть возобновлены только 14 января 1772 года. Съ этого времени дѣятельность общества безостановочно продолжалась до учрежденія Россійской академіи въ Петербургѣ въ 1783 году. За время своего существованія общество издало 6 частей своихъ трудовъ подъ названіемъ „Опыта трудовъ Вольнаго Россійскаго собранія“ (М. 1774—1783), въ которыхъ находится не мало важныхъ матеріаловъ для исторіи и языка [3]). Въ составѣ членовъ Вольнаго Рос. собранія мы находимъ лучшихъ представителей тогдашней литературы и науки, каковы, напр., сверхъ почетныхъ членовъ и профессоровъ университета: княгиня Е. Р. Дашкова, М. И. Веревкинъ, Ф. И. Миллеръ, прот. И. А. Алексѣевъ [4]), П. И. Рычковъ, А. А. Нартовъ, Н. И. Новиковъ, В. Г. Рубанъ, Баккмейстеръ, Д. С. Аничковъ, С. Г. Зыбелинъ, Д. И. Фонвизинъ, Г. Р. Державинъ и мн. друг. [5]).

Цѣли и задачи общества, какъ вполнѣ согласовавшіяся

---

[1]) Ibid., стр. 1—16.

[2]) Ист. москов. унив., стр. 182—184.

[3]) Странное явленіе: историкъ москов. универс. (*Шевыревъ*, стр. 241) говоритъ, что В. Р. собр. „послѣ 14 лѣтняго существованія, въ 1787 г. совсѣмъ прекратилось“, а между тѣмъ 2-е изданіе „древней Рос. Вивліоѳики“ *1791 г.* имѣетъ въ заглавіи такую прибавку: „изданная Ник. Новиковымъ, *членомъ Вольнаго Рос. Собранія* при Импер. моск. унив.“ (см., напр., я. XVIII). Едва ли бы Новиковъ сталъ называть себя членомъ не существовавшаго уже общества. Скорѣе можно думать, что оффиціальнаго закрытія В. Р. Собранія не было въ 1781 г., а общество считалось существующимъ и въ слѣдующіе годы, хотя дѣятельность его ни въ чемъ не обнаруживалась и собранія его прекратились по старой же традиціи, считалось почетнымъ именоваться его членомъ

[4]) В. Р. Собр. издало его „церковный словарь“ въ 3 ч. М. 1773—1776.

[5]) Опытъ трудовъ В. Р. Собр. ч. первая, передъ оглавлен.

съ личными симпатіями Дамаскина, и побудили его посвятить приготовленное имъ въ 1778 году изданіе сочиненій Ломоносова членамъ Вольнаго Россійскаго собранія и чрезъ это войти съ ними въ болѣе тѣсныя отношенія[1]). Въ такомъ изданіи сочиненій нашего перваго писателя давно уже чувствовалась настоятельная потребность. Вспомнимъ, что еще въ $17^{70}/_{71}$ учебномъ академическомъ году сочиненія Ломоносова были уже предметомъ изученія въ университетѣ: проф. Барсовъ объяснялъ студентамъ оды и похвальныя слова Ломоносова[2]). Прочно установившееся значеніе писателя, его все возраставшая извѣстность и убѣжденіе Дамаскина въ великомъ значеніи Ломоносова, какъ стилиста, для современныхъ писателей и учащагося юношества,—все это естественно навело его на мысль дать русскому обществу достойное памяти замѣчательнаго человѣка изданіе его сочиненій и такимъ трудомъ какъ бы отъ всей академіи выразить дань уваженія и почтенія къ памяти ея бывшаго воспитанника. Кромѣ того, образъ великаго Ломоносова самъ по себѣ привлекалъ издателя...

Изданіе Дамаскина состоитъ изъ трехъ томовъ. Въ началѣ перваго тома, за краткимъ посвященіемъ изданія Вольному Россійскому собранію, слѣдуетъ пространное обращеніе къ членамъ, въ которомъ издатель объясняетъ причину своего выбора, и этимъ объясненіемъ характеризуетъ тогдашнія понятія о свойствахъ и требованіяхъ литературнаго языка. Въ виду такого интереса этого обращенія и значительной важности его для знакомства съ личными взглядами издателя, мы приведемъ его здѣсь вполнѣ.

---

[1]) Акад. *М. И. Сухомлиновъ*, кажется, напрасно считаетъ Дамаскина *членомъ* В. Р. С. (соч. М. В. Ломоносова. Т. I. Спб., 1891. Пред., стр. V): въ спискахъ членовъ этого собранія, прилагавшихся къ книжкамъ „опыта трудовъ", въ числѣ другихъ Дамаскинъ нигдѣ не названъ.

[2]) Ист. москов. унив., стр. 171.

Почтеннѣйшіе господа!

В. Р. собранія достойнѣйшіе члены!

Изъ вышедшихъ на свѣтъ стараніемъ вашимъ нѣсколькихъ частей опыта трудовъ В. Р. собранія, съ великимъ удовольствіемъ я усмотрѣлъ, что главное ваше намѣреніе состоитъ въ томъ, чтобы россійскій языкъ удобрить, обогатить и до самаго высочайшаго степени совершенства довести. Если что другое, то сіе ваше намѣреніе всякой похвалы достойно и предостойно; для того наипаче, что вы, посредствомъ онаго, воспрепятствуете природному нашему языку отъ неискусныхъ сочинителей и переводчиковъ быть испорчену; что положите ему твердые и извѣстные предѣлы, за которые никто выступать не долженъ будетъ; что сверхъ того еще единодушнымъ вашимъ признаніемъ и одобреніемъ введете въ него такія реченія и выраженія, которыхъ въ немъ еще нѣтъ, или, хотя и есть, но отъ однихъ въ такомъ, а отъ другихъ въ другомъ смыслѣ употребляются. Отчего природный языкъ предохранить коль нужно и для предбудущихъ потомковъ полезно, не знаетъ только тотъ, кому случившаяся какъ съ древними, такъ и съ новыми языками перемѣна неизвѣстна.

Я, имѣвъ счастіе быть въ чужихъ странахъ, какъ изустно отъ ученыхъ людей слыхалъ, такъ и изъ ихъ сочиненій о поправленіи природныхъ языковъ примѣтилъ, что ничто такъ къ достиженію того намѣренія, которое вы предпріяли, пособствовать не можетъ, какъ сообщеніе публикѣ такихъ книгъ, которыя бы искусными въ языкѣ природными писателями или сочинены были, или самымъ лучшимъ образомъ съ греческихъ и латинскихъ классическихъ авторовъ переведены. Первое больше служитъ къ исправному правописанію, произведенію и сочиненію словъ; второе главнѣйшимъ отъ всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ признано средствомъ къ обогащенію языка изобиліемъ хорошихъ мыслей и выраженій. Ежели кто о семъ еще усомнѣвается, тотъ пускай со вниманіемъ посмотритъ

на итальянцевъ, французовъ, англичанъ и нѣмцевъ, которыхъ всѣхъ языки въ нынѣшней только тысящѣ лѣтъ и въ грамматической приведены порядокъ, и вычищены, и обиліемъ словъ и выраженій снабдѣны. Но какимъ образомъ сіи народы довели свои языки до такого совершенства, въ какомъ мы ихъ нынѣ находимъ? Не инымъ, какъ только къ однимъ классическимъ греческимъ и латинскимъ писателямъ примѣняясь, сами собою что ни есть прозою или стихами на свѣтъ издавали, или тѣхъ же писателей сочиненія на свой природной языкъ, сколько возможно, ближе къ подлинникамъ и съ свойствомъ своего языка согласнѣе перекладывали: Ибо у всѣхъ сихъ народовъ съ того только времени появились хорошіе писатели, съ котораго многіе у нихъ, отъ природы остроумные, люди начали любить греческій и латинскій языкъ и на сихъ языкахъ читать самыхъ лучшихъ авторовъ, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы свои природные языки посредствомъ оныхъ поправить, выгладить, удобрить и обогатить. Отчего произошло и то, что такіе писатели сдѣлались на своихъ природныхъ языкахъ примѣрными и почти классическими авторами. Къ ихъ сочиненіямъ примѣняясь и другіе ихъ соотечественники стали писать лучше и исправнѣе, хотя сами не знали ни погречески, ни полатински. Вотъ самое лучшее средство къ удобренію природнаго языка.

Нашъ славенороссійскій языкъ имѣлъ тоже счастіе получить исправность свою, обиліе и важность прежде отъ греческаго, потомъ какъ отъ сего, такъ и латинскаго языка. До нынѣшняго осмагонадесять столѣтія переводимы и печатаемы были только греческія, до службы церковной принадлежащія книги, также Библія, житія святыхъ и славныхъ восточной церкви учителей сочиненія. Послѣ появились переводы и нѣкоторыхъ латинскихъ писателей. Посредствомъ оныхъ переводовъ вся почти пышность, великолѣпіе, изобиліе и важность греческаго церковнаго языка перешла въ нашъ языкъ. Но древнѣйшихъ, съ отмѣннымъ вкусомъ писавшихъ

авторовъ, какъ то Гомера, Пиндара, Исократа, Демосѳена изъ греческихъ; Цицерона, Ливія, Виргилія, Овидія изъ латинскихъ, красота и нѣжность не была ему еще сообщена. Что премудрая наша монархиня Великая Екатерина вторая, по отмѣнной своей прозорливости, примѣтя, благоволила опредѣлить довольную сумму денегъ въ награжденіе за переводы книгъ съ иностранныхъ языковъ, наипаче же съ греческаго и латинскаго [1]). Съ его времени вышло на свѣтъ и нынѣ выходитъ въ Россіи премного изрядныхъ книгъ, какъ съ нынѣшнихъ европейскихъ, такъ съ греческаго и латинскаго языка переведенныхъ.

Но сожалѣнія достойно, что премногіе изъ переводившихъ оныя книги или мало, или почти ничего не читали книгъ церковныхъ: что видно изъ страннаго ихъ правописанія и сочиненія словъ; а особливо что не примѣнялись къ тѣмъ нашимъ писателямъ, которые отъ всего просвѣщеннаго общества искуснѣйшими въ словѣ россійскомъ почитаются. Между такими писателями покойный Михайло Васильевичъ Ломоносовъ по справедливости первое занимаетъ мѣсто. Онъ какъ въ греческомъ и латинскомъ, такъ въ нѣкоторыхъ новѣйшихъ европейскихъ языкахъ довольно искусенъ будучи, а притомъ читавъ прилежно церковныя книги, съ греческаго языка переведенныя, такъ слово свое удобрилъ и обогатилъ, что не можно не почитать его примѣрнымъ авторомъ.

Чего ради, чтобы какъ переводчики и сочинители наши, такъ и обучающіеся въ школахъ юноши могли удобнѣе достать и для подражанія въ правописаніи и красотѣ слога всегда предъ очами имѣть самаго лучшаго россійскаго пи-

---

[1]) Разумѣется составившаяся при Академіи наукъ переводческая коммиссія, называемая „переводческимъ департаментомъ“. Сознавая важность и необходимость переводовъ для успѣховъ образованія и литературы, имп. Екатерина въ 1768 г. назначила выдавать ежегодно коммиссіи по пяти тысячъ руб. „изъ собственной шкатулки“. Коммиссія существовала 11 лѣтъ. Списокъ книгъ, напеч ею, см. въ ист. рос. акад. *М. И. Сухомлинова*. Вып. I; стр. 346—349.

сателя, предпріялъ я выдать на свѣтъ всѣ покойнаго Мих. Вас. Ломоносова сочиненія“ [1]).

За изложеннымъ посвященіемъ помѣщена „жизнь Михайлы Васильевича Ломоносова“, взятая, какъ сказано тамъ же въ примѣчаніи, изъ „Опыта историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ“ (Новикова), напечатаннаго въ Спб 1772 года [2]). Далѣе, за оглавленіемъ содержащихся въ семъ изданіи сочиненій во всѣхъ трехъ книгахъ, слѣдуетъ самый текстъ. Какъ замѣтилъ издатель еще въ посвященіи [3]), сюда вошли сочиненія Ломоносова „не въ цѣлыхъ книгахъ состоящія, которыя могутъ послѣ быть изданы; но небольшіе только его трудовъ опыты“, и притомъ въ такомъ видѣ, „какъ они прежде подъ его смотрѣніемъ въ разные годы напечатаны были“; въ примѣчаніяхъ подъ текстомъ указаны нѣкоторыя въ словахъ и выраженіяхъ отмѣны, сдѣланныя самимъ Ломоносовымъ во второмъ московскомъ изданіи его сочиненій (1757 г.). Стихотворенія размѣщены по тѣмъ же отдѣламъ, что и въ прежнихъ изданіяхъ: оды духовныя, оды торжественныя и похвальныя и надписи; но въ расположеніи пьесъ принятъ хронологическій порядокъ. Ученыя сочиненія напечатаны съ латинскимъ переводомъ. Первый томъ начинается статьею Ломоносова о пользѣ книгъ церковныхъ, что́ вполнѣ соотвѣтствуетъ взгляду издателя на значеніе славянскаго языка для русскаго. Въ концѣ второго тома приложены

---

[1]) Собраніе сочин. кн. I. Посвящ.; стр. 3—5.

[2]) Ясно, поэтому, что невѣрное свѣдѣніе въ *Москвитянинѣ* 1850 г. № I, отд. III, стр. I, которое потомъ повторялось и другими, что жизнеописаніе Ломоносова въ академическомъ изданіи его сочиненій написано Дамаскинымъ, могло быть высказано только тѣми, кто не видалъ изданія 1778 г. Ср. *П. Пекарскій*, ист. имп. ак. н. т. II; стр. 260. Заимствованіемъ изъ Новиковскаго словаря объясняется и то, что авторомъ надписи къ портрету Л-ва въ изданіи 1778 г. названъ Поповскій, тогда какъ самъ Новиковъ въ другомъ мѣстѣ словаря исправилъ это невѣрное извѣстіе и указалъ автора въ лицѣ гр. Шувалова. Ср. матеріалы для исторіи рус. литер. изд. *П. А. Ефремова*. 1867 г., стр. 121

[3]) Посвящ., стр. 5 и слѣд.

рисунки и чертежи къ помѣщенному передъ этимъ „описанію кометы 1744 года“. Таковъ внѣшній составъ изданія. Но обратимся къ посвященію.

Сентиментальное удивленіе къ древнимъ писателямъ, которое такъ характеризуетъ геттингенскій университетъ во время пребыванія въ немъ Семенова-Руднева, перенесено было этимъ послѣднимъ и на родину и какъ нельзя больше совпало здѣсь съ стремленіемъ лучшихъ представителей литературы нашей „удобрить, обогатить и до самаго высочайшаго степени совершенства довести“ русскій языкъ. Но Дамаскинъ является намъ здѣсь не только убѣжденнымъ приверженцемъ классицизма, въ лучшемъ значеніи этого слова, но и горячимъ сторонникомъ ломоносовскаго слога и идей Ломоносова о пользѣ книгъ церковныхъ для русскаго языка. Хотя нашъ издатель не желаетъ ограничивать источники „удобренія“ и „обогащенія“ русскаго языка только этими двумя областями, т. е. классическими писателями и церковными книгами, и, дѣлая, отчасти, уступку времени, видитъ также пользу для русскаго языка и въ переводахъ „изрядныхъ“ книгъ съ современныхъ европейскихъ языковъ; но „искуснѣйшими въ словѣ россійскомъ“ писателями признаетъ все таки только тѣхъ, которые, подобно Ломоносову, образовались на чтеніи греческихъ и латинскихъ писателей и церковныхъ книгъ.

Насъ не должно удивлять въ данномъ случаѣ то обстоятельство, что Дамаскинъ считаетъ существенно важнымъ въ сочиненіяхъ Ломоносова прежде всего *слогъ*, что слогу и вообще внѣшней сторонѣ произведеній онъ придаетъ, пожалуй, больше значенія, чѣмъ содержанію: это вполнѣ согласно было съ требованіями критики и вкусомъ тогдашняго времени; то же мы увидимъ у Дамаскина и въ изданіи проповѣдей митр. Платона. Черезъ десять съ небольшимъ лѣтъ послѣ выхода этого изданія сочиненій Ломоносова, когда Карамзинъ выступалъ съ своею реформой книжнаго языка, стиль нашего

перваго писателя показался ему „дикимъ, варварскимъ, вовсе несвойственнымъ нынѣшнему вѣку“ [1]); Дамаскинъ, хотя также практически знакомый съ новыми европейскими языками, но вращавшійся болѣе всего въ области ученой, никогда бы не могъ придти къ такому крайнему выводу о слогѣ Ломоносова, и если бы дожилъ до полемики Шишкова съ карамзинистами, то навѣрное принялъ бы сторону перваго; не такое образованіе онъ получилъ, чтобы могъ придти къ мысли о необходимости сближенія книжнаго языка съ разговорнымъ... Съ одной стороны вліяніе духовной школы, гдѣ „славенороссійскій“ языкъ былъ господствующимъ въ обученіи, съ другой—самостоятельныя занятія классиками и вліяніе людей серіозной науки привели Дамаскина къ тѣмъ мыслямъ, какія мы находимъ въ посвященіи, и конечно онъ былъ вполнѣ правъ, когда высказывалъ свое убѣжденіе въ необходимости для писателей знанія славянскаго языка. Нельзя не поставить въ заслугу Дамаскину того, что онъ не только видѣлъ въ русскомъ книжномъ языкѣ пышность, великолѣпіе, изобиліе и важность,—каковыя свойства, по его мнѣнію, перешли въ нашъ языкъ изъ греческаго церковнаго языка,—но и желалъ также, чтобы русскому языку сообщена была „красота и нѣжность“ языка греческихъ и латинскихъ писателей; отсюда не далеко уже и до того, что̀ послѣ Карамзинъ называлъ *пріятностію* слога (élégance). Во всякомъ случаѣ Дамаскинъ со своими взглядами на значеніе классическихъ писателей не остался одинокимъ среди современныхъ ему ученыхъ и литераторовъ: даже много позднѣе подобные же взгляды высказывались въ трудахъ А. Ѳ. Мерзлякова, извѣстнаго переводчика И. И. Мартынова, И. М. Муравьева—Апостола и наконецъ знаменитаго переводчика Иліады Н. И. Гнѣдича [2]).

---

[1]) *А. Галаховъ*, ист. рус. словесн. т. II. Спб., 1880, стр. 67.

[2]) Ibid., стр. 272—291.

Намъ нѣтъ нужды входить въ подробное разсмотрѣніе и оцѣнку изданія Дамаскина. Авторитетный критикъ и самый позднѣйшій издатель сочиненій Ломоносова—М. И. Сухомлиновъ говоритъ [1]), что „изданіе Дамаскина—безспорно самое замѣчательное изъ посмертныхъ изданій сочиненій Ломоносова. Научные пріемы выразились и въ расположеніи произведеній въ хронологическомъ порядкѣ, и въ приведеніи варіантовъ". Въ другомъ мѣстѣ [2]), тотъ же ученый, очевидно, готовъ признать справедливость замѣчанія Перевлѣсскаго [3]), что изданіе Дамаскина было бы самымъ лучшимъ изъ всѣхъ, если бы въ составъ его вошли письма Ломоносова. Въ особенное достоинство изданію Дамаскина ставили то, что въ немъ *впервые* напечатано разсужденіе Ломоносова о твердости и жидкости тѣлъ [4]), не вошедшее въ другія изданія. Странная участь постигла это произведеніе,—говоритъ Пекарскій,—его забыли внесть въ наиболѣе распространенныя изданія собраній сочиненій, такъ что оно было потомъ перепечатано только одинъ разъ въ изданіи 1778 года, приготовленномъ Дамаскинымъ, которое нынѣ составляетъ библіографическую рѣдкость. Неудивительно поэтому, что о разсужденіи Ломоносова касательно твердости и жидкости тѣлъ не встрѣчается упоминанія ни въ одномъ отзывѣ позднѣйшихъ русскихъ ученыхъ" [5]).

---

[1]) Сочин. М. В. Ломоносова съ объясн. прим. акад. *М. И. Сухомлинова* Т. I. Спб., 1891; Предисл., стр. V.

[2]) Истор. рос. акад. Вып. I, стр. 162.

[3]) Собраніе сочин. извѣстнѣйшихъ рус. писат. Вып. I. Избран соч. М. В. Ломоносова. *Изд. П. Перевлѣсскаго*. 1846; стр. LIII—LIV.

[4]) Meditationes de tolido et fluido, praelectae in academiae scientiarum petropolitanae conventu publico, d. VI sept. a. MDCCLX. T. III, стр. 575—592. Въ этомъ разсужденіи Ломоносовъ отвергаетъ существованіе притягательной силы, говоря, что ея не принималъ при жизни и самъ Ньютонъ, и что только по смерти своей онъ явился невольнымъ представителемъ этой силы вслѣдствіе излишняго усердія своихъ послѣдователей.

[5]) *П. Пекарскій*, ист. импер. акад. н. т. II; стр. 709—710; 927—928.

Трудъ Дамаскина, замѣченный въ свое время критикою [1]), не остался и безъ высшей награды: за него „отъ прещедрой десницы премудрыя монархини великія Екатерины вторыя (Дамаскинъ) получилъ въ награжденіе пять сотъ рублей“ [2]).

Особенная заботливость Дамаскина о ввѣренныхъ его попеченію, какъ ректора, питомцахъ московской академіи выразилась, между прочимъ, и въ томъ, что онъ обратилъ на пользу бѣдныхъ учениковъ академіи начатое имъ, съ дозволенія автора, въ 1780 году, изданіе проповѣдническихъ трудовъ и другихъ сочиненій Платона (Левшина), бывшаго въ то время архіепископомъ московскимъ и калужскимъ. Исполнителемъ этого дѣла Дамаскинъ явился въ соучастіи съ префектомъ академіи іеромонахомъ Амвросіемъ (Серебряковымъ, послѣ бывшимъ архіепископомъ екатеринославскимъ) [3]).

Изданіе посвящено импер. Екатеринѣ II. Въ обращеніи къ ней издатели указываютъ побужденія, заставившія ихъ посвятить изданіе высочайшему имени. Первымъ то, что проповѣдникъ, бывшій законоучителемъ наслѣдника престола вел. кн. Павла Петровича, не малую часть поученій своихъ имѣлъ счастіе проповѣдывать предъ лицемъ государыни: если они тогда благосклонно бывали выслушиваемы, то и теперь, по отпечатаніи, милостиво будутъ приняты,—надѣются издатели. Но и другія сочиненія арх. Платона или для ученія наслѣдника престола, или въ пользу русскаго народа изданы были; а потому также должны быть посвящены государынѣ, какъ „плодъ премудраго ея во всемъ проницанія и благоустроенія“. Сверхъ того,—разсуждаютъ далѣе издатели,—„какъ отъ солнца прочія всѣ зримыя вещи получаютъ свой

---

[1]) Russische Bibliothek, zur Kenntniss d. gegenwartigen Zustandes d. literatur in Russland, der v. *H. h. Chr. Bacmeister*. 1-я ч. VI-го тома Спб. 1779; стр. 334—338.

[2]) Древн. рос. Вивліоѳ. 1791. Часть XVIII; стр. 104—105. Ср. Russ. Bibl. стр. 338.

[3]) О немъ см. *Филарета*, обз. дух. литер. кн. 2. Изд. 3. Спб., 1884; стр. 360—361.

блескъ и сіяніе, такъ и отъ призрѣнія высочайшихъ особъ не токмо люди, но и самые ихъ труды и дѣянія заимствуютъ свое уваженіе". Поэтому для бо́льшаго, такъ сказать, блеска сихъ сочиненій (проповѣдей) и для болѣе благосклоннаго пріема ихъ среди читателей, необходимо вниманіе къ нимъ и къ труду издателей ея Императорскаго Величества, особенно если принять во вниманіе, что въ нихъ содержится наставленіе въ Законѣ Божіемъ, поправленіе нравовъ, предостереженіе отъ пороковъ, удержаніе отъ заблужденія и суевѣрій и показаніе истиннаго пути къ добродѣтели и къ блаженству—все такія истины, которыя особенно любезны государынѣ, что́ доказываютъ всѣ ея премудрыя учрежденія, ведущія людей къ благополучію. Наконецъ, извѣстная всѣмъ ревность государыни къ благочестію и истинному богопочитанію служитъ для издателей послѣднимъ побужденіемъ посвятить свой трудъ ея высочайшему имени; ибо сочиненія арх. Платона и показываютъ, въ чемъ состоитъ истинное богопочитаніе и какимъ образомъ можно сдѣлаться совершенно благочестивымъ. Такимъ образомъ, заключаютъ издатели, „въ сихъ сочиненіяхъ изливавшаяся струя, яко къ своему источнику, къ благочестивой душѣ вашей теченіе свое воспріяти долженствуетъ". Милостивое вниманіе государыни, говорятъ они, послужитъ для нихъ сильнѣйшимъ побужденіемъ къ предпріятію и другихъ трудовъ на пользу государства.

За этими посвятительными страницами слѣдуетъ „предисловіе къ благосклонному читателю отъ издателей". Въ немъ указаны три главнѣйшія причины, побудившія издателей къ печатанію всѣхъ трудовъ Платона. Первая—это заявленное многими желаніе видѣть всѣ сочиненія Платона изданными вмѣстѣ и „въ одномъ форматѣ", болѣе, конечно, существенная,—это польза сихъ сочиненій. Отдавая „справедливую честь" проповѣдямъ Симеона Полоцкаго, Кирилла Транквилліона. Ѳеофана Прокоповича, Гедеона Криновскаго,

Минятія, Палладія Рязанскаго и изданнымъ отъ св. Синода [1]), издатели замѣчаютъ: „что касается до чистоты слога, до сокращенности и точности мыслей, до удобопонятія и приноровленія къ настоящимъ времени, мѣста и лицъ обстоятельствамъ, то безъ пристрастія сказать можно, что сего автора (Платона) проповѣди въ семъ разсужденіи превосходятъ всѣ вышеобъявленныя, выключая изданныя отъ св. Синода: понеже въ семъ собраніи большая часть находится тѣмъ же авторомъ сочиненныя“ [2]). Наконецъ третья причина—желаніе издателей, съ согласія автора проповѣдей, на вырученныя деньги „доставить хотя небольшое пропитаніе обучающимся въ московской академіи бѣднымъ ученикамъ“.

Высказавъ, далѣе, желаніе, чтобы „въ читателяхъ укрѣплялась охота и любовь къ чтенію и сихъ преполезныхъ и въ своемъ родѣ отмѣнныхъ сочиненій“, издатели снова указываютъ на ихъ отличительное достоинство съ внѣшней стороны: соединеніе простоты и понятности россійскаго слога съ обиліемъ, важностію и красотою. Простота и красота слога сближаютъ Платона съ англійскимъ проповѣдникомъ Тилотсономъ и съ французскимъ Массиліёномъ, а „ближайшее къ натурѣ выраженіе мыслей“ дѣлаютъ его проповѣди сходными съ подобными произведеніями Шпальдинга [3]), и Сака, двухъ

---

[1]) Въ 1772 г. Екатерина II повелѣла Синоду составить сборникъ поученій на всѣ воскресные и праздничные дни въ году, чтобы по этому сборнику священники повсюду могли поучать народъ вѣрѣ и благочестію въ столицахъ, городахъ и селахъ. Надъ составленіемъ сборника трудились два лица: Гавріилъ Петровъ, и Платонъ Левшинъ. Сборникъ изд. въ Спб. въ 1775 г. Свято-отеч. христоматія. *М. А. Поторжинскаго.* Кіевъ, 1877; стр. 539—540.

[2]) Изъ 104 поученій, вошедшихъ въ сборникъ, 37 принадлежатъ Платону.

[3]) Шпальдингъ (1714—1803) былъ послѣдователемъ англійской теологіи переводчикомъ сочиненій Шафтсбери, краснорѣчивымъ проповѣдникомъ и писателемъ, умѣвшимъ очень удачно соединять самое искреннее благочестіе и самое тонкое нравственное чутье со здравомысліемъ, не допускавшимъ никакихъ мистическихъ и спекулятивныхъ увлеченій. *Гайма*, Гердеръ, его жизнь и пр., стр. 326.

славныхъ нѣмецкихъ нравоучителей [1]). Таковы основныя мысли предисловія.

Согласно объявленію отъ 23 окт. 1779 г., напечатанному въ приложеніи къ первому тому поучительныхъ словъ, все изданіе должно было состоять изъ 9 томовъ и выдти въ теченіе одного года. На самомъ дѣлѣ времени для печатанія потребовалось больше, но зато Дамаскинъ успѣлъ издать 12 томовъ поученій [2]), до 1782 года. Въ этомъ году въ маѣ мѣсяцѣ Дамаскинъ былъ пожалованъ епископомъ сѣвскимъ, викаріемъ московской епархіи [3]). Въ томъ же мѣсяцѣ онъ выѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ. Здѣсь, еще до посвященія въ санъ епископа, 29 іюня, въ день Петра и Павла и тезоименитства вел. кн. Павла Петровича, путешествовавшаго въ то время по Россіи, Дамаскинъ произнесъ слово въ придворной Петергофской церкви „о побужденіяхъ Апостоловъ слѣдовать за Христомъ“, въ присутствіи императрицы и знаменитыхъ сановниковъ. Посвященіе во епископа происходило 5 іюля 1782 года въ Троицкой пустыни, что по Петергофской дорогѣ, въ присутствіи Екатерины II и ихъ Высочествъ, и совершено было членами св. Синода, архіепископами Гавріиломъ (Петровымъ), Платономъ (Левшинымъ) и Иннокентіемъ (Нечаевымъ).

---

[1]) Поучит. слова. Ч. I. М., 1780. Посвящ. и предисловіе.

[2]) Древн. рос. Вивл. 1791. Ч. XVIII; стр. 105. Это изданіе продолжалось въ москов. академіи и по выходѣ изъ нея Дамаскина и составило 20 частей. Въ нѣкоторыхъ экз. 1-го тома (напр., въ томѣ, которымъ мы пользовались въ библіотекѣ моск. дух. акад. [1/1887]) приложено „краткое начертаніе жизни преосв Платона“; но зато въ нихъ нѣтъ посвященія отъ издателей.

[3]) *Арх. моск. синод. конт.* Дѣло 5 мая 1782 г. (Д. 129). Указъ Екатерины II о пожалованіи Дамаскина епископомъ сѣвскимъ объявленъ ему 6 мая 1782 г. въ собраніи Конторы св. Синода. Ставропигіальный Заиконоспасскій монастырь съ монашествующими впредь до указа св. Синода порученъ префекту академіи и москов. Крестовоздвиженскаго монастыря игумену Амвросію.

VII.

1782—1783.

Дамаскинъ—епископъ сѣвскій.

Учрежденіе сѣвской епархіи и ея первые архіереи.—Обстоятельства, вызвавшія устройство сѣвской семинаріи Амвросіемъ Подобѣдовымъ.—Состояніе сѣвской епархіи въ періодъ управленія Дамаскина.—Отношеніе Дамаскина къ епархіальнымъ дѣламъ.—Заботы о семинаріи и отношенія семинаріи къ Дамаскину; современныя свидѣтельства.—Участіе Дамаскина въ дѣлѣ о перенесеніи орловскаго Введенскаго монастыря въ гор. Брянскъ.

17 августа 1782 года Дамаскинъ рапортовалъ въ Московскую синодальную контору, что онъ 14 августа прибылъ въ гор. Сѣвскъ и въ правленіе дѣлъ вступилъ [1]).

Сѣвская епархія учреждена была въ 1764 году какъ

---

[1]) *Арх. Моск. Синод. Конт.*, № 129, л. 32. Когда сѣвской духовной консисторіи стало извѣстно о назначеніи въ епархію преосв. Дамаскина, въ ней состоялось (25 іюля 1782 г.) такое опредѣленіе: „Состоящимъ по тракту отъ Москвы до Сѣвска кромскому, орловскому и мценскому духовнымъ правленіямъ, такожъ орловскому и мценскому монастырямъ предписать: когда его преосвященство слѣдовать будетъ на епархію, тобы власти монастырскія съ братіею и священноцерковнослужители учинили его преосвященству достодолжную встрѣчу въ приличныхъ мѣстахъ во облаченіи со святымъ крестомъ и освященною водою и съ колокольнымъ въ тѣхъ церквахъ звономъ, и кто изъ священноцерковнослужителей имѣть будетъ къ его преосвященству надобность, подходили бы, по силѣ духовнаго регламента, въ чистой одеждѣ и обуви". *Арх. орл. дух. конс.* Дѣло 1782 г. мая 14, л. 26.

викаріатство московской епархіи [1]); но на первыхъ порахъ, вслѣдствіе отдаленности отъ Москвы и отчасти по смутнымъ обстоятельствамъ, которыя въ московской епархіи происходили, отношенія сѣвскаго архіерея въ московской епархіальной каѳедрѣ были очень слабы и только въ управленіе преосв. Платона (съ 1775 года) надлежащимъ образомъ упорядочены, что̀ выразилось въ томъ, что въ важныхъ случаяхъ сѣвскіе архіереи должны были испрашивать разрѣшенія отъ московскаго преосвященнаго, подчиняться его предписаніямъ и сноситься съ нимъ посредствомъ доношеній и рапортовъ [2]).

Сѣвскую каѳедру до преосв. Дамаскина послѣдовательно занимали три епископа: Тихонъ Якубовскій [3]) (съ 8 авг. 1764 г. до 17 дек. 1767 г.), Кириллъ Флоринскій [4]) (съ 13 янв. 1768 г. до 26 апр. 1778 г.) и Амвросій Подобѣдовъ. Послѣдній еще въ званіи ректора московской академіи былъ предмѣстникомъ Дамаскина [5]), а въ 1778 г. самой императрицей былъ избранъ на епископскую каѳедру въ Сѣвскѣ [6]). За кратковременное управленіе свое сѣвской епархіей онъ оставилъ по себѣ особенную память какъ основатель духовной семинаріи. Сѣвская епархія при ея учрежденіи была одною изъ обширнѣйшихъ въ то время (около 900 церквей), но была

---

[1]) Въ составъ ея входили сперва 9 городовъ съ уѣздами: Сѣвскъ, Брянскъ, Трубчевскъ, Карачевъ, Путивль, Рыльскъ, Бѣлополье (всѣ 7 отъ москов. епархіи), Орелъ и Кромы (отъ коломенской); въ 1775 г. перечисленъ былъ изъ москов. въ сѣвскую епархію г. Мценскъ, по дальности его разстоянія отъ Москвы. *Г. Пясецкій*, истор. очерки гор. Орла. Орелъ. 1874 г., стр. 136. Ист. Россійск. іерархіи, стр. 39.

[2]) *Н. Розанова*, Ист. моск. епарх. управл., ч. III, кн. I, стр. 38—39.

[3]) О немъ см. *Записки Г. Добрынина*. Спб. 1872, стр. 17.

[4]) О немъ см. Ibid., стр. 21 и слѣд.; ст. *А. В. Рачинскаго*, Рус. Стар. т. XV; стр. 454—458.

[5]) Амвросій былъ сдѣланъ ректоромъ акад въ 1774 г. *И. Чистовича* преосв. Амвросій, митр. новгор. и петербургскій. *Странникъ*. 1860 г. т. I, стр. 152.

[6]) Ibid., стр. 153.

удалена отъ столичныхъ городовъ, не имѣла у себя никакихъ духовныхъ школъ и отличалась крайнимъ невѣжествомъ духовенства, о которомъ свидѣтельствуютъ указы первыхъ сѣвскихъ архіереевъ. Какъ мало образованно было тогдашнее духовенство, видно, напр., изъ того, что когда къ преосв. Тихону Якубовскому явились однажды священники и были спрошены имъ о Законѣ Божіемъ, о членахъ вѣры и ея таинствахъ, то многіе изъ нихъ не дали никакого отвѣта „и извинялись тѣмъ, яко бы они на тотъ часъ не могли отвѣщать за приключившимся имъ тогда нѣкіимъ изумленіемъ и робостію“.[1] При испытаніи тѣмъ же преосвященнымъ вдовыхъ поповъ оказалось, что „не только тѣ, которые пять, шесть лѣтъ, но и которые двадцать и тридцать лѣтъ совершали службу, явились совершать Божественную литургію неумѣющими и въ самыхъ важныхъ реченіяхъ ошибающимися; напр., вмѣсто *преложивъ* говорили: *предложивъ* Духомъ твоимъ Святымъ, и по обыкновенію своему въ таковой погрѣшности едва могли пріобыкнуть къ одному правильному реченію; а одинъ вдовый попъ, священнодѣйствовавшій уже болѣе 30 лѣтъ, явился совсѣмъ службы Божіей совершать неумѣющимъ, кромѣ единыхъ возгласовъ“ [1]). Въ зависимости отъ этого грубы были и религіозныя понятія народа. Въ мартѣ 1770 года, въ гор. Кромахъ, лишь только преосвященный (Кириллъ Флоринскій) вступилъ въ соборную церковь, какъ „тотчасъ обратилъ свое вниманіе на рѣзную женскую статую, вырѣзанную въ ростъ немалорослой женщины и въ подобіе поселянокъ тамошняго уѣзда, которую кромскіе жители называли св. пятницею; онъ велѣлъ ее тогда же принять, обшить въ рогожку и поставить подъ колокольню за замокъ на вѣчныя времена. Народъ жалѣлъ о пятницѣ; проклиналъ архіерея“ [2]). Не много лучше было въ этомъ отношеніи состояніе сѣвской

[1]) *Арх. Орл. Дух. Конс.*

[2]) Записки Г. Добрынина, стр. 41.

епархіи и по вступленіи на нее Амвросія Подобѣдова; поэтому онъ немедленно же приступилъ къ осуществленію благой мысли объ учрежденіи семинаріи. Въ іюлѣ же 1778 г. имъ былъ представленъ объ этомъ докладъ въ св. Синодъ, и вскорѣ получено было разрѣшеніе учредить семинарію въ Сѣвскѣ, съ Высочайшимъ пожалованіемъ на нее, до генеральныхъ штатовъ, по двѣ тысячи рублей въ годъ. Хотя въ короткое время и нельзя было построить особыхъ зданій для семинаріи, но уже въ октябрѣ Амвросій доносилъ св. Синоду, что во вновь открытой сѣвской семинаріи съ 6-го октября началось ученье при 70 ученикахъ. Этимъ же іерархомъ и въ томъ же 1778 г. учреждено духовное училище въ Орловскомъ Успенскомъ монастырѣ, для четырехъ городовъ съ уѣздами: Орла, Мценска, Карачева и Кромъ, а въ 1779 году—училище въ Брянскѣ [1]). Такъ началась плодотворная дѣятельность Амвросія для сѣвской епархіи; къ сожалѣнію, она была кратковременна: Амвросій управлялъ здѣсь только до начала 1781 года, въ которомъ вызванъ былъ въ Москву для пособія архіеп. Платону въ управленіи епархіальными дѣлами, а вскорѣ за симъ, именно въ апрѣлѣ 1781 г. (съ 25 числа) вступилъ на каѳедру крутицкой епархіи [2]). За кратковременное управленіе сѣвской епархіей Амвросій не могъ искоренить всѣ тѣ недостатки, какіе вкрались въ духовенство въ управленіе о. Кирилла Флоринскаго. Поэтому, надо думать, Дамаскину досталось тяжелое наслѣдство и не легкая задача; ее тѣмъ труднѣе было выполнить, что самому Дамаскину пришлось управлять сѣвской епархіей всего только годъ и два мѣсяца. Немногія дѣла, сохранившіяся отъ того времени въ архивѣ орловской духовной консисторіи, даютъ нѣкоторую возможность составить приблизительное представленіе о со-

---

[1]) *И. Чистовичъ.* Преосв. Амвросій. *Странникъ* 1860 г., т. I, стр. 153—155.

[2]) Ibid., стр. 155.

стояніи сѣвской епархіи въ періодъ управленія Дамаскина и о характерѣ самаго управленія.

Прежде всего мы должны отмѣтить, что составъ сѣвской епархіи при Дамаскинѣ былъ гораздо обширнѣе предшествующихъ лѣтъ; въ нее входили слѣдующіе города съ округами: Сѣвскъ, Брянскъ, Орелъ, Кромы, Трубчевскъ, Карачевъ, Мценскъ, Дмитровскъ, Болховъ, Малоархангельскъ и Дешкинская округа (орловскаго намѣстничества); Дмитріевъ, Путивль, Рыльскъ, Льговъ и Судженская округа (курскаго намѣстничества); Бѣлополье и Недригайловская округа (харьковскаго намѣстничества); Жиздра съ округою (калужск. намѣстн.); Рославльская округа (смоленск. намѣстн.) и Чернская округа (тульскаго намѣстничества) [1]). О количествѣ православнаго населенія можетъ дать понятіе сводная таблица изъ отдѣльныхъ метрическихъ табелей, показывающая, что всего въ сѣвской епархіи, во всѣхъ принадлежащихъ къ ней мѣстахъ, въ 1783-мъ году, при 869 церквахъ, родившихся было 26448 обоего пола, бракомъ сочетавшихся 13334 лица и умершихъ 13496 обоего пола [2]). При такой численности населенія, разбросаннаго на громадномъ пространствѣ, не легко было архіерею слѣдить за состояніемъ своей епархіи; а неисправностей какъ въ церквахъ, такъ и въ жизни духовенства было не мало, и нужны бывали иногда строгія мѣры для водворенія порядка. Сохранившіяся донесенія „смотрителей церковнаго благочинія“ [3]) даютъ намъ возможность болѣе или менѣе судить о томъ и о другомъ. Изъ донесенія, напр., Карачевскаго Архангельскаго собора протоіерея Тимоѳея Конашевича преосв. Дамаскину объ оказавшемся при

---

[1]) Метрич. табели за 1783-й годъ, въ *арх. орл. дух. конс.*

[2]) Ibid.

[3]) 48-мъ пунктомъ благочиннической инструкціи требовалось, чтобы благочинные дважды въ годъ рапортовали о состояніи и поведеніи порученныхъ ихъ вѣдѣнію церквей.

осмотрѣ въ 1782 году подвѣдомыхъ ему церквей гор. Сѣвска и уѣзда, видно, что въ церквахъ было не мало неисправностей и ветхостей. Такъ, напр., онъ пишетъ: въ гор. Сѣвскѣ „церковь Казанской пресв. Богородицы стара, иконостасъ въ ней писанія весьма стариннаго. Близъ оной строится каменная, она начата отъ 1772 года, но и по сіе время только выше окошекъ взведена, и не уповательно, чтобъ скоро она совершена была, ибо и нынѣшнее все лѣто прошло безъ строенія, потому что ни кирпича, ни извести въ готовности и мало не имѣется. Притомъ же взведенныя теперь стѣны весьма ненадежны къ держанію высшей тяжести, для того что желѣза въ опыхъ ни мало не положено“ [1]). Во многихъ уѣздныхъ и сельскихъ церквахъ, по донесенію того же благочиннаго, ни мѣсячныхъ миней, ни устава церковнаго, ни требника большого не имѣется, не смотря на многократно сдѣланныя приказанія благочиннаго. Въ слободѣ Коростовкѣ священникъ, получивъ повѣстку объ имѣющемъ быть пріѣздѣ благочиннаго, уѣхалъ оттуда, почему благочинный ни отъ кого не могъ получить свѣдѣній о состояніи церкви [2]); то же бывало и въ другихъ селахъ [3]). Въ селѣ Орліи, по донесенію того же благочиннаго, „церковь старая, крыльца со всѣхъ сторонъ обветшали и полы въ опыхъ погнили; всѣ священно-и церковнослужители весьма не согласно живутъ и частыя ссоры и брани между ними происходятъ, а всему тому причиною бываютъ оба священника, изъ коихъ одинъ, Іаковъ, часто пьянствуетъ, чрезъ что ни дому исправнаго, ни экономіи порядочной не имѣется; а другой, Максимъ, вздорныхъ нравовъ. Копіи метрическихъ книгъ и исповѣдныхъ за 1780 и 1781 годы, въ консисторію ими поданныхъ, ни въ церкви, ни въ домѣхъ ихъ не оказались“ [4]). Въ другой церкви (села Саль-

[1]) *Арх. орл. дух. конс.* Дѣло 1783 г. іюня 7 дня, л. 2-й,
[2]) Ibid., л. 2 обор.
[3]) Ibid., л. 3 обор.
[4]) Ibid., л. 2 обор.

наго) „одежда престольная изъ бумажной выбойки, крайне ветхая; верхняя часть опой одежды изъ простой пестряди: напрестольное покрывало выбойчатое, бумажное, ветхое; на жертвенникѣ одежда изъ кусковъ разныхъ выбоекъ и кумача сшитая, ветхая; книгъ устава церковнаго, требника большого и миней мѣсячныхъ не имѣется; потиръ, дискосъ, звѣзда, лжица и тарелочки оловянные“ [1]). Сначала Дамаскинъ ограничивался приказаніемъ благочинному заботиться объ исправленіи оказавшихся ветхостей, но затѣмъ вынужденъ бывалъ полагать уже болѣе строгія резолюціи. На донесеніи другого благочиннаго, каѳедральнаго сѣвскаго протоіерея Алексѣя Адріанова, Дамаскинъ писалъ: „Ежели чрезъ полгода не исправятъ, то церковь будетъ запечатана“. За ложное показаніе, данное благочинному священникомъ одной церкви, послѣдовала такая резолюція: „оштрафовать священника двомя рублями на бѣдныхъ семинаристовъ“; или: „церковь запечатать дотолѣ, пока все поправятъ и нужное не купятъ“ [2]). Всѣ штрафныя деньги поступали по резолюціямъ Дамаскина, въ семинарію, на бѣдныхъ учениковъ.

Подобныя приведеннымъ явленія,—а ихъ было не мало въ то время,—конечно, не могли благотворно вліять на религіозно-нравственное состояніе паствы, и потому вызывали заботы преосвященнаго объ ихъ искорененіи. Особенною неблагонадежностію въ религіозно-нравственномъ отношеніи отличались города Орелъ, Рыльскъ и Льговъ, на что указывалъ и самъ Дамаскинъ въ рапортѣ св. Синоду (отъ 25 іюля 1783 г.) о состояніи и поведеніи своей епархіи [3]). За отсут-

[1]) Ibid., л. 3.

[2]) *Арх. орл. д. конс.* Дѣло 1783 г., № 69.

[3]) *Арх. орл. д. конс.* Дѣло 1783 г. іюня 19, л. 24. Благочинный надъ орловскими градскими церквами прот. Іоаннъ Роговскій, донося, что въ его округѣ все обстоитъ благополучно (за первую полов. 1783 г.), прибавляетъ: „кромѣ того, что записавшіеся изъ купцовъ и мѣщанъ градскіе жители въ расколъ, о которыхъ предс'авлено уже в. пр—ству, остаются въ своемъ заблужденіи безъ раскаянія и исправленія“. Ibid., л. 6.

ствіемъ достаточнаго числа данныхъ, въ настоящее время трудно сказать обо всѣхъ мѣрахъ и средствахъ, какія предпринимались Дамаскинымъ для поднятія духовенства на надлежащую высоту, соотвѣтствующую его призванію и положенію; но нѣкоторыя могутъ быть отмѣчены. Такъ, напр., въ 1783 г. Дамаскинъ писалъ сѣвской консисторіи: „Съ самаго вступленія нашего на сѣвскую епархію усмотрѣли мы, что епархіи нашей священно-и церковнослужители того, въ чемъ они опредѣленнымъ благочиннымъ отчетъ давать должны, не знаютъ, чрезъ что отъ благочинныхъ на нихъ, священнослужителей, многія послѣдовали представленія; а сіе происходило большею частію оттого, что въ церквахъ инструкцій благочинническихъ нѣтъ“. Поэтому Дамаскинъ распорядился напечатать въ московской типографіи и разослать по всѣмъ церквамъ своей епархіи 872 экз. инструкціи, а благочинные должны были „наикрѣпчайше“ подтвердить священно-и церковнослужителямъ, „дабы они тѣ инструкціи почитывали почасту и по онымъ поступали“ [1]). Признавая долгъ проповѣдничества важнѣйшимъ для священника, Дамаскинъ заботился также о распространеніи въ сѣвской епархіи сочиненій митр. Платона, и для этого, выписавъ ихъ на взятые изъ консисторіи 300 руб., или предлагалъ желающимъ лично, или разсылалъ въ число церковныхъ книгъ [2]). Будучи большимъ знатокомъ и любителемъ церковнаго пѣнія, Дамаскинъ заботился о благолѣпіи его и самъ всегда экзаменовалъ по пѣнію кандидатовъ на церковныя мѣста. Когда префектъ сѣвской семинаріи обратился къ Дамаскину за разрѣшеніемъ для покупки нотныхъ обиходовъ, онъ написалъ на докладѣ: „Какъ нотный обиходъ церковный нуженъ не только для семинаристовъ, но и для прочихъ училищъ, также и для всѣхъ священно-и церковнослужителей, то консисторіи потребовать

---

[1]) *Арх. орл. д. конс.* Дѣло 1783 г. іюня 22.

[2]) *Арх. орл. д. конс.* Дѣло 1783 г. іюня 26, о разсылкѣ въ дух. правленія соч. митр. Платона.

промеморіею изъ синодальной московской типографіи такъ называемаго „сокращеннаго обихода нотнаго пѣнія“, тамъ напечатаннаго въ 1778 году, до тысячи экземпляровъ или книгъ“ [1]). Не забыта была преосв. Дамаскинымъ и консисторія. Составъ присутствующихъ въ ней увеличенъ былъ третьимъ членомъ, „чтобы въ дѣлахъ консисторіи не было остановки“, ибо, сказано въ резолюціи, „два члена обязаны, сверхъ присутствованія въ консисторіи, должностями благочинія, которыя требуютъ отлучекъ“ [2]). Не менѣе важнымъ дѣломъ было пріобрѣтеніе „указныхъ“ книгъ, числомъ 11 (вышедшихъ съ 1730 по 1765 годъ), коихъ не было въ консисторіи, но въ которыхъ часто представлялась надобность при производствѣ разныхъ судныхъ и слѣдственныхъ дѣлъ, а особливо по сообщеніямъ коллегій, намѣстническихъ правленій и канцелярій и прочихъ судебныхъ мѣстъ. Дѣло это представляется тѣмъ болѣе заслуживающимъ вниманія, что предшественники Дамаскина—преосвященные Кириллъ и Амвросій—не сдѣлали для этого ровно ничего, хотя имъ и было докладываемо объ этомъ секретаремъ консисторіи еще въ 1775 году [3]).

Но особеннымъ предметомъ заботливости преосв. Дамаскина была духовная семинарія [4]). Онъ былъ того убѣж-

---

[1]) *Арх. орл. д. конс.* Дѣло 1783 г. іюня 19, о покупкѣ для семин. и прочихъ училищъ и для епархіи нотн. обиходовъ. Дамаскину, впрочемъ, не пришлось дождаться исполненія своей резолюціи, ибо дѣло о выпискѣ тянулось до половины 1785 года (Ibid., л. 65), причемъ ни въ семинарію, ни въ училища преосв. Феоктистомъ не приказано было посылать обиходовъ до взысканія всѣхъ денегъ за нихъ, а съ разсылкой книгъ въ церкви провозились до 1790 г. (Ibid., л. 83—84), и уже преосв. Аполлосъ въ іюлѣ 1791 г. потребовалъ объясненія отъ консисторіи, почему книги не были разосланы до того времени (л. 87).

[2]) *Арх. орл. д. конс.* Дѣло 1783 г. іюля 13, о бытіи сѣвскаго успенск. собора ключарю Іоанну Павлову въ консисторіи присутствующимъ.

[3]) *Арх. орл. д. конс.* Дѣло 1783 г. іюля 27, по докладу сѣвск. дух. конс. коллежск. секрет. Николая Даева о покупленіи въ консисторію законныхъ книгъ.

[4]) Въ семинаріи и училищахъ сѣвской епархіи при Дамаскинѣ обучалось до 1000 человѣкъ. *Арх. орл. д. конс.* Дѣло 1783 г. іюля 11, л. 5 об.: О учи-

денія, что только образованіе можетъ благодѣтельнѣе всего повліять на возвышеніе религіозно-нравственнаго состоянія и пастырей, и пасомыхъ. Забота о приготовленіи достойныхъ пастырей была, поэтому, особенно близка сердцу Дамаскина. Имѣющіяся у насъ крайне интересныя свидѣтельства того времени показываютъ, что ревностныя заботы Дамаскина о насажденіи духовнаго образованія во ввѣренной его попеченію семинаріи, личныя посѣщенія и чисто отеческія отношенія къ учащимся, въ связи съ ученостію самого преосвященнаго, вызывали въ сердцахъ благодарныхъ учениковъ чувства признательности къ архипастырю и побуждали превозносить его въ обычной тогда стихотворной формѣ [1]). Есть основаніе предполагать, что и въ Сѣвскѣ, какъ впослѣдствіи въ Нижнемъ Новгородѣ, Дамаскинъ любилъ устраивать въ стѣнахъ семинаріи публичныя торжества, для которыхъ семинаристы должны были готовить рѣчи и стихотворенія: таково, кажется, происхожденіе стихотвореній, посвященныхъ Дамаскину. Правда, одни изъ нихъ совершенно общаго характера и только изъ надписанія видно, что относятся къ Дамаскину, въ содержаніи же заключаютъ такія черты, которыя могутъ быть приложимы и къ другимъ архіереямъ, бывшимъ на сѣвской каѳедрѣ. Таково, напр., стихотвореніе „На приходъ преосвященнаго“, начинающееся словами:

Гряди, о пастырь нашъ, намъ Богомъ дарованный!
Гряди, златый нашъ Фебъ и свѣтъ дней лучезарный!

нения разсмотрѣнія о всѣхъ состоящихъ въ подушномъ окладѣ церковникахъ и ихъ дѣтяхъ по собраннымъ и нынѣшней ревизіи сказкамъ.

[1]) Намъ принадлежитъ одинъ рукописный сборникъ, конца прошлаго вѣка (119 листовъ in quarto, безъ конца); въ немъ, кромѣ извѣстныхъ уже въ печати стихотвореній русскихъ поэтовъ XVIII вѣка—Ломоносова, Сумарокова—и нѣсколькихъ словъ, находится не мало оригинальныхъ стихотвореній на разныя темы, сочиненныхъ сѣвскими семинаристами; между послѣдними интересны тѣ, въ коихъ прославляется Дамаскинъ.

Гряди, да дивно все твой свѣтъ здѣсь просвѣтитъ,
Сердца жъ всѣ радости исполнены явитъ [1]).

Но въ „Одѣ на Пасху Дамаскину“, хотя и написанной въ ложноклассическомъ духѣ, четвертая строфа заключаетъ въ себѣ обращеніе къ преосвященному, въ которомъ онъ называется „великимъ покровителемъ“ и „наукъ изящнѣйшимъ любителемъ“, каковымъ онъ и былъ во всю свою жизнь.

Уставъ природы намъ извѣстенъ;
Но днесь совсѣмъ противно зрю:
Вездѣ видъ предстоитъ прелестенъ
Я зрю веселія зарю.
Позволь, *великій покровитель*,
Наукъ изящнѣйшій любитель,
Позволь о семъ мнѣ пѣснь начать,
Да, подкрѣпленный я тобою,
Могу въ честь горнему герою
Благоуспѣшно ту скончать [2]).

Въ стихотвореніи „На случай посѣщенія преосвященнаго“, Дамаскинъ называется „отцомъ, ласкающимъ своихъ чадъ“, а его заботы и попеченіе о дѣтяхъ невольно располагаютъ къ нему сердца:

Питомецъ былъ бы твой неблагодаренъ тотъ,
Который, зря твое толико попеченье,
Не тщился бы принесть тебѣ въ награду плодъ,
Дражайшій плодъ, кой дастъ охотное ученье [3]).

Въ стихахъ „На Воскресеніе Христово“ также есть обращеніе къ Дамаскину въ слѣдующихъ словахъ:

Живи, о меценатъ, ко счастью всѣхъ ты насъ,

---

[1]) Сборн., стр. 1-я.
[2]) Ibid., стр. 4 об..
[3]) Сборникъ, стр. 17.

Цвѣти для общества, для церкви и закона:
Сей гласъ есть сѣвскаго питомцевъ Геликона“ [1]).

Но самую высшую степень превознесенія Дамаскина, какъ ревнителя просвѣщенія и ученаго, представляетъ слѣдующій мадригалъ:

Престань, о Грецiя! Умолкни, гордый Римъ!
Мы болѣе здѣсь зримъ.
Хотя и не Аѳины,
Однако и у насъ цвѣтутъ здѣсь Роски крины.
Сократъ и Демосѳенъ, Аристотель, Платонъ,
Здѣсь утверждали тронъ.
Ужъ славны Цицероны
Не намъ даютъ законы:
Всѣ ихъ душевные таланты здѣсь единъ
Имѣетъ Дамаскинъ [2]).

Мысли, подобныя изложеннымъ здѣсь, находятся и въ слѣдующей „эпиграммѣ“:

Брось гордость, Грецiя! Умолкни, гордый Римъ!
Мы нынѣ въ сихъ странахъ велика мужа зримъ.
Не дивенъ намъ Платонъ, не дивны Цицероны,
Не дивны такожде премудрые Солоны:
Имѣетъ пастырь нашъ таланты ихъ одинъ;
Счастливы въ жизни сей во вѣкъ мы будемъ имъ [3]).

Такою представлялась „питомцамъ сѣвскаго Геликона“ свѣтлая личность сѣвскаго преосвященнаго. Нѣсколько гиперболическій характеръ восхваленій, свойственный вообще стихотворству XVIII вѣка, не можетъ уменьшить ихъ настоящаго значенія.

Слѣдуетъ замѣтить еще, что Дамаскинъ не желалъ, что-

[1]) Ibid., стр. 35 об..
[2]) Ibid., стр. 38 об.
[3]) Ibid. стр. 62 об.

бы проучившіеся въ семинаріи на „казенномъ коштѣ“ ученики выходили изъ нея до окончанія курса въ „свѣтскую команду“ и чтобы потраченныя на ихъ содержаніе деньги пропадали даромъ. Такъ, напр., на прошеніи слушателя философіи Матвѣя Глѣбова объ увольненіи его „за рослыми лѣтами“ изъ семинаріи для поступленія въ штатскую службу, Дамаскинъ написалъ: „Какъ сей проситель слушалъ уже годъ философію и на казенномъ коштѣ, то долженъ потрудиться въ пользу здѣшней епархіи, почему и опредѣлить его въ кромское духовное правленіе для пріученія къ дѣламъ на первый случай копеистомъ“ [1]).

Въ заключеніе этой главы намъ остается сказать, что преосв. Дамаскинъ памятенъ въ исторіи гор. Орла и по тому живому участію, какое онъ проявилъ въ начавшемся еще до него дѣлѣ о перенесеніи Орловскаго Введенскаго женскаго монастыря въ гор. Брянскъ. Дѣло это представляется въ такомъ видѣ. Въ 1779 году гор. Орелъ былъ преобразованъ на степень губернскаго города, причемъ, по высочайше конфирмованному плану, главною его частью дѣлалась теперешняя третья часть за р. Орликомъ; въ ней всѣ дома предполагались каменные, лицомъ на улицу и съ каменными оградами, а старыя и не соотвѣтствовавшія достоинству губернскаго города зданія подлежали сломкѣ и снесенію въ другія части; дѣлать здѣсь какія-либо починки, а тѣмъ болѣе возобновлять ветхости строго воспрещалось. И такъ какъ Введенскій монастырь, за исключеніемъ своихъ церквей, былъ весь деревянный, „состоялъ внутри города и окруженъ обывательскими домами въ крайней тѣснотѣ“; то генералъ-губернаторъ

[1]) *Арх. Орл. д. конс.* Дѣло 1783 г. іюля 27, объ опредѣленіи М. Глѣбова. См. также дѣло того же года и числа объ опредѣленіи ученика Ив. Коробова „копеистомъ“. Отчасти такое же соображеніе, конечно, руководило Дамаскинымъ и тогда, когда онъ, позднѣе, отказалъ нѣкоторымъ нижегородскимъ семинаристамъ въ поступленіи въ московскій университетъ, о чемъ и писалъ митр. Платону.

кн. Н. В. Рѣпнинъ находилъ невозможнымъ оставить его на прежнемъ мѣстѣ, какъ не соотвѣтствующій апробованному плану города, и сообщилъ свое мнѣніе преосв. Амвросію, епископу сѣвскому и брянскому, для зависящихъ съ его стороны распоряженій по этому предмету и тогда же всѣ постройки и починки въ монастырѣ были остановлены. Въ то же время игуменья Ѳеофанія вошла къ преосвященному съ прошеніемъ о переводѣ Орловскаго Введенскаго монастыря въ гор. Брянскъ, на мѣсто упраздненнаго Зарѣцкаго Вознесенскаго Предтечева монастыря, котораго она была послѣднею настоятельницею. Мысль игумены была поддержена брянскими жителями и принята преосв. Амвросіемъ, который сдѣлалъ соотвѣтствующее представленіе въ Св. Синодъ, гдѣ также мнѣніе преосвященнаго не встрѣтило возраженій. Такъ было въ 1781 году; но въ 1782 обстоятельства измѣнились, съ перемѣщеніемъ преосв. Амвросія въ Москву и со вступленіемъ въ управленіе орловскимъ намѣстничествомъ статск. сов. Семена Александровича Неплюева. И преосв. Дамаскинъ, заступившій мѣсто Амвросія, и новый правитель Орловскаго намѣстничества, каждый въ своей области, взглянули на дѣло орловской обители съ другой стороны. Близко стоявшіе къ монастырю обывательскіе домы назначено было снести въ другое мѣсто, а самый монастырь оставленъ на томъ же, причемъ орловскіе купцы и мѣщане обязывались на собственныя средства обнести монастырь каменною оградою, на что тогда же собрана была по подпискѣ достаточная сумма. Вслѣдствіе этого преосв. Дамаскинъ, „по персональномъ осмотрѣ обоихъ монастырей“—орловскаго и брянскаго, вошелъ доношеніемъ въ Св. Синодъ, въ которомъ указалъ многія достаточныя основанія для того, чтобы оставить Введенскій женскій монастырь на прежнемъ мѣстѣ въ гор. Орлѣ. Представленныя преосвященнымъ основанія для предпочтенія Орловскаго Введенскаго Брянскому Вознесенскому монастырю были настолько вѣски, что св. Синодъ указомъ, присланнымъ

11 іюня 1783 г. на имя Дамаскина, повелѣлъ: „Орловскій дѣвичій монастырь, ради представляемыхъ отъ его преосвященства обстоятельствъ, оставить въ штатѣ въ г. Орлѣ, въ которомъ онъ по плану сего города положенъ, по прежнему, и обнести оный каменною оградою дозволяется; также и о учрежденіи въ Брянскомъ упраздненномъ монастырѣ, по прошенію тамошнихъ гражданъ и дворянства, на коштъ ихъ, богадѣльни быть во всемъ по мнѣнію его преосвященства". Вѣсть объ этомъ рѣшеніи была принята въ Орлѣ съ великою радостію и съ глубокою благодарностью къ преосв. Дамаскину [1]).

---

[1]) *Г. Пясецкій*, Очерки орл. Введенскаго монастыря. *Орл. епарх. вѣдом.* 1886 г. стр. 971—973; 1022—1028.

VIII.

1775—1782.

Проповѣди Дамаскина.

Сужденіе о проповѣдничествѣ Дамаскина.—Проповѣди: „О Божескихъ въ Россіи благодѣяніяхъ“; „О средствахъ утѣшенія въ прискорбной жизни“; „О любви къ отечеству“; „О причинахъ невѣрія“; „Объ истинномъ гражданинѣ“; „О томъ, что правда возвышаетъ народъ, а грѣхи уменьшаютъ его“; „О нуждѣ удовлетворенія Христова за всякаго человѣка“; „О подражаніи Христу“; „О поправленіи народнаго характера“; „О вредности и опасности непомѣрныхъ гуляній“; „О распространеніи всеобщаго блага“; „О томъ, какъ намъ лучшимъ образомъ умирать“; „О чаяніи будущей жизни“; О побужденіяхъ Апостоловъ слѣдовать за Христомъ. Благодарственная рѣчь Екатеринѣ II по посвященіи во епископа. Рѣчь и два разсужденія Дамаскина.

Въ 1783 году были изданы въ Москвѣ, „иждивеніемъ Н. Новикова“, проповѣди Дамаскина, говоренныя имъ въ бытность его въ Московской академіи сперва префектомъ, а потомъ ректоромъ [1]). Своевременно будетъ, поэтому, остановиться теперь на разсмотрѣніи проповѣдническаго таланта Семенова-Руднева,—церковнаго оратора, совершенно забытаго въ нашей гомилетической литературѣ.

---

[1]) Интересно, между прочимъ, помѣщенное въ началѣ сборника проповѣдей посвященіе (на рус. и лат. яз.), озаглавленное: „Письмо, въ которомъ ихъ высокопреосвященствамъ Св. прав. Синода знаменитѣйшимъ членамъ Гавріилу, архіеп. новгородскому и с.-петербургскому, Платону, архіеп. москов. и калужскому, Иннокентію, архіеп. псковскому и рижскому, мужамъ благочестіемъ, науками и услугами къ отечеству преукрашеннымъ, съ подобающею преданностію духа, приноситъ благодарность новопроизведенный во епископа въ сѣвскую и брянскую епархію архимандритъ Дамаскинъ. Іюля 5 дня 1782 года“. Дамаскинъ называетъ ихъ своими „особеннѣйшими благотворителями и покровителями“ и говоритъ, что „если онъ съ самаго вступленія своего въ

Дамаскинъ не былъ проповѣдникомъ по призванію, подобно, напр., митр. Платону, и, кажется, не чувствовалъ особенной склонности къ этому занятію. Проповѣдничество Дамаскина, пока онъ жилъ въ Москвѣ, являлось, такъ сказать, междудѣльемъ среди ученыхъ его занятій и вызывалось самымъ его оффиціальнымъ положеніемъ, какъ префекта, а послѣ ректора академіи, что видно, между прочимъ, и изъ того, что большая часть проповѣдей написана имъ на дни высокоторжественные [1]). Можно было бы думать, что послѣ посвященія во епископа сѣвскаго, когда Дамаскинъ предъ лицемъ Екатерины давалъ такое обѣщаніе: „пойду въ мѣсто селенія славы твоея; воспою величія дѣлъ твоихъ по средѣ церкве: *проповѣмъ порученной мнѣ пастви Высокомонаршую волю Твою*“ [2]),—проповѣдническое слово его раздавалось только изрѣдка, если бы не свидѣтельство автобіографической

поприще ученія могъ какіе-либо оказать въ свободныхъ наукахъ и знаніяхъ успѣхи, то оказалъ ихъ, будучи къ тому возбуждаемъ и поощряемъ достоподражательнымъ ихъ примѣромъ“. „Вашимъ также благоволеніемъ, совѣтами и вспомоществованіемъ будучи подкрѣпленъ и оживотворенъ, отправился я въ чужія земли и, тамо собравши по сразмѣрности моихъ силъ богатство учености, возвратился съ оными въ отечество. По возвращеніи сюда, съ великимъ благоволеніемъ паки вы меня приняли и весьма многія мнѣ не только словами, но и самымъ дѣломъ во всемъ, касательно до моего счастія въ жизни, являли вспомоществованія. Вы наипаче были тому виновниками, что я былъ удостоенъ въ Московской академіи быть префектомъ, и поручена была мнѣ должность наставлять юношество въ философскихъ ученіяхъ. Во время исправленія, подъ вашимъ покровительствомъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ сея должности, какъ по обыкновенію и чину академическому потребенъ былъ новый и сего мѣста достойный ректоръ. Вы не другаго кого, какъ только меня симъ достоинствомъ почтить и указомъ Св. Синода утвердить благоволили“ (стр. VII—VIII). Все посвященіе написано для выраженія „глубочайшей благодарности и преданнѣйшей обязанности“ новопоставленнаго епископа къ этимъ тремъ лицамъ.

[1]) Дамаскину присылались указы изъ Синодальной конторы, когда онъ долженъ былъ произносить проповѣди. Обыкновенно онъ назначался въ Успенскій соборъ по царскимъ днямъ. См., напр., „Дѣла 1780 года“ въ архивѣ Москов. академіи.

[2]) Проповѣди, стр. 145.

записки Дамаскина, гдѣ онъ говоритъ, что имъ „приготовленъ къ печати и второй томъ“ проповѣдей [1]), къ сожалѣнію, не появившійся въ печати.

Преосвящ. Филаретъ назвалъ Дамаскина проповѣдникомъ *умнымъ*. Такой отзывъ въ сущности справедливъ, но требуетъ объясненій. Дѣйствительно, умъ, разсудочный элементъ—настолько выдающаяся черта въ проповѣдяхъ Дамаскина, что ихъ скорѣе можно назвать отрывками изъ какого-либо богословскаго трактата или философско-христіанскими разсужденіями, чѣмъ проповѣдями въ собственномъ смыслѣ. Въ нихъ мало, сравнительно, того элемента, который паиболѣе присущъ проповѣдническимъ произведеніямъ по самой ихъ цѣли,—элемента чувства, дѣлающаго проповѣди могущественнымъ средствомъ къ проникновенію духовнаго оратора въ сердца своихъ слушателей, къ возбужденію въ нихъ такого же настроенія и чувства, какимъ въ данный моментъ проникнутъ самъ проповѣдникъ. Дамаскинъ обыкновенно тономъ спокойнымъ, ровнымъ, раскрываетъ передъ слушателями положенныя въ основаніе проповѣди мысли, по всѣмъ правиламъ логическаго мышленія ведетъ ихъ умъ къ принятію и усвоенію той идеи, для раскрытія которой онъ выступилъ на церковной каѳедрѣ. Логическая послѣдовательность въ раскрытіи мыслей и отсутствіе того, что можетъ „тронуть“ слушателей [2])—вотъ что замѣчается прежде всего при чтеніи проповѣдей Дамаскина. Такая особенность ихъ въ значительной степени должна была ограничивать кругъ увлекавшихся ораторствомъ проповѣдника: нужно имѣть достаточно развитое мышленіе, чтобы съ неослабѣвающимъ вниманіемъ слѣдить за ходомъ раскрытія мыслей въ проповѣдяхъ Дамаскина; если къ этому прибавить еще вообще значительную длинноту большей части проповѣдей, то можно сказать почти безошибочно,

---

[1]) Древн. Рос. Вивліоѳ., ч. XVIII, стр. 105.

[2]) Исключеніе составляетъ, пожалуй, проповѣдь „о подражаніи Христу“.

что онѣ были утомительны для слушателей. Но зато ясность изложенія, простой, всѣмъ понятный языкъ и ближайшее отношеніе ихъ содержанія къ современной проповѣднику жизни выкупаютъ въ достаточной мѣрѣ указанныя слабыя стороны, и въ этомъ отношеніи интересъ ихъ не можетъ подлежать сомнѣнію. Въ своихъ проповѣдяхъ Дамаскинъ касался такихъ вопросовъ и такихъ сторонъ жизни, которые въ вѣкъ Екатерины стояли на первомъ планѣ у всѣхъ образованныхъ людей и были предметомъ особаго вниманія и особыхъ заботъ правительства, такъ что въ этомъ отношеніи Дамаскинъ былъ проповѣдникъ вполнѣ современный; а согласіе раскрываемыхъ имъ въ своихъ проповѣдяхъ идей съ тѣми, которыя особенно интересовали самую Екатерину, могло очень высоко поставить проповѣдника во мнѣніи государыни, какъ просвѣщеннаго человѣка, вполнѣ сочувствовавшаго видамъ и намѣреніямъ правительства.

Въ частности, можно отмѣтить общность многихъ темъ у нашего проповѣдника съ проповѣдями митр. Платона и значительное сходство въ разработкѣ частностей проповѣди у того и другого. Это свидѣтельствуетъ, что Дамаскинъ, въ числѣ многихъ другихъ достойныхъ проповѣдниковъ своего времени, также образовался подъ вліяніемъ м. Платона [1]). Оно, впрочемъ, и понятно: проповѣдникъ, желавшій придать церковному слову характеръ „современности“, не могъ не касаться тѣхъ идей и стремленій, тѣхъ требованій нравственной и разумной жизни, которыя выражаемы были въ сочиненіяхъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ писателей XVIII в. и которыхъ такъ часто касался въ своихъ проповѣдяхъ митр. Платонъ [2]). Подобно послѣднему, Дамаскинъ понималъ ре-

---

[1]) Ср. *И. Снегиревъ*, жизнь митр. Платона. Ч. I, стр. 56.

[2]) Дамаскинъ въ предисловіи къ I тому изданныхъ имъ проповѣдей м. Платона замѣчаетъ, что „современность, приноровленіе къ настоящаго времени, мѣста и лицъ обстоятелствамъ“ составляетъ отличительную черту словъ проповѣдника.

лигіозно-нравственныя потребности современнаго ему общества и не могъ не заботиться о поученіи своихъ слушателей. Кромѣ того, въ вѣкъ Екатерины II были особенныя обстоятельства, заставлявшія проповѣдника внимательно присматриваться къ духовнымъ нуждамъ общества и предохранять его отъ возможности уклоненія на путь неправый: гибельное вліяніе философіи энциклопедистовъ, породившее въ области теоретической—грубый, чисто животный матеріализмъ,—должно было вызвать сильный отпоръ себѣ со стороны представителей здравой христіанской философіи и богословія. Несомнѣнно, что проповѣдническія произведенія лучшихъ представителей русской іерархіи и оказали самое сильное вліяніе на ослабленіе невѣрія и вообще на улучшеніе религіозно-нравственнаго состоянія русскаго общества въ царствованіе Екатерины II. Къ числу тѣхъ достохвальныхъ мужей, которые дѣйствовали въ этомъ направленіи, должны мы отнести и Дамаскина. Въ своихъ проповѣдяхъ онъ иногда весьма рѣзко осуждаетъ уклоненія отъ нравственнаго достоинства, замѣченныя имъ въ русскомъ обществѣ. Посмотримъ же теперь, какъ онъ утверждалъ въ своихъ слушателяхъ положительное христіанское вѣро—и правоученіе и какъ относился къ отрицательнымъ сторонамъ въ жизни своихъ современниковъ [1]). Такъ какъ

[1]) Не мѣшаетъ здѣсь сказать, что по внѣшнему построенію всѣ проповѣди Дамаскина довольно однообразны. Онѣ состоятъ почти всегда изъ трехъ частей: приступа, изслѣдованія и заключенія. Въ первой указывается тема, которая выводится часто изъ полагаемаго въ основаніе текста, и важность ея раскрытія; за этимъ иногда слѣдуетъ краткое молитвенное обращеніе къ Богу, Божіей Матери, и всегда просьба къ слушателямъ о „благосклонномъ вниманіи и выслушаніи“. Въ изслѣдованіи—главной части слова—раскрывается самая тема, и въ заключеніи дѣлается нравственное назиданіе, а въ проповѣдяхъ на дни высокоторжественные нравственный выводъ поставляется въ связи съ чествованіемъ государыни, причемъ въ каждой проповѣди славится правленіе и всѣ мудрыя учрежденія Екатерины II. Здѣсь, так. обр., мы видимъ согласіе нашего проповѣдника не только съ другими духовными ораторами того времени, но и съ свѣтскими: таково, напр., было краснорѣчіе университетское. См. Ист. москов. универс., стр. 242 и слѣд.

содержаніе многихъ проповѣдей Дамаскина знакомитъ насъ съ тѣмъ кругомъ понятій, въ которомъ обращалась мысль нашего ученаго во время его геттингенской жизни, и такъ какъ публицистическій элементъ замѣтно входитъ въ большую часть его проповѣдей, то мы изложимъ содержаніе ихъ съ надлежащею подробностію.

Первый опытъ церковнаго проповѣдничества Дамаскина относится къ 1775 году, когда онъ,—въ то время іеромонахъ,—былъ префектомъ академіи и профессоромъ философіи. Темою взята мысль „*о Божескихъ къ Россіи благодѣяніяхъ*“. Указавъ въ самомъ началѣ проповѣди, что празднуемый день тезоименитства государыни (24 ноября) ничѣмъ такъ не можетъ быть „уваженъ“, какъ воспоминаніемъ „божескихъ къ любезному нашему отечеству благодѣяній“, и испросивъ молитвенно у „всещедраго Благотворителя“ ниспосланія силы своему слову, проповѣдникъ переходитъ къ разсужденію „о благосостояніи общества людей вообще“, ибо, говоритъ онъ, „если какое общество цвѣтущимъ наслаждается благополучіемъ, о томъ безъ сомнѣнія заключить можно, что Богъ ему благодѣтельствуетъ; ежели жъ которое въ худомъ находится состояніи, то не иное что значитъ, какъ гнѣвъ Божій“ [1]). Въ чемъ же состоитъ благосостояніе общества? Въ томъ, во первыхъ, что „оно имѣетъ благоразумныхъ градодержателей, искусныхъ военачальниковъ, проницательныхъ политиковъ, добросовѣстныхъ душъ человѣческихъ пастырей и премудраго верховнаго властелина“ [2]). Объяснивъ необходимость всѣхъ такихъ лицъ для „благопорядочнаго управленія“ общества обыкновенными соображеніями разума, и словомъ Божіимъ, проповѣдникъ указываетъ, во вторыхъ, что „къ благосостоянію общества необходимо требуется еще то, чтобы оно изобиловало хлѣбомъ, скотомъ и всякими нужными припасами,

---

[1]) Проповѣди, стр. 54.

[2]) Ibid., стр. 54—55.

раченіемъ своихъ жителей снисканными; требуется, чтобы не имѣло смертоносной какой язвы, бездождія и многодождія; требуется, чтобы ни впутрь отъ злодѣевъ и мятежниковъ, ни отвнѣ нападеніемъ непріятеля не было разоряемо“,—однимъ словомъ, и то и другое показываетъ, что для благосостоянія общества требуется, „чтобы Богъ на него не гнѣвался, но былъ къ нему милостивъ, иначе и хорошихъ правителей у него отыметъ, и нашлетъ на него всякія напасти, бѣды и горести“ [1]). Обращая свои взоры на „любезное отечество“, съ цѣлію увидѣть, „имѣетъ ли оно знаки Божескаго къ себѣ благоволенія“, т. е. наслаждается ли оно цвѣтущимъ состояніемъ, проповѣдникъ считаетъ излишнимъ „пространно доказывать и многими доводами объяснять“ послѣднее. „Сами вы“, говоритъ онъ, „своими очами видите и слухомъ слышите, въ коль благополучномъ и радостномъ наше общество находится теперь состояніи! Есть у насъ и разумные градопачальники, стараніемъ которыхъ наблюдается во всѣхъ городахъ и селахъ добрый порядокъ; искореняются насилія, обиды и утѣсненія; хлѣбопашество и скотоводство въ лучшее приводится совершенство; художества, рукодѣлія и науки размножаются; народъ поощряется къ трудолюбію, словомъ—отъ часу надежнѣйшія выдумываемы бываютъ средства къ преумноженію довольства нашего общества. Есть у насъ и смысленные министры, которые, проникая въ связь сообществъ и пользу своего отечества наблюдая, изъ далеча предузнаютъ злобныя завидящихъ нашему счастію сосѣдей покушенія и благоразумно ихъ отвращаютъ. Есть и искусные полководцы; доказываетъ то минувшая война [2]), гдѣ столь храбрыми и въ воинскомъ искусствѣ знающими себя показали, что вся вселенная имъ удивляется, а отечество наше о томъ весьма радуется, благодаритъ имъ отъ всего сердца и благодарить ни-

---

[1]) Ibid., стр. 59.

[2]) Разумѣется первая турецкая война (1768—1774).

когда не престанетъ. Ихъ рачепіемъ и ободрепіемъ воинство наше до такого доведено состоянія, что никакой непріятель, никакой мятежникъ и злодѣй безъ страха и трепета ему противустать не въ силахъ. Что жъ скажемъ о пастыряхъ словесныхъ овецъ? Не что иное, какъ то, что Богъ чрезъ Іеремію обѣщавая народу Израильскому возвращеніе благополучія, сказалъ: И дамъ вамъ пастырей по сердцу Моему, и упасутъ васъ разумомъ и ученіемъ (III, 15). Я на васъ ссылаюсь, бл. слуш.: не такихъ ли мы имѣемъ пастырей! воистину по сердцу Божію избранныхъ и пасущихъ людей его разумомъ и ученіемъ. Коль убо мы благополучны"! [1]). Но это благополучіе нашего общества представится въ гораздо большемъ и прекраснѣйшемъ видѣ, при взглядѣ на празднующую тезоименитство свое государыню; ибо „она едина есть источникъ и виновница всего нашего благополучія: Ее любя, Богъ и наше общество любитъ. Сея божескія къ намъ любви не потемняетъ и то, что прежъ сего общество наше претерпѣло въ нѣкоторыхъ мѣстахъ язву, гладъ и злодѣяніе мятежниковъ": а также и то, что „попустилъ Богъ непріятелю противъ общества нашего вооружаться": напротивъ, сіе самое и было знакомъ Божіей къ намъ любви, какъ говоритъ и Апостолъ, Его же бо любитъ Господь, наказуетъ (Евр. XII, 6). Сохраненіе дражайшей для общества нашего жизни наслѣдника престола россійскаго Павла Петровича и любезнѣйшей его супруги также служитъ залогомъ Божеской къ намъ милости. А потому, говоритъ въ заключеніе проповѣдникъ, соображеніемъ нашей воли съ святою волею Бога постараемся засвидѣтельствовать Ему нашу благодарность.

Какъ можно видѣть, первый проповѣдническій опытъ Дамаскина не особенно блестящій... Можно даже сомнѣваться, чтобы разсужденія оратора были выраженіемъ его собственныхъ убѣжденій; едва ли они были убѣдительны и для слу-

[1]) Пропов., стр. 60—61.

шателей. По крайней мѣрѣ, въ позднѣйшихъ проповѣдяхъ Дамаскина благосостояніе Россіи рисуется далеко не такими свѣтлыми красками, какъ увидимъ ниже.

Слѣдующая по времени произнесенія проповѣдь Дамаскина (15 іюля 1776 г.) сказана была на тему „*О средствахъ утѣшенія въ прискорбной жизни*“. Прямымъ побужденіемъ говорить именно объ этомъ былъ для оратора праздникъ „Всѣхъ скорбящихъ Радости“. Въ основу проповѣди взятъ текстъ изъ праздничнаго Евангелія: „Блаженна вѣровавшая, яко будетъ совершеніе глаголанныхъ ей отъ Господа“ (Лук. I, 45). Указавъ на то, что ни объ одномъ святомъ или святой нѣтъ столько и такихъ похвалъ въ писаніяхъ, сколько о преблагословенной Дѣвѣ Маріи, проповѣдникъ говоритъ, что источникъ и основаніе ея блаженства заключается въ ея вѣрѣ. И мы, если вѣримъ сказанному Богомъ въ Писаніи, можемъ назваться блаженными. Но такъ какъ наше блаженство часто омрачается и нарушается бѣдами, скорбями и болѣзнями, для нѣкоторыхъ людей продолжающимися всю жизнь, то проповѣдникъ находитъ приличнымъ празднуемому дню указать средства къ утѣшенію *скорбящихъ*, разумѣя подъ скорбящими всѣхъ вообще людей, „какое ни есть несчастіе претерпѣвающихъ“ [1]). При всемъ различіи несчастій, люди, прискорбную жизнь ведущіе, всѣ сходятся въ томъ, что „состояніе свое почитаютъ злосчастнымъ и освобожденія отъ него желаютъ“. Но причины несчастій бываютъ различны,—иногда онѣ лежатъ въ природѣ человѣка, иногда въ недовѣдомыхъ намъ судьбахъ Бога, иногда въ нашей беззаконной и распутной жизни или въ другихъ людяхъ, а иногда совсѣмъ намъ неизвѣстны,—поэтому для дѣйствительнаго утѣшенія себя необходимо намъ „всенепремѣнно строго изыскивать“ эти причины. Что же значитъ утѣшать другого? Отвѣчая на

[1]) Ibid., стр. 149.

этотъ вопросъ, проповѣдникъ даетъ интересное психологическое выясненіе этого понятія. „Утѣшать другаго есть печаль душевную, отъ прискорбной жизни причиняемую, или изгопять, или уменьшать. Но какимъ образомъ это сдѣлать можно, если человѣкъ тѣлесно страдать или въ бѣдствіи пребывать никогда не перестаетъ? Я не нахожу никакого къ тому другаго средства, кромѣ представленій въ умѣ нѣкоторыхъ извѣстныхъ истинъ. Ибо когда безпокойствіе души состоитъ въ нѣкоторыхъ представленіяхъ непріятныхъ случаевъ, то ни обезсилить, ни уменьшить его не можно иначе, какъ только посредствомъ представленій другихъ, прежнимъ противныхъ. Однако сіе одно средство еще не дѣйствительно. Напр., утѣшитъ ли насъ стоикъ своимъ ученіемъ, когда представитъ намъ, „что болѣзни тѣлесныя и всякія непріятныя приключенія не есть зло, и что истинное благо состоитъ только въ добродѣтели. Кто сію имѣетъ, тотъ отъ всякаго злострадапія свободенъ“? Или успокоитъ ли насъ въ несносномъ злосчастіи тотъ, кто скажетъ: „не будьте малодушны: вы чрезъ то умножаете свою скорбь. Будьте паипаче терпѣливодушны въ томъ, чего перемѣнить не можете. Свѣтъ сей есть самый лучшій. Богъ его такимъ сдѣлалъ; а что Богъ дѣлаетъ, то хорошо, и перемѣнить его не можно. Слѣдовательно надобно сему міру быть такимъ, каковъ онъ есть. Почему и безъ злостраданій пробыть въ немъ не можно“. Подлинно, что и тотъ и другой говоритъ справедливо и хорошо. Но какая польза изъ представленій сихъ истинъ происходитъ? Нималая. Ибо хотя разумъ нашъ представляетъ намъ, что мы не совсѣмъ безсчастны; однако ощущеніе злостраданія доказываетъ, что мы весьма несчастливы. Понеже, представляя мы себѣ въ умѣ помянутыя только истины, перестаемъ ли чувствовать нашу скорбь? Никакъ. Слѣдовательно одно представленіе въ умѣ нѣкоторыхъ истинъ не можетъ болѣзни нашей или печали не только совсѣмъ изъ насъ изгнать, но ниже уменьшить или облегчить; а потребно ко утѣшенію насъ въ злостраданіи еще то сред-

ство, чтобы мы непріятныя свои чувствованія пособіемъ другихъ пріятнѣйшихъ или уменьшали, или искореняли; понеже безпокойствіе души всегда совокуплено бываетъ съ ощущеніемъ скуки, отъ представленія происходящей. Сіе дознаетъ на себѣ собственнымъ искусствомъ всякій злострадалецъ; почему утѣшающій долженъ въ утѣшаемомъ скуку уменьшить или истребить представленіемъ нѣкотораго пріятнаго и обрадованіе подающаго случая. Въ разсужденіи сего тотъ утѣшаетъ самымъ надежнымъ и сильнымъ образомъ, кто въ утѣшаемомъ возбуждаетъ несомнѣнную надежду къ полученію освобожденія отъ злотерпѣнія. Итакъ, утѣшать вообще не что иное есть, какъ возбуждать живую надежду въ сердцѣ страждущаго, что онъ еще будетъ счастливъ“ [1]). А такую надежду можетъ подавать намъ только одно евангельское ученіе: „Оно одно подаетъ намъ подлинныя и самыя лучшія средства къ утѣшенію. Разумъ и философія со всѣми своими правилами здѣсь ни мало не успѣваетъ“ [2]). Истины Евангелія настоящее наше зло уменьшаютъ обѣщаніемъ будущаго безконечнаго блага и тѣмъ возбуждаютъ въ насъ нѣкоторое чувствованіе отрады и облегченія отъ скорби. Если мы ихъ чаще повторяемъ и по предписанію ихъ жизнь свою ведемъ, то не можетъ статься, чтобы злосчастіе наше много насъ безпокоило. Съ этимъ никто не можетъ спорить. „Если же кому невѣроятнымъ сіе кажется; то позволь онъ мнѣ спросить себя: испыталъ ли онъ самъ собственнымъ искусствомъ происходящее отъ истинъ евангельскихъ успокоеніе? Когда скажетъ, что нѣтъ: то какъ можетъ отвергать то, чего самъ не испыталъ“ [3]). Доказавъ такимъ образомъ, что истины евангельскія одпѣ только могутъ насъ утѣшать надежнѣйшимъ способомъ, проповѣдникъ приглашаетъ своихъ слушателей возможно тверже

---

[1]) Ibid., стр. 152—154.

[2]) Ibid., стр. 155.

[3]) Ibid., стр. 159.

напечатлѣть ихъ въ своихъ сердцахъ и безпрестанно объ нихъ помышлять. „Мнѣнія же тѣхъ нынѣшняго вѣка мудрецовъ, кои слову Божію не вѣрятъ, евангельское ученіе презираютъ и надъ всѣмъ благочестіемъ ругаются, да уклоняемся, какъ зловреднаго и пагубнаго“ [1]).

Наряду съ подобными проповѣдями, у нашего проповѣдника можно найти и другія разсужденія съ общимъ философскимъ характеромъ. Въ проповѣди, относящейся къ одному году съ предыдущею, Дамаскинъ разсуждаетъ *о любви къ отечеству*. Интересъ избраннаго Дамаскинымъ предмета для проповѣди не подлежитъ сомнѣнію; но онъ еще болѣе увеличивается, если вспомнимъ, что подобную же тему, только гораздо позднѣе, избралъ для разсужденія знаменитый Карамзинъ [2]). Представимъ ходъ мыслей автора въ этой проповѣди.

Положивъ въ основу своего разсужденія текстъ: Аще хощете, да творятъ вамъ человѣцы, и вы творите имъ такожде (Лук. VI, 31), проповѣдникъ говоритъ, что въ словахъ Спасителя внушается „взаимная другъ къ другу любовь“, которая „есть душа всѣхъ обществъ“, источникъ и основаніе общественнаго спокойствія и благоденствія; иначе она называется любовью къ отечеству [3]). Сознаніе недостаточности своего искусства для достойнаго изображенія такого великаго и важнаго предмета не останавливаетъ проповѣдника, ибо этотъ предметъ—любовь къ отечеству—для слушателей „всего дороже, всего любезнѣе“ [4]).

Любовь къ отечеству бываетъ двоякая: одна *простонародная* и *непросвѣщенная*, другая—*благородная* и *просвѣщенная*. Первая есть дѣйствіе природнаго побужденія и про-

---

[1]) Ibid., стр. 160.

[2]) Разсужденіе Карамзина напечат. въ *Вѣстн. Евр.* 1802 г., № 4.

[3]) Прон., стр. 2—3.

[4]) Ibid., стр. 4.

стирается только на свою землю, на своихъ гражданъ; прочіе же всѣ люди суть для нея ничто. Хотя, такимъ образомъ, она имѣетъ весьма тѣсныя границы, но заслуживаетъ похвалы; ибо является основаніемъ общежитія, благосостоянія и благоустройства народнаго. Но „въ наши лучшія и просвѣщеннѣйшія времена любить свое отечество только простонароднымъ образомъ—не довольно“,—требуется еще другая, *истинная* любовь къ отечеству. Она проистекаетъ изъ единаго человѣколюбія и выражается въ томъ, что „добродѣтельный гражданинъ любитъ своего согражданина не для того только, что онъ той же съ нимъ земли, того жъ народа, того жъ отечества; но что такой человѣкъ, каковъ и онъ. Въ разсужденіи сего смотритъ онъ, не что гражданину только, но и что человѣку, яко человѣкъ, полезно и нужно“ [1]). Отсюда—желаніе благотворить, дѣлать добро всякому человѣку, какого бы онъ общества ни былъ, и въ этомъ находитъ внутреннее утѣшеніе. Счастлива та страна, въ которой находятся такіе любители отечества! Тамъ у каждаго въ мысли и на сердцѣ одна только забота—дѣлать добро неограниченнымъ образомъ. Но для возбужденія въ себѣ такой любви требуются великія добродѣтели, а ихъ нельзя имѣть безъ „*благоподатливаго просвѣщенія: до нихъ никто изъ смертныхъ достигнуть не можетъ, кромѣ того, кто имѣлъ счастіе освободиться отъ ига предразсудковъ, невѣжества и пристрастій*“ [2]). Свободный отъ этихъ пороковъ гражданинъ любитъ свое отечество и цѣнитъ его преимущества не по слѣпому только и безразсудному побужденію, ибо онъ знаетъ, что никакое общество не можетъ быть вполнѣ совершеннымъ, свободнымъ отъ всякихъ недостатковъ: недостатки могутъ быть уменьшены и наконецъ совсѣмъ истреблены, а совершенства—увеличены. Такой гражданинъ „старается всякимъ

[1]) Ibid., стр. 6—7.

[2]) Ibid., стр. 8.

способомъ недостатки или злоупотребленія своего отечества мало-по-малу уменьшить или и совсѣмъ искоренить", не смущаясь и не приходя въ отчаяніе отъ тѣхъ препятствій, съ какими встрѣчаются его благія намѣренія, и твердо будучи увѣренъ, что „стараніе добродѣтельнаго человѣка никогда не будетъ тщетно и что доброе намѣреніе патріота никогда всуе не останется". Отсюда же проистекаетъ истинное и превосходное постоянство и твердость духа благоразумнаго и честнаго гражданина. Такіе патріоты благотворятъ не изъ желанія только, чтобы другіе знали объ этомъ, и не ради временной пользы, а изъ сознанія „вѣчныхъ правъ добродѣтели и негибнущей природы истиннаго блага", изъ сознанія, что „каждое благое дѣло безсмертно", хотя оно многимъ и невидимо бываетъ. „Ни большихъ особъ несправедливость, ни ярость народа, ни всеобщая неблагодарность, ни опасеніе, чтобъ не потерять чести, не потерять жизни,—ничто такое не въ состояніи отвлещи такого человѣка отъ благотворенія". Воодушевленная рѣчь проповѣдника дальше рисуетъ еще болѣе яркими красками образъ „истиннаго любителя отечества" и картину благополучія въ томъ обществѣ, въ которомъ таковые „любители" находятся [1]). Но если человѣколюбіе есть источникъ любви къ отечеству, то душею и путеводителемъ послѣдняго служитъ одна безпристрастная справедливость или правосудіе. Указавъ далѣе на высшій примѣръ истинной любви къ отечеству въ лицѣ Екатерины, всѣ дѣйствія которой основаны на человѣколюбіи, проповѣдникъ приглашаетъ своихъ слушателей развивать въ себѣ высокія чувства благодарности къ ней и человѣколюбія ко всѣмъ вообще. „*Одного премудраго, одною добродѣтельнаго человѣка похвала да будетъ у насъ въ большемъ уваженіи, нежели хула безчисленныхъ подлодушныхъ людей*" [2]). Проповѣдь заканчивается молитвеннымъ

[1]) Ibid., стр. 11—13.
[2]) Ibid., стр. 18.

обращеніемъ къ Богу объ укрѣпленіи въ слушателяхъ сей „нѣжнѣйшей“ любви къ отечеству.

Изъ представленнаго изложенія не трудно видѣть всю важность мыслей, заключающихся въ проповѣди. Дамаскинъ касается здѣсь одного изъ важнѣйшихъ общественныхъ вопросовъ въ царствованіе Екатерины II и высказываетъ такія мысли, которыя служатъ украшеніемъ самыхъ просвѣщенныхъ его современниковъ. Достаточно указать на то, что мысли, подобныя здѣсь высказаннымъ, мы найдемъ и въ знаменитомъ „Наказѣ“ Екатерины [1]), и въ сочиненіяхъ Фонвизина.

Не меньшій интересъ представляетъ проповѣдь Дамаскина „*О причинахъ невѣрія*“ (сказан. въ день Владимірской Богоматери, 21 мая 1777 г.),—болѣзни столь же модной въ вѣкъ Екатерины, сколь и опасной. „Къ превеликому нашему удивленію видимъ, говоритъ проповѣдникъ, и часто видимъ, что премногіе нынѣ соблажняются о Христѣ; премногіе ученія Его не пріемлютъ; премногіе душеспасительнымъ заповѣдямъ Его не повинуются, думая, что они и безъ него благополучными быть могутъ. И сія болѣзнь душевная въ наши наипаче времена отчасу далѣе распространяется, отчасу большее число христіанъ заражаетъ“ [2]). Откуда же это зло? гдѣ его причины? Прежде всего—въ худомъ воспитаніи юношества. Проповѣдникъ рисуетъ дальше яркую картину тогдашняго воспитанія. „Съ самаго младенчества дѣти отдаются на воскормленіе и присмотръ грубѣйшимъ и малымъ чѣмъ отъ скотовъ отличающимся женщинамъ, которыя со млекомъ вселяютъ въ нихъ несправедливыя о вещахъ понятія, ложныя и почасту превратныя мнѣнія; пріучаютъ ихъ къ своевольству, самонравію, непослушанію, упрямству, угождая ихъ всѣмъ прихотямъ; чрезъ что навыкаютъ они высоко о

---

[1]) Наказъ, ст. 1—2, 81, 364 и друг.

[2]) Ibid., стр. 163.

себѣ думать, другихъ низшаго предъ ними состоянія людей презирать, и за ничто почитать. Потомъ, какъ въ большій смыслъ приходить начинаютъ, поручаются совсѣмъ незнакомымъ и ни о обычаяхъ нашего отечества, ни о свойствахъ парода ни о законахъ нашего общества, а кольми паче о благочестіи нашемъ никакого свѣдѣнія не имѣющимъ, иногда же еще и никакой религіи не исповѣдающимъ чужестранцамъ или въ надзираніе и поправленіе ихъ поступокъ, или въ ученіе разнымъ языкамъ и наукамъ, въ моду у насъ принятымъ [1]). Что же касается до внушенія имъ божескаго закона, какъ къ исправленію ихъ нравовъ, такъ и ко спасенію ихъ души необходимо нужнаго, о томъ нималаго не прилагается старанія. *Ибо рѣдко въ хорошихъ домахъ обучаютъ нынѣ дѣтей закону Божію, а въ иныхъ и за стыдъ себѣ то почитаютъ.* Для того возрастаютъ они въ пріобученіи къ однимъ только чувствительнымъ предметамъ, а о духовныхъ или никакого, или весьма малое понятіе, и то случайнымъ образомъ, стяжеваютъ. Почему, что такое Богъ, какія его совершенства, что вѣра Евангельская, какъ она всякому человѣку нужна, совсѣмъ не знаютъ. Такимъ образомъ воспитаны будучи, и вступя въ великой свѣтъ, хотя сами собою и получаютъ нѣкоторое о Христовомъ ученіи понятіе, но весьма темное, весьма сбивчивое, весьма несовершенное и большею частію ложное; потому что *не изъ чистѣйшихъ источниковъ, но изъ мутныхъ и нечистыхъ лужъ, т. е. изъ неосторожнаго обхожденія съ развратителями закона и развращенными людьми, или изъ чтенія такихъ книгъ, въ которыхъ истина и добродѣтель, честность и благонравіе безсовѣстнымъ*

[1]) Очевидно, правительственный указъ 5 мая 1754 г., полагавшій преграду злоупотребленіямъ иностранцевъ, пріѣзжавшихъ въ Россію съ цѣлію сдѣлаться здѣсь учителями, требованіемъ, чтобы Академія въ Петербургѣ и университетъ въ Москвѣ повѣряли ихъ знанія и способность къ педагогической дѣятельности чрезъ экзаменъ, по выдержаніи котораго они получали аттестаты (Ист. моск. унив., стр. 37—39; ср. стр. 106),—не ослабилъ зла, на которое указываетъ здѣсь проповѣдникъ.

образомъ поругано и осмѣяно бываетъ, оное почерпаютъ. Симъ однимъ понятіемъ довольствуясь, не хотятъ далѣе вступать въ подробное разсужденіе о вѣрѣ христіанской, не хотятъ прилежнѣе испытывать ни того, чему она учитъ, ни на чемъ основывается, ни откуду свое начало ведетъ; нужнѣйшія къ тому пособія, какъ-то книги Ветхаго и Новаго Завѣта, благоискуснихъ на нихъ толковниковъ и въ руки взять за ненужное почитаютъ. И такъ не освѣдомясь подлинно о твердости и изрядствѣ сего толь нужнаго ученія, но къ прежнему своему мнѣнію, яко прихотямъ ихъ поблажающему, пристрастясь, не стыдятся думать и говорить, будто вѣра христіанская никакого не имѣетъ твердаго основанія, будто не согласна ни съ Божіими качествами, ни съ здравымъ разсудкомъ; будто сама себѣ противорѣчитъ и будто она одинъ только вымыслъ человѣческой“ [1]). Легко видѣть, къ какимъ результатамъ могло приводить подобное воспитаніе; главнѣйшій изъ нихъ—нравственная распущенность, растлѣніе нравовъ человѣческихъ“; а потому проповѣдникъ, оставляя другія причины современнаго невѣрія, прямо переходитъ далѣе къ этой, самой важнѣйшей. „Растлѣніе нравовъ“,—„сія нашаче буря нынѣ свирѣпѣющая заноситъ премногихъ въ погибельную пропасть невѣрія“ [2]). Евангельское ученіе одною уже высотою своихъ нравственныхъ требованій не можетъ нравиться человѣку, погрязшему въ чувственности, угождающемуся только своимъ страстямъ и прихотямъ. Оно требуетъ отъ своихъ послѣдователей совершенства, равнаго совершенству Отца Небеснаго, и подражанія во всемъ Христу; а развращеннымъ людямъ это кажется тяжелымъ и почти невозможнымъ. Притомъ же оно требуетъ не столько обрядовъ исполненія, сколько обузданія страстей и всего себя отверженія. Однимъ словомъ, какой бы видъ нравственнаго паденія мы ни взяли, вездѣ найдемъ полное

[1]) Пропов., стр. 164—167.
[2]) Ibid., стр. 168.

противорѣчіе нравственности человѣческой съ высокимъ Евангельскимъ ученіемъ: гордость, честолюбіе, самомнѣніе, злопамятность, сребролюбіе и любостяжаніе и друг. пороки— все это осуждается въ Евангеліи, и взамѣнъ предлагается святое и непорочное нравоученіе Христа и Его апостоловъ. Но его—то и бѣгаетъ нравственно-развращенный человѣкъ и впадаетъ въ невѣріе, чтобы хотя нѣсколько чрезъ то себя успокоить и терзающую его совѣсть заглушить. Так. обр. невѣріе является плодомъ дурнаго воспитанія и глубокаго паденія нравственности. Средства къ искорененію невѣрія— чтеніе слова Божія и всегдашнее согласованіе своей жизни съ высокими его предписаніями, т. е. исправленіе нравовъ; оно послужитъ къ укрѣпленію вѣры и благой совѣсти. Проповѣдникъ въ заключеніи изображаетъ утѣшительные плоды вѣры и желаетъ своимъ слушателямъ развить въ себѣ таковую, каковую они видятъ въ лицѣ чествуемой Богоматери.

Въ тѣсномъ отношеніи съ проповѣдью „О любви къ отечеству“ находится проповѣдь „*Объ истинномъ гражданинѣ*“. Здѣсь заключаются мысли, которыя имѣютъ ближайшее отношеніе къ курсу практической философіи и естественнаго права, прослушанному Семеновымъ въ Геттингенѣ. Сказавъ, что гражданиномъ называется всякій, кто живетъ въ одномъ обществѣ съ другими, какого бы пола и состоянія онъ ни былъ, проповѣдникъ говоритъ, что конечная цѣль дѣятельности каждаго члена въ гражданскомъ обществѣ— внутреннее и внѣшнее спокойствіе. „О сладчайшее имя--спокойствіе! для него сошлися мы въ общежитіе; для него взяли мы на себя взаимныя обязательства, чтобъ помогать другъ другу, чтобъ не обижать другъ друга, для него утвердили себя взаимными правами, оградили себя законами; для него подвергли себя добровольно правленію другихъ нашихъ сограждапъ, для него должны и они съ своей стороны хранить тѣ же обязательства и права, ибо и имъ ово также нужно,

какъ и каждому послѣднему гражданину [1]). Отсюда слѣдуетъ, что только *добродѣтельный* человѣкъ можетъ быть добрымъ гражданиномъ, добросовѣстный только можетъ наслаждаться истиннымъ благополучіемъ. Въ чемъ же заключаются „должности“ истиннаго гражданина? Первая и главнѣйшая—познаніе Всевышняго Существа, Его безконечныхъ совершенствъ и постоянное памятованіе о будущей вѣчной жизни; особенно важно послѣднее, ибо оно ободряетъ и поощряетъ его къ неослабному исполненію и прочихъ обязанностей въ отношеніи къ себѣ самому, каковы: просвѣщеніе разума познаніемъ самого себя и своихъ потребностей, пріученіе воли только къ добру, противоборство страстямъ и многоразличнымъ прелестямъ міра, подкрѣпляемое основаніями благочестія и здраваго разсудка, сознаніе достоинства союза человѣка съ Богомъ, человѣчествомъ, обществомъ и съ каждымъ въ отдѣльности человѣкомъ. Это же „прилежное на вѣчную жизнь взираніе, отвлекаетъ человѣка отъ пристрастія къ обманчивой пышности, къ великолѣпію, къ богатству и чувственнымъ сладострастіямъ, какъ недостойнымъ добродѣтельнаго человѣка.

Никто не долженъ думать, что онъ не можетъ приносить пользу обществу; напротивъ, всякій обязанъ дѣлать себя способнымъ къ этому, насколько возможно: нѣтъ такого низкаго состоянія, въ которомъ бы мы не могли содѣйствовать благополучію общества, и всякое дѣло, какъ бы оно мало ни было, непремѣнно имѣетъ свое участіе въ цѣломъ обществѣ. И кто выше по состоянію, по своему жребію, тотъ больше долженъ способствовать благоденствію общества и остерегаться безпечности, малодушія, гордости, роскоши или скупости. Добродѣтельнымъ гражданиномъ управляютъ вѣчные законы благоразумія и человѣколюбія, и, руководясь этими законами, такой гражданинъ средоточіемъ всѣхъ своихъ дѣй-

[1]) Ibid., стр. 25.

ствій и намѣреній полагаетъ всеобщее благоденствіе и каждаго сочлена спокойствіе, благополучіе. Противный этому образъ поведенія онъ считаетъ измѣной государственной.

Добродѣтельный гражданинъ почитаетъ и любитъ науки и ничего не щадитъ къ ихъ вспомоществованію, ибо изъ опыта просвѣщенныхъ народовъ знаетъ, что онѣ способствуютъ къ благосостоянію человѣческаго рода и суть самый драгоцѣнный даръ, съ небесъ ниспосланный; съ великою скорбію смотритъ онъ на жребій своего отечества, если онъ не усматриваетъ всей пользы и достоинства наукъ и даже презираетъ ихъ. Зная, что добродѣтель и благонравіе—самая надежная опора общенароднаго благоденствія, добродѣтельный гражданинъ и въ жизни своей служитъ образцомъ для другихъ и въ обхожденіи съ людьми избѣгаетъ всего, что можетъ испортить или развратить нравы, помня, что каждое слово и каждое дѣйствіе наше можетъ быть для многихъ или сѣменемъ добродѣтели, или искрою порока.

Наконецъ, проповѣдникъ указываетъ еще на одну черту въ характерѣ благоразумнаго гражданина—на его пониманіе свободы или независимости. Хотя свобода каждому человѣку свойственна по природѣ, однако добродѣтельный гражданинъ знаетъ, что люди, сошедшіеся въ общежительство, сами добровольно отъ нея отказались и взаимнымъ отношеніемъ другъ къ другу себя обязали; поэтому онъ понимаетъ свободу какъ благопристойное равенство гражданъ, какъ безпрепятственное и спокойное употребленіе своего имущества, какъ свободное обращеніе своихъ талантовъ и заслугъ ко всеобщему благоденствію. Внѣ этого онъ подвергаетъ себя во всемъ общественнымъ законамъ [1]), и повиновеніе хранителямъ этихъ законовъ и правителямъ общества считаетъ онъ необходимою обязанностью, даже и въ томъ случаѣ, если бы эти лица тирански правили обществомъ, угнетали и раззоряли его; ибо

[1]) Ibid., стр. 33. Ср. это мѣсто съ Наказомъ, стр. 8, ст. 37, 38 и 39.

для такого гражданина спокойное и безмятежное состояніе общества выше, нежели междоусобная брань, общественные мятежи [1]).

Изобразивъ такими возвышенными чертами характеръ истиннаго гражданина, проповѣдникъ восклицаетъ: „О, коль счастливо то общество, въ которомъ, не говорю—всѣ, но хотя большая часть, кольми паче верховные правители и градоначальники стараются быть такими гражданами“ [2])! Воплощеніе идеальнаго образа истиннаго гражданина онъ видитъ въ лицѣ Екатерины II и воспитаннаго ея примѣромъ и наставленіемъ наслѣдника цесаревича Павла Петровича. Приглашая своихъ слушателей къ радости по этому поводу, проповѣдникъ внушаетъ имъ возсылать къ Богу теплѣйшія молитвы о сохраненіи драгоцѣнной жизни царственной семьи и въ знакъ благодарности показывать себя всегда подлинными гражданами.

На такихъ же точно основаніяхъ естественной практической философіи и естественнаго права раскрывается проповѣдникомъ въ слѣдующей проповѣди мысль, заключающаяся въ текстѣ изъ Притч. Солом. (XIV, 34): „*Правда возвышаетъ языкъ, умаляютъ же племена грѣхи*“. Здѣсь показывается, какимъ образомъ правда возвышаетъ народъ, а грѣхи уменьшаютъ его, и рисуется картина общества или государства, живущаго правдою, или справедливостью. Изложимъ ходъ мыслей автора въ этой проповѣди.

Сказавъ о томъ, что стремленіе къ благополучію отъ природы вложено въ сердца людей и каждымъ осуществляется по мѣрѣ силъ и пониманія, проповѣдникъ указываетъ далѣе, что единичныхъ силъ для достиженія полнаго счастія бываетъ часто недостаточно, и это побудило людей сойтись въ общества, чтобы вмѣстѣ достигать благополучія. Опытъ по-

---

[1]) Ibid., стр. 33—34.

[2]) Ibid., стр. 34.

казываетъ, что чѣмъ общество сильнѣе другихъ, тѣмъ оно благополучнѣе. Но что составляетъ силу общества? Не многолюдство, какъ показываетъ исторія, и не богатство, ибо оно часто служитъ къ разслабленію общества и конечному паденію, а единственно *правда*, или справедливость. Для яснаго уразумѣнія этой мысли проповѣдникъ прежде всего говоритъ о причинахъ образованія обществъ. Главнѣйшая изъ этихъ причинъ, какъ указано было проповѣдникомъ и раньше [1]), заключается въ невозможности для отдѣльнаго человѣка удовлетворить тѣмъ безчисленнымъ потребностямъ, какія онъ имѣетъ и какія могутъ быть удовлетворены только съ помощію другихъ. Но для совмѣстнаго пользованія выгодами общежитія, людямъ необходимо соблюдать нѣкоторыя общеобязательныя требованія, какъ-то: полнаго равенства, взаимнаго чистосердечія и откровенности, справедливости; на выполненіи этихъ требованій развивается взаимная любовь и дружество, причемъ общая польза предпочитается личной, общее благополучіе—личному счастію. Только одна справедливость можетъ побудить человѣка выполнять всѣ указанныя требованія, только она одна укрѣпляетъ союзъ и силу общества [2]). Далѣе проповѣдникъ разсматриваетъ отдѣльныя состоянія во всякомъ общежитіи. Объяснивъ происхожденіе верховной власти въ обществѣ необходимостью сосредоточить высшее руководство общественными дѣлами въ однѣхъ рукахъ, при невозможности для каждаго члена общества участвовать своимъ голосомъ въ важныхъ дѣлахъ, каковы: изданіе законовъ, наложеніе податей, наборъ войска, объявленіе войны и заключеніе мира и проч.,—проповѣдникъ разсматриваетъ въ отдѣльности духовное званіе, представителей свѣтской власти, градоначальниковъ, воиновъ, купцовъ, мастеровыхъ людей, занимающихся хлѣбопашествомъ и скотовод-

---

[1]) Ibid., стр. 37—38.

[2]) Ibid., стр. 43.

ствомъ, и показываетъ, что чѣмъ больше гдѣ наблюдается справедливость, тѣмъ безопаснѣе то общество, тѣмъ счастливѣе и тѣмъ величественнѣе [1]). Наоборотъ, гдѣ нѣтъ правды, тамъ всѣ несчастія: недовольство своимъ состояніемъ, вѣроломство, обиды, наглости и безчеловѣчіе; уменьшеніе трудолюбія, обманы, лѣность и нищета, внутреннія мятежи и внѣшнія войны, дороговизна, голодъ и язва, и въ концѣ всего— полное паденіе и разрушеніе общества. Переходя затѣмъ къ современнымъ обстоятельствамъ, проповѣдникъ указываетъ на заботы Екатерины II о водвореніи правды и въ себѣ самой, и въ сердцахъ своихъ вѣрноподданныхъ, доказательствомъ чего особенно служатъ Наказъ и Учрежденія о намѣстничествахъ; эти заботы должны вызывать благодарность къ ней въ обществѣ и молитвы ко Всевышнему о продленіи ея жизни и сохраненіи ея царственной семьи; а для того, чтобы онѣ были дѣйственны у Бога, мы должны всегда и вездѣ хранить правду мыслію, словомъ и дѣломъ.

---

[1]) Въ доказательство того, какія свѣтлыя мысли высказывалъ проповѣдникъ своимъ слушателямъ, мы приведемъ его сужденіе „о духовномъ состояніи“.

„Духовныя особы тогда вспомоществуютъ къ возвышенію общества, когда ни дикости, ни звѣрообразія, ни суевѣрія, ни возмущенія бываютъ непричастны; когда закону учатъ народъ съ кротостію, снисхожденіемъ, долготерпѣніемъ, и хотя находятъ инныхъ правому ихъ ученію противоборствующихъ, однако отвратить ихъ отъ того и къ своему мнѣнію привлещи стараются не строгостію, не тяжкимъ мученіемъ, не изгнаніемъ изъ общества, что уменьшаетъ паче народъ, а не умножаетъ; но съ сожалѣніемъ, но убѣжденіемъ, сильнѣйшими доводами, но оставленіемъ на волю, ежели не убѣдятъ; когда распространенію благочестія и исправленію нравовъ въ народѣ не употребляютъ мечъ тѣлесный, но мечъ духовный, *то есть глаголъ Божій* (Ефес. VI, 17), когда еще при всемъ томъ и сами между собою согласны и не корыстолюбивы, и другихъ къ согласію и миролюбію пріучаютъ; а отъ корыстолюбія и жадности отводятъ какъ здравымъ ученіемъ, такъ и примѣромъ. Но когда, напротивъ того, поступаютъ строго и нечеловѣколюбиво; когда вперяютъ въ народъ возмутительныя мысли и звѣрообразные нравы, когда Кесарево Кесареви, а Божіе Богови воздавать (Мѳ. XXII, 21) не совѣтуютъ: тогда нельзя ожидать отъ нихъ в возвышенія народа, но паче пониженія и уменьшенія“. Ibid., стр. 44—46.

Эта проповѣдь сближаетъ Дамаскина съ лучшими представителями русской мысли въ царствованіе Екатерины II: о справедливости, какъ основномъ началѣ дѣятельности человѣка, часто говорили Державинъ, Фонвизинъ; то же мы находимъ и въ сочиненіяхъ самой Екатерины.

Проповѣдь „*О нуждѣ удовлетворенія Христова за всякаго человѣка*“ (сказ. въ вел. пятокъ 1778 г.) интересна также по отношенію къ современнымъ проповѣднику обстоятельствамъ. На вопросъ: для кого и для чего нужна была смерть Іисуса Христа? ясный отвѣтъ даетъ св. писаніе: „Той язвенъ бысть за грѣхи наша и мученъ бысть за беззаконія наша“ (Ис. LIII, 5); „Онъ есть оправданіе о грѣсѣхъ нашихъ, не о нашихъ же точію, но и всего міра“ (1 Іоан. II, 2). Но „какъ есть нынѣ премногіе, и къ несчастію нашему отчасу большее число является такихъ, которые, почитая себя мудрыми, не признаютъ его нужнымъ, и не только самихъ себя, но, къ большему нашему сожалѣнію, и другихъ премногихъ, въ вѣрѣ мало утвержденныхъ, въ томъ увѣрить и не стыдятся, и не опасаются“ [1]): то проповѣдникъ и считаетъ пристойнымъ обстоятельно побесѣдовать съ своими слушателями о семъ предметѣ. Далѣе излагается догматическое ученіе о необходимости удовлетворенія Христова по свидѣтельству слова Божія, находящему себѣ оправданіе и въ соображеніяхъ разума. Не входя въ подробное опроверженіе непріемлющихъ этого ученія, проповѣдникъ указываетъ, что такіе люди никогда не могутъ имѣть истиннаго успокоенія своей совѣсти: взамѣнъ отрицаемаго они не имѣютъ ничего, на чемъ бы могла успокоиться ихъ совѣсть, и въ этомъ отношеніи такіе люди несчастнѣе даже язычниковъ, которымъ откровеніе Божіе о средствѣ нашего спасенія было неизвѣстно. Вся проповѣдь проникнута чувствомъ сожалѣнія къ заблуждающимся, противъ которыхъ она направлена.

---

[1]) Ibid., стр. 181—182.

Въ тотъ же великій день въ слѣдующемъ 1779 г. Дамаскинъ говорилъ проповѣдь „*О подражаніи Христу*“ [1]). На основаніи св. Писанія онъ раскрываетъ передъ своими слушателями нравственный образъ Спасителя и указываетъ въ немъ тѣ черты, которымъ должны подражать христіане. Проповѣдь въ изобиліи украшена подходящими текстами изъ священныхъ книгъ Новаго Завѣта и отличается убѣдительностію и какою-то особенною искренностью, прочувствованностью. Ораторъ обращается къ непосредственному чувству каждаго и на немъ обосновываетъ справедливость и необходимость слѣдованія „высшему, превосходному и подражанія достойнѣйшему характеру“ нашего Наставника и Учителя.

„*О поправленіи народнаго характера*“. Екатерина, говоритъ проповѣдникъ, въ своемъ лицѣ представляетъ намъ воплощеніе всѣхъ тѣхъ обязанностей (должностей), какія возлагаются на каждаго государя, и въ ея воцареніи должно видѣть „особенный о любезномъ нашемъ отечествѣ Божескій промыслъ“ [2]). Въ числѣ этихъ обязанностей одна изъ главнѣйшихъ состоитъ въ томъ, что государь долженъ поправлять народный характеръ самыми благоразумными и человѣколюбивѣйшими способами, если этотъ характеръ худъ и презрителенъ [3]). Эта мысль и берется проповѣдникомъ для выясненія въ такой формѣ: „можетъ ли верховное правительство худой и презрительный всего народа характеръ поправить и удобрить, и какія есть для этого средства“? [4]).—Что же такое характеръ народа и какія его свойства? Характеръ народа составляютъ тѣ признаки, которыми одинъ народъ отличается отъ другого; они выражаются не только въ разсудкѣ и

---

[1]) Ibid., стр. 194—207.
[2]) Ibid., стр. 65.
[3]) Ibid., стр. 66.
[4]) Ibid., стр. 67.

умствованіи, но и въ склонностяхъ, въ добродѣтеляхъ и порокахъ, и даже во внѣшнемъ видѣ и въ поступкахъ. Чѣмъ ближе эти особенности разсужденія, склонностей и нравовъ подходятъ къ природѣ вещей или къ законамъ естественнымъ и особенно отъ Бога преданнымъ, тѣмъ превосходнѣе и тѣмъ похвальнѣе тотъ народъ, который ими обладаетъ; а чѣмъ далѣе отклоняются отъ нихъ, тѣмъ болѣе порицанія и хулы достойны. Ученые люди указываютъ многія причины для объясненія этого очевиднаго различія народовъ. Одни изъ нихъ приписывали то климату или физическому качеству воздуха и мѣстоположенія; другіе—воспитанію и обращенію съ людьми, третьи—формѣ ими системѣ правленія. Но, очевидно, какъ первая, такъ и другія двѣ причины однѣ порознь произвести того не могутъ. Климатомъ или мѣстоположеніемъ нельзя объяснить возвышеніе или пониженіе силъ разсудка человѣческаго и склонность человѣка къ добру или злу; это же доказываетъ и исторія, изъ которой мы узнаемъ, что, напр., нынѣшніе греки и итальянцы весьма отличны отъ древнихъ грековъ и римлянъ, нынѣшніе германцы не похожи на тѣхъ, которыхъ въ свое время описывалъ Юлій Цезарь. Да и въ самой Россіи населявшіе ее народы, прежде дикіе, грубые, непросвѣщенные, праздноживущіе и звѣрообразные, перемѣнились послѣ въ обходительныхъ, мягкосердечныхъ, скоропонятныхъ, трудолюбивыхъ и благопристойныхъ людей. Слѣдовательно не климатъ, хотя и онъ имѣетъ важное значеніе, но гораздо болѣе воспитаніе и образъ правленія служатъ причиною характера народнаго; поэтому нынѣ всѣ почти ученые люди въ томъ согласны, что возвышеніе или удобреніе силъ душевныхъ или просвѣщеніе разума въ цѣломъ народѣ происходитъ отъ распространенія наукъ и художествъ; трудолюбіе, умѣренность и бережливость отъ благоразумныхъ законовъ правительства, а нравственныя добродѣтели отъ почтенія къ религіи. Далѣе слѣдуетъ разъясненіе этихъ положеній. При мысли о распространеніи наукъ и искусствъ

проповѣдникъ воодушевляется, и его восторженная рѣчь дышетъ силою и убѣдительностію. „Какой прекрасный видъ, какую пріятную картину представляютъ намъ тѣ народы, которые науки и художества любятъ, которые въ нихъ денно и нощно упражняются! Тамъ нѣтъ дикости, нѣтъ звѣрообразія: понеже науки умягчаютъ нравы и не даютъ имъ быть свирѣпыми. Тамъ нѣтъ невѣжества, нѣтъ закоснѣлыхъ предразсудковъ: понеже всѣхъ умы просвѣщенны; всѣхъ понятія изощрены и поправлены; всѣхъ предразсудки истреблены. Тамъ нѣтъ ни волшебниковъ, ни чревобасниковъ, ни кликушъ, ни хиромантиковъ, ни другихъ симъ подобныхъ обманщиковъ: понеже ничему такому тамъ не вѣрятъ. Тамъ нѣтъ празднолюбцевъ, нѣтъ бездѣльныхъ людей, нѣтъ развратниковъ: понеже всѣ имѣютъ, въ чемъ, и знаютъ, какъ упражняться. Коль убо счастливо то общество, гдѣ ученіе повсюду распространено; а художества, сіи безпорочнѣйшіе источники удовольствія и благоустройства народнаго, занимаютъ праздныхъ людей руки. Въ такомъ обществѣ нельзя опасаться наглости, обидъ, притѣсненій и другихъ симъ подобныхъ варварства дщерей: понеже знаютъ всѣ свои права, всѣ наблюдаютъ свои должности. Тамъ своевольство, корыстолюбіе, лакомство, неправосудіе, роскошь и другія, вопль народный исторгающія, развратности мѣста имѣть не могутъ: понеже всѣ здравоумствующему послѣдуютъ разсудку, всѣ ему одному повинуются, всѣ имъ однимъ управляемы бываютъ.

Почему *весьма несправедливо, да и безчеловѣчно нѣкоторые политики умствуютъ, что простаю народа или нижняю состоянія людей просвѣщать не надобно.* Они, де, такъ покорны не будутъ, и управлять, де, ими трудно. Напрасно, говорю, такъ думаютъ. Ибо откуду непокорства нынѣ? откуду ослушанія? откуду бунтъ и мятежи? откуду человѣкоубивства и похищенія чуждыхъ имѣній? не отъ невѣжества ли и непросвѣщенія? не отъ остатковъ ли варварства еще

дикихъ народовъ? гдѣ кто и въ какомъ народѣ когда слыхалъ, чтобы подлинно просвѣщенный человѣкъ былъ мятежникомъ или разбойникомъ и душегубцемъ? Онъ лучше самую несноснѣйшую жизнь претерпитъ, нежели пожелаетъ нарушить общій покой, нежели быть участникомъ несчастія многихъ своихъ сограждант. Онъ хотя и видитъ, что власть въ рукахъ имѣющіе поступаютъ беззаконно; хотя и говоритъ иногда о томъ съ соболѣзнованіемъ: но никогда подобающаго имъ ослушанія не сдѣлаетъ; никогда союзникомъ съ безпокойнѣйшими и развратнѣйшими людьми быть не похочетъ; а только съ сокрушеніемъ сердца, смотря на оныхъ, будетъ искать случая, чтобъ чрезъ легчайшія и никому не вредныя то отвратить средства. Дикой же и въ варварствѣ взросшій человѣкъ не имѣя мягкосердія, а получа случай къ освобожденію себя отъ утѣсненія, всегда грубѣйшія и безчеловѣчнѣйшія къ тому употребляетъ способы. О коль бы безподозрительно, коль бы цвѣтущее было состояніе народовъ, когда бы отъ оныхъ политиковъ половина только тѣхъ дарованій, которыя истощены бываютъ ко удержанію въ нихъ невѣжества, глупости, боязливости, скудости и рабства, употреблена была на доставленіе имъ просвѣщенія, довѣренности и любви къ своимъ начальникамъ, достаточнаго пропитанія и благоразумной вольности! Пускай они возьмутъ себѣ то одно въ разсужденіе, что не лучше ли управлять такими людьми, которые пріобыкли правильно думать, которые знаютъ различать добро отъ худа, которые умѣютъ удерживать стремленія своихъ склонностей и поступать благопристойно и безобидно; нежели такими, которые, не умѣя бѣлаго отъ чернаго отличить, однимъ только дикимъ и необузданнымъ своимъ послѣдуютъ страстямъ? *Благоразумнаго убо и человѣколюбиваго правительства знакъ есть—стараться дать пристойное просвѣщеніе и простому народу*“ [1]).

---

[1]) Ibid., стр. 72—75.

Признавая, далѣе, условіемъ развитія добродѣтели въ обществѣ, „добропорядочнаго домостроительства“ „умѣренную и благоразсудительную строгость законовъ“, проповѣдникъ цѣнитъ вмѣстѣ съ этимъ „примѣры знатныхъ людей“ и самую лучшую религію, особенно примѣры государей и ихъ привязанность къ самой лучшей религіи. На значеніи религіи проповѣдникъ особенно останавливается и свидѣтельствами древней и новой исторіи показываетъ, что и сами государи важны, и законы ихъ сильны, и просвѣщеніе безопасно только чрезъ нее. Но если даже ложныя религіи составляли силу въ государствѣ, то какъ не перемѣнитъ характеръ народа самая лучшая религія? Самая же лучшая религія—христіанская, и христіанская такая, которая „кривыми толками, суевѣріемъ и корыстолюбіемъ не изгажена“ [1]). Обращая вниманіе слушателей на свое отечество, на своихъ сограждан̀ъ и на самихъ себя, проповѣдникъ хотя и допускаетъ большой шагъ впередъ въ развитіи русскаго народа со временъ Петра Великаго, но не думаетъ закрывать глаза на факты и охотно признаетъ, что многое еще требуетъ поправленія, о довершеніи чего неусыпно и старается Екатерина II чрезъ заведеніе училищъ и „мануфактуръ“, изданіе законовъ, чрезъ благоучрежденіе намѣстничествъ, опредѣленіе къ духовнымъ мѣстамъ достойныхъ пастырей и учителей и „чрезъ разосланіе по всей Россіи нарочно для того отъ св. Синода собранныхъ и выпечатанныхъ поученій“ [2]).

Глубоко симпатичный образъ чистаго душою проповѣдника идеалиста особенно ярко выступаетъ въ этой проповѣди. Многіе ли въ то время такъ мечтали и такъ открыто возвѣщали свои возвышенныя мечты о всеобщемъ просвѣщеніи, какъ источникѣ всеобщаго благополучія?

---

[1]) Ibid., стр. 79.

[2]) Ibid., стр. 80—82.

Нравственно-назидательнымъ характеромъ отличается проповѣдь Дамаскина *„о вредности и опасности непомѣрныхъ гуляній“* и пр. [1]).

Время Екатерины II было временемъ веселья непомѣрнаго—въ высшихъ, конечно, классахъ, значитъ и самыхъ богатыхъ; а за богатыми часто тянулись и люди средняго достатка. Современники Екатерины умѣли прожигать жизнь въ самыхъ утонченныхъ, а часто и въ самыхъ чувственныхъ удовольствіяхъ; людей, подобныхъ князю Мещерскому, о которомъ говоритъ Державинъ въ извѣстной одѣ, было не мало въ вѣкъ Екатерины II [2]). Примѣръ высшихъ классовъ могъ быть весьма заразителенъ для общества, и потому проповѣднику весьма благовременно было побесѣдовать съ своими слушателями на тему о томъ, что *„человѣкъ рождается на трудъ* (Іов. V, 7) и что *непомѣрныя гулянья, увеселенія и забавы вредны и опасны.*

Признавая естественную смѣну труда и отдыха законною и необходимою для поддержанія силъ нашего тѣла, проповѣдникъ останавливаетъ свое вниманіе на томъ обстоятельствѣ, что люди часто преступаютъ границы умѣренности въ своихъ „прогулкахъ“ и увеселеніяхъ, хотя бы сами по себѣ онѣ были ни добры, ни худы. Онъ обстоятельно показываетъ, какой вредъ и какая опасность происходитъ отъ злоупотребленія удовольствіями. Во первыхъ, забываются дѣла и обязанности, на насъ возложенныя, или исполняются безъ надлежащаго вниманія и раченія, а иногда поручаются лю-

[1]) По основной мысли эту проповѣдь можно поставить въ связь съ двумя рѣчами профессоровъ московск. университета: Шадена—о роскоши и Скіадана—о причинахъ и дѣйствіяхъ страстей душевныхъ и проч.; ср. Ист. московск. универс., стр. 244—245.

[2]) Стоитъ вспомнить статьи въ журн. „Наблюдатель“ (1883 г. №№ 1—6 ст. *В. О. Михневича:* Вѣкъ эпикурейства), гдѣ яркими красками нарисована картина сибаритской жизни Екатерининскихъ вельможъ.

дямъ, не могущимъ ихъ исполнить какъ должно. И это бываетъ иногда „съ тѣми особами, на которыхъ важнѣйшія отъ общества возложены бываютъ дѣла, дѣла такія, которыя ни малаго не терпятъ продолженія времени“. Любители удовольствій издерживаютъ больше, чѣмъ получаютъ, и часто разоряются; но и для достаточныхъ излишніе расходы служатъ препятствіемъ къ исполненію христіанскихъ обязанностей и даже просто обязанностей человѣка, ибо лишаютъ ихъ возможности дѣлать много добра. Во вторыхъ, излишнія увеселенія вредятъ воспитанію дѣтей. Проповѣдникъ указываетъ на тѣ опасности, какія происходятъ отъ того, что родители, гоняясь за удовольствіями, оставляютъ дѣтей дома или однихъ, или подъ присмотромъ неизвѣстныхъ имъ людей,—людей или развратныхъ, или невѣжественныхъ, суевѣрныхъ и грубыхъ. Въ третьихъ, злоупотребленіе забавами развиваетъ въ насъ пристрастіе къ земнымъ помысламъ, дѣлаетъ насъ „земными“ и чрезъ то отучаетъ отъ размышленій о небесныхъ вещахъ, которыя для насъ должны быть дороже, ибо лучшая часть существа нашего, наша душа—„Божеской природы“ и опредѣлена къ небесному жилищу; вмѣстѣ съ этимъ частыя гулянья и забавы отнимаютъ у насъ нужное время для упражненія въ уединенномъ богомысліи и производятъ въ насъ холодность къ благочестію. Такимъ людямъ нѣтъ времени чрезъ чтеніе св. Писанія и другихъ нравоучительныхъ книгъ, чрезъ собственное продолжительное размышленіе, чрезъ испытаніе самихъ себя и чрезъ ежедневную молитву вкоренять въ себѣ богопознаніе, вѣру, надежду, добродѣтель и набожность; поэтому не удивительно, что при такомъ поведеніи вѣра наша—каждому противорѣчію и сомнѣнію, добродѣтель—каждому искушенію, надежда—каждой опасности уступаетъ; не удивительно, что мы не смѣемъ отважиться предъ невѣрнымъ или ругателемъ закона открыть наше благоговѣніе къ Богу и Христу, и между друзьями порока защитить права добродѣтели.

Въ противность увлеченію частыми прогулками и увеселеніями, проповѣдникъ представляетъ, что большая часть забавъ и увеселеній тщетны, суетны и весьма отяготительны: онѣ приносятъ усталость и не даютъ спокойствія; поэтому не нужно тратить и безъ того короткое время жизни на бездѣлицы, а должно чаще помышлять о своемъ конечномъ часѣ и всегда помнить, что мы здѣсь, въ этомъ мірѣ, только гости и пришельцы, что намъ рано или поздно надобно будетъ непремѣнно разстаться съ здѣшними безполезными забавами и явиться на судъ предъ нелицепріятнымъ Судіей [1]).

Еще въ проповѣди „объ истинномъ гражданинѣ“ Дамаскинъ высказалъ мысль, что всякій гражданинъ, по мѣрѣ силъ своихъ, долженъ заботиться о благополучіи общества и содѣйствовать ему. Эта же мысль—*о распространеніи всеобщаго блага*—раскрывается подробно въ одной изъ лучшихъ проповѣдей Дамаскина.

Прежде всего проповѣдникъ опредѣляетъ всеобщее благо какъ такое добро, которое происходитъ изъ совокупности всѣхъ единичныхъ стараній, каждымъ человѣкомъ въ своемъ состояніи и званіи прилагаемыхъ; напр., если каждый въ отдѣльности повинуется законамъ и свято ихъ исполняетъ, то тѣмъ самымъ и во всемъ обществѣ уважаются законы. Эта связь отдѣльныхъ лицъ или, что́ тоже, гражданское сообщество справедливо уподобляется человѣческому тѣлу, въ которомъ разныя части отправляютъ каждая только ей назначенныя дѣйствія, но всѣ вмѣстѣ служатъ къ сохраненію цѣлаго, и самая малая изъ нихъ столько же нужна и важна, сколько и самая большая. Такъ и въ гражданскомъ обществѣ благоразумное употребленіе свойственныхъ каждому силъ, склонностей и способностей производитъ то, что мы называемъ

[1]) Пропов., стр. 84—102.

благосостояніемъ всего общества, и каждый членъ общества, какого бы онъ сословія и званія ни былъ, точно исполняя возложенныя на него обязанности, отправляя ихъ со всякимъ тщаніемъ, распространяетъ всеобщее благо: *Кійждо, въ неже званіе призванъ, въ томъ да пребываетъ* (1 Кор. VII, 20) [1]).

Въ проповѣди „*О томъ, какъ намъ лучшимъ образомъ умирать?*“ изъясняется не только эта одна мысль, но и еще двѣ: 1) что смерть Богочеловѣка Іисуса Христа есть средство къ умилостивленію Бога, и 2) что она для насъ есть руководство къ добродѣтели. Первая изъ этихъ мыслей изъясняется многочисленными свидѣтельствами (текстами) изъ Новаго Завѣта и ветхозавѣтными прообразовательными дѣйствіями. Раскрывая вторую мысль, проповѣдникъ указываетъ на примѣрахъ, что нѣтъ такой добродѣтели, которой бы не научала насъ смерть Іисуса Христа, и нѣтъ такого порока, отъ котораго она не отвращала бы; всесовершенное же послушаніе Богу, смиреніе, любовь къ ближнему—вотъ тѣ особенныя добродѣтели, которымъ научаетъ насъ смерть Іисуса Христа.

Приступая къ раскрытію мысли, положенной въ темѣ проповѣди, Дамаскинъ указываетъ прежде всего, что наука лучшимъ образомъ умирать есть труднѣйшая изъ всѣхъ и самая необходимая для всѣхъ, ибо всѣ должны рано или поздно умереть. Гдѣ же научиться этой труднѣйшей наукѣ? Конечно, не у тѣхъ, которые ни смерти, ни состоянія послѣ смерти не знаютъ; не у тѣхъ, которые безъ всякаго размышленія и приготовленія за порогъ жизни переступаютъ; не у тѣхъ, которые, отъ сластолюбія и роскоши задохнувшись, стремглавъ во гробъ валятся. Ей можно научиться только у креста Христова; ибо тамъ умеръ святѣйшій всѣхъ человѣкъ: тамъ умеръ Сынъ Божій. „Росмотримъ же, какъ Онъ умеръ. Онъ прежде всего то сдѣлалъ, чего Отецъ небесный отъ Него требовалъ.

---

[1]) Ibid., стр. 103—114.

Онъ весь законъ исполнилъ, ни одной заповѣди не преступилъ. Онъ всѣ наказанія за грѣхи, хотя чужія, претерпѣлъ. Для того и возгласилъ: *совершишася* (Іоан. XIX, 30). Посемъ вдругъ весь видъ его человѣчества измѣнился, жизнь начала сокращаться, духъ исходить и смерть приближаться. Чтожъ Онъ тутъ сдѣлалъ? Всѣ свои послѣднія силы собравши, возгласилъ: *Отче, въ руцѣ Твои предаю духъ мой. И сіе рекши, преклонивъ главу, испусти духъ* (Лук. XXIII, 46). Вотъ живѣйшій примѣръ и учитель, какъ надобно хорошо умирать! Ежели мы отъ сего учителя не научимся, какъ умирать, то не будемъ знать, что съ исходящимъ изъ насъ духомъ тамъ будетъ; не будемъ знать, куда ему по разлученіи отъ тѣла пойти надобно. Онъ ни страны оной новой, ни дороги туда не знаетъ. Для того избрать мы ему должны предводителя. Кого же предводителемъ ему въ незнакомую страну изберемъ мы лучше, какъ не Того, Котораго избралъ и Сынъ Божій? Онъ предалъ духъ свой Отцу своему: такъ и мы Ему предавать должны“ [1]).

О чаяніи будущей жизни. Въ темѣ проповѣди поставленъ вопросъ: „Для чего мы раждаемся на свѣтъ? Для того ли, чтобъ только ѣли, пили и веселились, а потомъ бы какъ прочія животныя, безъ чаянія будущаго, умирали, не оставя по себѣ никакихъ знаковъ своего бытія? или для того, чтобъ цѣломудренно, праведно и благочестно въ вѣцѣ семъ пожившіи, наслѣдили животъ вѣчный, какъ учитъ премудрый Павелъ? [2]). Очевидно, первое рѣшеніе вполнѣ согласовалось съ матеріалистической философіей XVIII вѣка и, какъ противное истинному пониманію смысла человѣческой жизни и дѣятельности, отрицается проповѣдникомъ. Человѣкъ есть „от-

---

[1]) Ibid., стр. 222—223.

[2]) Ibid., стр. 116.

мѣнное и преудивительное дѣло рукъ творческихъ", и если бы онъ произведенъ былъ отъ Бога на свѣтъ для наслажденія только временными благами, то былъ бы несчастнѣе всѣхъ прочихъ животныхъ, ибо послѣдніи „въ разсужденіи здѣшняго удовольствія и спокойствія" гораздо больше имѣютъ выгодъ и преимуществъ, нежели человѣкъ: они и растутъ скорѣе, и живутъ беззаботнѣе, и умираютъ спокойнѣе; о воспитаніи себя не заботятся, въ платьѣ не нуждаются, пищу достигаютъ простымъ способомъ, домовъ себѣ не строятъ; къ „досаднымъ" случаямъ хотя и чувствительны, но не столько, сколько человѣкъ; хорошо ли что, или худо дѣлаютъ, объ этомъ ни мало не заботятся, ибо все дѣлаютъ по врожденному имъ инстинкту и измѣнить его не могутъ. Поэтому и умираютъ безъ страха и опасенія будущаго наказанія [1]).

„Сколь жалко,—по сравненію съ этимъ,—первое вступленіе человѣка въ свѣтъ"—это всякому извѣстно. Человѣкъ раждается и нагъ, и слабъ, и глупъ такъ, что самъ собою жизни своей сберечь никакъ не можетъ. Лѣтъ до пяти и далѣе пищи самъ себѣ промыслить не въ силахъ; объ одеждѣ, о домѣ, о другихъ потребностяхъ и о предостереженіи себя отъ вредныхъ вещей или случаевъ и думать не въ состояніи. Что было бы, если бы оставить его въ семъ состояніи безъ всякаго призрѣнія и помощи на произволъ натуры, какъ *нѣкоторые нынѣшняго свѣта мудрецы сего хотятъ?* [2]). *Они учатъ: „Пусти человѣка на свой произволъ; собственный, де, опытъ всему его научитъ". О какъ безчеловѣчны сіи мудрецы!* Надѣются ли они, чтобъ человѣкъ взросъ самъ собою? Я не надѣюсь; но пускай бы взросъ: только имѣлъ ли бы онъ хоть видъ человѣческій? Можетъ быть, походилъ бы онъ нѣсколько на человѣка. Но подлиннымъ и совершеннымъ чело-

[1]) Ibid., стр. 117—118.

[2]) Разумѣется Ж. Ж. Руссо, противъ котораго и направлено всѣ это мѣсто.

вѣкомъ назвать бы его нельзя было, какъ то доказываютъ очевидные примѣры между звѣрьми воспитанныхъ людей. А сіе все не убѣждаетъ ли насъ признать ту истину, что человѣкъ требуетъ великаго попеченія, чтобъ сдѣлаться человѣкомъ“ [1])?

Но человѣкъ при всей слабости и бѣдности своей въ этой жизни одаренъ нѣкоторыми отмѣнными способностями, какихъ не имѣютъ прочія животныя. Его понятливость, его желанія простираются далѣе, чѣмъ у животныхъ; онъ имѣетъ даръ слова, разсуждаетъ о вещахъ и „тонко умствуетъ не только о настоящихъ, но и о прошедшихъ приключеніяхъ, а часто предусматриваетъ и будущія“, чего въ животныхъ нѣтъ. Кромѣ сего животныя въ своей дѣятельности слѣдуютъ только одному природному побужденію, по которому всѣ одинаковымъ образомъ и поступаютъ. Достиженіе желаемаго дѣлаетъ ихъ спокойными, и они о будущихъ потребностяхъ и удовольствіи не пекутся. Потребности же и желанія человѣка не имѣютъ предѣловъ; человѣкъ постоянно стремится и желаетъ все новыхъ и лучшихъ предметовъ, выгодъ и удовольствій. „Не довольствуясь свѣдѣніемъ и услажденіемъ земныхъ вещей, простираетъ вниманіе свое и пожеланіе даже до неба и сквозь звѣзды небесныя смотритъ, нѣтъ ли и тамъ для него какого лучшаго удовольствія и спокойствія, поелику здѣсь не сыскиваетъ онаго“ [2]). Вся эта безпредѣльность мыслей человѣка и неограниченность пожеланій его и означаютъ, что онъ созданъ на свѣтъ для того удовольствія и спокойствія, которое назначено ему по ту сторону жизни.

Эта же истина подтверждается и видимымъ часто въ настоящей жизни несоотвѣтствіемъ между блаженствомъ злыхъ и порочныхъ людей и страданіями добродѣтельныхъ, явно противнымъ правосудію и премудрости Божіей. Это видимое

---

[1]) Пропов. стр. 119.

[2]) Ibid., стр. 122.

противорѣчіе устраняется тѣмъ, что Богъ, безконечно справедливый и правосудный, и не терпящій неправды, когда здѣсь злыхъ людей по своему правосудію не наказываетъ, то бережетъ ихъ на день гнѣва и въ будущей жизни накажетъ; а когда добродѣтельныхъ оставляетъ здѣсь страдать и мучиться до конца жизни, то тѣмъ большую награду воздастъ имъ въ будущей жизни [1]). Таковы доводы о чаяніи будущей жизни изъ здраваго разсудка; ихъ справедливость подтверждается и тѣмъ, что еще благоразумнѣйшіе люди у древнихъ язычниковъ, не знавшіе откровенія, признавали, что душа человѣческая безсмертна и что добродѣтельныя души живутъ по смерти въ Елисейскихъ поляхъ, а развращенныя низвергаются въ мрачный тартаръ [2]). За этимъ слѣдуютъ въ проповѣди свидѣтельства изъ откровенія въ подтвержденіе раскрываемой мысли (Мѳ. VI, 26; Римл. VIII, 18; Филип. III, 20; Евр. XIII, 14; Филип. III, 19) и убѣжденіе вести себя сообразно высокому призванію христіанина.

Въ проповѣди *„О томъ, чтмъ апостолы побуждены были слѣдовать за Христомъ“*, раскрывается догматическое ученіе *о благодати предварительной и благодати дѣятельной*. Къ слѣдованію за Христомъ апостоловъ побудило: сходство ученія Христова съ Божіими совершенствами, согласіе его съ закономъ какъ естественнымъ, такъ и чрезъ Моисея преданнымъ, исполненіе пророчествъ и чудотворенія—это *благодать предварительная* [3]); совершенную же привязанность ко Христу и страстную къ проповѣди Его ученія ревность произвела Божія сила, называемая *благодатію дѣятельною*. Тѣ же причины дѣйствовали и на вѣрующихъ, которыхъ апостолы

---

[1]) Ibid., стр. 123—124.
[2]) Ibid., стр. 124—125.
[3]) Ibid., стр. 18—19.

обратили ко Христу. „Что обратило ко Христу и нашу пространнѣйшую Россію, какъ не тѣ же самыя причины“? [1]). Онѣ должны и насъ удерживать и подкрѣплять въ вѣрѣ Христовой. Проповѣдникъ желаетъ отъ своихъ слушателей не слѣпой вѣры, но сознательной, оправдываемой стремленіемъ разума, могущаго проникать въ свойства вещей и въ цѣль умствованій. Не должны мы самовольно и безъ всякаго основанія сомнѣваться въ истинѣ христіанскаго ученія, а тѣмъ болѣе отвергать оное; ибо имѣемъ твердый и непоколебимый столпъ христіанской вѣры въ лицѣ государыни [2]).

Обращенная къ Екатеринѣ II коротенькая рѣчь Дамаскина по посвященіи его во епископа интересна потому, что въ ней ораторъ высказываетъ тѣ обѣты, исполненіе которыхъ онъ считалъ лучшею благодарностью, могущею по достоинству засвидѣтельствовать движеніе внутренняго чувства новопосвященнаго. Онъ говоритъ: „Пойду въ мѣсто селенія славы Твоея; воспою величія дѣлъ Твоихъ посредѣ церкве; проповѣмъ порученной мнѣ паствѣ высокомонаршую волю Твою, и проповѣмъ не точію словомъ, но и дѣломъ, и постараюсь всегда возжигать ѳиміамъ усердія на алтарѣ приносимыхъ къ Богу молитвъ, да *въ немже живемъ, и движемся, и есмы*, той продолжитъ жизнь В. И. В., для благоденствія всѣхъ насъ вѣрноподданныхъ столь нужную“ [3]) и проч.

Такъ какъ въ книгѣ проповѣдей Дамаскина помѣщены еще одна его *рѣчь* и два *разсужденія*, то мы скажемъ здѣсь и о нихъ нѣсколько словъ. II рѣчь, и оба разсужденія читаны были, по всей вѣроятности, на торжественныхъ академическихъ собраніяхъ; по крайней мѣрѣ, относительно

---

[1]) Ibid., стр. 22.

[2]) Эта же проповѣдь въ сокращеніи напечатана на стр. 129—143. Говорена въ Петергофѣ въ присутствіи Екатерины II, 29 іюня 1782 года.

[3]) Ibid., стр. 144—145.

втораго разсужденія самъ Дамаскинъ замѣтилъ, что оно произнесено было „въ присутствіи ученѣйшихъ мужей“ [1]).

Рѣчь трактуетъ о томъ, какія причины убѣждаютъ насъ повѣрить, что религія христіанская есть истинная. Какъ и раньше въ проповѣдяхъ (напр., въ проповѣди о томъ, чѣмъ апостолы побуждены были, и проч.), и здѣсь Дамаскинъ говоритъ: „мы поелику съ малолѣтства воспитаны въ христіанской откровенной религіи, то не должны ли тогда, когда приходимъ въ здравый разсудокъ, изслѣдовать, имѣетъ ли она довольные признаки, отличающіе ее отъ другихъ, ложно вымышленныхъ откровеній, и доказывающіе, что она подлинно отъ Бога ведетъ свое начало“? [2]). Превосходство христіанскаго ученія доказывается согласіемъ его съ натуральной религіей, съ ветхозавѣтной религіей, исполненіемъ ветхозавѣтныхъ пророчествъ на Іисусѣ Христѣ и характеромъ самаго ученія и всѣхъ дѣйствій Основателя христіанства. По нѣкоторымъ мыслямъ эта рѣчь похожа на указанную выше проповѣдь о томъ, чѣмъ апостолы побуждены были къ слѣдованію за Христомъ.

Въ разсужденіи *о церковныхъ церемоніяхъ* [3]) доказывается мысль, что церковь Христова не можетъ быть въ семъ мірѣ безъ обрядовъ, и объясняется, какъ мы должны смотрѣть на обряды, ибо не всѣ они установлены самимъ Іисусомъ Христомъ, а нѣкоторые апостолами, иные послѣ нихъ церковными правителями; отсюда не одинаковая ихъ важность. При всей такой различной важности, мы не должны самовольно измѣнять ихъ или нарушать, а должны дѣлать это только съ согласія всей церкви, которая ихъ приняла. Вообще нужно руководствоваться *благоразуміемъ* относительно обрядовъ церковныхъ: малѣйшій безпорядокъ можетъ смущать другихъ,

---

[1]) Ibid., стр. 250.

[2]) Ibid., стр. 226—227.

[3]) Ibid., стр. 241—248

малѣйшій соблазнъ можетъ трогать сердца слабодушныхъ и неутвержденныхъ: „Должны есмы мы сильніи немощи немощныхъ носити, а не себѣ угождати, и кійждо да угождаетъ во благое къ созданію“ (Римл. XV, I).

Разсужденіе *о томъ, на какомъ хлѣбѣ лучше отправлять тайну причащенія, на квасномъ ли, или на пръсномъ,* надо полагать, вызвано было попытками іезуитовъ рѣшить этотъ вопросъ въ свою пользу. Разборъ римскаго ученія объ опрѣснокахъ изложенъ кратко, но ясно и убѣдительно. Авторъ, которому хорошо извѣстно мнѣніе восточныхъ отцовъ, знакомъ и съ мнѣніями ученѣйшихъ представителей латинскаго запада по этому вопросу (Латиніусъ Латинусъ; Сирмондъ, учитель парижской Сорбонны; кардиналъ Іоаннъ Бона и друг.). Здѣсь же Дамаскинъ вспоминаетъ и Фотія, патр. константинопольскаго (IX в.), молчаніе котораго объ отступленіи римской церкви отъ квасного хлѣба служитъ однимъ изъ доказательствъ, что эта церковь въ то время еще не знала обычая совершать таинство евхаристіи на опрѣснокахъ.

IX.

1783—1794.

Дамаскинъ—епископъ нижегородскій.

Вѣроятная причина перевода Дамаскина въ Н. Новгородъ.—Чѣмъ вызвано было учрежденіе нижегородской епархіи.—Задача Дамаскина на нижегородской каѳедрѣ.—Чѣмъ началась дѣятельность Дамаскина въ Н. Новгородѣ.—Отношенія къ духовенству вообще и къ дѣламъ о замѣщеніи мѣстъ въ епархіи; другія дѣла.—Дѣла съ раскольниками и отношеніе Дамаскина къ расколу;—непріятности отъ раскольниковъ.—Отношенія къ духовнымъ школамъ и въ частности къ семинаріи.—Учрежденіе нижегородской семинаріи и первый періодъ ея исторіи.—Мѣры къ поднятію образованности духовенства чрезъ семинарію.—Матеріальное положеніе нижегородской семинаріи и возвышеніе ея въ учебномъ отношеніи.—Семинарская библіотека.—Отношеніе Дамаскина къ переходу семинаристовъ въ университетъ.—Семинарскіе диспуты.—Догадка о причинахъ слабаго возвышенія Дамаскина въ духовной іерархіи и ея неосновательность.

Именнымъ указомъ отъ 22 сентября 1783 года Дамаскинъ переведенъ былъ на самостоятельную епархію въ Нижній Новгородъ [1]), на мѣсто переведеннаго въ Тверь преосв. Іоасафа, а въ Сѣвскъ назначенъ былъ архимандритъ тверскаго Калязина монастыря Ѳеоктистъ [2]). Съ большою вѣроятностію мы можемъ утверждать, что Екатеринѣ не нрави-

[1]) *Арх. Св. Синода.* Дѣло 1783 г., № 117.

[2]) Дѣло *Моск. Синод. Конт.* 4 дек. 1783 г. (Ѳ. 163).

лись „сильныя и обличительныя наставленія“ по адресу нижегородскихъ раскольниковъ предшественника Дамаскина преосв. Іоасафа, что, кажется, и было поводомъ къ перемѣщенію его въ Тверь [1]). Переводя въ Нижній Дамаскина, Екатерина, побуждаемая вѣротерпимостію, желала дать нижегородской паствѣ либеральнаго архіерея, хорошо знавшаго ея образъ мыслей, и чрезъ это успокоить расколъ.

На проѣздъ отъ сѣвера до Нижняго Дамаскинъ получилъ по высочайшему повелѣнію 1000 руб. [2]). Указъ Св. Синода отъ 25 сент. 1783 г. о переведеніи Дамаскина въ нижегородскую епархію полученъ былъ имъ 15 октября [3]), а въ сѣвской консисторіи 16 окт. [4]), въ нижегородской же 8 октября [5]). 26-го ноября того же года Дамаскинъ прибылъ въ Нижній Новгородъ [6]) и учинилъ присягу по генеральной формѣ [7]), каковая, за его подписомъ, и была отправлена въ св. Синодъ при рапортѣ. Съ этого времени ровно 10 лѣтъ, 3 мѣсяца и 20 дней Дамаскинъ оставался нижегородскимъ архіереемъ и проявилъ здѣсь еще болѣе плодотворную дѣятельность по управленію епархіей. Епархія эта, обширная не менѣе сѣвской [8]) и также удаленная отъ столичныхъ центровъ,

[1]) Ист. нижегор. іерархіи, стр. 158.

[2]) Арх. Св. Син. Дѣло 1783 г. № 117, стр. 86. Интересно, что въ отношеніи (отъ 18 окт. 1783 г.) генералъ-прокурора кн. А. Вяземскаго къ Синодальному оберъ-прокурору С. В. Акчурину объ этомъ сѣвская епархія названа *орловской*. Ibid.

[3]) Ibid., стр. 129.

[4]) Ibid., стр. 152.

[5]) Ibid., стр. 138.

[6]) Ibid , стр. 298.

[7]) Ibid., стр, 296.

[8]) При Дамаскинѣ въ ней было 1075 церквей. Древн. Рос. Вивліоѳ., ч. XVIII, стр. 108—110. Въ 1792 г. причислено было къ нижегородской епархіи изъ казанской и рязанской еще 13 церквей. *Арх. Св. Син.* Дѣло 1792 г. № 40. Въ составъ нижегор. епархіи въ 1783 г. входили слѣд. города и округи: Нижній, Балахна, Семеновъ, Перевозъ, Княгининъ, Горбатовъ, Макарьевъ, Сергачъ, Васильская округа, Ардатовская, Арзамасская и Дуконовская—

потребовала отъ Дамаскина еще большихъ заботъ и еще большаго напряженія силъ. И онъ не только прилагалъ все стараніе къ приведенію епархіи въ лучшій порядокъ, но и находилъ еще время заниматься учеными трудами.

Учрежденіе нижегородской епархіи относится къ 1672 году и вызвано было, какъ думаютъ [1]), усиленнымъ распространеніемъ въ Низовой сторонѣ раскола. Но и помимо этого самое положеніе и, такъ сказать, историческая роль Нижняго Новгорода требовали возвышенія его и въ церковномъ отношеніи на степень самостоятельнаго центра. Нижній Новгородъ имѣлъ своихъ великихъ князей, велъ частыя войны съ мордвою и татарами и въ продолженіе болѣе 400-лѣтняго [2]) существованія видѣлъ въ своихъ стѣнахъ много достопамятнаго для церкви и отечества. Онъ былъ проходнымъ городомъ для великихъ князей и святителей, ходившихъ съ дарами въ Золотую Орду, для царя Іоанна IV, ведшаго войска подъ Казань, и для Петра Великаго, плывшаго подъ Азовъ и Астрахань. Онъ былъ мѣстомъ, гдѣ рѣшалась судьба первопрестольнаго города, а съ нимъ вмѣстѣ и всей Россіи. Все должно было придать особенное значеніе устройству самостоятельной нижегородской епархіи и дѣлало ее одною изъ видныхъ въ Россіи. До назначенія Дамаскина, нижегородской епархіей въ теченіе 110 лѣтъ послѣдовательно управляли двѣ-

---

нижегор. намѣстничества; города Алаторь, Ардатовъ, что на Алаторѣ, Курмышъ, Котяковская округа, Корсунская и Канадейская—симбирск. намѣстничества; гор. Ядринъ—казанск. намѣстн.; Макарьевская—Унженская округа—костром. намѣстн.; Саранскъ, Шешкеевъ, Инсарская и Городищенская Округи—пензенскаго намѣстн., и Хвалынская, Сердобская и Кузнецкая округи—саратов. намѣстничества.

[1]) Древн. Рос. Вивл., ч. XVIII, стр. 94.

[2]) Основанъ въ 1212 г. велик. княземъ Георгіемъ Всеволодовичемъ. Древн. Рос. Вивл., ч. XVIII, стр. 72; впрочемъ, общепринятое мнѣніе склоняется въ этомъ отношеніи къ 1222 году. См. Дѣйствія нижегород. губернск. учен. архивн. комиссіи. Вып. 1—3. Н. Новгор. 1888 г.; стр. 8.—*А. М. Меморскій.* Основатель Н. Новгорода в. кн. Георгій (Юрій) II Всеволодовичъ. Истор очеркъ. Н. Новг. 1889; стр. 8.

надцать архипастырей, между которыми архіепископъ Питиримъ (1719—1738), Димитрій Сѣченовъ (1742—1748) и Антоній Зыбелинъ (1773—1782) пользуются особенною извѣстностію и болѣе всѣхъ первый, какъ ревностнѣйшій борецъ противъ раскола [1]).

Задача Дамаскина на нижегородской каѳедрѣ была нѣсколько иная, чѣмъ въ Сѣвскѣ. Такъ какъ инородческій элементъ въ населеніи нижегородской епархіи былъ господствующимъ, то для миссіонерской дѣятельности преосвященнаго прежде всего открылось широкое поприще. Съ другой стороны, расколъ, глубоко укоренившійся въ тамошнемъ краѣ, представлялъ не малую опасность для православныхъ и требовалъ особенно бдительнаго наблюденія и осторожнаго, благоразумнаго обхожденія съ ревнителями старой вѣры. Само духовенство, многочисленное, но не всегда стоявшее на высотѣ своего призванія, должно было сдѣлаться предметомъ особенной попечительности Дамаскина; устройство его быта въ краѣ разноплеменномъ и разновѣрномъ, съ остатками грубаго язычества и не менѣе грубыхъ нравовъ, дѣлало задачу преосвященнаго еще болѣе трудною. Богатый запасъ духовныхъ силъ и энергіи, соединенной съ широкимъ образованіемъ, помогъ ему выполнять задачу архипастырскаго служенія съ немалымъ успѣхомъ и въ такихъ размѣрахъ, въ какихъ это возможно было по условіямъ того времени. Среди разныхъ заботъ и трудовъ по управленію епархіей, Дамаскинъ никогда не оставлялъ одной заботы—о лучшемъ устройствѣ духовныхъ школъ, о распространеніи просвѣщенія въ духѣ православной вѣры и церкви, и даже считалъ это дѣло важнѣйшей задачей своего служенія. Пріятнымъ отдыхомъ отъ епар-

[1]) О нихъ и обо всѣхъ вообще іерархахъ нижегородскихъ съ 1672 до 1850 г. см. въ „Исторіи нижегор. іерархіи“, архим. *Макарія* (нынѣ архіепископа донского). Спб. 1857 г.—трудъ важный тѣмъ, что при составленіи его въ особенности были приняты во вниманіе архивныя бумаги нижегор. духовн. консисторіи и семинаріи.

хіальныхъ дѣлъ служили для него посѣщенія семинаріи и кабинетныя ученыя занятія, снискавшія ему почетное мѣсто въ ряду ученыхъ архипастырей. Разсмотрѣніе отдѣльныхъ сторонъ административной и ученой дѣятельности Дамаскина въ Н. Новгородѣ подтвердитъ намъ справедливость сказаннаго.

Въ Н. Новгородѣ не даромъ съ большою радостію и нетерпѣніемъ ожидали пріѣзда Дамаскина, прославившагося уже своею многоученостію, не даромъ устроили ему и торжественную встрѣчу [1]). Съ первыхъ же дней своего управленія новою епархіей Дамаскинъ начинаетъ проявлять большое вниманіе ко всѣмъ дѣламъ, поступавшимъ на его разсмотрѣніе. Не легко теперь пересмотрѣть всю ту груду бумажныхъ дѣлъ, какая сохранилась отъ времени Дамаскина въ архивѣ нижегородской духовной консисторіи и которая свидѣтельствуетъ намъ какъ о степени личнаго участія Дамаскина въ рѣшеніи разнообразныхъ вопросовъ епархіальной жизни, такъ равно и о характерѣ и направленіи административной дѣятельности преосвященнаго. Не имѣя въ виду вдаваться здѣсь во всѣ подробности, отмѣтимъ лишь самое главное и существенное.

По пріѣздѣ въ Н. Новгородъ, Дамаскинъ нашелъ зданія собора, семинаріи и архіерейскаго дома ветхими и во многихъ отношеніяхъ не устроенными. Пользуясь расположеніемъ Екатерины, онъ прежде всего обратился къ ней съ прошеніемъ о выдачѣ исчисленныхъ имъ 24483 р. 25 коп. на новыя постройки и на исправленіе разныхъ ветхостей въ показанныхъ зданіяхъ. Екатерина, указомъ отъ 17 іюля 1784 г. на имя генералъ-губернатора кн. А. А. Вяземскаго, повелѣла отпустить просимую сумму изъ доходовъ, принадлежащихъ казначействамъ, для остаточныхъ суммъ учрежденнымъ, расположивъ сей отпускъ по равнымъ въ теченіе пяти лѣтъ

[1]) Ист. нижегор. іерархія, стр. 170.

частямъ [1]). Копія съ указа государыни прислана была Дамаскину 17 іюля того же года изъ нижегородской казенной палаты при сообщеніи. Изъ дальнѣйшаго дѣла о томъ же предметѣ мы узнаемъ, что во исполненіе высочайшаго повелѣнія изъ нижегородской казенной палаты на постройку и исправленіе собора, семинаріи и архіерейскаго дома на 1784, 1785, 1786 и 1787 годы, на каждый по 4896 р. 65 коп., а всего 19586 р. 60 коп., по порученію Дамаскина, отпущено подъ расписки нижегородской семинаріи ректору, Спасопреображенскаго каѳедральнаго собора протоіерею Григорію Васильеву, и префекту, того же собора ключарю іерею Ѳеодору Иванову, коимъ изъ духовной консисторіи, въ силу резолюціи преосвященнаго, предписано: по полученіи суммы, храня ее въ безопасномъ мѣстѣ, на положенныя по смѣтѣ архитекторской строенія и починки, издерживать потребную сумму всякій разъ съ доклада преосвященному, съ записью израсходованнаго въ шнуровыя книги, выданныя изъ палаты. Извѣстно также, что эти послѣднія консисторія, вслѣдствіе резолюціи Дамаскина, 23 марта 1787 года препровождала въ казенную палату для ревизіи [2]). Вся испрошенная отъ императрицы сумма употреблена была Дамаскинымъ 1) „на покрышку теплаго Скорбященскаго собора и двухъ при соборной колокольнѣ алтарей; 2) на устройство каменной семинарской колокольни съ каменною подъ нею палаткою для библіотеки; 3) на поправку Спасопреображенскаго лѣтняго собора, въ которомъ передѣланы вновь главы и покрыты желѣзомъ вмѣстѣ со всею кровлею, задѣланы разсѣлины и произведены другія внутри и внѣ исправленія“. Въ семинаріи, кромѣ того, „всѣ встхости исправлены, на прежнемъ каменномъ корпусѣ выстроенъ но-

[1]) Архим. *Макарій* (Ист. ниж. іер., стр. 176), а съ его словъ и г. *Знаменскій* (Духовн. школы, стр. 495) говорятъ, что „неизвѣстно, сколько именно велѣно выдать денегъ“. Приведенная нами цифра основана на документальныхъ данныхъ, взятыхъ изъ архива нижегор. консисторіи.

[2]) Изъ архивн. дѣла нижегор. консисторіи.

вый каменный же и пристроено каменное зданіе къ другому строенію“ [1]).

Забота о приличномъ устройствѣ храмовъ въ епархіи была одною изъ первыхъ для Дамаскина. Прилагая всевозможныя старанія къ возобновленію старыхъ церквей, онъ слишкомъ ветхія или малоприходныя предназначалъ къ упраздненію. Такъ, напр., въ Н. Новгородѣ при немъ упразднены: церковь Казанская, малоприходная въ 10 саженяхъ отъ Благовѣщенскаго собора, Воскресенская въ кремлѣ, что у Никольскихъ воротъ, Спасская на Гремячемъ, между Рождественскою церковію и Благовѣщенскимъ монастыремъ на Нижнемъ Посадѣ, послѣ того, какъ сгорѣла. Одна изъ этихъ церквей, Казанская, по распоряженію Дамаскина, вскорѣ была перенесена за городъ на нынѣшнее кладбище Крестовоздвиженскаго женскаго монастыря. Изыскивая различныя средства для возобновленія храмовъ, особенно монастырскихъ, Дамаскинъ для той же цѣли нерѣдко привлекалъ богатыхъ людей изъ купеческаго и именнаго дворянства. Такъ, упомянутая Казанская церковь построена на новомъ мѣстѣ на средства нижегородскаго купца Стешева; Троицкій Островоезерскій монастырь возобновленъ былъ на деньги, выданныя граф. П. Б. Шереметевымъ по просьбѣ Дамаскина въ 1784 году. Было построено при Дамаскинѣ въ предѣлахъ нижегородской епархіи и семь совершенно новыхъ церквей [2]).

---

[1]) Ист. нижегор іерарх, стр. 177. Въ другихъ случаяхъ Екатерина не была такъ щедра на выдачу пособій. Послѣ штатовъ 1764 г. правительство распорядилось употреблять на починку монастырскихъ церквей и монастырей такъ назыв. „ненужныя“ монастырскія зданія, сдѣлавшіяся таковыми послѣ сокращенія штатовъ; въ такомъ смыслѣ сдѣлано было въ 1788 г. распоряженіе Синода Дамаскину, по поводу возобновленія каменной ограды алатырскаго Троицкаго монастыря, подчиненнаго тогда нижегородскому архіерею. Указъ этотъ напечатанъ въ дѣйствіяхъ нижегор. губ. учен. архивн. комис. Вып. 1—3 Н. Новг. 1888 г., стр. 48—50.

[2]) *Арх. Св. Синода.* Дѣла: 1784 г. №№ 67—68; 1786 г. № 82; 1788 г. № 69; 1789 г. № 85; 1790 г. № 83; 1792 г. № 87.

Отношенія Дамаскина къ духовенству и въ частности къ дѣламъ о замѣщеніи священно-церковнослужительскихъ мѣстъ въ епархіи показываютъ въ немъ начальника строгаго, но справедливаго, вникавшаго лично во всѣ подробности, даже мелочи сложной епархіальной жизни. Строгость въ отношеніи къ духовенству была необходима, ибо встрѣчались среди духовныхъ случаи выдающихся безобразій [1]). Высоко цѣня духовное образованіе и признавая его положительную необходимость для успѣшнаго прохожденія пастырскаго служенія, Дамаскинъ прежде всего требовалъ соотвѣтственнаго образовательнаго ценза отъ кандидатовъ на занятіе священно-церковнослужительскихъ мѣстъ и самъ всегда испытывалъ просителей въ знаніи церковнаго чтенія и пѣнія. Самъ будучи большимъ знатокомъ и любителемъ церковнаго пѣнія, онъ обращалъ особенныя заботы на это послѣднее. На промеморіи московской типографской конторы отъ 10 авг. 1784 г., при коей препровождено было въ нижегородскую консисторію 800 экз. сокращенныхъ обиходовъ, Дамаскинъ написалъ: „Изъ присланныхъ нотныхъ книгъ, оставя для семинаріи 50 экз., прочія разослать по монастырямъ, соборамъ и по лучшимъ приходскимъ церквамъ..., а священноцерковнослужителямъ объявили бы съ подпискою, чтобы они всенепремѣнно въ годъ вытвердили сей обиходъ. Для исправнаго въ нотномъ пѣніи обученія выбрать духовнымъ правленіямъ изъ діаконовъ или дьячковъ и пономарей по одному или по два въ округѣ своей, искусныхъ въ нотномъ пѣніи, и прислать ихъ къ намъ для освидѣтельствованія и полученія отъ насъ особеннаго предписанія, какъ и кого обучать нотному пѣнію“ [2]). Діаконы, освидѣтельствованные самимъ преосвященнымъ въ искусствѣ пѣнія, назначались, по расписанію, въ ту или другую

[1]) См., напр., Дѣло 3 сент. 1786 г. о безобразіяхъ свящ. села Хохлома Ивана Григорьева, въ *арх. нижег. д. консист.*.

[2]) *Арх. нижегор. конс.* Дѣло 4 нояб. 1784 г., л. 10.

округу для обученія не только церковнослужителей, но и дѣтей ихъ. Дамаскинъ не обращалъ вниманія и на просьбы прихожанъ о переводѣ къ нимъ, по ихъ желанію, того или другаго лица, даже изъ низшаго клира, если оно не удовлетворяло извѣстнымъ условіямъ. На прошеніи крестьянина села Лубенца Якима Семенова съ приходскими людьми о переводѣ въ ихъ приходъ на праздное пономарское мѣсто села Урлина пономаря Адріана Иванова, Дамаскинъ написалъ: „Читаетъ плохо; пѣть совсѣмъ не умѣетъ: для того не только не переводить къ другой церкви, но и при показанной отъ пономарства отрѣшить дотолѣ, пока не научится хорошо читать и пѣть по нотѣ“ [1]). Даже семинарское образованіе не помогало просителю, если онъ читалъ и пѣлъ плохо. На прошеніи одного экзаменованнаго имъ семинариста Дамаскинъ написалъ: „Досадно, что сей семинаристъ, дошедши до риторики, читаетъ неисправно, а пѣть по нотѣ обихода не умѣетъ. Велѣть его въ семинаріи обучать по нотѣ нотной обиходъ; и пока не вытвердитъ обихода, дотолѣ не представлять къ посвященію просителя во діакона“ [2]). Снисходя къ бѣдности просителей, Дамаскинъ тѣмъ не менѣе писалъ иногда въ резолюціяхъ, что „для пропитанія стариковъ не производятъ во діаконы“; такіе просители даже посылались иногда въ семинарскую работу на недѣлю. Особенно не любилъ Дамаскинъ, когда изъ дьячковъ просились въ попы: „Изъ дьячковъ въ попа не произведу“, писалъ онъ, „а паче въ городъ, гдѣ надобно быть ученому семинаристу“; а на другомъ прошеніи пономаря написалъ: „Пономаришка лѣзетъ въ попы. Видно

---

[1]) *Арх. нижегор. конс.* Дѣло 9 янв. 1784 г. № 27. Пономарь былъ обязанъ подпискою, чтобы чрезъ годъ „натвердился“ хорошо читать и пѣть по нотѣ, объяснялъ свое „замѣшательство“ въ чтеніи робостью „каковая обыкновенно предъ великими лицами подлымъ людямъ случается“; за это признаніе онъ былъ помилованъ и переведенъ на просимое мѣсто. Дѣло 25 янв. 1784 г. № 102.

[2]) *Арх. нижс. конс.* Дѣло 29 сент. 1784 г.

бездѣльникъ. Отослать въ семинарію на недѣлю для топки печей, чтобы и впредь не утруждалъ". Законныя просьбы всегда внимательно выслушивались и исполнялись Дамаскинымъ; онъ обыкновенно писалъ въ такихъ случаяхъ: „Консисторіи стараться всевозможно, чтобы сего просителя просьба была исполнена, понеже она законная". На пустыя жалобы Дамаскинъ не обращалъ вниманія и строго наказывалъ такихъ жалобщиковъ. Есть одна такая резолюція на жалобѣ діакона на священника: „Діаконъ видно плутъ, и не во время проситъ, и не порядочно, и о бездѣлицѣ. Отказать" [1]); а на другой жалобѣ священника на дьячка Дамаскинъ написалъ (22 марта 1789 г.): „Велѣть положить сему священнику пятьсотъ поклоновъ въ соборѣ за то, что въ самомъ маловажномъ дѣлѣ проситъ насъ въ такое время, когда и консисторія и мы заняты премногими важнѣйшими дѣлами; а притомъ что и долго такъ здѣсь живетъ, оставя церковь и приходъ свой въ сіи дни, въ кои ему надобно пріуготовлять прихожанъ къ исповѣди и святому причастію". Упорядоченіе взаимныхъ отношеній между причтами было дѣломъ не легкимъ въ то время. Дамаскинъ строго слѣдилъ за тѣмъ, чтобы священники не заходили съ требами въ чужіе приходы, и наказывалъ нарушителей. Въ то время вопросъ о церковныхъ старостахъ, о ихъ правахъ и отношеніяхъ къ причту, болѣе чѣмъ въ нынѣшнее время, былъ слабой стороной церковно-епархіальной жизни и подавалъ не мало случаевъ къ спорамъ и пререканіямъ, доходившимъ до архіерея. Архивныя дѣла представляютъ не мало такихъ случаевъ, что прихожане, выбравъ въ старосты угоднаго имъ человѣка, часто безъ вѣдома и согласія священно-церковнослужителей или даже вопреки имъ расходовали церковные сборы на мірскія нужды. Дамаскинъ строго преслѣдовалъ подобныя нарушенія указа Петра Великаго и другихъ законовъ, къ сему относящихся [2]). Въ дру-

[1]) *Арх. низш. конс.* Дѣло 10 іюля 1784 г. № 1124.

[2]) *Арх. низш. конс.* Дѣло 8 мая 1784 г. № 536.

гой разъ Дамаскинъ вздумалъ разослать по церквамъ 339 экз. проповѣдей митр. Платона, въ II томахъ, и 800 экз. инструкцій для благочинныхъ смотрителей, о чемъ далъ собственноручное предписаніе консисторіи, съ реестромъ, куда и сколько экземпляровъ слѣдуетъ [1]). Распространеніе этихъ книгъ не обошлось безъ большихъ затрудненій, причемъ въ однихъ мѣстахъ виноваты были сами священники, въ другихъ же, вѣроятно, зараженныхъ расколомъ, препятствіе оказывали церковные старосты, указывавшіе народу на то, „якобы мы (т. е. священники, приводившіе въ исполненіе резолюціи Дамаскина) церковь разоряемъ“ и что „намъ православныя книги не надобны, читать некому“. Дамаскинъ съ такими старостами не церемонился и на одномъ донесеніи священника с. Ягоднаго Иларіона Иванова о подобномъ старостѣ написалъ: „Старосту церковнаго отмѣнить и выбрать другаго“ [2]). Когда же изъ донесенія благочинныхъ отъ 10 марта 1786 г. Дамаскину стало извѣстно, что и два священника денегъ за книги не отдаютъ, онъ написалъ: „Показанныхъ селъ священниковъ сыскать и при семъ представить къ намъ“ [3]). Послѣднихъ словъ: „представить къ намъ“ всѣ члены причта особенно боялись, ибо Дамаскинъ по горячности своей при личномъ объясненіи съ виновными бывалъ иногда болѣе строгъ къ нимъ, чѣмъ въ своихъ резолюціяхъ, и налагалъ болѣе тяжелыя наказанія. Но по уважительнымъ причинамъ онъ часто смягчалъ и строгія резолюціи, или замѣнялъ ихъ незначительнымъ денежнымъ штрафомъ въ пользу бѣдныхъ семинаристовъ. Если Дамаскинъ видѣлъ въ чемъ-нибудь прямую пользу для церкви, то никакія постороннія соображенія не могли повліять на измѣненіе его резолюціи: „Все о хлѣбѣ думаютъ просители, а не о дѣлѣ: для того отказать“—такая резолюція по-

[1]) Предписаніе дано было 18 дек. 1784 г.
[2]) *Арх. нижс. конс.* Дѣло 28 мая 1785 г.
[3]) *Арх. нижс. конс.* Дѣло 12 марта 1786 г.

слѣдовала на прошеніи одного причта о неопредѣленіи въ ихъ составъ новаго члена—третьяго священника, богословіи слушателя Льва Павловскаго [1]).—Нерѣдко приходилось Дамаскину рѣшать спорныя дѣла духовныхъ съ крестьянами. Такъ, однажды смотритель благочинія вѣдомства Ардатовскаго духовнаго правленія села Чукалъ іерей Лаврентій Гавриловъ доносилъ Дамаскину, что у священника села Большого Талазина Ильи Иванова крестьяне отняли покосы за то будто бы, что онъ, священникъ, показалъ въ духовныхъ росписяхъ крестьянъ, старосту вотчины князя Ивана Романовича Горчакова и выборнаго Ивана Степанова не исповѣдавшимися, а ихъ за это оштрафовали. Убѣжденія благочиннаго не подѣйствовали на крестьянъ, и онъ донесъ Дамаскину; послѣдній далъ консисторіи такую резолюцію: „Сообщить о семъ въ намѣстническое правленіе и требовать удовольствія, а къ благочинному послать указъ, чтобъ церковь запечаталъ и къ показаннымъ здѣсь крестьянамъ съ требами ходить священнику запретилъ, пока отдадутъ сѣнокосъ и землю“ [2]).

Обращаемыхъ въ православіе изъ раскола Дамаскинъ отдавалъ ихъ помѣщикамъ съ распискою, чтобъ старались удержать ихъ въ правовѣріи, а приходскимъ священникамъ предписывалъ, чтобы надъ такими надзирали построже; если же отпадутъ опять отъ церкви и начнутъ ругать и другихъ совращать, то бы немедленно доносили о семъ преосвященному письменно. Часто приходилось Дамаскину по этимъ же дѣламъ сноситься съ свѣтскимъ начальствомъ и обращаться съ просьбами о принятіи гражданскихъ мѣръ противъ раскольниковъ и въ защиту православныхъ. Раскольники, напр., самовольно строили часовни и чинили православнымъ разныя притѣсненія. Дамаскинъ, по этому поводу, много разъ обращался къ правившему должность нижегородскаго и пензен-

[1]) *Арх. нижг. конс.* Дѣло 11 апр. 1784 г. № 167.

[2]) *Арх. нижг. конс.* Дѣло 7 сент. 1784 г. № 16.

скаго генералъ-губернатора Пв. Мих. Ребиндеру и въ случаяхъ медленныхъ дѣйствій со стороны гражданской власти доносилъ въ св. Синодъ и въ этихъ донесеніяхъ прописывалъ всѣ чинимыя духовенству раскольниками притѣсненія, хулы и обиды. Иногда онъ приказывалъ ловить раскольничьихъ учителей и присылать къ нему для вразумленія [1]).

Заговоривъ объ отношеніяхъ Дамаскина къ расколу, мы должны отмѣтить то замѣчательное явленіе, что за все время управленія Дамаскина двумя епархіями намъ встрѣтилось въ архивныхъ дѣлахъ консисторій слишкомъ мало дѣлъ о раскольникахъ. Явленіе это, конечно, не случайное, а объясняется оно особенною вѣротерпимостію Дамаскина [2]) и вытекавшими изъ нея послабленіями къ раскольникамъ. Даже въ нижегородской епархіи, гдѣ расколъ свилъ себѣ прочное гнѣздо съ давнихъ поръ и заявлялъ себя особеннымъ упорствомъ, Дамаскинъ смотрѣлъ на него снисходительно, и если приходилось ему разбирать жалобы на раскольниковъ, то онъ не посягалъ на права совѣсти, а защищалъ только гражданскія права духовенства, предоставляя въ важныхъ случаяхъ рѣшеніе такихъ жалобъ свѣтской власти. Такое отношеніе Дамаскина къ расколу, конечно, вполнѣ согласовалось со взглядами правительства. Екатерина II склонна была снисходительно относиться къ расколу, тѣмъ болѣе, что ей еще отъ Петра III осталось постановленіе, утверждавшее за раскольниками свободное отправленіе вѣры [3]). Теперь раскольники стали домогаться еще большихъ „кондицій“ и привиллегій. Преосв. Димитрій новгородскій и Гедеонъ псковскій, можетъ быть, изъ желанія попасть въ топъ самой государыни, выска-

---

[1]) Между прочимъ, въ донесеніи о раскольникахъ одного причта есть указаніе на существовавшій тогда обычай ходить по домамъ прихожанъ на Пасхѣ съ *богоявленскою* водою. *Арх. нижг. конс.* Дѣло 16 янв. 1785 г. № 11.

[2]) Ср. пропов. Дамаскина: Правда возвышаетъ языкъ, и проч.; стр. 176. примѣч. 2.

[3]) *С. Соловьевъ*, Ист. Россіи, т. XXV, стр. 276.

зали мнѣніе въ пользу соглашенія съ раскольниками [1]); напротивъ этого, двое другихъ преосвященныхъ, Гавріилъ петербургскій и Амвросій крутицкій, подали особое мнѣніе, въ которомъ высказывали, что „синкретизмъ или допущеніе разныхъ вѣръ въ самодержавномъ государствѣ отъ всѣхъ умныхъ людей за вредъ оному почитается, потому что ничто такъ не обовязуетъ поддапныхъ къ своему государю, какъ единовѣріе съ нимъ; вопреки же разпость въ вѣрѣ за весьма опасную поставляется". Въ случаѣ дозволенія раскольникамъ строить особыя церкви и имѣть особыхъ поповъ, „церковь въ Россіи можетъ раздраться на двое"; въ концѣ всего православнымъ можетъ быть отъ раскольниковъ „великое поврежденіе" [2]). Не смотря, однако, на такіе доводы, взглядъ Екатерины восторжествовалъ, и къ нему стали примѣняться многіе духовные администраторы; таковъ былъ и Дамаскинъ. Онъ тѣмъ болѣе считалъ себя въ правѣ дѣйствовать по отношенію къ расколу въ указанномъ направленіи, что самъ же Св. Синодъ указами отъ 3 янв. 1765 г., 6 янв. 1768 г. и 6 дек. 1770 г. предписывалъ дѣйствовать на расколъ мѣрами кротости, не дѣлать имъ никакихъ обидъ и притѣсненій и не держать подъ карауломъ.

Не смотря, однако, на то, что Дамаскинъ лично былъ противъ строгихъ карательныхъ мѣръ по отношенію къ раскольникамъ и не прибѣгалъ къ нимъ даже въ случаяхъ крайней необходимости,—онъ не могъ, конечно, всегда и вездѣ услѣдить, чтобы и духовенство дѣйствовало постоянно въ духѣ кротости; отсюда происходили иногда для него большія непріятности. Такъ, въ 1791 г. двое раскольниковъ, дворцовый крестьянинъ Гребенщиковъ и сызранскій купецъ Ладваповъ, подали отъ имени своихъ единомышленниковъ прошеніе императрицѣ, въ которомъ жаловались на притѣсненія

---

[1]) Ibid., стр. 277—8.

[2]) Ibid., стр. 278.

и обиды отъ церковнослужителей. Раскольникамъ, безъ сомнѣнія, извѣстенъ былъ взглядъ на нихъ правительства, и потому они крѣпко надѣялись на успѣхъ своей жалобы. Вслѣдствіе этого прошенія Екатерина приказала графу Александру Андреевичу Безбородкѣ объясниться съ митр. Гавріиломъ, а къ правившему должность нижегородскаго генералъ-губернатора П. М. Ребиндеру написать отъ ея имени о томъ, чтобы никто изъ старообрядцевъ не былъ притѣсняемъ въ ихъ образѣ мыслей и исповѣданіи вѣры, равно чтобы и отъ нихъ не было чинимо никакихъ безпорядковъ. Копія съ письма Безбородки къ Ребиндеру этимъ послѣднимъ была доставлена Дамаскину. Желая оправдаться въ клеветѣ, Дамаскинъ писалъ къ митр. Гавріилу, а вмѣстѣ съ письмомъ посланы къ нему и нѣкоторыя дѣла о раскольникахъ. Въ отвѣтномъ письмѣ митрополита, Дамаскину совѣтовалось быть осторожнымъ и благоразумнымъ въ обхожденіи съ раскольниками, чтобы не подавать никакого подозрѣнія въ ихъ притѣсненіи [1]). Подобный совѣтъ, впрочемъ былъ лишнимъ, ибо и раньше Дамаскинъ держался точно такого же образа дѣйствій по отношенію къ расколу; тѣмъ не менѣе все это дѣло принесло преосвященному великое огорченіе, особенно въ виду измѣнившихся отношеній къ нему государыни.

Вопросъ о достойномъ образованіи пастырей церкви и вообще о лучшемъ устройствѣ духовныхъ школъ былъ однимъ изъ самыхъ близкихъ сердцу Дамаскина какъ по личной любви его къ просвѣщенію, такъ и по особенному положенію нижегородской епархіи, особенно нуждавшейся въ пастыряхъ просвѣщенныхъ. Изъ всѣхъ духовныхъ школъ особеннымъ вниманіемъ и заботливостію преосвященнаго пользовалась, какъ и естественно было, семинарія. Ея исторія тѣсно связана съ исторіей епархіи. По мѣрѣ устройства первой устро-

[1]) Ист. нижегор. іерархіи, стр. 178.

ялась и послѣдняя; что было побудительной причиной къ учрежденію епархіи въ 1672 г., то же самое было причиной и къ открытію семинаріи—это расколъ, распространившійся въ предѣлахъ нижегородской епархіи въ концѣ 17 и началѣ 18 вѣка. Незабвенный для нижегородской епархіи архипастырь, извѣстный ревнитель православія, просвѣщенный Питиримъ въ ученомъ духовенствѣ хотѣлъ найти себѣ помощниковъ при обращеніи изъ раскола, и поэтому, а также въ силу духовнаго Регламента, первый изъ нижегородскихъ іерарховъ возымѣлъ намѣреніе открыть духовное училище въ своей епархіи. Немедленно донесъ онъ объ этомъ Петру I и по указу 1721 года при своемъ архіерейскомъ домѣ „завелъ двѣ грамматическія школы, еллиногреческую и славянороссійскую“ [1]); въ 1738 г. онъ преобразовалъ эти школы, присоединивъ къ нимъ третью новую, высшую школу, подъ именемъ славянолатинской, и далъ всѣмъ имъ инструкцію [2]). Всѣ три школы вмѣстѣ съ этого времени и стали извѣстны подъ именемъ семинаріи. Изъ преемниковъ преосв. Питирима въ исторіи семинаріи памятны епископы Іоаннъ I (Дубинскій, 1739—1742), увеличившій матеріальныя средства сборами съ монастырей и церквей и хлопотавшій объ устройствѣ каменнаго помѣщенія для семинаріи [3]), и Димитрій Сѣченовъ. Въ 1743 г. 7 мая онъ перевелъ семинарію изъ прежняго ея помѣщенія въ архіерейскомъ кремлевскомъ домѣ на мѣсто, нынѣ ею занимаемое и купленное при немъ съ каменными, прежде бывшими „палаты о двухъ апартаментахъ (этажахъ), съ надворнымъ строеніемъ, огородомъ и садомъ, на содержаніе еллино-греческихъ и славяно-латинскихъ учителей и учениковъ“ [4]). Купленное зданіе было перестроено и надлежащимъ

[1]) Ibid., стр. 78.

[2]) Ibid., стр. 100. Инструкція напечатана во Временникѣ Имп. Моск. Общ. ист. и древн. рос. 1853 г., кн. 13.

[3]) Ibid., стр. 106—107.

[4]) Ibid., стр. 119.

образомъ приспособлено для цѣлей учебнаго заведенія; когда же въ 1744 г. 20 окт. семинарское строеніе сгорѣло, то немедленно трудами того же преосвященнаго было возобновлено, и семинарія получила опредѣленное внѣшнее и внутреннее устройство [1]). Такъ постепенно расширяя свои внѣшнія границы и упрочивая свой внутренній бытъ, семинарія дожила наконецъ до втораго періода своей исторіи—до 1765 года, когда положенъ былъ на содержаніе семинаріи первый штатный окладъ отъ казны въ 816 руб. 93 3/4 коп. [2]). Къ концу перваго періода, въ 1764 г., въ нижегородской семинаріи было 10 классовъ, или школъ, подъ именами философіи, риторики, піитики, греческаго и французскаго языковъ, синтаксимы, инфимы, грамматики, фары, началовъ фары; послѣднія три школы назывались также школами инфимы, аналогіи и началовъ аналогіи. Учениковъ въ 1764 г. было 277, а учителей 7, которые получали жалованья отъ 15 до 80 руб. въ годъ [3]).

Во второмъ періодѣ существованія семинаріи, который продолжался до 1818 года, самое блестящее положеніе ея было во время управленія Дамаскина, и оно должно быть приписано, конечно, заботамъ преосвященнаго. Еще въ 1784 г. Дамаскинъ потребовалъ, чтобы всѣ дѣти духовенства отъ семилѣтняго возраста были присланы въ семинарскую контору для „апробаціи“, кто изъ нихъ способенъ учиться въ семинаріи. Послѣ, знакомясь по различнымъ дѣламъ лично и изъ прошеній съ семейнымъ положеніемъ духовенства, Дамаскинъ неоднократно предписывалъ привозить дѣтей въ извѣстное время въ семинарію, предварительно „обуча грамотѣ и писать“. Такія предписанія и другія мѣры, даже нерѣдко

---

[1]) Ibid., стр. 120—121.

[2]) *П. Знаменскій*, Дух. школы, стр. 492. Съ 12 февр. 1780 г. положенъ былъ на семинарію годовой окладъ въ 2000 руб. Ibid., стр. 497.

[3]) *Іером. Макарій*, ист. нижегор. семин. Н. Новг. 1849 г., стр. 8.

насильственнаго характера, вызывались въ то время необходимостію; ибо духовенство, отчасти по невѣжеству, отчасти же по бѣдности, неохотно отдавало дѣтей своихъ въ ученье; *выдумывались* нерѣдко различные поводы для избѣжанія семинаріи—болѣзнь, припадки и проч., причемъ дѣти, такъ сказать, входили въ соглашеніе съ отцами. Дамаскинъ не вѣрилъ на—слово и, когда по разслѣдованіи обнаруживалось ложное показаніе родителей, строго наказывалъ послѣднихъ. „Велѣть при попѣ сына высѣчь въ семинаріи хорошенько, чтобы не отговаривался болѣзнію, а попа оштрафовать за сіе по разсмотрѣніи консисторіи“—писалъ Дамаскинъ на одномъ прошеніи, въ которомъ, по соглашенію отца съ сыномъ, указывалась несуществующая причина для избѣжанія семинаріи. Укрывательство дѣтей также практиковалось въ большихъ размѣрахъ, особенно среди низшаго клира. Дамаскинъ и тутъ развѣдывалъ и не церемонился съ укрывателями; въ архивныхъ дѣлахъ консисторіи не мало резолюцій въ родѣ слѣдующей: „діакона *принудить* сына отдать въ семинарію, а за укрывательство оштрафовать двумя рублями“. Часто и уважительныя, повидимому, причины не могли избавить отъ строгихъ взысканій за неисполненіе предписаній преосвященнаго. У одного священника потребовали сына въ семинарію, но ему не хотѣлось отдавать, и въ прошеніи объ увольненіи сына онъ сослался на бѣдность и малоприходность; Дамаскинъ написалъ. „Сына взять всенепремѣнно въ семинарію, а попа за пустую просьбу отослать въ работу семинарскую на недѣлю“. Часто бѣдность низшаго клира заставляла сперва находить какое-нибудь церковническое мѣсто, доходами съ котораго можно было бы содержаться въ семинаріи. Иные въ прошеніяхъ объ этомъ умѣли очень хорошо нападать въ топъ преосвященнаго. Одинъ бѣднякъ въ подобномъ случаѣ такъ началъ свое прошеніе: „Вѣдая величайшія пользы, проистекающія отъ наукъ подъ покровительствомъ Вашего Преосвященства произрастающихъ, и дознавъ премногими

опыты, что ученье вездѣ и по всему человѣка дѣлаетъ счастливымъ, неложное имѣю я, нижайшій, намѣреніе отдать сына моего въ семинарію“....

Насколько трудно было въ то время просвѣщенному архипастырю бороться съ нерасположеніемъ духовенства къ школѣ въ глухомъ, отдаленномъ краѣ, можно видѣть изъ того, что, не смотря на строгія предписанія Дамаскина на счетъ обязательности элементарнаго обученія чтенію и письму, въ 1789 году общее число дѣтей обученныхъ (разумѣются дѣти до 15-лѣтняго возраста, кромѣ опредѣленныхъ въ дѣйствительный церковный причтъ) было во всей епархіи въ десять слишкомъ разъ меньше числа необученныхъ, а именно первыхъ было 230, а послѣднихъ 2408 [1]). При всемъ томъ, уже на четвертомъ году управленія Дамаскина (1787-мъ) въ семинаріи обучалось 450 учениковъ, изъ которыхъ 100 было казеннокоштныхъ, да въ четырехъ духовныхъ гимназіяхъ около 250 [2]). Что касается средствъ содержанія семинаріи, то къ изысканію ихъ прилагались Дамаскинымъ всевозможные способы. Казенный окладъ въ 2000 руб. былъ слишкомъ недостаточенъ даже для содержанія одной только многолюдной семинаріи. Этимъ объясняется и то обстоятельство, что участіе семинаріи въ экономическомъ бытѣ низшихъ школъ, которыхъ было не мало, ограничивалось только административными къ нему отношеніями, да выдачею имъ рублей по 5—10 въ годъ „на дрова, на покупку бумаги и чернилъ, сургучу для присылаемыхъ вѣдомостей, репортовъ и прочаго въ контору семинарскую“ [3]). Хотя мы и не имѣемъ опредѣленныхъ указаній на источники содержанія семинаріи, но можемъ думать, что они были не незначительны, если было возможно содержать 100 учениковъ „на казенномъ коштѣ“.

---

[1]) Изъ архива нижегор. консист.

[2]) Ист. ниж. іерарх.. стр. 173. Ист. нижегор. семин., стр. 12.

[3]) Педагогич. Вѣстн. 1858 г., т. III, отд. 3; стр. 18.

Изъ однихъ только штрафныхъ денегъ съ духовенства составлялась, вѣроятно, не малая сумма, а при благоустроенности зданій семинарскихъ, достигнутой вспомоществованіемъ императрицы, легче было всѣ свободныя суммы обращать на содержаніе учениковъ.

Въ учебномъ отношеніи семинарія при Дамаскинѣ также въ значительной мѣрѣ преобразовалась къ лучшему. Возвышеніе семинарскаго образованія, въ смыслѣ распространенія круга изучаемыхъ наукъ и улучшенія качества преподаванія, вполнѣ согласовалось съ личными воззрѣніями Дамаскина и потому особенно занимало его. При немъ въ семинаріи обучались, кромѣ нижнихъ классовъ, піитикѣ, риторикѣ, философіи, богословію, языкамъ греческому, французскому, нѣмецкому, также ариѳметикѣ, географіи и исторіи [1]). По долгу пастыря и по личному сознанію, Дамаскинъ обратилъ особенное вниманіе на распространеніе богословскихъ знаній; онъ первый ввелъ въ семинаріи толкованіе катихизиса и объясненіе Св. Писанія. То и другое производилось учителями въ семинарской церкви, а для приготовленія къ проповѣдничеству слушатели богословія и философіи обязаны были въ той же семинарской церкви произносить проповѣди своего сочиненія. Богословіе при Дамаскинѣ стало преподаваться отдѣльно отъ философіи и въ болѣе обширномъ, ученомъ видѣ [2]), вмѣсто *краткой Богословіи*, введенной Антоніемъ Зыбелинымъ въ 1775 году [3]). Усовершенствовано было также преподаваніе инородческихъ языковъ, а для образованія учителей по этимъ языкамъ Дамаскинъ посылалъ нѣкоторыхъ учениковъ въ Казань. Заботясь о возвышеніи семинарскаго образованія, Дамаскинъ посылалъ студентовъ и даже учителей обучаться въ

[1]) Древн. Рос. Вивліоѳ., ч. XVIII, стр. 151; 173.

[2]) Ист. нижегор. семинаріи, стр. 12—13.

[3]) Ист. нижегор. іерарх., стр. 151; 173.

Московской Академіи какъ всѣмъ наукамъ, такъ и въ частности новымъ языкамъ и эллино-греческому [1]).

Особенныя заботы прилагаемы были преосвященнымъ для обогащенія книгами нижегородской семинарской библіотеки, которая вслѣдствіе этого при Дамаскинѣ пополнилась множествомъ цѣнныхъ сочиненій. Такъ, напр., послѣ смерти бывшаго въ нижегородскомъ Печерскомъ монастырѣ настоятелемъ архимандрита Софронія, Дамаскинъ отдалъ въ семинарскую библіотеку часть оставшихся книгъ—не церковныхъ—на русскомъ и иностранныхъ языкахъ „для употребленія въ пользу обучающагося юношества“ [2]). Въ семинарскую же библіотеку, какъ свидѣтельствуетъ Дамаскинъ [3]), также отдано было книгъ на немалую цѣну отъ преосв. Палладія, жившаго на покоѣ въ Печерскомъ монастырѣ и управлявшаго онымъ [4]). Имѣя знакомство съ учеными русскими и иностранными и слѣдя внимательно за вновь выходящими сочиненіями, Дамаскинъ много выписывалъ различнаго рода книгъ; какихъ нельзя было достать въ Россіи, тѣ выписывались изъ Германіи; а многія также присылались ему въ даръ авторами. По его приказанію, составленъ былъ всѣмъ семинарскимъ книгамъ полный каталогъ, а для наученія искусству переплетать ихъ былъ посланъ въ 1791 г. въ Москву на два года ученикъ риторики Герасимъ Зефировъ [5]). Не

---

[1]) Напр., въ Москву обучаться эллино-греческому языку посланъ былъ въ 1784 г. діаконъ Архангельскаго собора, бывшій уже учителемъ, Василій Трофимовъ Сергіевскій.

[2]) *Арх. Св. Синода.* Дѣло 1787 г. № 107; стр. 103.

[3]) Ibid., стр. 220.

[4]) Палладій Юрьевъ, самъ воспитанникъ нижегор. семинаріи, бывшій епископомъ рязанскимъ, съ 1779 г. жилъ на покоѣ въ Печерскомъ монастырѣ. Съ 1753 до 1758 г., когда былъ сдѣланъ епископомъ рязанскимъ, онъ былъ архимандритомъ этого монастыря. Ум. 3 дек. 1789 г., Обзоръ дух. литер., вып. 2, стр. 359.

[5]) Ист. нижегор. іерарх., стр. 174.

мало и собственныхъ книгъ пожертвовалъ Дамаскинъ въ библіотеку, особенно при отъѣздѣ изъ Нижнаго Новгорода; тамъ хранится и по настоящее время рукописная „Нравоучительная Богословія, въ Геттингенскомъ университетѣ преподанная докторомъ Богословія Лессомъ 1771 года“ [1]).

Что касается перехода семинаристовъ въ университетъ (московскій), то Дамаскинъ имѣлъ на этотъ предметъ особый взглядъ, который по одному случаю и выраженъ имъ въ письмѣ къ москов. митроп. Платону: „Здѣшніе семинаристы (В. Богородскій и Л. Павловскій), писалъ Дамаскинъ, обучавшіеся въ московской Академіи, на сихъ дняхъ явились ко мнѣ и просили дозволенія, чтобы еще имъ поучиться въ Академіи, а потомъ въ московскомъ университетѣ; но какъ я примѣтилъ изъ ихъ рѣчей, что имъ хочется посредствомъ университета выти въ другое званіе, то и разсудилъ оставить ихъ здѣсь“ [2]). Возможно, впрочемъ, что это нежеланіе Дамаскина отпустить семинаристовъ въ университетъ вызвано было и опасеніемъ его, чтобы молодые, неопытные люди не подпали въ Москвѣ вліянію Новикова, противъ котораго въ 1786 году, послѣ сдѣланнаго у него обыска, возбуждено было преслѣдованіе [3]). Близкое совпаденіе по времени указанныхъ двухъ обстоятельствъ дѣлаетъ вѣроятнымъ такое предположеніе.

Въ XVIII стол. воспитанники семинарій не устранялись начальствомъ отъ участія въ общественной жизни, и даже въ стѣнахъ самыхъ семинарій происходили торжества

---

[1]) Надписано рукою Дамаскина. Значится въ семин. библіотечн. каталогѣ подъ № $\frac{3541}{2}$. Въ мал. 4-ку.

[2]) С. *Смирновъ*, Ист. моск. Акад., стр. 352. Поданное письмо Дамаскина къ м. Платону было при дѣлахъ архива моск семинарск. Правленія 1787 г., потомъ передано въ архивъ моск. Академіи, а теперь должно остаться утраченнымъ.

[3]) *М. Лонгиновъ*, Новиковъ и москов. мартинисты; стр. 250—251; 259 и слѣд.

и увеселенія, сопровождаемыя рѣчами, музыкой, пѣніемъ иллюминаціями и т. п., привлекавшими многочисленныхъ посѣтителей изъ разныхъ слоевъ общества. Примѣръ въ данномъ случаѣ показывали семинаріямъ академіи, а многіе архіереи поощрительно относились къ этимъ благороднымъ развлеченіямъ семинаристовъ и прилагали всѣ мѣры къ тому, чтобы обставить семинарскіе праздники большею торжественностію. Однимъ изъ выдающихся въ этомъ отношеніи архіереевъ былъ Дамаскинъ.

Еще въ пятидесятыхъ годахъ въ Н. Новгородѣ помнили о тѣхъ семинарскихъ ученыхъ диспутахъ, которые бывали при Дамаскинѣ [1]). Начало имъ положено было предшественникомъ Дамаскина, преосв. Іоасафомъ [2]), но прославилъ ими нижегородскую семинарію только Дамаскинъ. Мы видѣли уже, что еще въ московской Академіи онъ любилъ устраивать ученыя состязанія студентовъ, обставляя ихъ особенною торжественностію. Вскорѣ по пріѣздѣ своемъ въ Н. Новгородъ, Дамаскинъ приказалъ устроить въ семинаріи каѳедру по образцу геттингенскаго университета. На ней было два мѣста вверху и внизу, занимаемыя во время диспутовъ возражающимъ и отвѣчающимъ, или, какъ тогда говорили, „оппонентомъ“ и „респондентомъ“. На трехъ боковыхъ сторонахъ этой каѳедры были изображенія изъ миѳологіи и древней исторіи. Съ одной стороны нарисованъ былъ великолѣпный храмъ Минервы, съ латинскими стихами о постепенномъ пріобрѣтеніи просвѣщенія; съ другой—Діогенова бочка, съ надписью о мудрости, почивающей не на мягкомъ ложѣ, а съ третьей стороны изображенъ былъ горящій свѣтильникъ, какъ символъ просвѣщающихъ наставниковъ. Эта каѳедра (теперь ея уже нѣтъ)

---

[1]) Ист. ниж. іерарх., стр. 174.

[2]) Ibid., стр. 159.

стояла въ аудиторіи, а послѣ въ залѣ собранія [1]). Предъ наступленіемъ диспута пѣвчими были изучаемы канты, а студентами рѣчи на разныхъ языкахъ, стихи, разговоры и темы для ученыхъ состязаній. Все это заранѣе представляли Дамаскину на разсмотрѣніе. Наканунѣ диспута покупали пудры, шпилекъ и нанимали парикмахера для уборки 13 студентовъ [2]). То же бывало и предъ поздравленіемъ преосвященнаго во дни торжественные и праздничные, когда произносились студентами поздравительныя рѣчи. Въ самый день диспута преосвященный съ почетными лицами, въ сопровожденіи хора пѣвчихъ, торжественно ходилъ изъ своего дома въ семинарію. По приходѣ, въ большой ея залѣ произносились убранными студентами привѣтственныя и благодарственныя рѣчи на восьми языкахъ: русскомъ, греческомъ, латинскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ, татарскомъ, чувашскомъ и мордовскомъ. На первыхъ трехъ языкахъ читались и стихи; а по-русски разговоры и состязанія между двумя приготовленными студентами велись подъ руководствомъ префекта или ректора; для большаго увеселенія публики, различныя чтенія перемежались пѣніемъ кантъ. Эти диспуты, повторяясь каждый годъ, сдѣлались извѣстны повсюду. Въ 1787 году Дамаскинъ приказалъ описать по порядку весь ходъ диспута въ память двадцатипятилѣтняго царствованія Екатерины II и напечатать

---

[1]) Залъ собранія въ настоящее время представляетъ громадную въ два свѣта комнату, съ колоннами и хорами съ правой стороны; прямо изъ него дверь ведетъ въ довольно просторное помѣщеніе фундаментальной библіотеки.

[2]) Въ семинарскихъ расходныхъ книгахъ того времени остались записи, въ случаѣ поздравленій и диспутовъ, объ издержкахъ на пудру, шпильки и для уборки 13 семинаристовъ, которые получали во время диспутовъ отъ Дамаскина въ награду книги, а во время поздравленій по нѣсколько денегъ.

его со всѣми произнесенными рѣчами и разговорами, для поднесенія императрицѣ [1]).

Такова была, въ главныхъ чертахъ, епархіальная дѣятельность Дамаскина въ Н. Новгородѣ; она была многосложна, разносторонняя и по своимъ результатамъ, несомнѣнно, плодотворна. Многосторонне—образованный епископъ, дѣятельный администраторъ, извѣстный своею ученостію мужъ,—Дамаскинъ долженъ бы быть на виду у правительства, повидимому, такъ дорожившаго образованными людьми. Къ сожалѣнію, мы этого не видимъ: Дамаскинъ черезъ десять лѣтъ не могъ возвыситься выше сана епископскаго. Въ настоящее время трудно выяснить причины этого явленія. Указывали на то, что Дамаскинъ, будучи отъ природы веселаго характера, любилъ иногда находить утѣшеніе въ собраніяхъ и развлеченіяхъ свѣтскихъ людей, что̀ подавало поводъ къ суетнымъ разглашеніямъ, которыя, думаютъ, и были причиною неблагопріятнаго мнѣнія о преосвященномъ въ высшихъ сферахъ [2]). Но едва ли этимъ извѣстіямъ можно придавать серіозное значеніе. Кругъ знакомыхъ Дамаскина былъ избранный, а собранія и развлеченія, въ которыхъ онъ участвовалъ, имѣли цѣлію только однѣ ученыя бесѣды. Чаще всего Дамаскинъ бывалъ у бывшаго бѣлорусскаго (витебскаго) губернатора д. с. с. Матвѣя Симоновича Бѣлокопытова, съ которымъ онъ находился въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ и который пользовался всеобщею любовію и уваженіемъ тогдашнихъ ниже-

---

[1]) Ист. нижг. іер., стр. 174—176. Экземпляръ этого поднесеннаго императрицѣ печатнаго семинарскаго акта, въ 4-ю долю листа, хранится въ библіотекѣ нижегор. семинаріи. Ср. „Описаніе торжества музъ при случаѣ всерадостнаго воспоминанія о восшествіи на престолъ Е. И. В. Всерос. Госуд. Павла въ епарх. рязанской семин., представл. 1797 г. нояб. 9 дня". Истор. Вѣстн! 1880 г. т. I; стр. 646—7.

[2]) Нижегор. губернск. Вѣдом. 1849 г., № 9, ч. неоф.; стр. 35.

городцевъ [1]). Изъ другихъ почитателей Дамаскина въ Н. Новгородѣ должно назвать князя Хованскаго, директора экономіи коллежск. сов. Прокудина и помѣщицу Кроткову [2]).

---

[1]) Ibid., стр. 35, примѣч. 19. Въ 1779 г. М. С. Бѣлокопытовъ былъ предсѣдателемъ нижегородскаго уголовнаго суда. Ниж. губернск. Вѣдом. 1850 г., № 19, ч. неоф.; стр. 75.

[2]) *Арх. Св. Син.* Дѣло 1795 г., № 90: По доношенію преосв. Павла, еписк. нижегор., съ реестромъ о забранныхъ бывшимъ преосв. Дамаскинымъ изъ нижегородск. ризницы различныхъ вещахъ. Отсюда мы узнаемъ, что Дамаскинъ увезъ съ собою въ Москву пожалованную ему Екатериною, въ бытность его въ Петербургѣ, мантію и три облаченія, подаренныя ему названными почитателями.

X.

1783—1795.

Учено-литературные труды Дамаскина въ Н. Новгородѣ и послѣдніе годы его жизни.

Дамаскинъ—членъ россійской академіи.—Филологическіе интересы прошлаго вѣка заграницею и въ Россіи.—Филологическія занятія Екатерины II.—Рескриптъ Дамаскину.—Составленіе словаря инородческихъ языковъ; составъ этого труда.—Библіографическія занятія Дамаскина въ области исторіи русской литературы.—Начало нашей исторіи литературы и послѣдующіе труды въ этой области.—Очеркъ русской „ученой исторіи“ и его слабая сторона.—Причины строгаго отношенія Дамаскина къ древне-русскому просвѣщенію.—Характеръ библіографическаго описанія книгъ въ „Библіотекѣ россійской“ и примѣры; полнота „Библіотеки“.—Переводъ изъ л. Аллація.—Проповѣди.—Мнѣніе о причинахъ охлажденія Екатерины II къ Дамаскину и разборъ его.—Болѣзнь Дамаскина и прошеніе объ увольненіи на покой; результатъ прошенія.—Послѣдніе годы жизни Дамаскина въ московскомъ Покровскомъ монастырѣ и кончина.—Заключительная характеристика Дамаскина.

При всей многотрудной дѣятельности епархіальнаго администратора Дамаскинъ находитъ еще время заниматься и учеными трудами; не забывалъ онъ по временамъ и долгъ проповѣдника.

Разсмотрѣніе учено-литературной дѣятельности Дамаскина въ Н. Новгородѣ мы должны начать указаніемъ на то, что

почти при самомъ открытіи россійской академіи, именно во второмъ ея собраніи 28 окт. 1783 года (первое и торжественное, по случаю открытія, происходило 21 окт. 1783 г.), заявлено было объ отзывѣ Дамаскина, епископа нижегородскаго, изъявившаго согласіе принять званіе академика. Этимъ избраніемъ была отдана академіей должная дань ученому, имя котораго было извѣстно и пользовалось уваженіемъ какъ въ Россіи, такъ и заграницей. Дамаскинъ имѣлъ тѣмъ болѣе правъ на избраніе въ академики, что имъ превосходно изданы произведенія классическаго русскаго писателя, высоко цѣнимыя россійскою академіей, хранившею въ себѣ преданія ломоноѳовской эпохи и относившейся съ благоговѣйнымъ довѣріемъ къ трудамъ Ломоносова въ области русскаго языка и словесности. Ученыя сношенія Дамаскина съ членами академіи наукъ и многосторонняя образованность выдвигали его изъ ряда тогдашнихъ любителей словесности, большинство которыхъ не отличалось ни разнообразіемъ, ни глубиною своихъ познаній. Нужно, впрочемъ, сказать, что послѣдующее участіе Дамаскина въ дѣятельности академіи было несравненно слабѣе, нежели можно было ожидать; но это объясняется отчасти пребываніемъ его вдали отъ столицы, въ которой находилась академія, отчасти же тѣмъ, что Дамаскинъ отвлекаемъ былъ безусловно обязательными епархіальными дѣлами. Историкъ россійской академіи (М. И. Сухомлиновъ), говоря объ участіи Дамаскина въ дѣятельности академіи, предполагаетъ, что слѣдовъ этого участія было на самомъ дѣлѣ больше, чѣмъ сколько извѣстно въ настоящее время; но они не сохранились въ бумагахъ академическаго архива.

Изъ сохранившихся источниковъ,—журналовъ академическихъ засѣданій,—мы узнаемъ, что, будучи временно въ Петербургѣ (въ 1792 г.), Дамаскинъ посѣщалъ собранія россійской академіи и участвовалъ въ обсужденіи состава четвертой части словопроизводнаго словаря, вызвавшей въ академической средѣ весьма оживленныя пренія. Особенно

долго спорили академики о словѣ *память*: одни изъ членовъ доказывали самостоятельность этого слова, другіе производили его отъ глагола *мню*, и т. п. Дамаскинъ, не ограничиваясь устными замѣчаніями, представилъ академіи свое письменное мнѣніе, въ которомъ утверждаетъ слѣдующее: „*память* не есть коренное, но сложенное изъ предлога *по* или *послѣ* и глагола *мню*. А сей глаголъ есть тотъ же самый, что и μνάω, сокращенно μνῶ, и значитъ собственно *тетого, сотстетого*, помню, вспоминаю, которое значеніе удержало и въ славенскомъ сложенномъ *помню*: сей же глаголъ сложенъ изъ *по* или *послѣ* и *мню*. Что же *мню* въ славенскомъ имѣетъ значеніе другое, т. е. *мышлю, помышляю, думаю*, то сіе произошло отъ разномысленнаго употребленія сего глагола μνῶ у грековъ и славянъ. Греки стали употреблять въ смыслѣ *припамятованія*, а славяне—*помышленія*, однако и они въ глаголѣ *помню*, отъ коего и *память*, удержали тоже значеніе греческое. Слѣдовательно, *помню* происходитъ отъ *по* и *мню*, а *память* отъ *помню*, не смотря на то, что въ словѣ *память* *о* перемѣняется на *а*: сіе часто въ произведеніи и сложеніи словъ случается не только въ славенскомъ, но и въ греческомъ латинскомъ и прочихъ языкахъ“. Нѣкоторымъ изъ членовъ академіи показалось весьма смѣлымъ сближеніе кореннаго русскаго слова съ греческимъ, и въ возраженіяхъ своихъ они ссылались на то, что славяне заимствовали отъ грековъ только свои буквы, а отнюдь не свой языкъ, и поэтому нѣтъ основанія производить славянскіе слова отъ греческихъ. Но послѣ весьма продолжительныхъ споровъ академики остановились на соображеніяхъ, болѣе сходныхъ съ мнѣніемъ Дамаскина, нежели съ доводами его противниковъ [1]).

Вскорѣ по вступленіи на нижегородскую каѳедру Дамаскинъ долженъ былъ заняться составленіемъ словаря четырехъ языковъ, на которыхъ говорили обитавшіе въ ниже-

[1]) *М. И. Сухомлиновъ*, Ист. рос. акад., стр. 181—183.

городской епархіи инородцы. Побужденіемъ къ этому были слѣдующія обстоятельства.

Извѣстно, что въ половинѣ прошлаго столѣтія филологи всѣхъ странъ живо интересовались вопросомъ о происхожденіи и развитіи языка и посвятили ему не мало изысканій; таковы были работы Де-Бросса (De-Brosses) [1]), Куръ-де-Жебелена (Court-de-Gébelin) [2]), лорда Монбоддо (Burnet Sames, lord Monboddo) [3]), Гердера [4]), Мопертюи (Maupertuis) [5]) и друг. Извѣстнымъ образомъ это направленіе отразилось и въ Россіи: и у насъ, какъ замѣчено раньше, вопросы языкознанія въ царствованіе Екатерины II были предметомъ особеннаго вниманія въ русской наукѣ и литературѣ: „Комиссія для переводовъ“ или такъ назыв. Переводческій департаментъ, основанный въ 1768 году, Вольное россійское собраніе при московскомъ университетѣ и Россійская Академія,—всѣ эти учрежденія, въ лицѣ своихъ ученыхъ представителей, трудились

---

[1]) *Шарль де-Броссъ* (1709—1777), франц. историкъ, извѣстенъ, между прочимъ, какъ авторъ сочиненія: „Traité de la formation mecanique de langues“. 2 т. Парижъ 1765 г.; нов. изд. 1801 г.; перев. на рус. яз. *А. Никольскимъ*, изд. 1821—1822 рос. академіей подъ заглав.: „Разсужденіе о механическомъ составѣ языковъ и физическихъ началахъ этимологіи“.

[2]) *Куръ-де-Жебеленъ* († 1784)—авторъ соч. „Le monde primitif“, премированнаго академіею; выходило съ 1773 до 1781 г. и составило 8 томовъ.

[3]) Лордъ *Монбоддо* (1714—1799), шотландскій философъ, оставилъ два англійскихъ сочиненія, исполненныя любопытныхъ изысканій, но съ тѣмъ вмѣстѣ и парадоксовъ: „Происхожденіе и прогрессъ нарѣчій“ 1773—1792, 6 частей, in-8 и „метафизика древнихъ“ 1779—1799, 6 частей, in-4.

[4]) *І. Г. Гердеръ* (1744—1803). Замѣчательныя его соч.: „Kritische Wälder, 1768“; Stimmen d. Völker in Liedern, 1778; „Die älteste Urkunde d. Menschengeschlechts, 1774; „Ideen zur Geschichte der Menschheit, 4 ч., 1784 и сл..

[5]) *Мопертюи*, президентъ Берлинской академіи; небольшая статейка его: „Réflexions philosophiques sur l' origine des langues et la signification des mots“ (Oeuvres de Maupertuis. Lyon. MDCCLVI, tom. I pag. 253—285) перев. была и на рус. яз. въ Воронежѣ подъ руководствомъ Евгенія Болховитинова, но осталась ненапечатанною. См. *Е. Шмурло*, Митр. Евгеній какъ ученый. Спб. 1888; стр. 125 и слѣд.; 425.

для изученія и усовершенствованія русскаго языка [1]). Но было въ тѣ же годы задумано и совершено у насъ одно, такъ сказать, частное предпріятіе въ области языкознанія, а именно лѣтомъ 1784 года императрица Екатерина „предприяла по собственному своему начертанію собирать словарь *всѣхъ извѣстныхъ языковъ*". Это предпріятіе, какъ думаютъ [2]), внушено было, съ одной стороны, возникшимъ тогда интересомъ, къ изученію общихъ историческихъ вопросовъ о человѣчествѣ, о первобытныхъ временахъ, первоначальныхъ формахъ обществъ и т. п.; съ другой, такъ сказать, мѣстными соображеніями: вопросъ могъ быть особенно любопытенъ для русской императрицы. „Въ ея одномъ наипространнѣйшемъ владѣніи,—говорится въ предисловіи къ изданію словаря,—не считая мало разнствующія между собою нарѣчія, говорятъ болѣе нежели шестьюдесятью языками, изъ коихъ многіе, наипаче въ Кавказѣ и Сибири, ученымъ понынѣ еще вовсе неизвѣстны". Но, безъ сомнѣнія, ближайшимъ обстоятельствомъ, направившимъ мысли Екатерины именно къ этой работѣ, послужила присылка государынѣ знаменитаго въ ученомъ мірѣ обширнаго филологическаго сочиненія Куръ-де-Жебелена *Le monde primitif*, въ которомъ, между прочимъ, высказана была и доказывалась мысль, особенно заинтересовавшая Екатерину, что всѣ языки могутъ быть выводимы изъ одного кореннаго [3]). Словарь предположенъ былъ въ двухъ отдѣлахъ: первый долженъ былъ заключать языки европейскіе, азіатскіе и острововъ южнаго океана; второй—языки африканскіе и американскіе. Редакція изданія была поручена знаменитому Палласу, какъ человѣку

[1]) Результатомъ этихъ трудовъ былъ извѣстный этимологическій словарь россійск. академіи, изд. въ 1789—1794 г.г. Спб. 6 частей. 4-о.

[2]) *А. Пыпинъ*, Рус. наука въ XVIII вѣкѣ. Вѣстн. Евр. 1884 г. № 7; стр. 104.

[3]) *Я. Гротъ*, Филологич. занятія Екатерины II. Рус. Арх. 1877 г., № 4; стр. 426; ср. стр. 430.

съ громкимъ европейскимъ именемъ [1]), и первое отдѣленіе словаря вышло въ 1787—89 гг. („Сравнительные словари всѣхъ языковъ и нарѣчій, собранные десницею всевысочайшей особы. Отдѣленіе первое, содержащее въ себѣ Европ. Азіятскіе языки. Часть первая". Спб. 1787. 4-о. 6 и 411 стр. Часть вторая. Спб. 1789. 491 и 4 стр. Заглавіе и предисловіе переведены также по—латыни: Linguarum totius orbis vocabularia comparativa, augustissima cura collecta, и пр. Предисловіе подписано Палласомъ [2]).

Предисловіе указываетъ, что иностранные языки и нарѣчія изъ всѣхъ частей свѣта никогда еще не были собраны въ такомъ множествѣ въ видѣ словаря; въ немъ же объяснено, изъ какихъ источниковъ заимствовались слова: они брались изъ путешествій или „путешественныхъ описаній" и изъ рукописныхъ словарей и сочиненій; число всѣхъ языковъ и нарѣчій въ изданномъ словарѣ доходило до 200, европейскихъ и азіатскихъ, и половина сборника, по словамъ Палласа, составлена была самой императрицей. Что касается способа исполненія словаря, сравненіе языковъ было чисто внѣшнее, механическое: изъ множества яыковъ были собраны, по источникамъ болѣе или менѣе достовѣрнымъ или недостовѣрнымъ (и никакъ не провѣреннымъ), отдѣльныя слова и расположены по рубрикамъ понятій отвлеченныхъ и названій реальныхъ предметовъ, напр.: Богъ, небо, отецъ, мать, сынъ дочь... человѣкъ, голова, лицо, глазъ... слово, сонъ, любовь, трудъ, боль, сила, власть, бракъ... солнце, мѣсяцъ, звѣзда... гора, долина, огонь, глубина, высота, и т. д.; названія нѣсколькихъ

[1]) См. его біографію въ Beiträge zur Anthropologie u. allg. Naturgeschichte von *Rudolphi*. Berlin, 1812.

[2]) Словарь напечатанъ былъ въ небольшомъ числѣ экз. (500), которые разосланы были европейскимъ дворамъ и знаменитѣйшимъ ученымъ; только 40 экз. попали въ продажу. Экземпляръ словаря мы видѣли въ библіотекѣ нижегор. семинаріи, куда, по всей вѣроятности, подаренъ Дамаскинымъ, которому прислала сама государыня.

растеній, животныхъ; качественныя прилагательныя, нѣсколько глаголовъ, наконецъ числительныя; всѣхъ рубрикъ (русскихъ словъ) было 285, изъ нихъ 130 въ первомъ томѣ и 155 во второмъ.

Отзывы европейскихъ ученыхъ (Крауса, Биттнера, Гагера, Рыдигера, Вольнея и др.) объ этомъ словарѣ [1]), въ особенности серіозная рецензія кенигсбергскаго профессора Крауса (въ Allgemeine Literatur-Zeitung 1787 г. №№ 235—237) находили слабыя стороны труда Екатерины въ томъ, что, съ одной стороны, источники словаря остались не провѣренными, и самыя слова брались не всегда въ точномъ соотвѣтствіи съ переводимымъ понятіемъ или названіемъ предмета; съ другой—въ самой русской транскрипціи господствовалъ произволъ. Сдѣланныя критикою возраженія, какъ полагаютъ, охладили намѣреніе императрицы продолжать словарь, и второе отдѣленіе его, которое должно было заключать языки африканскіе и американскіе, осталось неизданнымъ [2]).

Не смотря, однако, на весьма понятные недостатки въ словарѣ Екатерины II, спеціально не подготовленной для выполненія ученаго филологическаго труда, ея намѣренія при составленіи словаря были серіозныя, и приступила она къ выполненію ихъ не безъ знанія дѣла. Это видно и изъ того, что, предпринявъ собрать словарь всѣхъ извѣстныхъ языковъ, она обращалась за помощью къ берлинскому книгопродавцу и писателю Хр. Фр. Николаи, который вмѣстѣ съ сыномъ и составилъ для нея въ 1785 г. обозрѣніе всѣхъ извѣстныхъ языковъ и нужнѣйшихъ для изученія ихъ пособій [3]); она поже-

---

[1]) Они приведены въ соч. *Фр. Аделунга*: „Catherinen der Grossen Verdienste um die vergleichende Sprachenkunde". A. Petersb. 1815. 4-o; стр. 110—179.

[2]) *А. Пыпинъ*, Рус. наука въ XVIII в, стр. 106. *Я. Гротъ*, Филологич занятія Екатерины II; стр. 438.

[3]) Tableau général de toutes les langues du monde avec un catalogue préliminaire des principaux dictionnaires dans toutes les langues et des prin-

лала познакомиться съ сочиненіями извѣстнаго тогда лорда Монбоддо, который и посылалъ ей свои книги филологическаго содержанія [1]). Были у нея надежные сотрудники и въ Россіи: упомянутый Палласъ, Лудв. Бакмейстеръ, І. Г. Арндтъ и др.; однимъ изъ такихъ является и Дамаскинъ Семеновъ-Рудневъ. Хотя у Екатерины были уже подъ руками словари нѣкоторыхъ инородческихъ языковъ, между прочимъ, черемисскаго, вотяцкаго [2]), но она этимъ не удовольствовалась. Вовсе не въ цѣляхъ „просвѣщенія инородцевъ, обитавшихъ въ Россіи", какъ думали до сихъ поръ писавшіе о Дамаскинѣ [3]), а просто нуждаясь въ большемъ числѣ матеріаловъ для задуманнаго *словаря всѣхъ извѣстныхъ языковъ*, Екатерина II 26 авг. 1784 года изъ Царскаго села написала Дамаскину слѣдующій рескриптъ: „Преосвященный епископъ нижегородскій Дамаскинъ! Считая, что въ нижегородской семинаріи преподается ученіе языковъ разныхъ народовъ, въ епархіи вашей обитающихъ, я желаю, чтобы ваше преосвященство доставили мнѣ словарь тѣхъ языковъ съ россійскимъ переводомъ, расположа оной по алфавиту россійскихъ словъ, и сверхъ письмянъ оныхъ народовъ, написавъ по россійски каждое слово, какъ оное произносится. Пребываю въ прочемъ вамъ доброжелательная Екатерина" [4]). Во исполненіе означеннаго высочайшаго повелѣнія, Дамаскинъ немедленно приступилъ къ составленію словаря. Сначала избраны были для этого ученики семинаріи, а вскорѣ вызваны въ помощь имъ въ Н. Нов-

---

cipaux livres qui traitent de l'origine de toutes les langues, de leur étymologie et de leur affinité, fait par ordre de S. M. I. l'Impératrice de toutes les Russies" *Я. Гротъ*, Филол. зан. Ек. II; стр. 428—429.

[1]) Журналъ путешествія В. П. Зиновьева по Германіи, Италіи, Франціи и Англіи въ 1784—1788 г. *Рус. Стар.* 1878 г., т. XXIII; стр. 431—435.

[2]) *Я. Гротъ*, Филолог. зан. Екат. II; стр. 430.

[3]) *Арх. Макарій*, Ист. нижегор. іер., стр. 171. *А. Можаровскій*, Рукописный пяти-язычн. словарь. *Рус. Стар.* 1878 г., т. III; стр. 705.

[4]) *Арх. нижс. конс.* Дѣло, 15 стр. 1785 г.

городъ и нѣкоторыя изъ духовныхъ лицъ, знающихъ инородческіе языки; вызывались преосвященнымъ также свѣдущіе люди изъ обращенныхъ въ христіанство татаръ, мордвы, чувашей и черемисъ. Всѣ они, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Дамаскина, трудились въ семинаріи и въ архіерейскомъ домѣ и въ теченіи семи мѣсяцевъ приготовили пятиязычный словарь въ двухъ томахъ; второй томъ заключаетъ въ себѣ словарь одного черемисскаго языка, а въ первомъ— остальные: русскій, татарскій, чувашскій и мордовскій.

Первый томъ имѣетъ такое заглавіе: „Словарь языковъ разныхъ народовъ, въ нижегородской епархіи обитающихъ: россіянъ, татаръ, чювашей, мордвы и черемисъ. По Высочайшему соизволенію и повелѣнію Е. И. В. премудрой государыни Екатерины Алексѣевны императрицы и самодержицы всероссійской по алфавиту россійскихъ словъ расположенный и въ нижегородской семинаріи отъ знающихъ оные языки священниковъ и семинаристовъ подъ присмотромъ Дамаскина, епископа нижегородскаго и алаторскаго, сочиненный 1785 года“. Въ спискѣ этого словаря, хранящемся въ библіотекѣ нижегородской семинаріи [1]), на оборотной сторонѣ заглавнаго листа рукою Дамаскина написано: „Какъ сей словарь на разныхъ языкахъ народовъ, въ нижегородской губерніи обитающихъ, сочиненъ по именному е. и. в. повелѣнію, то и рескриптъ е. в., въ сей силѣ къ преосвященному Дамаскину, епископу нижегородскому наслапный, прилагается при семъ въ оригиналѣ за собственноручнымъ е. в. написаніемъ, которой рескриптъ, равно какъ словарь, весь въ двухъ томахъ состоящій, съ коего точная копія послана къ е. в. 15 апрѣля 1785 года, отсылается въ семинарскую библіотеку съ тѣмъ, чтобы съ прочими семинарскими книгами хранился въ вѣчные роды, яко достопамятный монументъ премудрыхъ узаконеній е. и. в. Екатерины Вторыя, императрицы и самодер-

[1]) Въ библіотечномъ каталогѣ значится подъ № 3887.

жицы всероссійскія. Смиренный Дамаскинъ, епископъ нижегородской и алаторской". На слѣдующей страницѣ (2-й)—копія съ рескрипта Екатерины Дамаскину, 3-я стран. пустая, а съ 4-й начинается *предувѣдомленіе*, писанное рукою Дамаскина, и продолжается до 10-й стран. [1]). Съ 11-й стр. по 14-ю включительно то же предувѣдомленіе переписано другою рукой, со вставками рукою Дамаскина, въ двухъ мѣстахъ, пропущенныхъ при перепискѣ нѣсколькихъ словъ. Далѣе слѣдуетъ статья „О чувашахъ, живущихъ въ нижегородской епархіи". Здѣсь прежде всего названія чувашскихъ боговъ, въ ихъ значеніемъ (произношеніе передается русскими буквами), и указанія, о чемъ и какого бога призываютъ и просятъ въ нужныхъ случаяхъ; за этимъ приводятся, съ русскимъ переводомъ, особенныя и общія всѣмъ богамъ и всегда употребляемыя чувашскія молитвы (стр. 15—16); далѣе—интересные погребальные обычаи чувашей. Слѣдующая статья „О мордвахъ, живущихъ въ нижегородской епархіи". Въ ней, послѣ указанія на то, что мордва призываетъ въ молитвахъ своихъ бога отца, бога сына и божію матерь, приводятся молитвы, употребляемыя ими въ лѣтнее время при выносѣ въ поле образовъ и при закланіи онымъ жертвы [2]); но въ словарѣ сохранилась одна только первая молитва, ибо листа 15-го и далѣе до 20-го въ рукописи недостаетъ. Собственно словарь начинается съ 54-й стран., а до этого (съ 22-й стр.)—черновые матеріалы къ нему. Въ заголовкѣ 54-й стр. рукою Дамаскина снова написано: „Словарь татарскаго, чувашскаго и мордовскаго языковъ съ россійскимъ переводомъ и по россійскому алфавиту". Сперва приводятся русскія слова, за ними татарскія, потомъ чувашскія и наконецъ мордовскія (всѣ въ русской транскрипціи). На букву А—28 словъ, есть даже адвокатъ и асессоръ; на Б—420 словъ; на В—946; на Г—

[1]) Оно напечатано въ *Миссіонерѣ* за 1879 г., №№ 37—38.

[2]) Всѣ эти историко-статистич. свѣдѣнія объ инородцахъ напеч. въ Нижегородск. епарх. вѣдомост. 1886 г. №№ 1—3, съ примѣч. *А. Ѳ. Можаровскаго.*

288; на Д—465; на Е—39; на Ж—188; на З—460: на И—І—249; на К—593; на Л—259; на М—403; на Н—907; на О—823; на П—1634; на Р—543; на С—1204; на Т—378; на У—380; на Ф—21; на Х—110; на Ц—56; на Ч—175; на Ш—121; на Щ—39; на Ѣ—10; на Э—3; на Ю—9; на Я—66 и дополненій на всѣ буквы 108 словъ, а всего 10925 словъ [1]).

Второй томъ надписанъ также рукою Дамаскина: „Словарь черемизскаго языка съ россійскимъ переводомъ по алфавиту россійскому разположенный". На первыхъ трехъ листахъ помѣщено на разныя буквы 287 словъ черемисскаго языка съ соотвѣтствующими имъ русскими словами, а съ 5-го листа и до конца идетъ алфавитный словарь черемисскаго и вотяцкаго („воцкаго") языка, причемъ въ первой графѣ опять русскія слова. По письму уже можно замѣтить, что сначала составленъ былъ словарь русскихъ словъ и затѣмъ уже, по мѣрѣ собиранія и записыванія, черемисскія и вотяцкія слова вносились противъ соотвѣтствующихъ имъ русскихъ. Черемисскій, а тѣмъ болѣе вотяцкій языкъ оказываются гораздо бѣднѣе татарскаго, мордовскаго и чувашскаго и не имѣютъ множества словъ, соотвѣтствующихъ русскимъ, вписаннымъ въ словарь. Всего мы насчитали въ словарѣ черемисскихъ словъ и выраженій 6314, вотяцкихъ около 500. Расположеніе словъ въ словарѣ не можетъ, конечно, удовлетворить современнымъ научнымъ требованіямъ: слова не расположены въ группы одного корня, а каждое ставится отдѣльно; напр. на букву *н* слово *напередъ* отдѣльно повторяется при многихъ глаголахъ: *напередъ знаю*—анзацъ шиндземъ и то же слово *знаю* подъ буквою *з* (напис. щиндзе́мъ), а рядомъ съ нимъ *знаю напередъ* (анзакала шиндзе́мъ). Словарь, составленный Дамаскинымъ, и вошелъ значительною частью въ „сравнительные словари

[1]) Въ концѣ словаря неизвѣстно чьею рукою написано: „Cette la plus grave production avait quelque fois lu et etudie".

всѣхъ языковъ и нарѣчій, собранные десницею всевысочайшей особы".

Въ то самое время, когда Дамаскинъ, по волѣ Екатерины II, долженъ былъ заниматься составленіемъ словаря инородческихъ языковъ, онъ приводилъ къ концу другой свой трудъ, начатый еще въ Москвѣ,— „Библіотеку Россійскую, по нынѣшнія времена". Она является не только важнѣйшимъ плодомъ библіографической дѣятельности Дамаскина, но и вообще однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ произведеній нашего автора.

Мы уже знаемъ, что библіографіей Дамаскинъ занимался еще раньше и что это дѣло для него не новое. Склонность къ библіографическимъ занятіямъ обнаружилась у нашего автора въ самомъ началѣ его ученой дѣятельности и явилась какъ результатъ возбужденія, сообщеннаго нашему ученому университетскими лекціями Ганбергера и Гаттерера и практическими занятіями въ геттингенской библіотекѣ. Въ Россіи она могла явиться и независимо отъ этого, какъ выраженіе тогдашнихъ потребностей нашей молодой науки. Особенная потребность библіографическихъ изысканій сказывалась въ области исторіи русской литературы или, какъ тогда говорили, ученой исторіи, и Дамаскинъ, безспорно, долженъ занять выдающееся мѣсто въ ряду дѣятелей XVIII в., потрудившихся для созданія у насъ этой области знанія. Заслуга его въ этомъ отношеніи тѣмъ болѣе значительна, что онъ имѣлъ очень немного предшественниковъ, обнаружилъ въ своемъ трудѣ рѣдкую въ то время основательность взгляда и сообщилъ ему научный характеръ.

Начало нашей исторіи литературы, понимавшейся тогда еще только съ точки зрѣнія одной біографіи и библіографіи, относятъ, какъ извѣстно, къ XVII вѣку: тогда была сдѣлана первая попытка собрать факты русской литературы въ трудѣ „мужа многоученаго" Епифанія Славинецкаго: „Оглавленіе

книгъ, кто ихъ сложилъ“ [1]). Хотя авторъ имѣлъ въ виду не теоретическіе интересы науки, а цѣли религіозно-практическія, но его „оглавленіе“ есть первый вполнѣ научный библіографическій трудъ въ Россіи, по своей полнотѣ и даже техникѣ стоящій на уровнѣ лучшихъ работъ новѣйшаго времени [2]), и не даромъ утвердилъ за его авторомъ славу *отца русской библіографіи*. Съ XVIII в. проявленіе интереса въ этой области получаетъ болѣе точную и ясную научную подкладку и выливается не только въ формѣ собиранія фактовъ, но и умѣлаго критическаго объясненія главныхъ явленій литературной исторіи. При Петрѣ Великомъ впервые памятники отечественной старины отыскиваются, собираются и разбираются съ цѣлями историко-научными. Въ 1722 г. Петръ издалъ указъ, чтобы изъ всѣхъ епархій и монастырей, „гдѣ о чемъ по описямъ курьезные, т. е. древнихъ лѣтъ

---

[1]) На седьмомъ археологическомъ съѣздѣ въ Ярославлѣ (въ 1877 г.). *А. И. Соболевскій* основательно возвысилъ голосъ противъ ложнаго мнѣнія Ундольскаго (Чтен. въ О. И. и Др. 1846 г. кн. III, IX), приписавшаго Сильвестру Медвѣдеву библіографическій трудъ „оглавленіе книгъ“ и указалъ для него автора въ лицѣ Епифанія Славинецкаго. Мнѣніе Ундольскаго принимаетъ П. Соколовъ въ ст. „Первый придворный стихотворецъ изъ воспитанниковъ москов. Заиконоспасской школы“ (Чтен. въ общ. любит. духовн. просвѣщ. 1886 г. № 6; стр. 616), *А. Пыпинъ* въ ст. „Русская наука и національ. вопросъ въ XVIII вѣкѣ“ (Вѣстн. Евр. 1884 г., № 7; стр. 107) и даже, безъ оговорки, авторъ въ Энциклоп. словарѣ *Брокгауза*, полут. VI, Спб. 1891; стр. 721. Мнѣніе г. Соболевскаго раздѣляетъ вполнѣ *С. Брайловскій* въ ст. „Кого надо считать авторомъ сочиненія „созерцаніе краткое лѣтъ 7190, 91 и 92, въ нихъ же что содѣяся во гражданствѣ“? (Рус. Филологич. Вѣстн. 1890г., № 1; стр. 106—107). Вполнѣ присоединяясь къ этому мнѣнію, кажется, не рискуя ошибиться, мы можемъ сказать, что подобно тому, какъ за составленіе греко-славено-латинскаго лексикона Е. Славинецкій принялся по просьбѣ и побужденію извѣстнаго любителя просвѣщенія боярина Ртищева (Древн. рос. вивліоѳ., ч. XVIII; стр. 401),—и „оглавленіе“ онъ составилъ по просьбѣ того же Ртищева.

[2]) Характеристика достоинствъ этого сочиненія у Ундольскаго (Чтен. въ общ. ист. и др. 1846 г., III, IX) вполнѣ справедлива; это признаетъ и авторъ весьма основательной статьи, подъ назван. „Библіографія“, въ Энциклоп. словарѣ *Брокгауза*, полут. VI, стр. 721.

рукописные, на харатіяхъ и на бумагѣ, церковные и гражданскіе лѣтописцы, хронографы и прочія симъ подобныя что гдѣ таковыхъ обрѣтается, взять въ Москву въ Сунодъ и для извѣстія оные описать и тѣ списки оставить въ библіотекѣ". Воспитанникъ петровской школы В. Н. Татищевъ „неусыпнымъ трудомъ" отовсюду собираетъ манускрипты, сводитъ и сличаетъ ихъ и наконецъ самъ отыскиваетъ и описываетъ „Русскую правду" и „судебникъ" [1]). Академія наукъ съ самаго своего основанія обратила серіозное вниманіе на изученіе рукописныхъ источниковъ нашей исторіи. Первый ученый, работавшій въ этомъ направленіи, былъ Іоганнъ—Петръ Коль († 1778 г.), вызванный въ Россію въ числѣ первыхъ академиковъ. Коль пробылъ очень недолго въ Петербургѣ (1725—1727), но успѣлъ за это время пріобрѣсти достаточныя свѣдѣнія въ русскомъ языкѣ и старинѣ и вскорѣ по возвращеніи въ Германію издалъ книгу, которая въ литературѣ нашей книжной древности занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ (*Iohannis Petr. Kohlii*, Introductio in historiam et rem litterariam Slavorum imprimis sacram, sive historia critica versionum slavanicarum maxime insignium nimirum Codinis sacri et Ephremi Syri, duobus libris absoluta... Альтона, 1729). Здѣсь онъ, между прочимъ, помѣстилъ (стр. 300—366) замѣчательное описаніе славянскаго перевода Ефрема Сирина, а въ концѣ книги издалъ латинской транскрипціей славянскій переводъ двухъ гомилій Ефрема Сирина, неизвѣстныхъ ни въ греческомъ, ни въ латинскомъ текстахъ. При разсмотрѣніи судебъ славянскаго перевода священнаго Писанія, Коль пользовался и нѣкоторыми рукописными источниками [2]). Г. Ф. Миллеръ неутомимо болѣе полустолѣтія трудился надъ отысканіемъ и собираніемъ всякаго рода памят-

---

[1]) См. *Н. Попова* „В. Н. Татищевъ и его время". М., 1861 г., и *его же* „Ученые и литерат. труды В. Н. Татищева" въ Журн. Мин. нар. просв. 1886 г., № 6, и отд. Спб., 1887.

[2]) Энциклоп. словарь *Брокгауза*, полут. VI, стр. 721.

никовъ древне-русской письменности [1]). А. Л. Шлецеръ въ своей „Probe russischen Annalen“ (Бр. и Г., 1768) далъ обзоръ степенныхъ книгъ, четіихъ—миней, прологовъ, патериковъ, грамотъ и, наконецъ, лѣтописей: послѣднія обозрѣваются кратко, но по всѣмъ правиламъ ученой палеографіи того времени, именно: въ отношеніи матеріала письма, формата, способа написанія, языка; далѣе, разсматривается вопросъ о варіантахъ, ошибкахъ, переписчикахъ, различіяхъ въ текстахъ различныхъ списковъ, и т. д. сжато, но съ замѣчательнымъ для того времени знаніемъ дѣла. Новѣйшая литература русская занимала Штелина, и въ особенности Л. Бакмейстера, въ трудѣ котораго („Russische Bibliothek zur Kenntniss des gegenwärtigen Zustandes der Literatur in Russland“. 11 том. Спб., Лейпц. и Рига, 1772—87; въ 11 т. указатель ко всему изданію) собрано много важныхъ свѣдѣній для исторіи нашей науки и литературы прошлаго вѣка [2]). Далѣе должна быть отмѣчена: „Notitia librorum Rossicorum systematice expositorum“, которая помѣщена въ книгѣ Бантышъ-Каменскаго: „Burgii Elementa oratoria“ (М., 1776, стр. 223—271, въ другихъ изданіяхъ книги этого приложенія нѣтъ); здѣсь исчислено до 900 русскихъ книгъ и статей. Вообще въ царствованіе Екатерины II, съ усиленіемъ интереса къ болѣе обстоятельному изслѣдованію многихъ сторонъ и фактовъ русской исторіи и литературы, замѣтно расширяется интересъ и

---

[1]) Масса ихъ приведена имъ въ извѣстность въ сборникахъ: нѣм. „Sammlung Russischer Geschichte“, 9 т. Спб. 1732—64, и рус. „Ежемѣсячн. сочиненія, къ пользѣ и увеселенію служащія“, 20 т. Спб., 1755—64. Полный перечень статей Миллера въ послѣднемъ сборникѣ см. у *Неустроева*: „Истор. разысканіе о русск. повремен. изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 гг.“ Спб., 1875; стр. 46—67.

[2]) Въ труды другого *Бакмейстера* (Iohann Vollraht, † ок. 1794) „Essai sur la bibliotheque et le cabinet de curiosités et d'histoire naturelle de l'Académie des sciences de St.-Pet.“ (Спб.; 1766; нѣм. перев. Спб., 1777; рус. пер. *В. Костычева*, Спб.. 1799) собраны всѣ извѣстныя тогда данныя о древнерус. литературѣ.

къ занятіямъ библіографіей; достаточно припомнить труды Новикова въ этой области („Опытъ историч. словаря о россійск. писателяхъ". Спб., 1772; „Древняя Россійская Вивліоѳика"... 10 т., Спб. 1773—75; 2 изд. въ 20 ч. болѣе чѣмъ вдвое увеличенное и упорядоченное въ хронологическую систему. Спб., 1788—91 [1]), чтобы видѣть, какой замѣтный шагъ впередъ сдѣлала наука русской библіографіи. Такимъ же неутомимымъ работникомъ въ этой области былъ и Дамаскинъ. Занятія со студентами въ московской академіи могли показать Дамаскину, сколь недостаточными пособіями располагала у насъ тогда такая существенно важная область знанія, какою должна считаться „ученая исторія". Продолжительныя занятія въ геттингенской библіотекѣ и въ библіотекѣ московской академіи, для которой онъ даже составилъ основательный каталогъ, естественно могли навести Дамаскина на мысль заняться важнымъ дѣломъ собиранія свѣдѣній о русскихъ книгахъ. Результатомъ продолжительныхъ и усердныхъ занятій и явилась „Библіотека россійская" [2]).

Библіографическому описанію книгъ въ ней предпослано

---

[1]) Подробный обзоръ этихъ сборниковъ см. у *Неустроева*: „Историч. разысканіе..." и пр.: стр. 181—201. 494—521.

[2]) Рукопись моск. духовн. академіи. 3 книги, in-folio, №№ 112, 113 и 114. На оборотѣ предшествующаго заглавному листа неизвѣстною рукою написано: „сей каталогъ драгоцѣненъ и по содержанію, но важенъ еще и потому, что въ немъ весьма много собственноручныхъ ученыхъ замѣчаній преосвященнаго нижегородскаго епископа Дамаскина. Что сіи замѣчанія писаны Дамаскинымъ, можно видѣть и изъ сей самой рукописи, гдѣ столь часто упоминается о нижегородской семинарской библіотекѣ, и изъ другой рукописи, принадлежащей ему же—о греческихъ книгахъ, переводахъ изъ Алляція, а особенно изъ каталога его книгъ". На оберткѣ, на сердцеобразной наклейкѣ изъ трехъ книгъ написано: „Библіотека россійская, по годамъ расположенная, отъ начала типографіи въ Россіи по нынѣшнія времена";—на первой книгѣ: въ семъ томѣ отъ 1518 по 1742 годъ; на второй: въ семъ томѣ отъ 1742 по 1769, и на третьей: въ семъ томѣ отъ 1769 по 1795 годъ. Въ 1-й кн. 227 стр., во 2-й—212 стр. и и въ 3-й 266.

Въ первый разъ соч. Дамаскина „Библ. рос." предположено было издать

„краткое описаніе россійской ученой исторіи“ (въ 16-ти §§), представляющее замѣчательную характеристику русской литературы и образованности до XVI стол. подъ „ученой исторіей“ разумѣется то, что въ наше время входитъ въ область библіографіи и исторіи литературы). По основной мысли этотъ очеркъ нашего библіографа представляетъ выдающееся явленіе въ нашей литературѣ XVIII стол.; въ нѣкоторомъ отношеніи онъ даже превосходитъ однородную съ нимъ по характеру рѣчь проф. моск. унив. Баузе (Ѳед. Григ.): „Oratio de Russia ante hoc saeculum non prorsus inculta, nec parum adeo de litteris earumque studiis merita (M., 1796, in 4-o), представляющую сводъ всего, что было сдѣлано въ то время по изученію древне-русской письменности. Исходная точка зрѣнія Дамаскина заключается въ сліяніи исторіи литературы или письменности съ исторіей просвѣщенія: „Ученая исторія всякаго народа начинается съ начатія письменности или буквъ. Гдѣ нѣтъ письменъ, тамъ не умѣютъ ни читать, ни писать. А гдѣ не умѣютъ ни читать, ни писать, тамъ нѣтъ способа и удобства къ изученію наукъ. Слѣдовательно, гдѣ нѣтъ письменъ, тамъ нѣтъ и быть не можетъ повѣсти о наукахъ

еще въ 1848 г въ Чтен. Общ. исторіи и древн. рос., и *В. М. Ундольскій*, извѣстный археографъ, тогда же напечаталъ нѣсколько листовъ; но въ то самое время изданіе „Чтеній“ было прервано на нѣсколько лѣтъ. Впослѣдствіи, въ 1851 г., Ундольскій снова возвратился къ мысли издать трудъ Дамаскина, но и въ этотъ разъ изданіе остановилось почему-то на первыхъ литерахъ: трудъ Дамаскина и здѣсь доведенъ только до 449 №, 1713 года, между тѣмъ цѣлое простирается до 1785 года, и изъ рукописи напечатано лишь 395 листовъ, тогда какъ ихъ всѣхъ 1481. Оба изданія Ундольскаго, 1848 и 1851 г., воспроизведены въ Чтен. общ. и. и др. р. 1891 г., кн. I, отд. 1, 1—V+1—40+9—56, съ предисл. *С. Бѣлокурова*, въ которомъ, между прочимъ, неосновательно подвергаются сомнѣнію имѣющіяся въ спискѣ „Библіотеки“ К. С. Сербиновича, съ котораго издано также начало труда Дамаскина (свѣдѣнія по 1699 г.) Обществомъ любит. древн. письменности (Памятники, 1881 г, кн. XI). указанія на *рукописныя* книги „Библіотеки“: такія указанія, и притомъ собственноручныя Дамаскина, дѣйствительно имѣются въ подлинной рукописи, хранящейся въ библіотекѣ моск. дух. академіи.

и ученіи“ (§ 1). Это тоже, что сказано было Шлецеромъ объ исторіи: „исторія начинается вмѣстѣ съ письменностію“. Ставшая теперь азбучною истина, можно сказать, впервые высказана была Дамаскинымъ.

Считая недоказательнымъ предположеніе Татищева о существованіи письменъ у русскихъ славянъ до изобрѣтенія славянской азбуки (§ 2), авторъ указываетъ на изобрѣтеніе послѣдней въ IX вѣкѣ солунскими братьями (§ 3) и на невозможность опредѣлить съ положительною достовѣрностію начало письма въ Россіи—у кіевскихъ и новгородскихъ славянъ; крайній срокъ перехода письменности изъ Моравіи въ Россію—время Владиміра свят., но могла она появиться у насъ и при Олегѣ (§ 4). Исторія другихъ сѣверныхъ народовъ показываетъ, что съ принятіемъ христіанства появляется у нихъ и искусство письма и чтенія: то же должно было случиться и съ русскими послѣ крещенія въ 988 году: потребность въ церковно-богослужебныхъ книгахъ прежде всего ускорила появленіе письменности; авторъ рѣшительно склоняется къ тому мнѣнію, что „прежде принятія вѣры христіанской не имѣли россіяне у себя ни письменъ, ни книгъ“ (§ 5). Весь ходъ развитія „ученой исторіи“ русской въ теченіе восьми вѣковъ можетъ быть раздѣленъ на три періода: первый—отъ начала письменности въ Россіи до начала книгопечатанія или отъ Владимира св. до Ивана Грознаго (988—1560); второй—отъ начала книгопечатанія до введенія гражданскаго шрифта или отъ Ивана Грознаго до Петра Великаго (1560—1700), и третій—отъ введенія гражданской печати до нашего времени (1700—1788). Въ каждомъ изъ этихъ періодовъ ученіе было весьма различно (§ 6). Въ самомъ началѣ перваго періода ученіе было весьма несовершенно; не смотря на горячія старанія Владиміра о заведеніи русскихъ школъ, и не могло быть лучшимъ вслѣдствіе крайняго невѣжества и „закоснѣлыхъ мнѣній“ въ народѣ (§ 7). Чему учили дѣтей въ тогдашнихъ школахъ и кто были учителями, греки ли, или

русскіе,—этого ни откуда не видно. *Книжное ученіе*, о которомъ говоритъ Несторъ, было ученіе элементарное: славянскому чтенію и письму и пониманію церковныхъ книгъ. Объ изученіи иностранныхъ языковъ, по крайней мѣрѣ греческаго, и высшихъ наукъ: богословіи, философіи, исторіи и друг. ничего нельзя сказать по неимѣнію обстоятельныхъ извѣстій объ этомъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, можетъ быть, обучали греческому языку, первымъ началамъ христіанскаго ученія или краткому катихизису, но высшимъ наукамъ обучать русскихъ въ то время и некогда еще было и некому (§ 8). Стѣсненныя обстоятельства, наступившія для русскихъ по смерти Владимира св.: дробленіе на удѣлы, потомъ татарское нашествіе, частыя войны съ поляками, литвою, ливонцами и шведами не могли вызвать въ русскихъ князьяхъ заботы о распространеніи ученія въ своемъ отечествѣ; поэтому надобно думать, что заведенныя Владимиромъ св. училища находились въ одномъ состояніи до временъ Грознаго (§ 9). Нельзя думать, чтобы и высшее духовенство русское особенно заботилось о заведеніи въ своихъ епархіяхъ хорошихъ училищъ или располагало князей къ тому, ибо представители его были или греки, или получившіе образованіе въ Греціи русскіе; а греческое духовенство стояло во весь тотъ періодъ очень низко въ образовательномъ отношеніи и особенно въ нравственномъ и не могло подать хорошаго примѣра русскимъ (§ 10). Однако, не смотря на это, были изъ князей русскихъ многіе, которые желали дать просвѣщеніе своимъ подданнымъ; таковъ, напр., былъ Ярославъ Володимировичъ, по свидѣтельству Нестора, самъ денно и нощно читавшій книги, собиравшій писцовъ для перевода ихъ съ греческаго на славянскій языкъ и первый положившій начало библіотекѣ въ церкви св. Софіи. Участіе многихъ митрополитовъ и епископовъ въ просвѣщеніи русскаго общества и народа посредствомъ заведенія училищъ нашимъ авторомъ снова и настолько подвергается сомнѣнію (§ 11), что даже нѣсколько страннымъ представ-

ляется дальше его утвержденіе, что „были въ семъ періодѣ многіе *ученые* мужи въ Россіи—митрополиты и епископы: Михаилъ, первый митр. кіевскій, Іоаннъ, м. Кириллъ, епископъ тверской Симеонъ, м. кіев. Петръ, Кипріянъ и Макарій, „который и иконное живописство зналъ“ (§ 12). Къ нимъ же относятся и тѣ, „кои исторію россійскую писали и продолжали“: Іоакимъ корсунянинъ, первый архіеп. новгородскій, Несторъ преподобный, Сильвестръ, игум. выдубицкаго монастыря, продолжатели Нестора и друг. (§ 13). Гдѣ упомянутые писатели обучались и какова была степень ихъ учености,—этого опредѣлить нельзя, не имѣя въ рукахъ ихъ сочиненій и другихъ свидѣтельствъ; особенно трудно опредѣлить, гдѣ обучались природные русскіе писатели: въ Греціи, или въ Россіи отъ приходившихъ грековъ. Несомнѣнно, что нѣкоторые изъ нихъ знали и по гречески, ибо, напр., Несторъ „соображалъ себя въ сочиненіи лѣтописца съ Кедриномъ, Зонарою и Синкелломъ, писателями греческими, да и начало своего лѣтописца взялъ почти слово до слова изъ Синкелла“; но научиться греческому языку они могли только „приватно“, а „чтобъ въ школахъ, Владиміромъ заведенныхъ, обучали по гречески, того ни откуду доказать не можно“ (§ 14). Были въ первомъ періодѣ книги и библіотеки при церквахъ и монастыряхъ, но по несчастью отъ разныхъ приключеній распропали (§ 15); сохранявшіяся въ библіотекахъ книги были по большей части церковныя: библія, уставы, требники, каноники да хронографы и лѣтописцы, а также переводы св. отцовъ; но „до высокихъ наукъ принадлежащія книги“ тамъ едва ли были, такъ какъ тогда имъ не обучали въ Россіи (§ 16).

Такова сущность разсужденій Дамаскина въ очеркѣ „ученой исторіи“ русской. Правда, что онъ „живыми и смѣлыми красками рисуетъ здѣсь умственное состояніе тогдашней Россіи и степень участія духовенства въ просвѣщеніи русскаго общества и народа“ [1]); но краски эти очень густо

[1]) *М. И. Сухомлиновъ*, Ист. рос. акад., вып. 1; стр. 169—170.

наложены, вслѣдствіе чего умственное убожество древней Россіи выступаетъ предъ читателемъ въ ненадлежащемъ освѣщеніи. Многочисленныя изслѣдованія новѣйшаго времени показали намъ, что картина образованности въ разсматриваемый нашимъ авторомъ періодъ русской исторіи если не была особенно красива, то вовсе не была и такъ печальна, какъ представлена въ очеркѣ, и скептицизмъ нашего ученаго не имѣетъ оправданія въ дѣйствительныхъ фактахъ исторіи и литературы [1]). Нашъ авторъ допустилъ ошибку въ томъ отношеніи, что построилъ свои глубокія обобщенія на отсутствіи историческихъ свидѣтельствъ въ пользу противоположнаго взгляда; но это отсутствіе означало не то, что такихъ свидѣтельствъ совсѣмъ не существуютъ, а только то, что они не были еще открыты и надлежащимъ образомъ изучены. Когда со временемъ ихъ набралось достаточно, тогда и рѣдкіе приговоры нашего автора должны были въ значительной степени потерять свою цѣнность и даже во многихъ отношеніяхъ уступить мѣсто болѣе безпристрастнымъ сужденіямъ о томъ же предметѣ въ трудахъ новѣйшихъ изслѣдователей литературы. Но даже и въ то время вышеуказанная, напр., рѣчь проф. Баузе служила въ нѣкоторой степени противовѣсомъ отрицательнымъ выводамъ нашего автора, ибо въ ней достаточными основаніями подкрѣплялась оригинальная для того времени мысль, что до-петровская Русь имѣла свою культуру и свое просвѣщеніе; а единственная въ своемъ родѣ коллекція рукописей и старинныхъ книгъ этого замѣчательнаго собирателя заключала въ себѣ не менѣе древніе рукописные списки, чѣмъ тѣ, на которыя указываетъ Дамаскинъ въ библіотекѣ кн. М. М. Щербатова или въ архивѣ иностранной коллегіи въ Москвѣ (кратк. опис. учен. исторіи, § 15). Но если этотъ первый очеркъ „россійской ученой исторіи“

[1]) Чит. Порфирьева, Ист. рус. словесн. Ч. 1; П. А. Лавровскаго, О древне-русск. училищахъ. Харьковъ, 1854; В. С. Иконникова, О культурномъ значеніи Византіи въ русск. исторіи. Кіевъ. 1869, гл. V, и друг.

страдаетъ отсутствіемъ твердо обоснованныхъ выводовъ [1]), зато совершенно справедлива мысль нашего автора, что главнѣйшія измѣненія въ письменности служатъ яркими признаками новыхъ началъ и въ народной образованности; и новѣйшіе историки русской литературы, подобно Дамаскину, появленіе письменности считаютъ началомъ ея перваго періода [2]).

Въ чемъ же, однако, заключается причина суроваго отношенія Дамаскина къ намѣченному имъ вопросу? Для объясненія этого мы приведемъ одно мнѣніе, которое представляется намъ вполнѣ заслуживающимъ вѣроятія.—Дамаскинъ вышелъ изъ протестантской школы: та борьба, что вѣка длится на западѣ, оспаривая первенство и главенство за религіей, и тотъ раціонализмъ, что присущъ наукѣ у протестантовъ, налагая на все свой обликъ, будь то богословіе или исторія—все это не могло не отразиться во взглядахъ Дамаскина на прошлое древней Руси, на колыбель ея просвѣщенія, на нашихъ цивилизаторовъ—на греческое духовенство. Слишкомъ положительный и разсудочный, Дамаскинъ перечитывая массу рукописей и книгъ, не могъ не замѣтить извѣстнаго пробѣла; солидно образованный; съ свѣтлою мыслью, съ запасомъ положительныхъ знаній, товарищъ и сотрудникъ Гаттерера, онъ, работая въ патріаршей и другихъ библіотекахъ надъ памятниками нашего духовнаго просвѣщенія, невольно дѣлаетъ сравненіе съ культурою другихъ народовъ и приходитъ къ тяжелымъ выводамъ. Строго православный, съ какимъ чувствомъ Дамаскинъ слушалъ лекціи профессоровъ—лютеранъ, трактовавшихъ хотя бы о бреве папы Климента XII, дававшаго

[1]) Хотя и въ новѣйшихъ трудахъ русскихъ церковныхъ историковъ можно находить одинаковые взгляды на первый періодъ нашего просвѣщенія. См. *Макарія*, Ист. рус. церкви, т. V; стр. 242—258.

[2]) *Галаховъ*, Ист. рус. слов. 1863. т. 1; стр. 5. *Порфирьевъ*, Ист. рус. слов. 1870. ч. 1; стр. 10.

индульгенціи за соблюденіе извѣстнымъ образомъ тринадцати пятницъ [1])! Вернувшись къ себѣ, въ Россію, Дамаскинъ чуть не въ каждомъ рукописномъ сборникѣ натыкается на подобныя пятницы, но числомъ двѣнадцать, съ тою лишь разницей, что тамъ, у католиковъ, онѣ получаютъ санкцію папы, высшаго авторитета духовной власти, а у насъ не преслѣдуются и получаютъ безмолвное признаніе [2]). Вмѣстѣ съ „истинными“ книгами списывалось и вплеталось въ сборники отреченное: такъ, Несторъ уже списываетъ изъ Палеи, а начиная съ XIII вѣка апокрифическая литература усиливается, и отсюда до насъ дошли списки сказанія Аѳродитіана персіанина, Откровеніе Авраама, завѣты двѣнадцати патріарховъ, Варѳоломеевы вопросы Богородицѣ, и проч.. Въ концѣ XIV и въ началѣ XV вѣка потребовались индексы истинныхъ и ложныхъ книгъ, и не смотря на это апокрифическая литература росла: то были сначала „болгарскія басни“, „ложь болгарскаго попа Іереміи“ [3]), затѣмъ, съ теченіемъ времени, литература эта получила уже свою самостоятельность и такъ сказать національную, чисто русскую окраску. Невѣжество книжное, какъ извѣстно, достигло высшаго своего развитія во дни стоглаваго собора и затѣмъ позднѣе выразилось расколомъ со множествомъ подраздѣленій его на разныя секты, толки, и т. п. Невѣжественные люди съ своимъ мнимымъ древнимъ благочестіемъ разбрелись повсюду, выселяясь на окраины Руси, скрываясь въ лѣсахъ, въ пустыняхъ, въ скитахъ, и ему ли, епископу Дамаскину,

---

[1]) См. напр. Instructions pratiques sur les indulgence et les confréries. и проч., par *M. A. Péala*, 10 изд. 1858 (287); стр. 367—368. Ср. ibid. (89), стр. 121—122.

[2]) *Н. С. Тихонравовъ*, Памятники отречен. рус. литер. т. II; стр. 323 и слѣд. (XII—О двѣнадцати пятницахъ). Ср. также *Ровинскій*, народныя картинки, V, 168 и слѣд.

[3]) *Макарій*, Ист. рус. цер., V, 254. *Ягичъ*, Ист. сербско-хорват. литер. (по рус. перев. Казань, 1871), стр. 100 (2) и слѣд. *Порфирьевъ*, Апокрифич. сказанія и пр. Спб., 1877. Введеніе.

вѣдавшему нижегородскую епархію, одну изъ самыхъ безпокойныхъ, гдѣ кишѣлъ и гнѣздился раскольничій людъ,—ему ли было не судить о степени духовнаго просвѣщенія народа? Народъ коснѣлъ. И неужели черезъ девять вѣковъ своей духовной жизни, еслибы таковая была направлена заботливой, любящей рукой, неужели народъ нашъ былъ-бы на той ступени своего развитія, на какой видѣлъ его Дамаскинъ [1])?

Обратимся теперь къ библіографическому описанію книгъ. Замѣтимъ прежде всего, что хотя трудъ Дамаскина остался далеко не оконченнымъ печатаніемъ и изданіе его доселѣ находится въ томъ же положеніи, въ которомъ было и въ 1851 году; но объ этомъ жалѣть теперь нечего: напечатано почти все, что представляетъ интересъ; оставшееся въ рукописи заключаетъ только одинъ голый перечень книгъ, который теперь, послѣ множества изданныхъ библіографическихъ указателей и обзоровъ нашей книжной древности [2]), представилъ-бы ненужный печатный балластъ. Во второмъ томѣ рукописи слишкомъ мало, а въ третьемъ и совсѣмъ нѣтъ собственноручныхъ отмѣтокъ Дамаскина касательно содержанія указываемыхъ книгъ, что́ находимъ въ той части перваго тома, которая уже издана.

Дамаскинъ въ описаніи своемъ отмѣчаетъ, какія книги онъ самъ читалъ или просматривалъ, и о какихъ знаетъ изъ другихъ источниковъ, и гдѣ находится та или другая книга. Книги разсматривались и въ общественныхъ, и въ частныхъ собраніяхъ: библіотеки патріаршая, типографская, академи-

---

[1]) Памятники древн. письм. и искусства, 1881, XI. XVI—XVIII.

[2]) Въ особенности *В. Сопикова*: Опытъ россійской библіографіи или полный словарь сочиненій и переводовъ, напечат. на славян. и рос. языкахъ отъ начала заведенія типографій до 1813 г., ч. I—V. Спб., 1813—1821.—Алфавитный указатель именъ авторовъ и переводчиковъ, издат. и друг. лицъ, упоминаемыхъ въ „Опытѣ“ В. Сопикова. Сост. *П. О. Морозовъ*. Прилож. къ XXVIII т. зап. ак. н. Спб., 1876 (и отд.).—Замѣтки и разъясненія къ „Опыту р. б.“ В. Сопикова. *В. Салтова* (журн. мин. нар. просв. 1878 г. № 6; 247—291 дополн. и поправки). Спб., 1878.

ческая, нижегородской семинаріи, частныя—Петра Петровича Курбатова, кн. Мих. Мих. Щербатова и отдѣльныя книги у раскольниковъ—всѣ были ему доступны. Особенный интересъ „Библіотеки“ заключается въ тѣхъ замѣткахъ, какія во многихъ случаяхъ дѣлаетъ авторъ касательно содержанія и состава книгъ, особенно важныхъ чертъ въ нихъ, и въ болѣе или менѣе подробныхъ выпискахъ. Чѣмъ рѣже книга, тѣмъ пространнѣе излагается ея содержаніе. Если одно и то же сочиненіе находится въ нѣсколькихъ изданіяхъ и редакціяхъ, то нашъ библіографъ иногда сравниваетъ ихъ между собою; при разсмотрѣніи состава частей сочиненія онъ показываетъ, какія изъ нихъ встрѣчаются въ книгахъ другого содержанія. Жизнеописанія святыхъ за сентябрь, октябрь и ноябрь Дамаскинъ тщательно сравниваетъ по московскому и могилевскому изданіямъ, отмѣчая всѣ отличія одного изданія отъ другого. Въ составъ описанія входятъ главнѣйшимъ образомъ печатныя книги, но упоминаетъ и довольно значительное число рукописей: описано двадцать рукописей нижегородской семинаріи и одна нижегородскаго Печерскаго монастыря. Говоря о произведеніяхъ переводныхъ, Дамаскинъ указываетъ ихъ источники, руководствуясь для византійской литературы классическимъ трудомъ Фабриція: Bibliotheca graeca; при помощи этого пособія объяснено нашимъ библіографомъ происхожденіе Діоптры, Лимонаря и Пчелы.

Остановимся на нѣсколькихъ интересныхъ примѣрахъ описанія книгъ.

Первою книгою у Дамаскина стоитъ—

„Доктора Франциска Скорины на первыя книги царствъ сказанія, въ Вильнѣ, 1518, въ 4-ть, въ патр. библ.“ „По начатіи книгопечатанія въ Европѣ—говоритъ Дамаскинъ—около 1440 года, прошло восемьдесятъ почти лѣтъ, какъ начали печатать книги на славенскомъ языкѣ въ Вильнѣ, ибо древнѣе книги на славенскомъ языкѣ напечатанной я не нашелъ, какъ въ 1518 году. Но въ Великой Россіи началось

печатаніе книжное въ 1553 году, и первая книга *Апостолъ* напечатана въ 1562 году при государѣ Царѣ Иванѣ Васильевичѣ второмъ и при митрополитѣ Россійскомъ Макаріи; слѣдовательно, послѣ изобрѣтенія типографіи въ Европѣ сто двадцать два года спустя". Вторая книга—„Вивліа Руска, выложена докторомъ Франциском Скориною изъ славнаго града Полоцка, 1519, въ 4-ть, въ патр. библ". Третья книга—„книги, зовомыя Апостолъ, еже замыкуютъ въ себѣ дѣянія Апостольская, посланія святыхъ Апостолъ, соборныхъ седмъ и святаго Павла четыренадесять, въ славномъ мѣстѣ Виленскомъ. Выложены и вытиснены працею и великою пилностію доктора Франциска Скорины съ Полоцка, въ лѣто 1527, въ 12-ю больную долю, въ библ. его Высокород. Петра Петровича Курбатова".

„Всѣ помянутыя три книги достопамятны. Первой не видавъ, сказать объ ней ничего не могу. Вторая и третья тѣмъ примѣчанія достойны, что переводъ въ нихъ совсѣмъ иной, нежели въ нашей славенской Библіи. *Онъ подходитъ нѣсколько къ простому нарѣчію* и во многихъ мѣстахъ вразумительнѣе, нежели переводъ нашей Библіи. Печатаны на голландской тонкой бумагѣ, безъ раздѣленія, и при концѣ показано, когда какой Апостолъ читать надлежитъ. Тутъ же имѣется красными литерами объявленіе такое, что помянутый Докторъ и всѣ книги Библій, Ветхаго и Новаго закона, выложилъ".

Такимъ образомъ, еще здѣсь мы находимъ, можетъ быть, впервые основу того общераспространеннаго мнѣнія, что Скорина переводилъ на современный ему живой языкъ, понятный для „простыхъ" людей, т. е. на нарѣчіе западно-русское (бѣлорусское, называвшееся также польско-русскимъ),—мнѣнія, нашедшаго себѣ защитника и въ новѣйшемъ изслѣдователѣ переводовъ Скорины [1]).

[1]) *П. В. Владиміровъ.* Докторъ Фр. Скорина, его переводы, печатныя изданія и языкъ. Спб. 1888. Другой взглядъ на языкъ переводовъ Скорины см. въ ст. *А. И. Соболевскаго,* въ журн. мин. нар. пр. 1888 г. № 10; стр. 321—332.

„Канонникъ, на старинномъ славенскомъ языкѣ печатанной въ 1547 году, въ 12-ю долю, въ акад. библ.“ Послѣ перечисленія всѣхъ 46 статей, изъ коихъ составлена книга, замѣчено: „Къ критическому розъисканію Славенскаго и простаго Россійскаго языка не мало послужить можетъ сія книжица“.

„Апостолъ самаго перваго изданія при Царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ и при митрополитѣ Макаріи, въ Москвѣ, въ лѣто 7070 (1562), въ десть, въ акад. библ., другой экземпляръ въ типогр. библ. въ Москвѣ. Книга очень рѣдкая, о которой ученой мужъ Петръ Колій (Kohlius in Introductione in historiam et rem litterariam Slavorum § 5) не зная думалъ, что отъ заводу сей типографіи не осталось ни одной книги, но всѣ во время разоренія Москвы отъ Поляковъ погорѣли. Объявленіе напаче, при концѣ сего Апостола обрѣтающееся, весьма достопамятно; ибо изъ него видно: 1) что повелѣніемъ Царя Ивана Васильевича и благословеніемъ митрополита Макарія воздвигаемы были многія въ Москвѣ и по другимъ мѣстамъ и городамъ, а напаче въ новопросвѣщенномъ градѣ Казани и предѣлахъ его, церкви, кои Царь Иванъ Васильевичъ украшалъ иконами, книгами, сосудами, ризами и прочими церковными вещьми; 2) что онъ повелѣлъ для новопостроенныхъ церквей покупать книги на торжищахъ, а именно: Псалтыри, Евангелія, Апостолы и прочія книги потребныя; 3) что исправныхъ книгъ на торгу нашлося тогда не много, другія же всѣ перепорчены были отъ неученыхъ и неискусныхъ перепищиковъ; 4) что сія книгъ неисправность побудила Царя Ивана Васильевича думать о заведеніи въ Москвѣ печатанія книжнаго; 5) что начали искать мастерства печатанія книгъ въ 7061, царствованія же его въ 30 лѣто, то есть въ 1553 году; 6) что къ произведенію печатнаго дѣла употреблены были не чужестранцы, но свои, а именно: Николая Чудотворца Гостунскаго діаконъ Иванъ Ѳедоровъ, да Петръ Тимоѳѣевъ Мстиславецъ; слѣдовательно несправедливо

Николай Бергій (Nic Bergius libro de statu ecclesiae et religionis Moscoviticae. Holmiae ann. 1704, pag. 152, ubi tota haec praefatio Germanice, sed male conversa inserta est) изъ Ѳедорова сына сдѣлалъ Голандца Тедерсона; 7) что первѣе начали печатать сіи книги: Дѣянія Апостольскія и Посланія Соборныя и Святаго Апостола Павла посланія, въ лѣто 7070, Апрѣля въ 19 день, а совершили въ то же лѣто марта 1 дня, при митрополитѣ Аѳанасіи, въ первое лѣто святительства его. Что тому причиною было, что по сооруженіи печатнаго дому 11 лѣтъ прошло, какъ первую сію напечатали книгу, здѣсь не показано; можетъ быть помянутые мастеры посыланы были въ чужія страны для обученія печатному художеству. Только безпристрастно сказать можно, что дѣло сіе удачно начато, ибо и литеры хорошія и бумага самая тонкая Голандская къ тому употреблена, зачала означены красною прописью, безъ раздѣленія главъ и стиховъ, и въ заглавіи показано, что помянутыя зачала и когда какой Апостолъ читать надлежитъ изобрѣтены отъ Исаія міниха въ лѣто 6091, то есть въ 583 году отъ Р. Х. О семъ Апостолѣ то еще для критиковъ примѣчать надобно, что Апокалипсиса при немъ не имѣется и стиха 1 Іоан. гл, 5, ст. 7 нѣтъ. Старой ли переводъ сего Апостола или поправленной, или вновь сдѣланной съ подлинника и кѣмъ печати преданъ, того не объявлено. Однако думать можно, что переводъ сей повѣренъ былъ съ подлинникомъ греческимъ прежде нежели въ печать отданъ. Ибо Макарій митрополитъ былъ самой ученой человѣкъ и по гречески зналъ хорошо. О чемъ свидѣтельствуютъ трудъ его, въ собраніи Четьихъ—Миней употребленный", и т. д.

—„Вѣра православная или служеніе Церкви Восточныя, Московской печати, 7156 (1648), въ десть, въ патр. библ. (vide Bergium, p. 25). Сія книга есть та самая, которую уважаютъ раскольники; я у нихъ ее бралъ и читалъ и не нашелъ ничего на ихъ сторону написаннаго, но она вся на-

рочно издана противъ Римской Папежской Церкви. Для того подамъ я здѣсь разсужденіе о сей книгѣ обстоятельнѣе", и т. д. „Θеофилактъ Лопатинскій въ обличеніи на раскольниковъ показалъ, что сія книга писана Зизаніемъ".

О книгахъ Симеона Полоцкаго „*Обѣдъ душевный*" (1681) и „*Вечеря душевная*" (1683) замѣчено Дамаскинымъ: „объ сіи книги я видѣлъ и читалъ въ библіотекѣ Нижегородской Семинаріи и усмотрѣлъ, что Симеонъ Полоцкій былъ преученый человѣкъ; проповѣди его, въ книгахъ на весь годъ содержащіяся, такъ хороши, что и нынѣ съ поправкою словъ не уступятъ самымъ лучшимъ проповѣдникамъ" [1]).

Приведя заглавіе *Камня вѣры* Стефана Яворскаго, Дамаскинъ замѣчаетъ: „Сія книга достопамятна для того, что она изъ Россійскаго духовенства имѣла сильныхъ противниковъ, и едва допущена была до напечатанія, для того хотя въ заглавіи и показано, будто „повелѣніемъ императора Петра Великаго и благословеніемъ Св. Синода"; однако въ печать издана уже послѣ смерти Петра Перваго, т. е. отъ с. м. 7237, а отъ Р. Х. 1728" (Рукопись, т. 1; стр. 181 об.—182).

Желая придать возможную полноту своей „Библіотекѣ", Дамаскинъ вносилъ въ нее не только книги самаго разнообразнаго содержанія, но и планы, напр. „Большой планъ столичнаго города Санктпетербурга съ проспектами, въ Спб 1753, въ десть" (рукоп. т. 11, стр. 39); „Новый планъ императорскаго столичнаго города Спб., состоящій изъ 9 картъ съ 16 проспектами. 1753 г." (ibid., стр. 40), и даже такія вещи, какъ: „Штаты присутственныхъ мѣстъ (безъ обознач.

---

[1]) Не трудно догадаться, за что такъ высоко цѣнитъ Дамаскинъ проповѣди „люботруднаго и премудраго мужа отца Симеона Полоцкаго", „Обѣдъ", „Вечеря" котораго „простѣйшимъ людемъ за высоту словесъ тяжка быть слышати и грубымъ разумомъ не внимателна" (*А. Востоковъ*, Описаніе рукописей Румянц. музея, стр. 633): Полоцкій былъ поборникъ просвѣщенія и часто высказывалъ въ своихъ поученіяхъ мысль о необходимости этого средства, какъ самаго дѣйствительнаго противъ общественныхъ пороковъ.

года)“ (ibid., стр. 124),„ Штатъ межевой экспедиціи“ (ib.), „Штатъ придворной конюшенной канцеляріи“ (ib., стр. 125), „Карта Выборгской губерніи съ окружающими ее странами. Соч. І. Шм(идіемъ). 1770“ (рукоп. т. 3, стр. 18 об.).

Намъ остается теперь сказать нѣсколько словъ еще объ одномъ рукописномъ трудѣ, который связанъ съ именемъ Дамаскина и также относится къ нижегородскому періоду его дѣятельности. Трудъ этотъ (рукописи фундам. б-ки моск. дух. акад., № 169, 349 стр. 4) надписывается такъ: „Аллація (Льва) Два разсужденія о церковныхъ книгахъ греческой церкви (De libris ecclesiasticis graecorum diss. II. Cura I. A. Fabricii) въ переводѣ Дамаскина епископа нижегородскаго“ на 9-мъ листѣ уже рукою Дамаскина написано: „Льва Аллація о церковныхъ книгахъ греческой церкви два разсужденія, изъ которыхъ въ одномъ разсужденіи исчисляются книги самоглавнѣйшія и употребительнѣйшія въ греческой церкви до богослуженія и обрядовъ церковныхъ принадлежащія; а во второмъ разсужденіи испытаніе или разсмотрѣніе учинено о тріодѣ великопостной и о тріодѣ цвѣтной или пятидесятичной и о октоихѣ и осмогласникѣ, напечатанныя на латинскомъ языкѣ въ греческой Библіотекѣ Іоанна Альберта Фабриція въ пятой книгѣ при концѣ, изданной въ Гамбургѣ 1712 въ 4-ть, а съ латинскаго на россійскій языкъ переведенныя подъ присмотромъ преосв. Дамаскина, епископа нижегородскаго и алатырскаго, нижегородской семинаріи поэзіи и греческаго языка учителемъ, Архангельскаго собора іереемъ Василіемъ Трофимовымъ Сергіевскимъ 1790 года“. Первое разсужденіе изложено въ формѣ письма отъ Л. Аллація къ „знаменитѣйшему и ученнѣйшему мужу Гавріилу Навдею“ (завѣдывавшему Мазаринскою библіотекою). Въ немъ разсматриваются: типикъ, служебникъ, евангеліе, апостолъ, псалтирь, октоихъ, молитвенникъ, тріодь, пентикостарій, минея мѣсячная, мѣсяцесловъ, анѳологій, часословъ, синаксари, торжественникъ, евхологіонъ, ирмологъ, и друг. книги. Второе разсужденіе въ текстѣ ру-

конпси надписывается такъ (стр. 102): „Л. Аллаціи греческихъ церковныхъ книгъ, Тріоди, Пентикостаріи, Октоиха испытаніе къ мужу знаменитѣйшему и ученѣйшему Іоанну Авберту“. Все это соотвѣтствуетъ тому, что у Фабриція (Bibl. graeca, т. V, гамб. изд. 1712 г.; стр. 1—79) напечатано подъ заглавіемъ: Leonis Allatii de libris ecclesiasticis graecorum; dissertationes duae, quarum una, Divinorum Officiorum potiores usitationesque Libri percensentur: altera Triodium, Pentecostarium et Paracletice examinantur. Ad editionem Cramoisianam Paris MDCXLIV additis motis, supplemento et Indice, recusae cura I. A. Fabricii: къ русскому переводу приложенъ и списокъ *пѣснопѣвцевъ* (рук., стр. 336—341), имѣющійся у Фабриція (стр. 236—241). Переводъ безъ примѣчаній, которыхъ не мало у Аллаціи, и съ сокращеніями какъ въ первомъ, такъ и во второмъ разсужденіи; къ концѣ русскаго перевода приложено „Письмо св. Василія Великаго къ св. Григорію Богослову о пустынножительствѣ“ (стр. 344—349), котораго у Фабриція нѣтъ. Языкъ перевода обличаетъ редакторскую руку Дамаскина, и весь трудъ служитъ свидѣтельствомъ, что Дамаскинъ не только самъ не переставалъ работать [1]), но и другихъ умѣлъ привлечь къ работѣ.

Торжественные дни чествованія государыни служили для Дамаскина поводомъ являться на церковной каѳедрѣ своимъ словомъ. Изъ нижегородскаго періода жизни Дамаскина намъ извѣстны три напечатанныхъ слова на слѣд. дни: 28 іюля 1787 года, 21 апрѣля 1791 года и 28 іюня 1792 года. Тонъ этихъ произведеній, т. е. собственно двухъ первыхъ, хвалеб-

---

[1]) Есть указаніе, что Дамаскинъ особенно изучалъ языкъ мордовскій, для котораго готовилъ и грамматику, но издать ее не успѣлъ (Ист. нижг. іер., стр. 172); по другому указанію, была еще его „Записка о религіи чувашъ“, т. е. къ 1788 г.; рукопись эта хранилась въ Имп. Рус. Геогр. Общ., но кажется утрачена (Памятники древн. письм. 1881, кн. XI, стр. XVIII.

ный, такой же самый, съ какимъ мы уже знакомы по московскимъ проповѣдямъ Дамаскина. Они во всякомъ случаѣ интересны для характеристики тогдашнихъ взглядовъ Дамаскина на Екатерину II и ея царствованіе. Искренность ихъ тона и выражаемаго въ нихъ увлеченія личностью государыни едва ли можетъ подлежать сомнѣнію.

Первое слово произнесено было по поводу исполнившагося двадцатилѣтія царствованія Екатерины II. Упомянувъ въ началѣ слова царей Ивана Васильевича, Алексѣя Михайловича и Петра Великаго, которые много сдѣлали для Россіи, особенно послѣдній, Дамаскинъ говоритъ, что въ лицѣ Екатерины Богъ послалъ такую государыню, которая со всѣми ими не только сравнялась, но и превзошла ихъ своимъ о насъ попеченіемъ; о нихъ можно сказать, что положили только основаніе нашему благополучію, а Великая Екатерина совершила, утвердила и распространила оное невѣроятнымъ образомъ [1]). Чтобы показать ясно и утвердить сильнѣйшими доводами истину своихъ словъ, ораторъ обозрѣваетъ нѣкоторые „совершенное блаженство Россіи доставившіе“ труды Екатерины II. Онъ указываетъ прежде всего на то, что Екатерина съ самаго вступленія своего на престолъ ничего не пощадила: ни напряженія силъ своихъ, ни обширнаго и проницательнаго своего разума, ни здоровья, ни имѣнія, ни сокровищъ царскихъ; но всѣмъ жертвовала для благополучія Россіи. Она старалась не имѣть ни съ кѣмъ войны и скоро прекратила прусскую войну; затѣмъ она издала такіе законы, которыхъ и Петру Великому „выдать не посчастливилось“; она путешествовала въ сѣверо-восточныя владѣнія государства; по возвращеніи думала только объ усовершенствованіи благополучія въ своемъ государствѣ, но завистливыя державы, опасаясь все возраставшаго могущества Россіи, постарались помѣшать Екатеринѣ въ мирномъ развитіи страны и „возжгли гордую и тщеславную

[1]) Слово, стр. 3—4.

порту оттоманскую объявить Россіи войну“ [1]). Мысль о войнѣ повергла въ скорбь чадолюбивую мать отечества, но и самая война послужила къ большему рѣдкихъ ея добродѣтелей прославленію, къ вящшей пользѣ отечества и къ великому вреду непріятеля и къ постыженію злобныхъ и завистливыхъ державъ. Дѣятельная душа Екатерины не могла, однако, остановиться на счастливо оконченной войнѣ и не хотѣла успокоиться и отдыхать. Какъ на дальнѣйшіе плоды ея дѣятельности, указывается на положеніе о губерніяхъ, *распоряженія о духовныхъ имѣніяхъ*, воспитательныхъ домахъ, академіи художествъ, учрежденіи корпусовъ и т. д. Не останавливаясь подробно на этихъ и не упоминая о многихъ другихъ *подвигахъ* Екатерины, Дамаскинъ говоритъ о реформѣ воспитанія въ Россіи. „Она (Екатерина) какъ природною свыше одарена премудростію, такъ и чрезъ хорошее воспитаніе и упражненіе въ наукахъ разумъ свой просвѣтившая, знала совершенно, что всѣ ея узаконенія и учрежденія, какъ бы хороши и превосходны ни были, только большею частію останутся безъ дѣйствія и желаемыхъ не принесутъ успѣховъ, ежели не приготовитъ къ исполненію ихъ народъ свой воспитаніемъ. Для того еще заблаговременно постаралась, избравъ изъ Россіянъ младыхъ юношей, послать въ чужіе краи для обученія разнымъ языкамъ и наукамъ, дабы возвратясь оттуда могли употреблены быть въ училищахъ для просвѣщенія другихъ, здѣсь обучающихся“ [2]). Дамаскинъ указываетъ далѣе на открытіе главнаго народнаго училища и малыхъ училищъ и на введеніе новаго метода обученія; *„кромѣ сего въ скорости ожидаемъ еще и открытія новыхъ Университетовъ“* [3]). Навосъ оратора послѣ этого заходитъ такъ далеко, что онъ затрудняется, какъ-бы лучше назвать Екате-

[1]) Ibid., стр. 7.
[2]) Ibid., стр. 10.
[3]) Ibid., стр. 11.

рину. „Чѣмъ ее назовемъ? какимъ титуломъ почтимъ? Великою и Матерію отечества? Мало! Ежели бы только представить себѣ можно было Бога въ видѣ человѣка, то не знаю кого, кромѣ Ея, изъ смертныхъ, приличнѣе нарещи Богомъ во плоти обитающимъ“ [1]). Такъ далеко не заходилъ въ своемъ увлеченіи личностью Петра Великаго и самъ Ѳеофанъ Прокоповичъ! Тонъ нашего оратора, особенно послѣднія слова, напоминаютъ, какъ видно, похвальное слово Ломоносова Петру Великому; но что хоть сколько нибудь было понятно въ устахъ свѣтскаго оратора, то является уже совсѣмъ страннымъ, чтобы не сказать болѣе, въ устахъ оратора духовнаго, на церковной каѳедрѣ...

Слово 1791 г. апр. 21 также публицистическаго характера. Указавъ опять на величіе личности государыни и на ея рѣдкія дарованія, для описанія которыхъ „ни обиліе слова Демосѳенова, ни краснорѣчіе Цицероново было бы недостаточно“ [2]), Дамаскинъ избираетъ предметомъ слова безподобное великодушіе Екатерины „какъ въ началѣ и продолженіи войны со Шведомъ, такъ и въ заключеніи мира, оказанное не только своимъ вѣрноподданнымъ, но и непріятелямъ“. Сказавъ о странномъ и почти необыкновенномъ началѣ Шведской войны, явившемъ собою крайнюю степень вѣроломства по отношенію къ Россіи со стороны ближайшаго сосѣда и дружелюбнаго союзника, безъ всякой причины объявившаго эту войну, Дамаскинъ только особеннымъ способностямъ и рѣдкимъ дарованіямъ государыни приписываетъ успѣшный ходъ военныхъ дѣйствій и счастію Богомъ любимой и невидимо покровительствуемой монархини. Продолжалась война также съ великимъ коварствомъ и злоухищреніемъ непріятеля. Великодушная Екатерина изыскивала всевозможныя средства къ прекращенію сей безполезнѣйшей брани, но король швед-

---

[1]) Ibid., стр. 11.

[2]) Слово, стр. 4.

скій не внялъ ничему, и за то, по волѣ правосуднаго Бога, всегда и вездѣ былъ побѣждаемъ. Конецъ войны также былъ несчастенъ для шведовъ, и только опасеніе конечнаго разоренія и истребленія своего флота заставило короля склониться на миръ, который немедленно и былъ заключенъ съ нимъ безъ всякихъ тяжелыхъ контрибуцій для Швеціи и даже съ предоставленіемъ ей права пользоваться въ Россіи всѣми прежними выгодами. Но Екатерина не только непріятелей щадила и даже награждала,—она щедро наградила и всѣхъ подвизавшихся въ этой войнѣ, „не забыла даже и тѣхъ, которые и не бывъ на сей войнѣ, но находясь внутри отечества, способствовали разными образы къ споспѣшествованію въ оной, даже и духовныхъ верховныхъ особъ, о преодолѣніи враговъ молитвы ко Всевышнему возсылавшихъ, не оставила безъ пристойнаго награжденія, но золотыми медалями, на случай заключеннаго со Шведомъ вѣчнаго мира выбитыми, пожаловать изволила“ [1]). По поводу послѣднихъ словъ мы должны сказать читателю, что Дамаскинъ также получилъ золотую медаль, за что и писалъ Екатеринѣ благодарственное письмо [2]).

---

[1]) Ibid., стр. 7.

[2]) Всемилостивѣйшей, Державнѣйшей, Великой Государынѣ Императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, Самодержицѣ Всероссійской, Государынѣ Всемилостивѣйшей. Отъ Дамаскина Епископа Нижегородскаго и Алаторскаго всеподданнѣйшее благодареніе за полученную золотую медаль. Печатано въ учрежд. при Нижегор. намѣстнич. Правленіи Типографіи 1791 года. Въ б. 8, стр. 5.

Всеавгустѣйшая Монархиня!

Всемилостивѣйшая Государыня!

Тита Флавія Веспасіана, Римскаго Императора, премногіе его времени писатели называли *любовію отечества и утѣхою человѣческаго рода.* Но ежели сравнить съ его твои щедроты и милости, на любезное тебѣ отечество наше и на премножество милліоновъ народа изліянныя и нынѣ изливаемыя, то гораздо приличнѣе и достойнѣе дать тебѣ сей титулъ: *любовь отечества и утѣха человѣческаго рода.* Нѣтъ состоянія въ Россіи, толь пространномъ и многолюдномъ Государствѣ, которое бы не возчувствовало Твоихъ благодѣяній. Нѣтъ случая, при которомъ бы Ты не распростерла щедроподательной Твоей

Наконецъ, третье и послѣднее слово—1792 г.—произнесено было въ торжественный день тридцатилѣтія царствованія Екатерины II и написано на текстъ: „Побѣждающему дамъ сѣсти на престолѣ моемъ“, Апок. III, 21. Оно отличается болѣе общимъ характеромъ и примѣненіе развиваемыхъ въ немъ мыслей о побѣдѣ надъ врагами внѣшними и внутренними—нашими страстями—къ личности Екатерины только внѣшнее. Слово болѣе занято общимъ разъясненіемъ положеннаго въ его основу текста св. Писанія. Переходъ къ нему отъ предыдущаго можетъ считаться не совсѣмъ обычнымъ для Дамаскина, и нельзя ли въ этомъ спокойномъ и даже холодномъ тонѣ слова видѣть слѣдствіе измѣнившихся отношеній Екатерины къ нижегородскому преосвященному?

десницы ко всѣмъ, усердно подвизающимся за Твое отечество. Не упоминаю еще о тѣхъ, кои во время нынѣшней съ Турками войны за свои ревностныя подвиги прещедро отъ Тебя награждены; но въ примѣръ представляю только отличившихъ себя храбростію и мужествомъ противу шведовъ. Кто изъ нихъ забытъ? Кто остался безъ довольнаго награжденія? Нѣтъ ни единаго. Даже и мы духовные, молитвами только къ преодолѣнію сего непріятеля споспѣшествовавшіе, удостоились знаковъ безпримѣрныя Твоея щедроты: Между которыми и я, вѣрноподданнѣйшій Вашего Императорскаго Величества богомолецъ, счастіе возъимѣлъ, получить золотую медаль на заключеніе сосѣдственнаго и вѣчнаго мира съ Швеціею. За сей знакъ Вашего Монаршаго ко мнѣ благоволенія свидѣтельствуя чрезъ сіе Вашему Императорскому Величеству всеусерднѣйшую мою благодарность, молю всесмиренно, да, отъ него же живемъ и движемся вся, продлитъ драгайшую Вашего Императорскаго Величества жизнь для благоденствія всего, Вашему премудрому правленію порученнаго, народа, на многайшія лѣта и сохранитъ здравіе Ваше цѣло и невредимо, при всевожделѣнномъ благополучіи, до позднѣйшихъ временъ. Сего Вашему Императорскому Величеству отъ искренняго моего усердія желая, повергаю себя и всю, порученную мнѣ паству, въ полномощное Ваше покровительство, и остаюсь навсегда со всеглубочайшимъ моимъ къ Вашей освященной особѣ усердіемъ, преданностію и благоговѣніемъ,

Всеавгустѣйшая Монархиня!
Всемилостивѣйшая Государыня!
Вашего Императорскаго Величества
вѣрноподданнѣйшій богомолецъ
Дамаскинъ Епископъ Нижегородскій.

Чѣмъ объяснить охлажденіе Екатерины къ Дамаскину, бывшее, какъ думаютъ, поводомъ къ удаленію его на покой? Въ чемъ его причина? Архим. Макарій, единственный біографъ Дамаскина, указывающій на это охлажденіе, говоритъ о немъ какъ-то глухо и, кажется, со словъ другихъ. Вотъ что онъ писалъ: „По различнымъ непріятнымъ слухамъ, доходившимъ до начальства и до самой императрицы, Дамаскинъ вознамѣрился оставить управленіе епархіею, жить на покоѣ и заниматься учеными трудами. Писалъ онъ о своемъ намѣреніи и митроп. Гавріилу. Но мудрый архипастырь, знавшій его характеръ, въ отвѣтъ ему, совѣтовалъ прежде испытать себя удаленіемъ на 40 дней въ какой либо монастырь. Вмѣстѣ съ этимъ внушалъ ему оставить всѣ германскія бредни, толпившіяся въ его головѣ, а приняться лучше за исполненіе обѣтовъ иноческихъ (самаго письма теперь нѣтъ; но такъ разсказываютъ тѣ, кои имѣли случай читать оное). Письмо Гавріила сильно подѣйствовало на Дамаскина, но не могло остановить его на нижегородской каѳедрѣ. Дамаскинъ писалъ въ свое оправданіе и къ самой императрицѣ; но письмо его, какъ писанное на нѣмецкомъ языкѣ, ей не понравилось. Наконецъ онъ ѣздилъ и самъ въ С.-Петербургъ; но несчастная поѣздка его была ближайшимъ поводомъ къ увольненію его отъ управленія епархіею на покой“ [1]). Во всѣхъ этихъ словахъ много неяснаго и вызывающаго сильное сомнѣніе въ ихъ справедливости. Одной страницею раньше тотъ же авторъ говоритъ: „Переписываясь съ именитыми сановниками, духовными и свѣтскими, Дамаскинъ сталъ выражать въ письмахъ свое желаніе удалиться на покой. Зная его силы, душевныя и тѣлесныя, и *ожидая отъ его управленія пользы для церкви*, всѣ совѣтовали ему продолжать архипастырскую дѣятельность“ [2]). Съ одной стороны—ожидаемая всѣми отъ

[1]) Ист. нижег. іер. стр. 178—179.

[2]) Ibid., стр. 777.

управленія Дамаскина „польза для церкви“, съ другой—какіе то „непріятные слухи“, доходившіе до начальства и до самой императрицы; съ одной стороны—богатыя „душевныя и тѣлесныя“ силы, съ другой—какія то „германскія бредни“... Едвали удобно было именитымъ сановникамъ убѣждать Дамаскина продолжать дѣятельность для церкви, когда имъ извѣстно было, что въ его головѣ толпятся „германскія бредни“... Послѣднія никоимъ образомъ не могли мириться съ пользою для церкви. Обѣты иночества извѣстны были Дамаскину не менѣе, чѣмъ и тому, кто совѣтывалъ приняться за ихъ исполненіе; притомъ же они съ бо́льшимъ удобствомъ могли быть выполняемы на покоѣ, нежели на епископской каѳедрѣ, гдѣ для этого не всегда представляются благопріятныя условія. Указаніе на письмо Дамаскина, не понравившееся, будто бы, Екатеринѣ потому, что написано было на нѣмецкомъ языкѣ, также мало объясняетъ дѣло. Едвали можно было усматривать что либо особенно предосудительное въ одномъ томъ, что русскій епископъ пишетъ письмо на нѣмецкомъ языкѣ государынѣ хотя и русской, но нѣмкѣ по происхожденію. Въ 1792-мъ году, въ бытность Дамаскина въ Петербургѣ, ему пожалована была мантія горностаевая голубого цвѣта, конечно, какъ знакъ благоволенія государыни [1]), а въ слѣдующемъ году письмо на нѣмецкомъ языкѣ и поѣздка, можетъ быть, вызванная этимъ письмомъ, становятся ближайшимъ поводомъ къ увольненію его отъ управленія епархіею... Во всемъ этомъ для насъ много непонятнаго. Охлажденіе Екатерины иногда совсѣмъ неожиданно простиралось на такихъ лицъ, которыя передъ этимъ пользовались особеннымъ ея благоволеніемъ. Такъ было съ митр. Платономъ: такъ, по всей вѣроятности, случилось и съ Дамаскинымъ.

[1]) И въ тоже время митр. Платонъ писалъ преосв. Амвросію: „преосв. Дамаскинъ поѣхалъ, какъ говоритъ, отпрашиваться отъ епархіи“. Письма Платона, м. моск., къ преосв. Амвросію и Августину. Съ примѣч. *С. Смирнова*. М. 1870; стр. 24.

Для послѣдняго болѣе важнымъ побужденіемъ удалиться на покой служили болѣзненные припадки, время отъ времени начинавшіе у него усиливаться: почеркъ послѣднихъ резолюцій Дамаскина обнаруживаетъ сильную нетвердость руки [1]). Припадки эти, повторяясь все чаще и чаще, разрѣшились наконецъ опасною болѣзнію, о которой говоритъ самъ Дамаскинъ въ прошеніи къ государынѣ. Прошеніе объ увольненіи на покой одновременно послано было императрицѣ и въ Св. Синодъ; въ немъ преосвященный просилъ, между прочимъ, поручить ему въ управленіе московскій Новоспасскій монастырь. Прошеніе Дамаскина слушано было въ Св. Синодѣ 3-го декабря 1793 года. При слушаніи синодальный оберъ-прокуроръ А. И. Мусинъ-Пушкинъ словесно предложилъ, что по присланной отъ означеннаго преосвященнаго къ государынѣ просьбѣ [2]) онъ уже имѣлъ счастіе доклады-

---

[1]) Въ 1793—4 гг. резолюціи писались уже чужой рукой; Дамаскинъ только подписывалъ: „Смиренный Дамаскинъ Епископъ нижегородскій".

[2]) Прошеніе Дамаскина объ увольненіи на покой (*Арх. Св. Син.* Дѣло 1793 г. № 109, стр. 1—2 об.): „Всесвѣтлѣйшая Державнѣйшая великая Государыня Императрица Екатерина Алексѣевна Самодержица всероссійская, Государыня всемилостивѣйшая.

Родомъ я изъ великороссіянъ; священническій сынъ. Обучась словесной грамотѣ у отца своего, вступилъ въ Московскую славяно-греко-латинскую Академію генваря въ первыхъ числахъ 1750 г. и обучался преподаваемымъ тамъ наукамъ и языкамъ по окончаніе 1760 года. Въ 1761 г. опредѣленъ былъ въ Крутицкую семинарію учителемъ Реторики и греческаго языка и префектомъ всей семинаріи въ небытность тогда ректора, которою, обучая реторикѣ и греческому языку, управлялъ чрезъ цѣлые 4 года. Въ 1765 г. въ августѣ мѣсяцѣ уволенъ будучи отъ семинаріи и отъ крутицкой епархіи съ аттестатомъ и пашепортомъ, отправился въ С.-Петербургъ, для посылки въ иностранные университеты по именному Вашего Императорскаго Величества указу. Изъ С.Петербурга въ 1766 г. отправленъ въ Германію въ Геттингенскій университетъ съ порученными мнѣ 4 студентами въ смотрѣніе инспекторомъ, выслушалъ тамъ вмѣстѣ съ показанными студентами всѣ предписанные намъ въ инструкціи науки и языки, обучась притомъ по-нѣмецкій и по-французскій и употребя въ свою пользу и другія науки, кои намъ и не предписаны были, какъ то исторію литеральную, политическую и церковную, познаніе тамошней огромной и многочисленной библіотеки, физику экспериментальную и нѣкоторыя части математики, на что имѣю и

вать ей, и государыня приказала Синоду представить ей объ этомъ докладъ. Св. Синодъ и сдѣлалъ такой въ томъ смыслѣ, въ какомъ просилъ Дамаскинъ; что же касается до желанія его имѣть пребываніе въ Новоспасскомъ монастырѣ, то Си-

---

профессорскіе аттестаты. Оттуда возвратясь въ февралѣ мѣсяцѣ 1773 г. экзаминованъ былъ вмѣстѣ съ посыланными со мною студентами, профессорами Императорской Академіи наукъ, собранными въ Невскій монастырь, въ присутствіи нынѣшняго преосвященнѣйшаго Гавріила митрополита новгородскаго и с.-петербургскаго и преосвященнаго Иннокентія архіепископа псковскаго и рижскаго и тайнаго совѣтника сенатора и кавалера Григорія Николаевича Теплова. По экзаменѣ я нижеименованный аттестованъ былъ профессоромъ исторіи и философіи съ полученіемъ въ годъ жалованья по 600 р., прочіе студенты магистрами съ жалованьемъ по 400 р. въ годъ, что и именнымъ Вашего Императорскаго Величества указомъ подтверждено. Послѣ сего въ 1775 г. опредѣленъ я былъ указомъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода въ Московскую Академію префектомъ и философіи профессоромъ, а въ 1778 г. архимандритомъ ставропигіальнаго Заиконоспасскаго монастыря, Академіи ректоромъ, Богословіи профессоромъ и Членомъ конторы Св. Правит. Синода, обучая, кромѣ предпомянутыхъ наукъ, по всѣ сіи годы еще нѣмецкой классъ, по 1782 годъ. Въ семъ году мѣсяца мая позванъ бывшій въ С.-Петербургъ, Іюля 5 дня въ присутствіи Вашего Императорскаго Величества и Ихъ Императорскихъ Высочествъ произведенъ былъ въ Епископа на сѣверную Епархію, которою правилъ годъ и 2 мѣсяца, а въ 1783 г. переведенъ въ Нижегородскую Епархію, управлялъ оною цѣлыхъ 10 лѣтъ, безъ всякаго моего порока и подозрѣнія. Въ чемъ ссылаюсь на Святѣйшій Правительствующій Всероссійскій Синодъ.

Но при всей моей къ службѣ Вашему Императорскому Величеству ревности и охотѣ нынѣ оною управлять въ несостояніи по причинѣ недавно приключившейся мнѣ тяжкой болѣзни, открывшейся сперва ежесекундною икотою и продолжавшейся безпрерывно цѣлыя трои сутки, не давая мнѣ ни на одинъ часъ уснуть; а потомъ несноснымъ изверженіемъ крови густой и черной изъ гортани и премножества мокроты густой, смѣшанной съ кровью. Въ семъ случаѣ хотя и старались два здѣшніе медицыны доктора мнѣ помочь; однако не совсѣмъ еще помогли и теперь изрѣдка вырывается кровь изъ гортани, и они опасаются, дабы и паки такого жъ приключенія не воспослѣдовало при многочасленныхъ епаршескихъ дѣлахъ. Я же опасаюсь, дабы и въ служеніи литургіи чего такого не воспослѣдовало. Сіе и дѣлаетъ меня уже неспособнымъ къ управленію епархіи. И дабы высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества указомъ повелѣно было сіе мое прошеніе принять и уволить меня отъ епархіи; а для пребыванія моего, равно какъ и для излѣченія или по крайней мѣрѣ для облегченія моей болѣзни пособіемъ искусныхъ въ Москвѣ докторовъ и исправ-

подъ нашелъ, что такъ какъ въ семъ монастырѣ начальствуетъ нынѣ синодальный членъ архимандритъ Павелъ, къ тому же ставропигіальные монастыри состоятъ въ непосредственномъ вѣдѣніи Синода болѣе для того, что настоятели оныхъ, а особливо московскихъ, могутъ быть употребляемы къ присутствію въ Синодѣ и въ московской его конторѣ, да и въ прочихъ монастыряхъ московскихъ нынѣ ни одной настоятельской вакансіи нѣтъ, ибо два изъ нихъ заняты уволенными же отъ епархій архіереями, а настоятели другихъ надобны для исправленія въ тамошнихъ соборахъ, въ большіе церковные праздники и въ назначенные по табели дни, священнослуженія и сказыванія проповѣдей: то не угодно ли будетъ государынѣ повелѣть Синоду по своему разсмотрѣнію опредѣлить епископу Дамаскину „пристойный“, для пребыванія его монастырь, съ порученіемъ онаго ему въ управленіе [1]). При докладѣ приложена была и краткая „вѣдомость“ о прохожденіи Дамаскинымъ должностей [2]). И докладъ и вѣдомость были доставлены синодальному оберъ-прокурору Мусину-Пушкину 22 дек. 1793 г., а 12 января 1794 года

ныхъ антекъ, поручить мнѣ Московскій Новоспасскій монастырь въ управленіе, дабы при вспоможеніи статныхъ тамъ служителей было кому въ моей болѣзни подать мнѣ нужную услугу, и притомъ хотя не за многопонесенные мною труды, вышеупомянутые, а изъ единаго Матерняго Вашего милосердія и снисхожденія пожаловать мнѣ пенсію по сту рублей на мѣсяцъ по причинѣ годъ отъ году возвышающейся дороговизны всѣхъ съѣстныхъ припасовъ; такъ же дозволить мнѣ, когда въ состояніи буду и безопасности, изрѣдка служить Литургію, наипаче для пріобщенія святыхъ Христовыхъ Таинъ. Отъ роду мнѣ 57-й годъ.

Всеавгустѣйшая Монархиня! Всемилостивѣйшая Государыня! Прошу Ваше Императорское Величество на сіе несчастное мое состояніе возрѣть милостивымъ и матернимъ окомъ и приказать, гдѣ надлежитъ, о семъ моемъ прошеніи учинить благоразсмотрѣніе и рѣшеніе. Сіе прошеніе писалъ отъ Арміи подпорутчикъ Андрей Петровъ сынъ Рудневъ. Къ поданію надлежитъ въ Святѣйшемъ Правительствующемъ Синодѣ. Къ сему прошенію руку приложилъ смиренный Дамаскинъ Епископъ Нижегородскій и Алатырскій“.

[1]) *Арх. Св. Син.* Дѣло 1793 г. № 109. стр. 3—4. Подлинный докладъ Синода подписанъ былъ 21 дек. 1793 г Ibid., стр. 5—6.

[2]) Ibid., стр. 7 и слѣд.

Екатерина подписала въ Петербургѣ указъ Синоду такого содержанія: „По прошенію епископа нижегородскаго Дамаскина, всемилостивѣйше увольняемъ его за болѣзньми отъ управленія епархіею, повелѣвая Синоду по разсмотрѣнію своему назначить для пребыванія его монастырь. А о произвожденіи ему пенсіи по восьмисотъ рублей на годъ данъ указъ нашему дѣйствительному тайному совѣтнику и генералъ-прокурору Самойлову“ [1]). 19 января 1794 года изъ Св. Синода Дамаскину посланъ былъ указъ, коимъ, при объявленіи о состоявшемся рѣшеніи, требовалось, чтобы онъ рапортовалъ безъ замедленія, въ какомъ монастырѣ онъ желаетъ имѣть пребываніе [2]). Епископія на время поручена была преосвященному суздальскому Виктору [3]). Дамаскинъ получилъ указъ Св. Синода 6-го февраля и 8-го уже отвѣчалъ, что если Новоспасскій монастырь дать ему въ управленіе нельзя, то онъ избираетъ московскій Покровскій убожедомскій монастырь [4]). По полученіи рапорта Дамаскина и согласно его желанія, св. Синодъ рѣшилъ: Дамаскину „пребываніе имѣть въ Московскомъ Покровскомъ оставленномъ на своемъ содержаніи монастырѣ дозволить, гдѣ ему и пристойныя по сану его келіи отвести“ [5]), о чемъ также рѣшено было послать указъ митр. Платону [6]). 15 марта 1794 года Дамаскинъ рапортовалъ въ св. Синодъ о томъ, что онъ того же числа отправился въ Москву для пребыванія въ назначенномъ монастырѣ [7]), а 27 марта онъ же въ другой

---

[1]) Ibid., стр. 9. Ср. моск. Св. Син. конторы Дѣло 31 янв. 1794 г. (Д. 22), л. 1.

[2]) Ibid., стр. 15.

[3]) Ibid., стр. 21.

[4]) Ibid., стр., 53. Объясненіе названія „убожедомскій“ см. у *П. М. Снегирева*: Покровскій монастырь, что на убогихъ домахъ, въ Москвѣ. М., 1863: стр. 1 и слѣд.

[5]) Ibid., стр. 57 и сл.

[6]) Ibid., стр. 59.

[7]) Ibid., стр. 71 и сл.

разъ доносилъ Синоду, что указъ послѣдняго о назначеніи ему жить въ Покровскомъ монастырѣ имъ полученъ, но исполненіе учинено быть имѣетъ только тогда, когда келіи, его сану пристойныя, будутъ исправлены и изготовлены иждивеніемъ того монастыря; иначе ему переѣхать некуда и жить негдѣ; на назначенную же пенсію онъ самъ поправить ихъ не въ состояніи [1]). Какъ видно, для изготовленія „пристойныхъ сану“ преосвященнаго келій не приложено было, съ чьей слѣдовало стороны, никакого старанія, ибо 19 февраля 1795 года Дамаскинъ еще, но уже въ послѣдній разъ, доносилъ Св. Синоду, что вслѣдствіе ветхости отведенныхъ ему покоевъ („стѣны худы были, а сквозь кровлю и течь текла“) онъ принужденъ былъ поправить все „на свой коштъ“, и послѣ этого переѣхалъ туда передъ праздникомъ Покрова Божіей Матери [2]). Но еще раньше этого, именно 2-го января 1795 г., чувствуя близость своей кончины, Дамаскинъ приготовилъ духовное завѣщаніе [3]), въ которомъ,

---

[1]) Ibid, стр. 77.

[2]) Ibid. стр. 81 и сл.

[3]) Духовное завѣщаніе Дамаскина (*Арх.* Св. Син. Дѣло 1795 г. № 149; стр. 5—6).

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа—единаго Бога въ Троицѣ славимаго. Аминь. По смерти моей, ежели Богу такъ угодно будетъ, умереть мнѣ въ Московскомъ Покровскомъ убожедомскомъ монастырѣ, гдѣ теперь и пребываніе имѣю, прошу Преосвященнаго Митрополита Московскаго и Калужскаго и Священно-архимандрита Платона дозволить меня погребсти въ томъ же монастырѣ въ церкви Покрова Божіей Матери на лѣвой сторонѣ въ углу въ ровень съ поломъ, а противъ гроба въ стѣнѣ вставить мѣдную позолоченую дщицу, съ надписью года и дня моего рожденія, воспитанія, ученія и другихъ трудовъ въ пользу и (sic) отечества положенныхъ въ кратцѣ, съ которой надписи и копія при семъ прилагается. Погребсти же мое тѣло прошу преосвященнаго Платона, митрополита московскаго и калужскаго, ежели такъ Богу угодно погребсти меня преосвященному Серапіону, Епископу Дмитровскому, а ежели такъ приключится, то и обоимъ вмѣстѣ, и двоимъ Грузинскимъ преосвященствамъ, также пятерымъ архимандритамъ: Донскому, Савинскому, Заиконоспасскому, Высокопетровскому и Златоустинскому; игумену Крестовоздвиженскаго монастыря, протоіерею Московскаго большаго Успенскаго собора Александру Георгіевичу Левшину, и дру-

между прочимъ, выразилъ просьбу, чтобы погребеніе его совершилъ Платонъ, митр. московскій. Недолго послѣ этого опредѣлено было прожить Дамаскину: онъ умеръ 18-го декабря того же 1795 года, „по полуночи 11-го часа“, сказано въ рапортѣ Св. Синоду митр. Платона [1]). Послѣ Дамаскина осталось слѣдующее имущество, какъ значится въ описи [2]). Два образа, два портрета—Платона, митр. московскаго, и самого Дамаскина, „мѣрою оба въ 5 четвертей, писанные на холстѣ, безъ рамъ“ [3]); три столика небольшіе, простого де-

---

гимъ протоіереямъ четыремъ и десяти іереямъ съ причтомъ, кого назначитъ Московскій преосвященный Серапіонъ. Гробъ мнѣ сдѣлать и обить чернымъ плисомъ съ бѣлыми галунами,—зависѣтъ сіе будетъ отъ моихъ родственниковъ, притомъ прилучившихся, по совѣту распорядителя моего погребенія. Могилу вырыть и окласть кругомъ всю кирпичомъ. Чтожъ касается до оправки покоевъ моего пребыванія, то оные оправлены на мои собственныя деньги; также кухня каменная, очагъ и погребъ каменный, сарай для дровъ деревянный; конюшня каменная для кареты и для лошадей; баня поправлена; заборы деревянные новые кругомъ покоевъ,—что все коштовало мнѣ слишкомъ въ 1600 руб., о чемъ и смѣта подана Преосвященному митрополиту Платону, съ которой смѣты и копія здѣсь прилагается; но изъ сей издержанной мною суммы получено въ уплату изъ монастырской суммы только 600 руб., а прочихъ еще не получалъ, коихъ денегъ могутъ требовать мои родственники, поелику все сіе имѣетъ остаться въ пользу монастыря *). Одни только мебели внутренніе и наружные должны остаться въ пользу моихъ родственниковъ, развѣ по заплаченной цѣнѣ деньги имъ изъ монастырской суммы за оныя возвращены будутъ. Сверхъ сего вышеписаннаго у меня ничего не осталось, а все роздано при моей жизни, для того и дѣла имѣть до того нѣтъ никому нужды, поелику на мнѣ никакого казеннаго начета не осталось. Распорядителемъ же и душеприкащикомъ сего моего завѣщанія назначаю вмѣстѣ съ моими родственниками, притомъ прилучиться имѣющими, отца моего духовнаго, Чудова монастыря Веніамина, или кто при смерти моимъ будетъ духовникомъ. Что сіе завѣщаніе есть справедливо, въ томъ увѣряю самолично и своеручно подписуюсь. Смиренный Дамаскинъ Епископъ бывый Нижегородскій и Алатырскій. Генваря 2, 1795 года.

*) Этотъ пунктъ завѣщанія остался не исполненнымъ въ силу указа Св. Синода. *Дѣло 1796 г.* № 149; стр. 15.

[1]) *Арх. Св. Син.* Дѣло 1796 г. № 149, стр. 1.

[2]) Ibid., стр. 2—3.

[3]) О судьбѣ этихъ портретовъ мы ничего не знаемъ; но зато намъ извѣстны два портрета Дамаскина, описанные *Ровинскимъ* (Подр. слов. рус.

рева, крашеные, одно канапе, 6 креселъ и 6 стульевъ деревянныхъ съ кожаными подушками. Всѣ другія вещи самыя простыя и самыя бѣдныя. Изъ книгъ въ описи значится только 12 миней мѣсячныхъ и псалтирь слѣдованная въ двухъ экземплярахъ [1]). Всѣ вещи, значащіяся въ особомъ реестрѣ [2]), и составляющія принадлежности архіерейскаго служенія, хотя и собственныя Дамаскина, отданы были частію въ нижегородкую каѳедральную ризницу, частію въ сѣвскую архіерейскую; въ послѣднюю отослана панагія—звѣзда изъ камней, съ финифтянымъ крестомъ и цѣпочкою златосеребряною и панагія овальная съ прицѣпкою, въ коей финифтяный образъ Преображенія Господня [3]). Дамаскинъ погребенъ былъ въ

гравир. портр. т. I. Спб., 1889, стр. 549): „1. Овалъ въ четыреугольн.; гравир. рѣзцомъ, по грудь, прямоличный, въ монаш. одѣяніи: *Liebe Sc. Lipsiae.* Выш. 6, 2; шир. 3, 10½. Подъ экз. Васильчикова карандашомъ помѣчено: „Дамаскинъ". На одномъ изъ моихъ экз. такая же помѣта; на экз. Геннади помѣчено: „Отецъ Павелъ, бывшій въ Лейпцигѣ съ русскими студентами". 2 Въ овалѣ; грав. пункт. поясн. съ руками, ¾ вл.: *Грав. Н. Соколовъ* | *Дамаскинъ Семеновъ-Руднев, Епископъ Нижегородскій и Алатырскій.* | *Изъ собранія портретовъ, издаваемыхъ Платономъ Бекетовымъ.* Выш. 3. 6½; шир. 2. 11* Въ числѣ „Портретовъ Именитыхъ мужей Россійской Церкви". М. 1843".

[1]) Часть имущества еще въ Нижнемъ передана Дамаскинымъ его близкому родственнику, бывшему у него вмѣсто домоваго секретаря, арміи подпоручику Андрею Петровичу Рудневу, еще въ 50-хъ годахъ въ Нижнемъ существовала фамилія Рудневыхъ, происходившихъ отъ этого Андрея Петровича. Ист. ниж. іер., стр. 179 и прим. 24.

[2]) *Арх. Св. Син.* Дѣло 1796 г. № 149, стр. 7—8 об.

[3]) Объ этомъ былъ посланъ указъ Св. Синода Аполлосу, епископу орловскому и сѣвскому, 21 іюня 1796 г. Ibid., стр. 19. По поводу распредѣленія имущества Дамаскина митр. Платонъ писалъ 8 іюля 1796 г Амвросію Подобѣдову: „Удивилъ меня о распоряженіи имѣнія покойнаго Дамаскина. Я представилъ, что уже исполненіе по указу консисторіи учинить предписалъ: и не ожидалъ рѣшенія, а отрепортовалъ только за извѣстіе; да и все то уже исполнено, что указомъ нынѣ предписывается: кромѣ одной панагіи коломенскому, (еписк. Аѳанасію), которая къ нему отослана; а нынѣ велѣно въ Н. Новгородъ возвратить—я не знаю, для чего: она была его собственная: онъ ему отказалъ. А особливо что сѣвскому (еп. Аполлосу Байбакову) велѣно оставить по завѣщанію; такъ какъ къ нему и отосланы, то почему жъ отъ коломенскаго отби-

Покровскомъ монастырѣ на томъ мѣстѣ, которое самъ указалъ въ духовномъ завѣщаніи. Въ настоящее время слѣдовъ могилы намъ не могли указать, ибо монастырь послѣ 1812 года, когда былъ разграбленъ и разоренъ французами [1]), возстановленъ въ значительно измѣненномъ видѣ. Въ синодикѣ же монастырскомъ имя Дамаскина вписано и поминается еще и теперь.

Такъ закончилъ земное поприще 58 лѣтній старецъ—преосвященный Дамаскинъ Семеновъ-Рудневъ. Попытаемся теперь нарисовать портретъ ученаго іерарха, какимъ онъ представляется по соображеніи всего изложеннаго въ настоящемъ изслѣдованіи.

Скромна была жизнь и дѣятельность преосвящ. Дамаскина, но весьма полезна для церкви, для русской науки и просвѣщенія. Вышедши изъ заурядной духовной семьи XVIII вѣка, притомъ провинціальной, онъ, благодаря своимъ личнымъ трудамъ и единственно чрезъ свои дарованія, не только получилъ счастливую возможность напитать себя плодами западноевропейской учености въ одномъ изъ самыхъ видныхъ центровъ ея, но и по возвращеніи въ Россію, на поприщѣ профессора, ректора академіи и епархіальнаго администратора, никогда не переставалъ заниматься наукой и распространять свѣтъ знанія тамъ, гдѣ ему приходилось дѣйствовать. Отчасти по личнымъ симпатіямъ, выработаннымъ въ немъ условіями его образованія, а болѣе, конечно, по духу времени, онъ не могъ не примкнуть къ тому просвѣтительному движенію, которымъ характеризуется у насъ царствованіе Екатерины II; но онъ явился здѣсь благоразумнымъ сторонникомъ западноевропейской науки и просвѣщенія и былъ чуждъ тѣхъ край-

---

рать. А о претензіи денежной ни отъ наслѣдниковъ просьбы нѣтъ (да они и не ищутъ), то не знаю же, почему въ сію матерію взойдено". Письма Платона, м. москов. Съ примѣч. С. *Смирнова*; 32—33.

[1]) *И. М. Снегиревъ*, Покровскій монастырь, что на убог. домахъ, въ Москвѣ. М., 1863; стр. 32—33.

ностей, въ какія впадало большинство его современниковъ, особенно побывавшихъ заграницею. Не малое значеніе имѣло въ данномъ случаѣ, конечно, и то обстоятельство, что заграничное пребываніе Семенова связано съ Германіей, и въ ней не съ большими центрами, каковы: Берлинъ, Кенигсбергъ и под., а съ маленькимъ Геттингеномъ. Серіозные научные интересы овладѣли Семеновымъ съ самаго же начала его пребыванія въ Геттингенѣ; благопріятная для ученыхъ занятій обстановка, хотя и не безъ чувствительныхъ лишеній, вызвала особенно сильное напряженіе его умственной дѣятельности и сразу опредѣлила дальнѣйшій ходъ его занятій и отчасти планъ всей послѣдующей его жизни. Годы, проведенные имъ въ Геттингенѣ, въ сущности были не годами студенческой жизни, а годами научныхъ занятій. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя безъ особеннаго удовольствія читать отзывы геттингенскихъ профессоровъ объ учебныхъ и ученыхъ занятіяхъ Семенова въ университетѣ: они всѣ такъ единогласно и такъ опредѣленно свидѣтельствуютъ объ отличныхъ занятіяхъ и успѣхахъ русскаго геттингенца, что исключаютъ какую бы то ни было возможность лести русскому правительству или, въ частности, Екатеринѣ. Но если бы даже и не было этихъ отзывовъ, или мы ихъ не знали, оставшіеся труды отъ того періода жизни Семенова показываютъ, что нашимъ инспекторомъ приложено было все стараніе къ тому, чтобы заявить себя съ самой выгодной стороны въ глазахъ ученаго профессорскаго сословія. Съ такимъ же горячимъ желаніемъ работать на поприщѣ науки и для пользы своихъ соотечественниковъ Семеновъ возвращается въ Россію. Случайно обстоятельства складываются такъ, что бывшій инспекторъ геттингенскихъ студентовъ, но теперь уже *профессоръ словесныхъ наукъ и церковной исторіи*, становится учителемъ, а потомъ префектомъ и ректоромъ въ родной академіи—московской. Подобное назначеніе, конечно, не могло принести Семенову хотя бы нѣкотораго разочарованія въ успѣхѣ его на-

деждъ, ибо мы видимъ, что вскорѣ послѣ этого онъ избираетъ для себя такое состояніе, которое окончательно привязываетъ его и къ духовной школѣ, и къ духовной службѣ: разумѣемъ поступленіе въ монашество. Можно даже сказать, что эта перемѣна въ жизни Дамаскина, хотя и чуждаго ложнаго честолюбія, сразу открывала ему широкую дорогу къ высшему положенію въ церковной іерархіи, ибо въ то время такіе люди, какъ Дамаскинъ, были весьма необходимы, въ особенности для цѣлей свѣтскаго правительства. Мы дѣйствительно и видимъ, что повышеніе Дамаскина, пользовавшагося притомъ особымъ вниманіемъ и расположеніемъ извѣстнаго Платона Левшина, идетъ очень быстро, помимо всякихъ съ его стороны заискиваній. Хотя архивные матеріалы и не даютъ намъ возможности изобразить во всѣхъ подробностяхъ почти восьми-лѣтнее пребываніе Дамаскина въ московской академіи, тѣмъ не менѣе и по сохранившимся свѣдѣніямъ мы съ полнымъ основаніемъ можемъ утверждать, что тогдашній директоръ академіи арх. Платонъ нашелъ въ лицѣ Дамаскина лучшаго сотрудника и помощника по приведенію академіи въ тотъ видъ, какой она получила въ третій періодъ своего существованія и который характеризуется улучшеніемъ ея быта во всѣхъ отношеніяхъ и измѣненіемъ характера академической науки. Вводя различныя улучшенія въ методъ преподаванія въ академіи, освобождая академическую науку отъ узъ схоластики и примѣняя ее къ духу западно-европейской, Дамаскинъ не оставался чуждъ жизни и потребностей современнаго ему русскаго общества и работалъ для него. То своими проповѣдями, то академическими диспутами, то изданіями сочиненій лучшихъ представителей тогдашней литературы нашей, духовной и свѣтской, онъ старался вносить свѣтъ знанія и вѣры въ умы и сердца своихъ слушателей и читателей. Московская академія, мѣсто спеціальной дѣятельности Дамаскина, подъ его хотя и непродолжительнымъ управленіемъ, получаетъ новое, не столько внѣшнее, сколько

внутреннее устройство, и ей остается лишь продолжать начатое Дамаскинымъ. Но вотъ его берутъ изъ академіи для другой, болѣе широкой дѣятельности на поприщѣ высшаго епархіальнаго администратора. Ему приходится дѣйствовать теперь уже не въ тѣсной семьѣ академическихъ учениковъ и учителей, а на пространствѣ двухъ громадныхъ епархій, при условіяхъ далеко не благопріятныхъ для успѣшной и плодотворной работы; ему приходится оторваться и отъ своихъ любимыхъ кабинетныхъ занятій. Задача ему и въ сѣвской епархіи, и въ нижегородской предстояла не легкая. Нельзя не видѣть особеннаго значенія въ томъ обстоятельствѣ, что Дамаскинъ сначала дѣлается замѣстителемъ Амвросія Подобѣдова на сѣвской каѳедрѣ и помощникомъ Платона, архіеп. московскаго, а потомъ уже самостоятельнымъ епископомъ нижегородскимъ. Платонъ, въ школѣ котораго, можно такъ сказать, образовался Дамаскинъ, не могъ не обратить вниманіе на своего сотрудника по академіи и, поручая ему въ управленіе свое викаріатство, безъ сомнѣнія, былъ увѣренъ въ томъ, что найдетъ въ Дамаскинѣ такого же энергичнаго и способнаго администратора, какимъ онъ зналъ его въ академіи. Отправляясь на мѣсто новаго служенія, Дамаскинъ уже имѣлъ испытанное и надежное средство, съ помощію котораго могъ даже и въ очень короткое время принести не малую пользу: средство это—духовное образованіе. На него, какъ на самое могущественное для духовнаго просвѣщенія общества, Дамаскинъ и обратилъ самое главное вниманіе. Онъ руководствовался въ данномъ случаѣ тѣмъ вполнѣ вѣрнымъ соображеніемъ, что сколько ни измѣняй форму жизни, какъ ни упорядочивай ее внѣшними предписаніями,—сущность дѣла, внутреннее содержаніе останется то же, если нѣтъ духа жизни, если нѣтъ того внутренняго начала, которое одно даетъ жизни правильное освѣщеніе, истинный смыслъ и настоящую цѣль: это начало—духовное образованіе. Отсюда со стороны Дамаскина настойчивое проведеніе въ сознаніе

духовенства мысли о необходимости и обязательности образованія. Насъ не должны теперь поражать тѣ понудительныя мѣры, которыми Дамаскинъ привлекалъ учащихся въ духовныя школы: сколь охотно бываетъ теперь желаніе духовенства отдавать дѣтей своихъ въ школы, столь упорно бывало тогда нежеланіе учиться въ средѣ того сословія, которое по своему призванію должно было нести свѣтъ въ темную массу народа; не даромъ секретарь московской консисторіи говорилъ отцу будущаго митр. Платона, неотступно просившему объ опредѣленіи дѣтей его въ семинарію: „Ну! ты прямо отецъ дѣтямъ; здѣсь мы не можемъ обирать денегъ отъ священниковъ, кои просятъ, чтобъ ихъ дѣтей въ школу не брали: а отъ тебя не можемъ отвязаться, чтобъ дѣтей твоихъ въ школу опредѣлить“ [1]). Дамаскинъ, когда ему пришлось дѣйствовать въ санѣ епархіальнаго архіерея, въ значительной степени успѣлъ поколебать прежнее недовѣріе и нелюбовь духовенства къ учености или, проще говоря, къ духовному образованію. Даже кратковременное его управленіе сѣвскою епархіей можно отмѣтить значительнымъ увеличеніемъ учащихся въ духовныхъ школахъ, а его ревность къ духовному просвѣщенію въ Нижнемъ Новгородѣ, выразившаяся въ распространеніи круга семинарскихъ наукъ, въ возвышеніи особенно богословскаго образованія, во всевозможномъ поощреніи учениковъ къ занятіямъ, скоро снискала Дамаскину извѣстность далеко за предѣлами нижегородской епархіи. Уцѣлѣвшія отъ того времени преданія и устные разсказы о Дамаскинѣ представляютъ его отношенія къ семинаріи на подобіе тѣхъ, какими отличался митр. московскій Платонъ къ устроенной имъ Виѳанской семинаріи.

Дамаскинъ не былъ плодовитымъ ученымъ, подобно нѣкоторымъ своимъ современникамъ, и это можетъ до нѣкоторой степени показаться страннымъ. Но мы должны принять

---

[1]) Автобіогр. Платона. стр. 9.

во вниманіе, что онъ только лѣтъ десять жилъ въ такихъ центрахъ (Петербургъ и Москва), гдѣ существовали болѣе или менѣе благопріятныя условія для занятій учеными трудами, причемъ даже и въ этотъ сравнительно короткій періодъ онъ часто бывалъ отвлекаемъ отъ ученыхъ занятій разными чисто практическими дѣлами: управленіемъ монастыремъ, дѣлами московской конторы Св. Синода, и проч. Тѣмъ не менѣе Дамаскинъ оставилъ такіе свои печатные и рукописные труды, которые, по ихъ достоинствамъ, заслуженно ставятъ его въ ряды лучшихъ представителей русской науки и богословской мысли въ царствованіе Екатерины II.

Учено-литературные труды Семенова-Руднева начали появляться въ печати во время пребыванія его въ Геттингенѣ и, за исключеніемъ утраченнаго разсужденія „О слѣдахъ славянскаго языка въ писателяхъ греческихъ и латинскихъ“, словаря инородческихъ языковъ, переведеннаго разсужденія о церковныхъ книгахъ греческой церкви и Библіотеки россійской, всѣ изданы при его жизни. Подробное разсмотрѣніе каждаго изъ нихъ въ отдѣльности могло показать намъ, что ихъ авторъ былъ разносторонне-образованный человѣкъ, отличался солидными познаніями въ области того предмета, о которомъ писалъ, и вполнѣ научными пріемами. Настоящая жажда дѣятельности заставляла браться за все его многосторонній умъ: онъ занимался и древне-русской литературой, и церковной исторіей, и богословіемъ, и философіей, и новой русской литературой, и библіографіей. Многостороняя любознательность Дамаскина вполнѣ отвѣчала духу той эпохи, въ которую онъ жилъ,—эпохи по преимуществу *переходной*, когда только еще закладывалось основаніе для будущей науки и исторіи литературы русской. Ни объ одномъ изъ трудовъ Дамаскина нельзя сказать, что онъ имѣетъ больше недостатковъ, нежели достоинствъ; напротивъ, всѣ они должны быть признаны въ своемъ родѣ образцовыми. Переводъ лѣтописи Нестора на нѣмецкій языкъ не отказался напечатать въ сво-

емъ трудѣ самъ проф. Гаттереръ; за разсужденіе „о слѣдахъ славнаго языка“ и проч. Семеновъ былъ принятъ въ члены геттингенскаго историческаго института; изданіе богословскаго трактата Ѳеофана Прокоповича—образцовое даже для нынѣшняго времени; въ пользу перевода Богословіи Платона говоритъ уже одно то, что онъ предпринятъ былъ по просьбѣ самого автора и имъ же одобренъ; изданіе сочиненія Ломоносова даже современный намъ представитель Академіи наукъ назвалъ „самымъ замѣчательнымъ изъ посмертныхъ изданій сочиненій Ломоносова“ [1]), „превосходнымъ“ [2]); проповѣди Дамаскина строгій критикъ—богословъ и церковный историкъ преосв. Филаретъ называлъ „умными“; сама Екатерина II не обратилась бы къ Дамаскину при составленіи своего словаря, если бы не была увѣрена, что онъ въ состояніи выполнить ея порученіе; наконецъ, Библіотека россійская—„одинъ изъ первыхъ по времени и научный по духу трудъ въ области русской библіографіи“, по отзыву того же представителя нашей Академіи наукъ [3]), а предисловіе къ самому труду, по его же словамъ,—„въ высшей степени замѣчательная характеристика русской литературы и образованности“ [4]), „выдающееся явленіе въ нашей литературѣ восьмнадцатаго вѣка“ [5]). Если мы къ этому еще вспомнимъ, что Дамаскинъ и въ составѣ россійской академіи, куда былъ принятъ при самомъ ея учрежденіи въ 1783 году, также занимаетъ „почетное мѣсто“ [6]), то этого будетъ вполнѣ уже достаточно для заключенія, что Дамаскинъ Семеновъ-Рудневъ—одно изъ

---

[1]) Сочиненія М. В. Ломоносова съ объяснит. примѣчаніями акад. *М. И. Сухомлинова*. Т. I. Спб., 1891. Предисл., стр. V.

[2]) Ibid., стр. VII.

[3]) *М. И. Сухомлиновъ*, Ист. рос. акад. Вып. I. Спб., 1874; стр. 163.

[4]) Ibid., стр. 169. *Филаретъ* называетъ „краткое описаніе рос. учен. исторіи“ сочиненіемъ, по тогдашнему времени „превосходнымъ“. Обозр. рус. дух. литер., стр. Изд. 3, кн. 2. Спб., 1884; стр. 366.

[5]) Ibid., стр. 170.

[6]) Ibid., стр. 139.

выдающихся духовныхъ лицъ, въ царствованіе Екатерины II, какъ по его обширной образованности, такъ и по научному характеру его трудовъ, по ближайшему ихъ отношенію къ русской богословской наукѣ и къ исторіи русской литературы.

Большинство современниковъ Екатерины II платили не малую дань увлеченію личностью „семирамиды сѣвера“; не чуждъ былъ въ значительной степени этого увлеченія и Дамаскинъ Семеновъ-Рудневъ. Не въ оправданіе его, а въ объясненіе этого обстоятельства мы должны сказать, что въ данномъ случаѣ увлеченіе вытекало изъ источника, такъ сказать, чистаго, изъ преклоненія предъ знаніемъ, просвѣщеніемъ, котораго Екатерина II была или хотѣла быть покровительницею. Повторяемъ, что Дамаскинъ чуждъ былъ ложнаго увлеченія современностію и если не переставалъ прославлять Екатерину и „воспѣвать величіе ея дѣлъ“, то болѣе всего потому, что считалъ себя во многомъ ей обязаннымъ.

Образъ Дамаскина невольно вызываетъ въ нашемъ представленіи образъ другого русскаго человѣка—Ломоносова... У того и у другого есть нѣчто общее—это любовь къ наукѣ, та „благородная упрямка“, которая Ломоносова привела изъ Холмогоръ въ Москву, отсюда въ Петербургъ, потомъ заграницу, и возвратила въ академію наукъ, на его настоящее мѣсто—профессора и ученаго, а Семенова-Руднева побудила явиться изъ крутицкой семинаріи въ Петербургъ и въ 30 слишкомъ лѣтъ согласиться снова сѣсть за школьную скамью, погрузиться въ научныя занятія и изысканія и возвратиться въ Россію съ богатымъ запасомъ свѣдѣній, чтобы работать здѣсь также на поприщѣ ученаго и профессора, а послѣ и духовнаго администратора.

Какъ жаль, что до настоящаго времени не напечатана переписка Дамаскина! А она несомнѣнно существовала и была необходима по самому характеру ученыхъ занятій Дамаскина и по его административному положенію [1]): въ ней

[1]) Нѣкоторыя указанія на нее мы находимъ въ „Истор. инж. іерархіи. стр. 177; 178—179.

еще яснѣе выступилъ бы предъ нами умственный и нравственный обликъ этого человѣка, его симпатіи и убѣжденія, его отношенія къ современности, и т. д. Но мы не можемъ здѣсь не отмѣтить той черты въ личности Дамаскина, свидѣтельствующей, конечно, о высотѣ его развитія, что онъ чуждъ былъ того узкаго взгляда на вещи, даже лежащія въ сферѣ церковно-религіозной, который боится всякаго свободнаго проявленія мысли, всякаго независимаго сужденія о предметахъ, касающихся церкви и духовенства, считая его подрывомъ вѣры, ослабленіемъ авторитета. Въ этомъ отношеніи Дамаскинъ походитъ на Ѳеофана Прокоповича. Но, съ другой стороны, Дамаскинъ, воспитанникъ геттингенскаго университета, въ то же время горячій противникъ вольномыслія въ вопросахъ вѣры, такой же противникъ моднаго иностраннаго воспитанія, совершенно чуждаго религіозно-нравственной подкладки и чисто русскаго духа.

Могутъ сказать, что Дамаскинъ не создалъ ничего цѣльнаго и крупнаго ни въ одной изъ тѣхъ областей знанія, гдѣ онъ работалъ. Но мы не должны забывать, что великое зданіе нашей богословской науки и исторіи литературы возведено не сразу, а строилось въ теченіе долгаго времени и соединенными усиліями многихъ работниковъ. Такая черная, подготовительная работа часто ускользаетъ отъ глазъ позднѣйшаго наблюдателя и не останавливаетъ на себѣ его вниманія, а между тѣмъ она то и составляетъ то прочное основаніе, ту почву, на которой впослѣдствіи пышно расцвѣтаетъ и даетъ богатые плоды наука и литература. Слѣдя исторически, шагъ за шагомъ, за тѣмъ, какіе фазисы переживало въ своемъ развитіи русское просвѣщеніе, русская богословская наука и исторія литературы, мы не можемъ обойти молчаніемъ личность Дамаскина Семенова-Руднева, ибо его участіе во всемъ этомъ и очевидные результаты его дѣятельности въ этой области настолько цѣнны, что нѣкоторые не потеряли своего значенія даже и въ настоящее время. Прилагая къ

личности нашего автора историческую мѣрку, какъ единственно законную и справедливую, мы должны утверждать, что форма и направленіе его учено-литературныхъ трудовъ въ значительной степени обусловливались запросами тогдашняго времени и отвѣчали направленію тогдашней науки.

Вообще Дамаскинъ былъ „человѣкъ добрый; болѣе ученый, чѣмъ монахъ, а потому и удовлетворенія своимъ умственнымъ потребностямъ искалъ не въ монашествѣ, а въ учености“ [1]); характера веселаго, права горячаго, настойчиваго; ума, всѣмъ интересующагося, нѣсколько сухого, но яснаго и трезваго, независимаго въ сужденіяхъ, философски настроеннаго, чуждаго ходячихъ предразсудковъ; въ рѣшеніи епархіальныхъ дѣлъ руководился строгою разборчивостью, справедливостью и безкорыстіемъ [2]),—такою представляется намъ свѣтлая личность „русскаго геттингенца“, которому посвящены страницы настоящаго изслѣдованія.

---

[1]) Изъ письма высокопреосвящ. *Макарія*, архіеп. новочеркасскаго, отъ 28 окт. 1891 года.

[2]) Какъ совершенно единичный случай, повидимому, бросающій нѣкоторую тѣнь на безкорыстіе Дамаскина, мы должны отмѣтить слѣдующій. Братія карачевскаго николаевскаго Одрина монастыря, принося Дамаскину жалобу на безчинства и неодобрительное поведеніе находившагося въ томъ монастырѣ іеромонаха изъ туровъ Севастіана, упоминаетъ въ ней и о томъ, что этотъ монахъ „въ своихъ непристойныхъ словахъ коснулся и до вашего преосвященства, якобы нашъ казначей поднесъ в. пр-ству двѣстѣ рублевъ денегъ и тѣмъ себѣ казначейство исходатайствовалъ, и еще хощетъ за толикое жъ число строительство получить“. *Арх. орл. д. конс.* Дѣло 1783 г. іюня 22 дня, объ отправленіи карач. Одрина монаст. іеромонаха Севастіана и іеродіакона Боголѣпа въ Воскресенскій Новый Іерусалимъ именуемый монастырь.—Но уже самый способъ выраженія въ этомъ документѣ лишаетъ изложенный въ немъ фактъ характера достовѣрности. Столь же мало свидѣтельствуетъ о грубости Дамаскина пошлый анекдотъ Карабанова, будто бы даже смягченный редакціей „Русской Старины“, какъ увѣрялъ насъ А. Г. Пупаревъ (бывшій секретарь орловскаго губ. статистич. Комитета), работавшій у покойнаго М. И. Семевскаго въ 70-хъ гг. См. Разсказы, записанные *П. Ѳ. Карабановымъ*. Рус. Стар. 1872 г. № 1; 139.

Замѣченныя погрѣшности и опечатки.

Стран.	Строка.	Напечатано.	Должно быть.
II	18 сверху	съ этой	съ той
—	22 —	исчертывается	исчерпывается
V	11 снизу	храняющейся	хранящейся
VII	7 св.	и Дамаскинѣ	о Дамаскинѣ
IX	8 сн.	Я. В.	Е. В.
1	2 св.	о родинѣ	о роднѣ
—	9 —	внесть	знать
—	5 сн.	здравствующимъ	здравствующему
3	18 св.	обученію	обучать
—	10 сн.	1790	1750
4	12 —	1731 г.	1737 г.
6	16 св.	называлась и славяно-латинской.	называлась „славено-латинской“.
—	7 сн.	славяно-латинскою	славено-латинскою
8	20 св.	recentionis	recentioris
—	23 —	семинаріи	академіи
14	20 —	добръ	добрѣ
—	7 сн.	Pingand	Pingaud
17	11 св.	Толпиловичемъ	Томиловичемъ
—	3 сн.	я	и
22	1 —	243	343
24	14 —	былъ	былъ бы
—	3 —	319	318
25	11 св.	получала	получила
—	16—17 св.	савершали	завершили
—	17 св.	наше	свое
26	11 —	цербтская	цербстская
30	10 —	се	и
32	6 —	языкомъ	языкамъ
42	14 сн.	о ласкательствахъ	о ласкательствѣ
—	—	д'Аламберра	д'Аламбера
—	11 —	Менгескье	Монтескіэ

43	8 св.	extrauei	extranei
49	20 св.	Извѣстіе	Извѣстіе
50	1 сн.	Тюрингіи	Тюрингіи
51	14 —	г.	Г.
—	7 —	grossvegt	grossvogt
54	9 св.	I. Я. Мейера	I. Е. Мейера
—	11 --	Дав. ф. Штрубе	Дав. Ф. Штрубе
56	10 сн-	лѣтъ.	лѣтъ,
61	14 —	М. Розановъ	П. Розановъ
62	4 —	17000	7600
66	8 —	какимъ	коимъ
68	15 —	по окончаніи	по окончаніе
71	17—16 —	Aestimonia	testimonia
—	15 —	este	esse
—	14 —	quoat	queat
—	12 —	houestiores	honestiores
—	9 —	adoruasse	adornasse
—	8 —	consecrasso	consecrasse
—	6 —	bouis	bonis
—	5 —	hnic	huic
72	10 св.	Regnum	Regium
—	— —	Sam	tam
—	11—12 —	Heroldicam	Heraldicam
—	13 —	Naturalem	et Naturalem
—	15 —	allisque	aliisque
—	23 —	Russarum	Russorum
—	31 —	Ieromias	Ieremias
—	34 —	heser	Leser
—	37 —	Uergnügen	Vergnügen
—	38 —	dar	gar
—	— —	heien	Seien
—	2 св.	fleis	Fleis
73	7 сб.	и проф.	у проф.
—	21 —	idie	die
—	23 —	Herr	Herz
—	— —	Elfer	Eifer
—	24 —	Aäglich	täglich
—	25 —	vou	von
—	31 —	modurch	wodurch
—	36 —	Gotterer	Gatterer
74	20 —	Archeologiae	theologiae

76	12 св.	71	82
79	12 —	По	Но
80	4 —	hemgo	Lemgo
—	2 —	то же самое	
83	19 св.	на экзаменѣ	по экзаменѣ
85	15 —	точка съ запятой должна стоять послѣ слова: прибудутъ	
86	9 —	повторала	повторила
93	1 —	Нестеровой	Несторовой
94	12 св.	Араидъ	Арвидъ
96	4 —	Archeologiae	theologiae
97	3 —	ae	ac
—	1 —	прим. 7	прим. f
99	7 св.	Mayr.	Mayr.
100	11 сн.	Стригенія	Стригелія
101	6 св.	386	336
—	9 сн.	инженерской	инженерной
—	4 —	taute	tanta
—	3 —	desidereri	detiderari
104	4 —	въ	съ
—	3 —	cognivit	cognovit
—	1 —	virille	vir ille
107	2 —	203, c;	302, c;
108	9 —	127, v;	127, r;
—	— —	248, o;	284, o;
109	7 —	311, e;	431, e;
110	4 св.	по	но
—	17 —	servabi	servabit
113	9 сн.	стр. 187	стр. 287
125	5 св.	Улянинскій	Ульянинскій
128	11 сн.	4817	4947
130	1 столб., 15 сн.	Sacroque	Santique
—	— — 12 сн.	prosectori	Protectori
146	5 —	1781 г.	1787 г.
—	4 —	прекратились	прекратились;
150	8 св.	Съ его	Сь сего
156	14 сн.	изливавшаяся	излившаяся
—	4 —	Послѣ слова: форматѣ — должна быть точка, а за ней пропущено слово: Вторая	
157	14 св.	и сихъ	„сихъ
162	10 сн.	о. Кирилла	Кирилла

177	13	св.	самую	самоё
178	8	—	Должно быть: въ области теоретической — охлажденіе къ вѣрѣ и въ области практической — грубый...	
181	13	сн.	Апостолъ,	Апостолъ:
189	7	—	1754 г.	1757 г.
190	10	—	угождающемуся	угождающему
193	9	св.	если онъ	если оно
194	16	—	естественный	не должно быть этого слова
206	3	сн.	Росмотримъ	Посмотримъ
215	8	св.	отъ сѣвера	отъ Сѣвска
218	6	сн.	17 іюля	17 іюня
220	18	св.	именнаго	именитаго
222	5	сн.	нотѣ,	нотѣ, и
231	5	—	нападать	попадать
233	3	—	стр. 151; 173.	стр. 106.
235	6	—	Поданное	Подлинное
—	4	—	остаться	считаться
240	11	—	л. Алляція.	Л. Алляція.
—	5	—	находитъ	находилъ
245	4	св.	Европ.	Европ. и
250	5	сн.	шиндзе́мъ	шиндзе́мъ
251	18	—	Ганбергера	Гамбергера
253	20	св.	slavanicarum	Slavonicorum
256	3	—	полъ	Подъ
257	5	—	недоказательнымъ	недоказаннымъ
—	13	—	Олегѣ	Ольгѣ
258	6	—	слэвинскій	славянскій
260	10	св.	глубокія	широкія
—	15—16	—	рѣдкіе	рѣзкіе
263	2	сн.	Салтова	Саитова
264	18	—	упоминаетъ	упоминается
268	11	—	т. 11,	т. II,
270	10	св.	motis	notis
—	10	сн.	своимъ	съ своимъ
271	8	св.	двадцатилѣтія	25-лѣтія
279	22	—	сѣверную	Сѣвскую
283	4	—	сказано	какъ сказано

Сочиненія того же автора:

1. Библіографическій указатель литературы о Н. В. Гоголѣ. 1829—1882. М. 1883 г.

2. Хожденіе архимандрита Гревенья во св. Землю. Изслѣдованіе памятника съ примѣчаніями къ тексту. Варшава. 1885.

3. Свв. Кириллъ и Меѳодій, просвѣтители Славянъ. 2-е изд. М. 1885.

4. Памятники древней письменности въ русскомъ переводѣ. Пособіе при изученіи исторіи русской словесности. М. 1886.

5. Памятная книжка Орловской губерніи на 1888-й годъ. Орелъ. 1888 г.

6. Этимологія русскаго языка для духовныхъ училищъ, съ подробнымъ орѳографическимъ указателемъ. Орелъ. 1894 г.

7. Синтаксисъ русскаго языка для духовныхъ училищъ. Орелъ. 1894 г.

Цѣна книги 2 руб. съ перес.

2007043261